

Ярон Юхансон

Нулевой пациент

УДК 82—312.6

ББК 84(2)

Ю94

ISBN 978—5—4465—2268—2 ©

Юхансон Ярон 2019

Ю94 Нулевой пациент / Я. Юхансон. — М.,
2019. — 400 стр.

Эта история рассказывает о судьбе английского офицера, попавшего в водоворот событий, которые никогда не освещались ни в советской, ни в российской, ни в мировой литературе. Одним, это было ни к лицу, другие тоже не видели особой необходимости раскрывать покровы тайны и выводить на свет сумрачные страницы своей истории. На фоне интересных фактов, читатель погрузится в драматическую судьбу британского аристократа, оказавшегося в гуще мировых событий тридцатых и сороковых годов прошлого века, и откроет абсолютно новые и интересные для себя факты из мировой и отечественной истории.

Поступок всегда важнее слов

Аль Пачино

“Многие из вас уже ознакомились с обстоятельствами пленения и заключения под стражу капитана Питера Стоуна в лагере для немецких военнопленных в Москве с начала мая 1945 года до середины сентября нынешнего года.

К настоящему времени он дал показания и рассказал историю его ареста на линии размежевания сил на окраине города Висмар в Германии, незаконном пленении и насильственном удержании на территории Советского Союза. Не могу начать нынешнее заседание, не выразив восхищения поведением британского офицера, с честью прошедшего через все муки советского плена....

А теперь перейдем к нашему недельному совещанию, главной темой которой будет...”

Из протокола заседания Комитета начальников штабов армии Великобритании 30 сентября 1946 года.

От автора

Все известные эпизоды Второй мировой войны, информация о лагерях для военнопленных на территории СССР, фрагменты биографий исторических личностей, фразы из произнесенных речей, прямые и косвенные цитаты, вообще, все эпохальные материалы, – взяты в Интернете из открытых и общедоступных сайтов. А также из других приемлемых источников — музейных архивов, библиотек и изданных ранее специальных пособий для узкого круга исследователей и специалистов особых отделов. Более того, я признаю, что вся историческая и документальная часть романа вторична и не претендует на какую-то новизну. Моя фантазия распространялась только на художественные линии сюжета, и это право я оставляю за собой, как прерогативу свободного творчества, без ущемления чьих-либо прав — физических и юридических лиц. Некоторые внеисторические персонажи романа реально существовали, соприкасались с главным героем Питером Стоуном и имели отношение к его судьбе, другие — вымышлены и их сходства с кем-либо можно считать случайными.

Изначально я планировал писать художественный роман, но по мере продвижения и углубления в историческую суть, мне стало ясно, что без достоверной справки не обойтись. Тем более, что о некоторых фактах никогда ничего не публиковалось в советской и российской литературе и не рассказывалось о периоде, описанном в этом романе.

Добавлю, что роман художественный, его главы дополнены документальными и историческими вставками, которые чередуются и дополняют друг друга. И потому его можно читать сначала до конца, что я и рекомендую делать. А можно просто опускать главы, касающиеся мировых событий, и идти просто по сюжету с главным героем и другими персонажами.

Предисловие — с чего всё началось

Почти четыре десятка лет назад я, волею судьбы, познакомился с главным героем данного произведения. Знакомство это в дальнейшем имело большое значение для меня и спустя годы побудило выучиться сценарному искусству и написать полномасштабный сценарий для художественного фильма. А еще через годы я решил написать военно-исторический остросюжетный роман на документальной основе. Вот что тогда произошло, во время той важной и поистине судьбоносной для меня встречи...

В октябре 1981 года я, солдат израильской армии, стоял у Западной Стены в Иерусалиме. Я не молился, а просто пребывал на месте, облокотившись одной рукой о древние камни, и молча возносил прошения небу о здоровье близких и родных. Для меня простое пребывание у святыни означало все: и молитву, и духовную связь с историей, возможность понять прошлое и почувствовать будущее. В какой-то момент я посмотрел в сторону и увидел в нескольких шагах от себя пожилого человека в такой же позе, как и я. Голова его была покрыта ермолкой, рубашка расстегнута, а с шеи свисала золотая цепочка с крестом. Это странное сочетание было не совсем обычным явлением у самой важной еврейской святыни. Он был высокий, худой и аскетичный. Я вернулся к тому, ради чего приехал в Иерусалим, закрыл глаза и простоял так еще какое-то время. А через несколько минут моего странного соседа уже не было, и я направился к выходу.

Я пошел вверх по Via Dolorosa*, дошел до конца улицы и вышел на небольшую площадь к Лютеранской церкви. Приезжая в Иерусалим, я иногда приходил сюда послушать органную музыку; чаще всего играли Баха во многих импровизациях. Солдат, охранявший территорию, проверил мои документы, велел вынуть магазин из автомата и пропустил меня в церковь. Я сел в последнем

ряду и вдруг увидел знакомую голову; он сидел в десяти метрах передо мной и также, слушал концерт. Музыка закончилась, к трибуне вышел священник и начал что-то рассказывать по-немецки.

Я вышел на площадь перед церковью, сел в кафе, заказал кофе по-турецки и закурил. Личное оружие я положил рядом на землю, продев для безопасности, ремень через ногу. Вдруг я почувствовал на себе чей-то взгляд и услышал реплику о чистоте оружия. Повернувшись, я увидел «своего знакомого».

— Позвольте мне пригласить вас на чашку кофе, — сказал я.

— С удовольствием!

Мы обменялись любезностями и познакомились. Он сел за мой столик, и я попросил официанта принести не одну, а две чашки кофе. Моего нового знакомого звали Питер Стоун. Между нами состоялся самый удивительный разговор из всех, что были у меня когда-либо до сих пор. Мы пили кофе, курили и общались.

— Что вы сказали насчет оружия? — Спросил я.

— Я сказал, что неуважительно, когда ваше личное оружие лежит у ваших ног.

— У нас воюющая армия, и на такие формальности мы не обращаем внимания... Вы англичанин, а говорите на иврите...

— А может я Ole Hadash*...

— Я ценю ваше чувство юмора, но вы не Ole Hadash. Что вы делали у Стены плача?

— Молился, также, как и вы.

— С крестом на шее...

— Бог один для всех.

— А такой хороший иврит?

— Я учил иврит специально для того, чтобы читать Библию в оригинале. Все переводы — это не то, не отражают истинную суть и оттенки написанного.

— Библией вы называете и Тору, то есть, Пятикнижие Моисея, Книгу пророков и Писания. А также Евангелие. Так?

— Совершенно верно! Я читаю и изучаю весь Танах.

— А арамейский?

— В арамейском нет необходимости, иврита вполне достаточно — ведь все тайны именно в нём.

— Сложно осваивать языки до такого высокого уровня!?

— Сложно! Но если хочешь докопаться до истины, путь один — читать все в оригинале, что я и стараюсь делать.

— Много ошибок нашли? — Спросил я, невольно заинтересовавшись этим странным человеком. Я еще не предполагал, какое воздействие это знакомство окажет на моё мышление и порядок принятия решений.

— Вот, например, самая наглядная из всех... В классическом искусстве Моисей олицетворяет Закон и его изображают старцем с каменными скрижалями. От его головы исходят два луча света, но иногда это самые настоящие рога. В эпоху Возрождения художники стали изображать Моисея не с сиянием, а с небольшими рожками на голове. Их можно видеть и на знаменитой статуе работы Микеланджело в церкви Сан Петро ин Винколи в Риме. Ошибка объясняется неточным переводом фразы текста из книги Исход: «Когда сходил Моисей с горы Синай, лицо его сияло лучами от того, что Бог говорил с ним». Тора была переведена на греческий и латинский с ошибками и вот одна из них. В латинском переводе Вульгаты вместо «сиять лучами» ошибочно применили слово “cornutam”, то есть не лучезарный, а рогатый. Дело в том, что слово “keren” на иврите имеет как минимум два значения: рог и луч. Переводчики, наверное, знали только одно значение; так и перевели. Однако подобная традиция изображения сохранилась. В дальнейшем рога на голове вождя еврейского народа трактовали, как символ мудрости и божественной силы, а позже их заменили на нимб.

— И именно это привело вас в Иерусалим?

— Еще Ньютон. Его работы хранятся здесь, а в них много интересного.

— Что же именно? — Спросил я с любопытством.

— Перед Второй мировой войной архив Ньютона был продан на аукционе Сотбис. Одну его часть приобрёл лорд Джон Кейнс, другую, большую — живший в Египте еврейский учёный Авраам Шалом Иегуда. Через некоторое время стало понятно, почему потенциальные покупатели шарахались от этих рукописей. Вскоре Кейнс опубликовал скандальную статью под названием «Другой Ньютон», в которой утверждал, что великий физик отрицал доктрину о Святой Троице. Он верил в Бога, но как-то по-своему, был христианином, но еще и мистиком, что порождало множество конфликтов с богословами, хотя сам он тоже был теологом. И потому отказался дать традиционную клятву на Библии при принятии в Кембридж. Ученого Авраама Иегуду интересовали новые идеи для изучения Библии. Он был знаком с работой Ньютона «Хронология древних царств» и надеялся найти в приобретённых рукописях материал для своих исследований. Он переехал в США, показал архив Альберту Эйнштейну, а потом решил, что архив великого ученого должен быть достоянием всех людей и попытался передать рукописи Гарвардскому или Йельскому университету, но те ответили отказом. Даже авторитет Эйнштейна не помог. Много лет спустя Авраам Шалом Иегуда передал скандальный архив Исаака Ньютона Израилу. Так, в конце 1960-х годов рукописи оказались в Национальной библиотеке в Иерусалиме.

— Что там такого интересного и магического, от чего одни со страхом отворачивались, а других это привлекало, как некая колдовская сила?

— Я полагаю, что Концепция абсолютного пространства и времени — это местопребывание Бога, форма существования его вселенского Духа. Благодаря божественному устройству Вселенной, любое воздействие мгновенно передаётся в любую её точку

без участия материи. Такую форму передачи информации не исключают и современные физики, работающие с вакуумом и квантовыми механизмами.

Я был заинтригован общением со своим новым знакомым и осторожно спросил:

— Что еще интересного поведал нам ваш ученый?

— Ньютон считал, что в Священном Писании зашифровано послание о будущем мира и мечтал раскрыть тайны этих предсказаний. Этим он занимался всю жизнь, считая, что на него возложена миссия расшифровки. И на каком-то этапе вычислил дату конца света — 2060 год.

— Думаете, доживем!? — Попытался я пошутить.

— Увидим обязательно, если не в этой жизни, то в следующей. И так как я приезжаю сюда часто, то в назначенный срок непременно буду здесь! — Сказал он с некоторой долей пафоса, — вы ведь верите в бессмертие души!?

— С тех пор, как ознакомился с некоторыми трудами Филиппа Берга, жить стало спокойней и веселее.

— Простите!?

— Историк, раввин и каббалист, живет в США, один из немногих, кто популяризует Каббалу.

— И в чём его основная идея?

— Каббала для всех, именно в одной из его книг я прочел о реинкарнации. Попробуйте посетить хоть одно занятие, возможно и в Лондоне есть филиалы.

— Вернусь домой и разузнаю — мне это интересно, особенно в каком ракурсе это пересекается с теорией Ньютона.

— Вы меня заинтриговали, — сказал я через минутную паузу, — непременно запишу в своем дневнике, чтобы на это время ничего не планировать. В какой гостинице вы обычно останавливаетесь?

— Кинг Дэвид.

— Значит, договорились. 31 декабря 2059 года вместе встретим наступление судьбоносного года.

Мы обменялись рукопожатием и рассмеялись. Передо мной сидел увлеченный человек, и мне стало даже немного завидно, что можно с такой легкостью путешествовать по миру в поисках ответов на интересующие вопросы, искать и находить решения, удовлетворяя свое любопытство.

— Недавно я прочел книгу «Сердце мира», автор Ганс Урс фон Бальтазар, сказал он после паузы, — это швейцарский кардинал-иезуит, и в этой книге он пишет о плене ограниченности... Что человек рождается в плену: тело, душа, сознание, мышление. Все ограничено. Окружающий мир делится на некое «то» и некое «это»; они отделены друг от друга и друг с другом не сочетаются.

— А в чем вопрос? — мое любопытство стало вновь разгораться.

Подумав немного, он ответил:

— Много лет назад я уже слышал нечто подобное от отца Оливера, настоятеля церкви, куда мы ходили всей семьей. Он говорил тоже самое, но это было пятьдесят лет назад, когда я был школьником.

— И вы ищите ответы у Стены плача!? В чем разница между тем, что говорил ваш настоятель, и тем, что спустя полвека вы прочитали у швейцарского теолога?

— Практически никакой. Оба они рассуждали о том, что всё находится в плену: душа, тело, мысли, даже одежда. Кругом границы, заслоны; окна, двери, ворота, все за решеткой. И в этом мире мы живем, пробивая свой путь, через брешь раз за разом.

— И вы в это верите? — Спросил я с удивлением.

— Я ищу ответ.

— Я не знаком с работой этого теолога, господин Стоун, — сказал я. — Боюсь, что вы ошибаетесь. Нет никакого плена, не было и быть не может. Посмотрите на этих детей.

Мимо нас с шумом проходили школьники лет восьми-девяти: они весело общались, смеялись, две девочки гоняли по брусчатке небольшой камень, играя в разновидность классической игры. Я подождал, когда шум стихнет и спросил:

— Вы хотите сказать, что эти дети в плену? Кто их туда заведет, если не мы с вами, кто может иметь над ними власть, если не родители, кто повлияет на их судьбу, если не школа и улица? Мир принадлежит взрослым, старикам, это они владеют им и управляют теми, кто ниже рангом. Пьют особые вина, едят особые блюда, живут в огороженных усадьбах, куда не могут даже заглянуть те, кем они управляют. Нет никакого плена, это все иллюзии, которые создали те, кто хочет держать в плену нас.

— Меня нет, я свободный человек. Абсолютно!

— А кем тогда это придумано: «Смотри, но не трогай! Трогай, но не клади в рот! Клади в рот, но не разжевывай! Разжевывай, но не глотай!?» Одними, кому нужно иметь власть над другими, кого они загнали в плен. Теми, которые потом, имея власть, освобождают из плена и отпускают грехи, продавая индульгенции!? Нет плена, мы сами его создаем.

Мой визави на минуту задумался и, как мне показалось, даже погрустнел. Но через минуту произнес:

— И как видите, я всегда нахожу здесь ответ!

— За год до армии я был в Лондоне и где-то в центре города случайно встретил на улице своего соседа: он, его супруга — англичанка и маленькая дочь стояли в очереди в Макдональдс. Мы разговорились. Было дневное время, и клерки из ближайших офисов вышли на ланч. Цепочка людей выходила на улицу и выстроилась вереницей вдоль тротуара метров на двадцать. Ожидающие своей очереди, стояли тихо, как и подобает истинным англичанам, кроме дочери моих друзей. Она стояла рядом с родителями и играла с мячом; подбрасывала вверх, ловила и вновь побрасывала. На каком-то этапе поймать мяч не удалось, он упал на землю, покатился по

тротуару, а потом и на мостовую. Девочка с возгласами: «Мами, мамии, мой мяч!» бросилась ловить свою резиновую игрушку.

Мой собеседник ждал развязки обычной истории и посмотрел на меня с некоторым удивлением:

— В чем необычность этой истории?

— А в том, что, безмолвная очередь из двадцати или тридцати человек, которая до этого тихо и медленно продвигалась к входу в ресторан, вдруг вострепелась в одном звуке «УУУ!». Вы понимаете, произошла сенсация! Почти абсолютную тишину лондонской улицы нарушила шестилетняя девочка, которой чужд тот самый плен! Плен отца Оливера и преподобного Бальтазара, которые придумали этот плен, это рабство, это отсутствие свободы, чтобы освободить из него, спрятавшись за «божественным умыслом». Очередь по мановению дирижёрской палочки, как единый оркестр дружно повернулась влево и перевела свое внимание на нарушительницу покоя. Невероятно! Скандаль! Маленькая девочка нарушила спокойствие чопорной улицы — опустошила переполненные сейфы Сити!

Моя откровенность создала некое напряжение. Мы помолчали, и Питер Стоун спросил через минуту.

— А вы русский!

Спросил он по-русски. И после этого мы стали говорить на двух языках, как того требовал мой собеседник. Я не возражал.

— Акцент! Он как предатель, всегда выдает.

— Не расстраивайтесь, — сказал мой собеседник, — ваш акцент почти не заметный.

— Вы меня удивляете! Иврит, чтобы читать Библию в оригинале, а русский для Пушкина и Достоевского? — Спросил я с удивлением.

— Нет! У меня, наверное, расположенность к языкам. Стоит услышать один раз и понять смысл, как я все запоминаю.

— И что вас вынудило слышать и понимать русский язык?

— Лагерь для немецких военнопленных в Москве... я там был с конца войны до середины сентября 1946. Вы были в Москве?

— Конечно! — И неплохо знаю город.

— Знаете, там есть памятник Гагарину, русские его называют Железный Юра. Так вот, там был наш лагерь, к югу от этого места. Там же мы и строили... Памятника Гагарину тогда не было, а лагерь был. Теперь есть памятник, а лагеря нет!

Я был поражен; рядом со мной сидел англичанин с кипой на голове, крестом на шее, который 40 лет назад воевал на стороне немцев и провел, почти полтора года, в лагере для немецких военнопленных в Москве.

— Вы воевали на стороне немцев? — Спросил я осторожно.

— Нет, я воевал на стороне армии Его Величества, я воевал на стороне Англии, Великобритании.

— И что же случилось? — Спросил я осторожно.

— *Vicissitudes of fate*, — ответил он по-английски.

— Что это такое?

— *Tricks of fortune, vicissitudes of life*.

Я понял! Превратности судьбы. Мы долго сидели и беседовали, курили, пили кофе, и этот удивительный человек рассказал мне историю, предшествовавшую его пленению и заключению в лагере для немецких военнопленных в Москве в конце Второй мировой войны, радикальном выходе из драматической ситуации и о его дальнейшей судьбе. Позже, двадцать лет спустя, я побывал в лагере для немецких военнопленных около Москвы, который русские превратили в музей, и узнал, какой была жизнь в этих лагерях...

Глава Первая

Документальная хроника о лагере и военнопленных в Красногорске*

Главный герой Питер Стоун содержался более пятнадцати месяцев в Особом оперативно-пересыльном лагере для военнопленных № 27 (месяц в подмосковном Красногорске, но большую часть времени в его отдельном формировании в столице). Следует пояснить. Этот офицерский оперативно-пересыльный лагерь во многих отношениях был уникальным. Единственный, который подчинялся непосредственно центральному ведомству — НКВД СССР. Почти за девять лет существования через него прошло около пятидесяти тысяч человек, представителей 23 стран Европы, а также Японии, большинство из которых составляли высокопоставленные лица. А создан он был еще в начале 1942 года. Сюда направляли первых пленных немцев с позиций Западного фронта при их отступлении под Москвой.

Небольшая справка: после окончания Великой Отечественной войны в советских лагерях понесли наказание более четырёх миллионов военнопленных. Среди них было свыше 2-х миллионов 390 тысяч немцев, 640 тысяч японцев, 513 тысяч венгров, 187 тысяч румын, 156 тысяч австрийцев, 60 тысяч поляков, 49 тысяч итальянцев, 23 тысячи французов, 22 тысячи хорватов, тысячи и сотни испанцев, датчан, норвежцев, голландцев, финнов... И около пятисот англичан, воевавших на стороне нацистской Германии. Но среди этих британцев оказался один человек, который попал в плен совершенной случайно. Из-за роковой ошибки. Это реальная история, и о его драматической судьбе написана данная книга.

Хроникально действие романа занимает период с 1933 по 1946 год. Мирная жизнь главного героя в Англии, годы войны, пленение, выход из сложившейся ситуации. Красная линия сюжета

— плен Стоуна, но сознание его блуждает по времени хаотично, из прошлого в настоящее и обратно. Так выстроена и структура романа, где каждый эпизод обозначен четкой датой. Все архивные материалы и документы строго соответствуют достоверным фактам. Читателям, наверное, будет интересно узнать, как складывался быт в Красногорском лагере, что, вообще, он из себя представлял? Кстати, здесь до сих пор действует лагерный музей, в котором можно увидеть интереснейшие сведения и артефакты того времени. Вот некоторые из них.

Красногорский лагерь начинался с трех жилых деревянных бараков, для утепления наполовину засыпанных землей. Вокруг — ограда с двумя рядами колючей проволоки и вышками по углам. К концу войны здесь содержалось уже 12 тысяч военнопленных, в распоряжении которых были баня, лазарет, мастерские, техническое бюро, кухня, склад, сапожная мастерская, клуб, три овощехранилища, конный парк. Были подведены вода и канализация. Большое хозяйство обслуживали 200 человек лучшего персонала. Например, светило советской медицины, хирург-травматолог Йозеф Роббинс. Был врачом в зоне и П.И. Харитонов, сын шеф-повара последнего царя Николая II.

В ходе войны, с увеличением числа пленных, лагерь рос и развивался территориально. Первое отделение располагалось на спуске холма к плотине, где ныне находится гостиница лыжной базы. Здесь размещались пленные генералы и старшие офицеры Вермахта. Второе отделение появилось на том самом месте, где сейчас располагаются дома микрорайона «Теплый бетон», рядом с Красногорским оптико-электронным колледжем. Это была рабочая зона, где содержались офицеры рангом пониже, унтера, фельдфебели. А третье отделение лагеря с числом пленных до 300 человек располагалось в Москве, на пересечении Воробьевского и Калужского шоссе, нынешних Ленинского проспекта, улицы Косыгина и Вавилова (сейчас там школа № 198). Первое время они

работали на стадионе «Динамо», облагораживали территорию, а потом строили жилье недалеко от лагеря.

Еще девять отделений были в Калининской, Тульской и Московской областях — в Люблино, Лыткарино и Можайске. Следует упомянуть и собственное подсобное хозяйство лагеря — его четвертое отделение в районе деревни Рыбушки под Новопетровском. Здесь пленные выращивали картофель и корнеплоды, содержали свиней и крупный рогатый скот.

История военнопленных до последнего времени оставалась закрытой страницей в летописи Второй мировой войны и фактически была запрещена к исследованию... Побежденные хранили молчание по вполне понятным причинам. Победителям раскрывать тайны плена тоже было, вроде бы, не с руки.

В самой же Германии к изучению этого вопроса подошли с чисто немецкой основательностью и педантичностью. Еще в 1957 году в ФРГ была создана научная комиссия по изучению истории военнопленных, выпустившая в свет, начиная с 1959 года 15 полных томов серии «К истории немецких военнопленных во Второй мировой войне», семь из которых были посвящены истории немецких военнопленных в советских лагерях. Единственным советским исследованием на эту тему была работа Александра Бланка – бывшего переводчика генерал-фельдмаршала Фридриха Паулюса во время нахождения последнего в советском плену.

В годы войны труд военнопленных в народном хозяйстве страны не имел большого значения, он стал значимым фактором лишь после её окончания. Нацистские преступники и их союзники участвовали в восстановлении разрушенных заводов, плотин, железных и автомобильных дорог, портов, домов и так далее. Также они активно использовались при возведении нового жилого фонда во многих городах СССР в отдалённых и труднодоступных районах, а также при добыче полезных ископаемых — урана, угля, железной руды.

Особый оперативно-пересыльный лагерь №27 в Красногорске считался образцово-показательным, а пленные немцы чувствовали себя здесь почти как дома. За что же ему оказали такую «высокую» честь? Прежде всего, потому, что Красногорский лагерь стал центром становления и развития немецкого антифашистского движения военнопленных. Здесь в июле 1943 года на учредительном собрании был образован Национальный комитет "Свободная Германия". А газета с тем же названием была для военнопленных единственным источником информации на немецком языке. И не только. Йозеф Хендрикс, заключенный лагеря, в своих воспоминаниях с сарказмом пишет: «Она отлично подходила для скрутки сигарет с махоркой и среди курильщиков пользовалась большим спросом». С весны 1943 до 1950 года на базе лагеря работала Центральная антифашистская школа. Ее окончило более шести тысяч человек, пять тысяч из которых, составляли немцы. Кроме них, в школе учились венгерские, итальянские, румынские военнопленные, а также представители других стран.

Политическая активность подпитывалась материально. Антифашисты получали повышенные нормы питания, увеличенное табачное довольствие, новое обмундирование. Некоторые занимались политической работой, чтобы избежать физической. Многие хотели бороться с оружием в руках. Тем не менее, после тщательной оперативной проверки в списки добровольцев попали лишь представители рабочего класса и крестьянства.

Немного предыстории. Зимой 1941-го на Волоколамском направлении еще велись бои за Москву, а в пригород столицы уже свозили военнопленных. Первоначально это была обычная пересылка, прифронтовой этап, где проводилась фильтрация и распределение по тыловым лагерям. Но в 43-м, когда в Красногорск пришел первый эшелон с окруженцами из Сталинградского котла, назначение лагеря изменилось. Наряду с простыми армейцами, сюда, в обстановке секретности, были доставлены фельдмаршал

Паулюс, генерал артиллерии фон Зайдлиц, генерал-лейтенант Винценц Мюллер, который летом 1944-го будет идти во главе колонны немецких военнопленных по Садовому кольцу в Москве. В Красногорском лагере содержались 174 гитлеровских генерала. «Сливки нацистского общества» размещались в специальной офицерской зоне – первом отделении лагеря. Но, чтобы там оказаться, высокий чин и заслуги зачастую не требовались, хватало громкой фамилии.

Сюда, к примеру, попал младший сын пушечного короля Германии Круппа Гарольд фон Болен унд Гольбах, а также правнук Отто Бисмарка — 20-ти летний лейтенант Люфтваффе граф Генрих фон Айнзиндель. Потомок железного канцлера зарекомендовал себя убежденным противником нацизма, за что и был избран вице-президентом комитета «Свободная Германия», боровшимся за прекращение войны.

Интерес в этом лагере представляли не только высшие офицеры с их военными тайнами, но и обычная масса. Просеивая людей через сито допросов, администрация лагеря находила готовых к сотрудничеству. В ходе войны произошел перелом, поражение под Сталинградом изменило мировоззрение фронтовиков. Антигитлеровские настроения среди них росли. Вот типичный пример. Пехотинец Йозеф Хендрикс прибыл в лагерь № 27 в тот же день, что и сталинградский генералитет. Он пишет в своих мемуарах: «По территории лагеря прогуливались хорошо одетые, подстриженные и гладко выбритые господа, на них была униформа, расшитая золотыми кантами, они бодро дискутировали, поражая меня своим самоуверенным видом. Ходили они с высоко поднятыми головами, чем пробуждали во мне пошатнувшееся доверие к руководству нашего народа. Эти люди мне показались тогда жалкими пораженцами».

По мнению пленных, кормили их скудно. Однако с этим вряд ли бы согласились простые советские люди. Тем более, что шла война.

Пищевой рацион выглядел так: 400 граммов тяжелого плотного хлеба на завтрак, черпак водянистого супа и столовая ложка пшенной каши в обед, на ужин — вода с капустой и чечевицей. От хронического недоедания Йозефа Хендрикса уберегло назначение на работу помощником библиотекаря.

Он пишет: «Я стал читать все подряд: от Толстого до Шолохова, от Карла Маркса до Йозефа Сталина. Прочитанное произвело на меня впечатление, и я ненадолго попал под ослепительное влияние утопии коммунизма. Но так как по сути своей я оставался колеблющимся, от должности библиотекаря меня на время отстранили, заодно лишив дополнительной порции супа, которая полагалась за эту работу».

Что носили заключенные лагеря? Во время войны по обмундированию и снабжению солдаты Третьего рейха, конечно, на целую голову превосходили противника. Малоизвестен тот факт, что линию военной униформы для них разрабатывал Хьюго Босс. В дизайнерскую одежду из прочной шерстяной ткани были одеты даже нижние чины. Советские бойцы, как известно, круглогодично носили х/б, что, впрочем, не помешало им победить. В холодный сезон солдаты «великой Германии» получали трикотажное нижнее белье и двухсторонние маскировочные куртки — зимою их надевали белой подкладкой наружу, летом носили наизусть, на серую сторону.

Пехотинцам полагался удобный кожаный ранец, обтянутая войлоком фляга с пластмассовой крышкой-стаканчиком (фактически термос), складные столовые алюминиевые приборы и прочие комфортные предметы. В том числе легкий бумажный «гроб», хранившийся в ранце, — предвестник нынешних черных пластиковых пакетов для трупов. Мертвые получали достойное погребение.

В отличие от других лагерей, в красногорском администрация строго следила, чтобы конвоиры не отбирали у пленных их личные

вещи — соблюдали конвенцию. В бараках поэтому можно было держать бритвенные приборы, туалетные принадлежности, музыкальные инструменты. Начальство старалось создать заключенным приемлемые бытовые условия; каждому выдавались спальные принадлежности (тюфяк, одеяло, подушка), две белые простыни, наволочка, полотенце. И хотя спали пленные на деревянных нарах в два яруса, а «удобства» и баня располагались во дворе, по русским меркам это было нормально.

Обитатели Красногорского лагеря исправно обеспечивались зимней и летней одеждой, нижним бельем, головными уборами, обувью. Это было солдатское обмундирование со складов Советской армии. Не все хотели в него переоблачаться, предпочитая донашивать «родную» форму. С питанием после войны тоже старались не обижать и уже в 45-м были утверждены повышенные нормы.

Теперь они предусматривали получение 600 граммов хлеба в сутки на человека, 150 г. мяса, 100 г. рыбы, 90 граммов крупы, 600 граммов картофеля, 300 г. овощей соленых и свежих. В пайке присутствовал чай, сахар, мыло, табак. Это ли не жизнь?

Особая история связана с японскими военнопленными и с рационом их питания. Осенью 1945-го года с Дальнего Востока в Красногорск доставили первых пленных японцев, а также манчжурцев и корейцев (был даже один интернированный, просидевший в немецком плену американец). Прожив несколько месяцев на образцовом пайке, они разболелись. Русская пища не подходила для самурайских желудков, поэтому для них пришлось разрабатывать особое меню. В него вошли: белый хлеб — 300 граммов на человека, 300 грамм риса, 600 граммов овощей, преимущественно моркови и лука, 150 грамм рыбы.

Летом 1945-го года в лагерь № 27 в Красногорск начали прибывать новые персонажи. Так, интернированные с территории Польши аристократы князя Радзивиллы, Браницкие, Замойские, Красницкие неожиданно появились здесь вместе с чадами и

домочадцами, любимыми кошечками-собачками. Это тоже факт. Высокородные семьи вывезли в СССР, чтобы князья не мешали устанавливать в Польше социалистический строй. Шляхту поселили отдельно от пленных на окраине города, в Брусчатом поселке в двухэтажных коттеджах. Правда, под неусыпной охраной. Осенью 1947 года все князья и княгини вместе с собачками уехали на родину, кроме Анны Радзивилл. Еще в феврале она умерла и была похоронена на Красногорском городском кладбище. Вообще же на кладбищах Красногорска похоронено около тысячи военнопленных, в том числе свыше пятисот немцев.

Здесь томились родственники фон Клейна и фон Папена, сын палача Нидерландов Зейс-Инкварта, фельдмаршал Ф. Шернер, венгерский генерал Ласло Деже, до войны работавший военным атташе посольства Венгрии в Москве, помощник военного атташе Германии в Японии Рудольф Петерсдорф, лично знавший Рихарда Зорге, офицер Вермахта художник Ганс Мрозинский, ставший после возвращения на родину преподавателем Дрезденской академии искусств. Сюда же попали почти все приближенные Гитлера: его личный адъютант, майор СС Гюнше, старший камердинер Линге, шеф-пилот генерал-лейтенант Г. Бауэр. Всего в «контингенте» было 530 генералов, тысячи офицеров, дети видных политиков и ученых, научная и творческая интеллигенция, дипломаты. Статус лагеря был настолько высоким, что его начальник назначался и смещался лично наркомом внутренних дел.

А осенью в лагерь привезли последнего китайского императора Пу И. Довелось ли ему пообщаться с командующим маньчжурской армией японским генералом Кейсаку Мураками, сидевшим там же, история умалчивает, но о его истории хочется рассказать немного подробней.

В 1931 году японская Квантунская армия захватила Манчжурию, в следующем году провозгласила независимость северо-востока Китая, назвав новообразовавшуюся страну Маньжоу-Го. Главой

нового государства назначили императора Пу И. Но в августе 1945 году в Манчжурию вошли советские войска, марионеточное государство распалось, Пу И подписал акт об отречении от престола и попытался бежать в Японию на самолёте, но был задержан в аэропорту города Шеньян и отправлен в СССР.

Почти шесть лет он находился в тюрьмах Хабаровска, Читы и Красногорского лагеря, пользовался привилегиями и особыми условиями содержания. Чекисты очень быстро склонили его на свою сторону, и марионеточный император стал давать свидетельские показания против японских военных командиров в токийском суде, утверждая, что стал руководителем Маньчжоу-Го по принуждению и что всё делал под давлением и по указке японцев.

Дважды Пу И письменно просил Сталина принять его в ВКП (б), указав, что во время заключения ознакомился с трудами Ленина и Маркса и находит их очень глубокими и производящими большое впечатление. Однако Сталин не удовлетворил его просьбу.

Узнав, что власть в Китае захватили коммунисты, Пу И написал письмо Сталину с просьбой не депортировать его в КНР. Он был уверен, что в Китае его ожидает смертный приговор. Однако Сталин и на этот раз не обратил на его просьбу внимания, и в 1950 году Пу И был передан китайскому правительству. Узнав о решении Сталина, Пу И попытался совершить самоубийство, но попытка закончилась неудачей. В Китае его отправили в тюрьму для военных преступников, сначала в город Харбин, а потом в Фушун, где он содержался под номером 981.

В декабре 1959 года Мао Цзэдун амнистировал Пу И, сказав при этом следующее: «Этот преступник пробыл в заключении почти 10 лет. В течение этого времени он прошёл преобразование физическим трудом и идеологически перевоспитался. Он действительно уже проявляет отказ от зла и стремление к доброте и может быть освобождён».

После освобождения Пу И устроили работать садовником в Пекинском ботаническом саду, а потом архивариусом в национальной библиотеке, где проработал до самой смерти.

У Пу И было пять жён, и ни от одной из них у бывшего императора не было детей. Умер он 17 октября 1967 года от рака лёгких. Тело его кремировали, а прах захоронили на пекинском кладбище Бабаошань. И на этом была поставлена последняя точка в жизни Айсина Гиоро Пу И, а с ней и история правления китайских императоров. Древняя культура и традиции, являющиеся душой каждой нации, в современном Китае заменили партийной культурой и коммунистической идеологией.

Победа внесла коррективы в деятельность образцово-показательного лагеря. Жизнь постепенно переходила на мирные рельсы. Нужно было восстанавливать разрушенную страну, и НКВД позаботился, чтобы в лагерь № 27 попадали лучшие мастера и специалисты, изобретатели, люди с высшим образованием. Где работали пленные? Парадоксально, но их труд широко использовался на так называемых номерных заводах и объектах силовых министерств.

Ярче всего таланты сидельцев проявлялись в лагерных мастерских, где выполнялись заказы эксклюзивного характера. Таковых было несколько. В механических ремонтировались все трофейные немецкие автомобили, в столярных изготавливалась дорогая мебель для правительственных учреждений. В швейных и в обувных цехах шили одежду и обувь для высших чинов МИДа и МВД, сотрудников газеты «Правда», артистов столичных театров.

В те годы было принято регулярно посылать подарки в Кремль. В этом деле учреждение № 27 всегда было изобретательнее других лагерей. Чего стоил, например, столик тонкой работы с инкрустацией по дереву и надписью: «От немецких антифашистов лучшему другу немецкого народа». Но самым грандиозным даром генералиссимусу стало творение японских пленных из

Красногорска. Они написали письмо Сталину на шелковом полотне длиной 26 метров и весом полторы тонны, вышив 14 тысяч иероглифов.

Мастерили, вытачивали, рисовали красногорские пленные чуть ли не поголовно. Вместо холста использовали картон и вафельные полотенца. С помощью осколков стекла вырезали из дерева шкатулки, украшали резьбой выловленные в супе кости. Особой популярностью пользовалась картина Шишкина «Утро в сосновом лесу», видимо потому, что репродукция этого полотна висела в кабинете Лаврентия Берии. Лагерные «Шишкины» воспроизводили картину по памяти, поэтому количество медведей на копиях варьировалось от трех до шести.

Был среди военнопленных и врач Конрад Лоренц, впоследствии великий австрийский ученый. Его детские книжки о повадках зверей и птиц до сих пор читаются с большим интересом. Это был удивительный человек, основоположник совершенно новой науки о поведении животных — этологии. А свою первую научную книгу «Восемь смертных грехов цивилизованного человечества» он начал писать именно в Красногорском лагере. Впоследствии, в 1973 году за эту работу он получит Нобелевскую премию.

А вот румынскому инженеру-танкостроителю Балабану не повезло. Он долго и безуспешно пытался реализовать свои идеи протезов, хотел помочь искалеченным солдатам. Бывший сотрудник лагеря Евгений Ермаков позже вспоминал: «Ему предлагали работать на вооружение, он отказался. Я доставал ему краски и бумагу, он сделал много невиданных тогда моделей: кисть руки двигалась, на пальцах были окошечки — чтобы чувствовать. Эту руку возили в Москву, но дело не пошло».

Много народа было задействовано на стройках. В Красногорске военнопленные сооружали дороги, жилые дома, пристройку к школе им. Пушкина, стадион «Зоркий». За городом — пионерский лагерь, в Опалихе коттеджный поселок, дачи для партийной и

армейской номенклатуры. Объектом особой важности являлось здание архива НКВД. Сейчас в нем расположен Всероссийский архив кино и фотодокументов.

В образцовом труде заключенные видели шанс побыстрее вернуться на родину. Идеологическая обработка воспринималась как неизбежный гарнир. Только в минуты досуга пленные оставались предоставленными самим себе. Его формы были, как и десерт, на удивление разнообразны. Одни рисовали, другие пели, третьи играли в оркестре, четвертые — репетировали в драмкружке. Женские роли в спектаклях исполняли мужчины. Но плен оставался пленом.

Освобождение немецких военнопленных из лагерей началось два года спустя после окончания военных действий. В первую очередь оно коснулось раненых и больных. Массовая депортация пришлось на 1949 год. Бывшим узникам возвращались личные вещи, часы, деньги, драгоценности. С этого времени лагерь № 27 стал важнейшим пунктом подготовки судебных процессов против военных преступников. В 1950 году Красногорское учреждение опустело, 10 тысяч человек были осуждены и отправлены по этапам в спецлагеря и тюрьмы. Война давно закончилась, надежда на свободу у пленных таяла. Душевное напряжение тех, кто ожидал суда, достигло апогея.

А что же произошло с героем романа? Всё по порядку, как говорится, в свое время, следуя законам жанра... Офицерский состав был откомандирован в отдел кадров ГУПВИ* МВД СССР, ликвидация лагеря закончена 5 января 1951 года, все материальные ценности переданы полностью, довольствующие органы к лагерю претензий не предъявляют».

Последние эшелоны с железнодорожной станции "Павшино" отбыли через город Брест во Франкфурт-на-Одере. Лагерь № 27 прекратил свое существование... Однако вернемся к Питеру Стоуну и его драматической судьбе, полной приключений «в голливудском

стиле», но предельно реальной. Жизнь сильнее вымысла. И порой она преподносит нам такие сюжетные коллизии, которые невозможно нафантазировать.

Глава Вторая

Москва, Белорусский вокзал, 22 мая 1945 года, утро

Всю весну Москва торжественно встречала победителей в Великой Отечественной войне. Об этом уже много написано. Но в то же время в столицу СССР почти каждый день прибывали и другие эшелоны. С военнопленными. Встречали их не оживленные радостные лица и цветы, а хмурые взгляды и мрачные силуэты конвойных войск НКВД. Люди, находящиеся в теплушках, точно также прошли все мытарства войны, пережили ужас и боль, близость смерти, а теперь еще и многодневный плен, бессонную тряску в зловонных вагонах и мучительную обречённость впереди. Потому что никто не мог поручиться за их жизнь в дальнейшем. Поскольку они были не победителями, а побежденными, и это решало всё. Всю будущую судьбу. Но насколько же было обидно тому, кто оказался среди этой растерянной жалкой толпы случайно, несправедливо, волею трагических обстоятельств? Об этом мог знать и чувствовать лишь он сам...

Из всей однородной массы немецких военнопленных, вывалившихся по команде из теплушек и выстроившихся в два ряда на дождливом перроне, переминавшихся с ноги на ногу под охраной автоматчиков, выделялся один человек. Нет, не высоким ростом, хотя и этим тоже. Имелись здесь и повыше. Всякие были в этой настороженной обреченной километровой очереди за неизвестной пайкой судьбы. Длинные, как сухие изогнутые жерди в плетне, короткие, словно нарубленные полена для костра, круглые, будто

опустошенные бочонки с остатками пива. Физиономии, в общем-то, совершенно разные.

Это только кажется, что люди в толпе сливаются в одну цельную массу, в большое темное расплывающееся пятно. Заблуждение. Глаза, взгляд не спрячешь. Он или испуганный, конченный, сдавшийся. Или растерянный, или затаённый, решительный. Или сосредоточенный. Или же, как говорится, не от мира сего. Этим один человек и отличается от другого. Вот почему толпа никогда не бывает однородной. Хотя почти всегда бездумно единодушна. Она многолика, многорука, многоголоса, а когда приходит час и возвращается личностный разум, распадается на отдельные островки. На уцелевшие в мясорубке человеческие души.

Человек, стоявший в первой шеренге, сдавливаемый с обеих сторон невольными товарищами по несчастью, даже в таком положении выглядел одиноко, держался как-то особняком, словно белая ворона среди черной стаи. Худой, бледный, аристократичный. Подчеркнуто независимый. Да и одет он был, если присмотреться, несколько не так, как все остальные. Форма — да, военная, обношенная, грязная. Но не солдата или офицера Вермахта. Хотя похожа. Но кто будет всматриваться? Пленный немец, и всё. Точка.

Разбираться будут потом. Когда довезут в грузовиках до особого оперативно-пересылочного лагеря для военнопленных № 27 в подмосковном Красногорске. Так было объявлено при выгрузке из теплушек на перрон. По крайней мере, у него на это была вся надежда. Вот это и не давало человеку окончательно пасть духом. Ведь не может же быть так, чтобы роковая случайная ошибка не была исправлена. Пусть не сразу, но зато неизбежно, законно и справедливо. Вера в это только и согревала душу. Как птенчик за пазухой. Он знал, что они должны, обязаны и будут разбираться, что запустят веретёна, знакомые ему из прошлой жизни, знал, что офицеры ответственные и не проявляют малодушия, знал, что

инициатива поощряется. Но он ничего не знал о русском мироздании, не знал, что это отдельная сфера, другая стихия и не понимал тех, кто принимает решения в этом, быстро меняющемся мире.

На вид ему можно было дать тридцать лет. Может быть, больше, но никак не меньше этого возраста. А впрочем, определенно сказать было трудно, ведь война редко кого молодит, только уж совсем отмороженных убийц и садистов, находящихся в ней особую сладость. Всех же остальных нормальных людей старит, сжигает отпущенные им земные годы столь быстро и неумолимо, что один день на войне идет за десять. Да прибавить сюда еще и почти трехнедельный плен, который вынес этот человек, аристократ, англичанин, если уж приоткрыть тайну его происхождения, душевную сумятицу, вынужденное одиночество и замкнутость среди недавних врагов.

Питер Стоун стоял в первой шеренге и осматривался. Фуражки и пилотки все держали в руках. Мысли его были далеко отсюда. Конечно, война уже закончилась, но только не для него. Его главная задача теперь – донести всю правду до русских офицеров и ждать принятия решения. Правильного решения. Должны же среди них быть нормальные разумные люди, которые разберутся. Конвойные, рядовые и младшие офицеры — он уже имел возможность убедиться в этом, — его не понимают и даже не хотят понять. И теперь главное — любой ценой выжить в этой новой битве за жизнь... Ни в коем случае не сломаться, не сдаться, не плыть по воле волн, как потерпевший кораблекрушение человек. И при любых обстоятельствах сохранять честь и достоинство.

А навес над перроном, крышу вокзала, водостоки и ветви деревьев в этот ранний час облюбовали черно-серые вороны. Такие же, как в Лондоне, только там они просто черные. А эти, московские, жили тут всегда. Вокзал — их родной дом. Утренние поезда встречали крикливым каркающим хором. Днем улетали, растворялись по окрестностям. А ночью возвращались к навесам.

Когда после Великой Победы на Белорусский вокзал стали приходить эшелоны с советскими солдатами и офицерами здесь гремели марши, праздничная музыка, звучали торжественные речи, многие окрестные жители думали, что стаи ворон исчезнут навсегда; не по ним весь этот шум. Но не тут-то было. Ворона — птица умная, облюбованное место не бросит. Чувствует себя хозяином. И злопамятная. Если представится случай, отомстит человеку за нанесенную обиду или беспокойство.

Вот и сейчас стая черно-серых птиц вдруг сорвалась с навеса и стала кружить над военнопленными и автоматчиками, оглашая воздух громким синхронным карканьем. Один из солдат что-то выкрикнул скороговоркой, взмахнув кулаком. Кто-то в шеренгах засмеялся. Вороны продолжали кружить. И тут одна из птиц метнулась вниз и, резко спикировав, почти задела клювом чью-то голову, крылом — другую, а потом тотчас же взмыла вверх и присоединилась к своим подругам. Всё это произошло за секунду.

Голова, выбранная для вороньей «вражеской атаки», сидела на плечах того самого аристократа, одетого в непохожую на остальных военнопленных форму. Стоящий слева от него унтер-офицер участливо спросил по-немецки:

— Ключула?

Питер Стоун не ответил. Даже не посмотрел на соседа. Немецкий язык он знал, но намеренно не вступал в контакт ни с кем из военнопленных за время своего вынужденного «путешествия» из Германии в Советский Союз. Но про себя подумал: «Кажется, нет, не ключула». Он ощупал заболевшее вдруг темя. Но это могла быть нервная боль, фантомная.

— Это дурной знак, предвестник беды, — продолжил разговорчивый унтер-офицер. — Мою лысину она не задела. По всем мистическим канонам — к долгой жизни. Я изучал Каббалу.

— Мы все рано или поздно умрем, — сердито сказал кто-то в шеренге.

— Так-то оно так. Но я имею в виду другое.

— Что именно?

— Близкую смерть. А не смерть вообще, как неизбежный итог жизни.

— От вороны это не зависит, — заспорил с ними еще кто-то. Молча стоять в шеренге скучно. — Всё это суеверие. И потом: что такое «близко» и что «далеко»? Особенно теперь, в нашем положении. Да в любом тоже. Вы знаете ответ? Тогда вы очень счастливый человек.

— О, да. Потому что война кончилась. По крайней мере, для нас. А русским еще воевать и воевать, поверьте моему слову. Союзники скоро сами передерутся.

— Возможно. Только не сразу. Надо еще на Тихом океане разобраться. А без Сталина американцам с японцами не справиться.

Питер Стоун безучастно прислушивался к разговору вокруг него, слева, справа и во второй шеренге. Всего этого он наслушался за последние дни так много, что становилось тоскливо.

— Не думаю, — возразил справа некий обер-лейтенант. — Вобьют Японию бомбами в море, как Дрезден в землю, да и утопят. Вот и вся финита.

— Теперь им всё позволено, — согласился с ним кто-то. — Мне даже немного жаль этих желтомордых и узкоглазых. Они еще не знают, что их ждет.

— Сами напросились, — ответил унтер-офицер. И добавил: — Как и вы.

— А вы?

— Что — я?

— Себя не вините?

Обер-лейтенант махнул рукой:

— Пустой это разговор.

Потом, помолчав немного, представился:

— Рихард Кох.

На вид ему было лет пятьдесят пять. Лицо интеллигентное, умное. Страдальческое.

— Ганс Шнитке, — отозвался унтер. Этот немец выглядел каким-то неунывающим рубахой-парнем. Около тридцати пяти. — А хотите, докажу, что я прав? Насчет вороны и смерти!?

— Как?

— А вот спрыгну сейчас с перрона и рвану по шпалам.

— Наперегонки с пулей?

— Хотя бы.

— И получите очередь в спину!

— Разумеется. А теорема будет доказана.

— И тем не менее очередь людская и живая лучше автоматной и свинцовой, — усмехнулся Кох.

На его аскетическом лице виднелся небольшой шрам.

— Ваша теорема, вернее, аксиома, за уши к доказательству привязана. Это уже не мистика будет, а просто свободное волеизъявление человека. Причем слабоумного. Не фаталиста даже, а упёртого осла-каббалиста. Уж извините за столь нелестное сравнение.

— А я всё равно убегу. Только не сейчас. Меня в Гамбурге жена с дочками ждут.

— Всех ждут. Потерпите. Рано или поздно отпустят. А где же это вы изучали Каббалу? Это ведь талмудическая ересь.

— Ну и что? Да все высшие нацистские бонзы из Каббалы вышли. Гимлер вообще в ней плавал, как щука в озере. С прочими карасями. Вы слышали что-нибудь об Аненербе? Об обществе Туле? Как-нибудь расскажу. У нас еще будет время, плен долгий.

— Тут вы правы... Если не расстреляют сразу.

— Смотря что натворили.

— Мы все выполняли приказы.

— Вот-вот. Этих слов и держитесь...

«Эти двое нашли друг друга», — подумал Стоун, приглядываясь к ним. Но в разговор не вступал, хотя они переговаривались слева и справа от него. Стоявший напротив них автоматчик грозно прокричал:

— Прекратить разговоры! Молчать!

Эти русские слова все поняли без переводчика. Подобные приказы в разъяснении не нуждаются. Все замолчали. В ответ конвоиру с навеса раздалось лишь громкое карканье, а в свинцовое небо вновь взметнулась стая черно-серых птиц. Что толку сотрясать воздух людской речью, когда торжествует лишь вороний грай?

Стоун уже давно ни с кем не говорил, даже просто не общался. По крайней мере, с начала мая. Когда попал в плен. Теперь он думал об одном: неужели унтер-офицер и обер-лейтенант правы, и его заключение будет столь же долгим, как бесконечная болтовня обо всем и ни о чем? Или того хуже — расстрел? Не может такого быть. Выход всегда есть. Даже из самой безысходной ситуации. Выход через ворота, створки которых — надежда и вера. Так его учил в детстве отец Оливер. Можно сказать, семейный священник, старинный друг его родителей. Господи, как давно это было!..

Через полчаса томительного топтания на перроне часть военнопленных погрузили в несколько крытых грузовиков и машины тронулись в сторону подмосковных пересылочных лагерей. Некоторым заключенным предстоял дальнейший переезд в теплушках за Урал. Три военных грузовика отправились в Красногорск. Стоун, Шнитке и Кох тряслись во втором. Держались за деревянные борта, сверху донизу обтянутые брезентом. В конце кузова сидели два автоматчика. Они покуривали и переговаривались. Питер неплохо понимал русский язык, но их гортанная речь была ему незнакома. Какие-то среднеазиатские наречия.

— Эх, жалко Москву не видно, — задумчиво произнес Кох. — Дома, улицы... А так хотелось бы посмотреть. Ждал этого часа еще

с университетских времен. Я ведь изучал русскую литературу. Дырку, что ли, в брезенте проделать?

— Чем? — усмехнулся Шнитке. — Пальцем?

— Что на неё смотреть, ослы? — грубо спросил один из немцев, трясшийся рядом. Тяжелый такой, грузный, с застывшей в глазах ненавистью ко всем. Майор Вермахта.

Ему никто не ответил. А тот продолжил:

— Вот ты, обер, говоришь: жаль, Москву не видно... А что на неё смотреть? Дрянь город. Хуже любой нашей дыры на окраине Рейха. Я стоял тут в сорок втором, нагляделся.

— В бинокль, — съязвил Шнитке. — А вот русские сейчас — в центре Берлина. И Рейхстаг видят воочию, точнее то, что от него осталось.

— Ну и что? Это временно. А всё из-за предателей. Таких, как ты! — грузный майор не унимался, полыхал гневом. — Труссы. Пораженцы. Свины.

Унтер-офицер слегка отодвинулся от него, хотя двигаться тут, в такой тесноте, было, в общем-то, некуда.

— Что, не нравится? — засмеялся, брызгая слюной майор. — А ты слушай, слушай! Если бы мы не сдали Берлин, война покатилась бы вспять. А в Арденнах мы англосаксов погнали. Ну, почти. Я был там, знаю. Горючего не хватило. И если бы не предатели в Генштабе. Это говорю тебе я, Фридрих Рёске, артиллерист, награжденный рыцарским железным крестом за храбрость. Всюду изменники и трусы. Подлые свиньи!

Тут он неожиданно замолчал, хотя, похоже, готовился сказать что-то еще — уже открыл перекошенный рот, но прошло полминуты — тотчас же и захлопнул его. Лишь с горечью махнул рукой и вперил неподвижный взгляд в Стоуна. Словно выбрал себе новую жертву и готовился теперь обрушить свой гнев на неё. А к атаке надо собрать силы.

— Не обращайтесь на него внимания, — тихо сказал Кох. — Его можно понять, человек не в себе.

— И таких много, — согласился с ним ещё кто-то. Стоун по-прежнему молчал.

— Странная у вас форма, — обратился к нему Шнитке. — Не пойму никак. У нас цвет «фельдграу» — полевой серый, с зеленым пигментом, и у вас почти тот же, с полынным оттенком. А всё же не то. И взгляд не такой, как у всех нас. Проигравших. Взгляд с другой стороны фронта. Вот в чем дело. Как так?

— Долго объяснять, — выдавил из себя Стоун по-немецки, давая понять, что разговор окончен.

Дальнейший путь до Красногорска проделали молча. Рёске всё равно помешал бы нормальной беседе... А воспоминания уносили Питера далеко-далеко, туда, где не было ни войны, ни плена. Ни смерти.

Вспоминает и рассказывает Питер Стоун — поток сознания

С чего начать? Память возвращает меня в прошлое, разум окутывает туман, плоть плохо борется с предназначением и обстоятельствами судьбы... Я устал. Картины мелькают, как в калейдоскопе, затуманенная радуга над горизонтом, там – будущее, а где оно?... И вдруг – удар, огонь, боль, крушение...

Второго мая моя рота из четырех взводов, а это почти сто двадцать человек, располагалась на западной окраине практически опустевшего немецкого города Висмар, приближаясь к линии разграничения зон огня с союзниками и готовилась войти в город. Мы начали свой путь от берега в Нормандии одиннадцать месяцев назад, почти без потерь прошли северную Францию, Бельгию, приняли бой в Арденнах, вошли в Германию, и дошли до этого

чертова города в западной Померании. Последняя болевая точка в моей войне. До полудня начнем вхождение и за два дня очистим его — времени нет. Где-то там, далеко за восточными окраинами города должны быть русские. Теперь, я знаю, что разграничительные линии огня между советскими и англо-американскими ВВС и сухопутными силами постоянно корректировались по мере продвижения союзников в глубь Германии и были больше похожи на передвижную демаркационную границу, которую пересекать нельзя. Мы продвигались с Запада, русские — с Востока. Посередине — немцы. Зажаты в тиски. Иногда мы не встречали противодействия и проходили через населенные пункты напролом, как стрела через тело кролика. Иногда немцы при поддержке французов-Вишийцев сопротивлялись отчаянно. А нам, англичанам и русским, наступавшим на них с двух сторон, главное было ненароком не задеть друг друга. Вот чего я боялся больше всего. Чтобы в этой жуткой неразберихе не подстрелить кого-нибудь из Красной Армии и не войти потом с ними в боевое столкновение. А такое, как рассказывали очевидцы, тоже случалось.

Так с чего же начать? С мирной жизни в Ричмонде? С учебы в Оксфорде? С любимой девушки? С дружбы с Джесси, моим названным братом? Как давно это было! Хотя прошло всего десяток лет, а может пятнадцать. А кажется, была совсем иная жизнь, чужая. Война напрочь изменяет твои временно-пространственные координаты, делает из одного человека двоих, а то и троих. Вот и живут в тебе несколько похожих на тебя людей, как в плену, а ты с ними то споришь и воюешь, то заключаешь перемирие. Но согласия нет. А наступит оно только в старости, перед смертью; она мирит всех.

Может быть, начать надо с апреля 1941 года, когда шли бомбардировки Лондона, а я вместе с Джесси Оуэнсом, защищал английское небо из зенитных орудий? Или с тех мест, где мне приходилось биться не на жизнь, а на смерть – в Африке, во Франции, в Бельгии и Германии?.. Где удалось выжить. Нет, главное

во все времена, все-таки, не война, а любовь. Но не все это понимают. А может быть, не любовь, а любимое занятие? А было ли оно у меня, кто знает...

Последние дни войны... Но раз уж удалось преодолеть их и победить, то я знаю, что выдержу и эту тюрьму — в советском плену. Гораздо страшнее плен души, чтобы душа была свободной. А время, проведенное в лагере, станет тернистой полосой, по которой мне необходимо пройти, чтобы я мог начать разгадывать тайны жизни. А их много. По крайней мере, мне кажется, сейчас, что именно заключение, неволя дает сакральное мистическое осознание бытия. А пока хочется ясно осмыслить минувшие события, чтобы разобраться в прошедшем, понять настоящее и не потерять уверенность в будущем. Грядущее зависит от того, насколько ты познал прошлое. Жаль, не могу пообщаться с Ньютоном!

Однако начать лучше всего... с самого начала. С главного. Ведь что главнее твоего появления на свет? Я родился 9 января 1916 года в Ричмонде, предместье Лондона. В состоятельной семье, гордящейся своей родословной, но не слишком богатой. А вот мой друг Джесси Оуэнс рос в обычной интеллигентской семье, потом в сиротском приюте в одной из типичных улочек Сити, пока его не усыновили мои родители. Моя мать всегда занималась филантропией и курировала этот приют, а отец даже немного был знаком с родителями Джесси, врачами, не слишком близко, но они вместе посещали спортивные состязания по автогонкам, пока однажды не произошла трагедия. Одна из машин вылетела с трассы и врезалась в толпу. Погибло несколько человек, в том числе и родители Джесси. Сам гонщик чудом остался жив. Пострадал и мой отец, он провел в больнице около двух недель. А когда вышел, узнал, что случилось с мальчиком. И они с мамой, не сговариваясь, решили забрать его в наш дом.

Мне было тогда десять лет, Джесси — на год старше, но с тех пор мы росли вместе. И никаких сословных различий между нами

никогда не было. Мои родители хоть и были аристократы, но вполне демократичные люди. И воспитывали нас обоих в том же ключе. Вначале отец хотел, чтобы Джесси носил его фамилию, но потом передумал, так как посчитал, что это будет неуважением к памяти его отца, и оставил всё, как есть. Но все равно мы были как братья. И ближе друга у меня не было.

Можно сказать, что мы были неразлучны всегда. Вместе поступили в Оксфорд, правда, на разные факультеты. Да и любили одну и ту же девушку – Мэри Леннокс. И в армию пошли вместе. Нам так хотелось повоевать всерьез, а потом встретить победу и насладиться спокойной мирной жизнью в Ричмонде, рядом с великолепным парком. Но почему-то Джесси чувствовал, что нас обоих убьют. И говорил мне об этом на полном серьезе; уж слишком кровопролитная и беспощадная предстояла война. Верю ли я сам в предчувствия? Нет. Ни о каком плене даже мыслей не было. Но случилось то... что случилось... Дальше — тишина. Как сказал гениальный Шекспир устами моего любимого Гамлета... А из всех литературных персонажей я хотел бы походить именно на него. Он сумел всё преодолеть и победить. Пусть даже ценой собственной жизни...

Красногорский Особый оперативно-пересылочный лагерь военнопленных №27, 22 мая 1945 года, день

Три военных грузовика миновали шлагбаум и въехали на территорию лагеря, опоясанную колючей проволокой и невысоким сеточным забором. Военнопленных выгрузили и выстроили на плацу. Около часа они напряженно ждали, когда же, наконец, заработает советская бюрократическая машина. Но работала она издевательски медленно, со скрипом, хотя основательно и надёжно. А пока можно было осмотреться.

По периметру и на углах стояли металлические вышки, в каждой из которых зорко дежурил солдат-охранник, вооруженный винтовкой Мосина. Центральное место во дворе занимал большой каменный двухэтажный дом – «Комендатура лагеря №27». Так было написано крупными буквами на русском и немецком языках на прибитой к стене над входом доске, а сзади от нее две дюжины длинных деревянных бараков, покрашенных в ядовитый зеленый цвет. Рядом с ними росли деревья, но их было немного. В основном, чахлые березки с редкой листвой. Наверное, тоже считали себя заключенными под стражу, потому и не развивались как надо. В отличие от их сестер по ту сторону колючей проволоки. Узицей может быть и растение в цветочном горшке.

Справа и слева от комендатуры виднелись другие здания, всего не разглядишь. Вообще, территория лагеря была довольно обширной и тут давно функционировали библиотека, кухня, столовая, спортивная площадка, баня, лазарет и кинозал. Но это уже совсем непозволительная роскошь для побежденных немцев. Хотя кто их поймет, этих русских! Так, должно быть, думали вновь прибывшие военнопленные.

Они тревожно переминались с ноги на ногу на плацу перед комендатурой. У многих из них за спиной висел походный кожаный ранец с личными вещами. Кроме Питера Стоуна. Выстроенные на плацу военнопленные ждали уже довольно долго. С любопытством оглядывали место своего вынужденного временного обитания. Мало интересного, лагерь как лагерь. Хотя с чем сравнивать? В прошлом ни у кого из них ничего подобного не было. Однако в неволе твое внимание привлекает любая мелочь, и всё ранее привычное ты видишь и осознаешь по-новому. И внезапно понимаешь, что тебя касается не только то, что нас окружает и происходит в этом мире, но также и то, чего нет и не видно, но может произойти.

А невдалеке от смотрового участка скопилась другая группа военнопленных – старожилы лагеря, и с не меньшим любопытством

наблюдала за новичками. Перешептывались. Большинство было одето в свою военную форму Вермахта, но без погон, шевронов с нашивками и знаков отличия. И, разумеется, без наградных орденов, медалей и железных крестов, хотя наверняка они имелись у всех. А довольно поношенные и застиранные мундиры были самых разных оттенков и цветов, что говорило о принадлежности к тому или иному роду войск. Пехотинцы, лётчики, танкисты, саперы, егеря. Был даже один «фиолетовый» военный священник-капеллан. Да еще парочка «лимонно-желтых» связистов и «голубой» юрист. Словом, полная радуга и еще что-то. Не было только черного цвета. «СС» содержался в других специальных учреждениях.

Среди военнопленных, впрочем, были и такие, которые сменили свою униформу на рабочую одежду, выданную администрацией лагеря. Простые серые холщовые рубахи, штаны, сапоги, тяжелые ботинки. Одежда эта выглядела более опрятной и свежей, да и пуговицы занимали свое положенное место, не то, что «убежавшие» с некоторых кителей и мундиров тех, кто предпочел не расставаться с прошлым. Уж лучше потерять пуговицу, чем последнюю связь-ниточку с Вермахтом. Но все они, и те, и другие, были гладко выбриты, накормлены и чисты, в отличие от вновь прибывших, заросших щетиной, грязных и измученных долгой дорогой на Восток.

Рядом с комендатурой был вбит столб с перекладиной, напоминающий виселицу. Но вместо веревки с петлей на ней висел средних размеров чугунный колокол, который при сильных порывах ветра начинал раскачиваться и звенеть. Тогда в ответ ему раздавался вороний гвалт с облюбовавших самую высокую и ветвистую березу птиц. Час назад колокольным звоном и были встречены въехавшие на территорию лагеря грузовики. Только раскачивал чугунный язык вышедший из комендатуры солдат; так здесь было принято при каком-либо оповещении или процедуре. Общий сбор, отбой, прием пищи или что иное.

На дверях комендатуры и в каждом бараке висело расписание дня, обязательное для всех заключенных:

«7.00 — подъем, уборка помещений

8.30–9.30 — завтрак

9.30–16.30 — работа на территории пункта

16.30–18.00 — обед

18.30–21.00 — культмассовая работа

21.00–22.00 — ужин, вечерняя поверка

23.00 — отбой».

— Добро пожаловать в ад! — выкрикнул кто-то из военнопленных, кажется, Рёске, выражая общее настроение.

Заключенные тихо переговаривались, переминаясь с ноги на ногу. Стоун, неплохо знавший немецкий язык, не вмешивался в разговор, хотя за две с половиной недели тряски в товарняке ему изрядно надоело молчать. Было тяжело и муторно. Но о чем с ними говорить? Они — чужие. Надо искать встречи с советскими офицерами. Они обязаны их всех как-то зарегистрировать. Вот тогда-то всё и разъяснится... Ждать осталось недолго. Может быть, даже сегодня его уже и отпустят. Да еще и извинятся...

Тяжелые ритмичные звуки, исходящие от чугунного колокола, сорвали с невысоких берез стаю ворон. Шеренги военнопленных по команде сержанта-охранника подтянулись, выровнялись. Через пару минут вслед за солдатом-звонарем из дверей каменного дома вышла группа советских офицеров НКВД. С десяток человек, все с каким-то строгим прищуром и тяжелым взглядом. Старший по званию — полковник. Среди них было и несколько неприглядных женщин в военной форме того же ведомства. Некоторое время все они с интересом внимательно рассматривали вновь прибывших, словно это были экземпляры в зоопарке. Наконец, вперед выступил коренастый капитан средних лет с грубыми чертами лица. Как выползший из-под земли корень дуба.

— Прошу всех выстроиться в четыре ряда, подровняться и сохранять спокойствие! — Громко объявил он на хорошем немецком языке. — Живо!

Питер Стоун попытался пробиться вперед, в первую шеренгу, чтобы на него смогли обратить внимание русские офицеры, но протиснуться между двумя танкистами было невозможно. Рядом с Питером стоял аскетичного вида худой мужчина, лет пятидесяти пяти. Рихард Кох, как уже успел узнать по пути в лагерь Стоун. А за ним — злобный толстяк Рёске и унтер Шнитке, с которым он перекинулся за время своего вынужденного пребывания на перроне Белорусского вокзала парой слов.

— Вы находитесь на территории Особого оперативно-пересылочного лагеря номер двадцать семь, в его Третьем отделении, которое через месяц будет переведено в столицу. И вы все отправитесь туда же. Меня зовут Александр Волков, и перед вами начальник этого лагеря полковник Ясин! — Грозно продолжил капитан, указывая на полковника. — Мы приветствуем вас на территории Советского Союза. Вас привезли сюда, чтобы вы восстанавливали то, что разрушили, а дальше... Поглядим и разберемся с каждым в отдельности.

Последние слова заставили пленных внутренне напрячься, насторожиться. Редкие улыбки с лиц стерлись, по рядам военнопленных пробежал легкий шумок. Капитан усмехнулся и продолжил:

— Я координатор Третьего отделения лагеря по вопросам военнопленных. Готов выслушать каждого с его личными просьбами или проблемами по понедельникам после ужина. Через месяц! — Добавил он. — Как я уже сказал, а пока вы остаётесь здесь. Это связано с протокольными мероприятиями, регистрацией, дезактивацией и прочими процедурами.

Полковник подошел к нему и что-то тихо проговорил. Капитан стал еще более серьезным, вытянулся и перевел слова своего начальника:

— Советский народ, советское правительство и лично товарищ Сталин предоставляют вам возможность искупить свою вину перед СССР и реабилитироваться. Любая попытка к бегству будет пресечена соответствующим образом. По беглецу будет открыт огонь на поражение... Без предупреждения!

Питер Стоун смотрел на одну из женщин в форме капитана НКВД — кого-то она ему очень напоминала. На вид ей было около сорока лет. Редкое среди остальных симпатичное лицо, тонкие черты, немного стыдливый взгляд. Невысокая, хрупкая, военная одежда висела на ней как-то мешковато. Ей бы в вечернем платье на каком-нибудь балу щеголять, а не здесь, в лагере. Интересно, кем она тут работает? И главное — зачем? Врач, интендант, следователь?

А капитан Волков заканчивал свою вступительную речь:

— Сейчас вы получите по куску мыла из расчета на один месяц. Тем, кто не имеет сменной одежды, выдадут лагерную. Она хорошая, прочная, удобная, хотя и не от Хьюго Босс, как вы привыкли. Баня раз в неделю и, соответственно, раз в неделю у вас будет горячая вода.

Питер Стоун всё же раздвинул руками танкистов и пробился вперед, сделал несколько шагов к группе советских офицеров, но был остановлен жёстким взглядом Волкова и его словами:

— Стоять! Со всеми вопросами потом. Я уже сказал – когда. Через месяц. Подвожу итоги: сейчас вы сдадите всё, что имеете при себе, включая часы, награды, знаки отличия, погоны. Одежду, предметы личной гигиены, столовые приборы, запасы табака, зажигалки и флаги можете оставить. Фотокарточки тоже. Затем пройдет регистрация, краткая, формальная: вопрос — ответ, чтобы завести на каждого из вас персональную карточку. Советую говорить правду, ложь всё равно потом обнаружится. При более тщательной проверке. И будет только хуже. Предупреждаю заранее. Ответственный за регистрацию — старший лейтенант Корнев с помощником.

Волков указал рукой на двух офицеров, слегка наклонивших головы. Один из них был в очках.

— Ну а после картотеки отправитесь дезинфекционные и банные процедуры. Стричься и мыться. Вас осмотрит военный врач Топорков, вот он, а это фельдшер и медсестра. Мыло и белье получите там же. Всё это находится в ведомости Натальи Павловны, заведующей хозблоком, — он указал рукой в сторону миловидной женщины-капитана, на которую обратил внимание Стоун.

«Значит, все-таки, интендант, — с облегчением подумал он. — Хорошо, хоть не дознаватель».

— А затем дежурные распределят вас по свободным местам в бараках. Старших офицеров отправят в Первое отделение, все остальные: младшие офицеры, солдаты, сержанты — в виде исключения, в Третье отделение, минуя Второе. И это всё на сегодня. Разойдись!

Последнее слово прозвучало как выстрел.

Лондон, Ричмонд, поместье семьи Стоун. 25 июня 1933 года, полдень

На зеленой лужайке, с аккуратно подстриженными кустарниками и ухоженными цветниками, перед красивым двухэтажным домом середины XIX века в классическом викторианском стиле с большим крыльцом два юноши азартно гоняли мяч. Воротами служили каменная скамья и небольшая стела с латинской надписью: «Вальтер, самый верный борзой». Газон тянулся к искусственному пруду с типичным горбатым мостиком с ивами у основания. За ним расстился небольшой парк с лиственными и хвойными деревьями, геометрической формой максимально приближенный к естественному природному ландшафту. Каменные аллеи и извилистые тропинки уютно дополняли его.

Всюду, тут и там, виднелись декоративные стелы с фонарями, в окружении вазонов с розами и цветниками, три беседки и каменные урны, расположившиеся в тени величественных ливанских кедров. А перед самым домом — три постамента с мраморными бюстами Веллингтона и Наполеона. Станный выбор в отношении последнего, поскольку хозяин предместья лорд Мэтью Вильям Стоун никогда не считал его своим кумиром. Но отдавал должное побежденному сильному врагу. А третий постамент оставался пустым. Злые языки поговаривали, что это место предназначалось для него самого, естественно, после смерти.

Воротами, в принципе, могли бы послужить любые два дерева, но всё дело в том, что на скамье сидела очаровательная девушка в атласном голубом платье и белой ажурной шляпке и посматривала в открытую книжку. Делала вид, что увлечена чтением, но больше следила за молодыми футболистами. А те тоже притворялись, что увлечены игрой, однако, кроме мяча здесь был магнит попристягательней. А ясный солнечный день, да и вся жизнь впереди, обещали много чудес и радости. И счастья.

— Ладно, Джесси, хватит пинать мяч без толку, — сказал, наконец, Питер, останавливаясь. И крикнул, обращаясь к девушке на скамье: — Мэри, пойдешь с нами в гребной клуб?

— И буду теперь там смотреть, как вы веслами воду месите? — Задорно откликнулась она. — Тоже мне — удовольствие! Нет уж, я лучше Китса дочитаю.

— И что ты в нем нашла? — проворчал Джесси. — Йетс, на мой взгляд, гораздо тоньше. А уж его «Ветер в камышах» вообще... Певец «кельтских сумерек» одним словом. Не даром Нобелевскую премию получил.

— А по мне так ничего лучше Киплинга нет, — заявил Питер. — Поэт-воин. Слава Британии — его стихия.

— Но в армию так и не попал из-за близорукости, — насмешливо возразил его друг.

— А твой Йетс — каббалист. И Киплинг Нобелевскую премию еще раньше взял. Первым из англичан.

— Хватит вам спорить! — остановила их девушка. — Нашли чем меряться. Готовились бы лучше к Оксфорду. Экзамены на носу. Письменную работу одолеете? Эссе напишите? Или только футбол и бокс с греблей на уме? Ты, Питер, уже выбрал факультет?

— Он — за тобой, куда ты — туда и Пит, — усмехнулся Джесси. — Хоть лингвистический, хоть гуманитарных наук. Ему всё равно. Решать тебе.

— Ты за меня не отвечай, — смутился юный лорд. — Сам-то с нами или всё на биологию и медицину тянешь?

— У меня отец и мать были врачами, и дед тоже, не то, что твои предки, сэр Питер. Одни воины и управленцы, как твой папа. Так что, пожалуй, и я не стану менять традицию.

— Мы с тобой одной крови, ты и я! — Возразил Питер.

— Я ведь говорил, без Киплинга никуда! И все-таки тебе лучше идти в Вулидж, Королевскую военную академию. Прямая дорога. Уинстон Черчилль, хоть и дальний ваш родственник, это бы одобрил, ведь и сам выходец из Сандхерста.

— А с кем теперь воевать-то? С русскими?

— С Гитлером, ответил Джесси.

— Что Гитлер, он разве опасен?

— Опасен, бестия, еще заявит о себе. Чувствую, что большая война еще впереди, но против Британии кость слаба. Сломается.

— Войны не будет, — вмешалась в разговор Мэри. — Наши политики всегда договорятся и привезут нам мир из любой точки мира.

— Не верю я никому, — вновь проворчал Джесси. — А к большой войне готовиться нужно. Врачи понадобятся. И офицеры. Вы его речи слышали, видели его? Он же больной, безумец.

— Надо будет — повоюем, — твердо заявил Питер. — Но сейчас ни о чем таком думать не хочется. Здоровью вредит. А насчет Гитлера ты ошибаешься.

— Нет, мой друг! Версальский договор его не устроит, за Великой войной придет другая! У нас есть все, колонии по всему миру, протектораты, доминионы и прочие владения, у русских земли на тысячи миль. Посмотри на французскую карту... Гитлер захлёбывается от зависти. Немцы опоздали; мир поделен давно, они остались с фигой и пытаются сесть за стол, где все места заняты.

— Насчет «здоровья» будешь теперь обращаться только к Джесси, — мило улыбнувшись, проворковала девушка, пытаясь помянуть тему. — Станешь его первым пациентом.

— Не первым. Нулевым, — поправил Питер.

— Почему «нулевым»? — Удивился Джесси.

— Первый может оказаться и последним. У нерадивых эскулапов часто именно так и бывает в таком сложном деле, как медицина. А вот за нулевым пациентом очереди нет, — пояснил Питер. И засмеялся своей шутке. Потом добавил: — И сколько бы не было за моей спиной больных, при сложении с нулем их число не изменится. Так что твоей врачебной практике эксперименты надо мной нисколько не повредят.

— Остряк! — отмахнулся от него Джесси. — Ну а ты, Мэри? Будешь у меня лечиться?

— Сначала заболеть надо. К тому же, я ворчунов не люблю.

— А весельчаков? — спросил Питер.

— Их — больше.

— Тогда... Выходи за меня замуж. Я серьезно. Заявляю при всех: при Джесси и перед прахом Вальтера, любимой гончей моего прадеда.

Девушка ответила не сразу, сначала внимательно посмотрела на него:

— Я подумаю.

— Вот черт! И тут меня опередил... – проворчал Джесси. — А ведь я первым хотел сделать ей предложение. Только у меня это было запланировано на завтра.

— А для этого надо быть не первым, а нулевым, то есть математически абсолютным, — подытожил юный Стоун. — Это, друг мой, четвертый или нулевой закон термодинамики: теплота от нагретой части изолированной системы распространяется на все ее элементы. Вот я и распространяю её на своих друзей. Ноль — начало и бесконечность. Точка замерзания воды, отсчет долготы, Гринвичский меридиан, порог слышимости в акустике, любимое число Декарта и Ньютона, основа трудов Птолемея, символ всей индийской и шумерской философии.

— А теперь еще и медицины, — засмеялась девушка, выслушав его сумбурный монолог.

— Ты сам-то понял, что сейчас говорил? — сконфуженно спросил Джесси.

— Нет, — честно признался Питер. — Но главное — сказал. Так что, уж извини, брат.

Они действительно были настолько дружны, что считали друг друга кровными братьями. А после того, как почти семь лет назад Джесси Оуэнса усыновили родители Питера, это практически так и было. Но с последними словами юного лорда из ветвистого ливанского кедра с громким карканьем вдруг вылетела ворона и стала кружить над их головами.

— Странно... Откуда она тут взялась? — Задумчиво промолвил Питер, глядя, как черная птица нарезает круги в солнечном небе. — Раньше они здесь не водились. Сходить, что ли, за винчестером?

— Брось, — отмахнулся Джесси, но тоже не спускал глаз с этой предвестницы беды.

Мэри молча смотрела ввысь. Оба они были заморожены этим зрелищем, которое таило в себе какой-то мистический знак.

А Питер все-таки быстро сбежал в дом за ружьем и, почти не целясь, — он был отличный стрелок — произвел меткий выстрел в сторону Ричмонд-парка.

Красногорский лагерь, 22 мая 1945 года, день. Продолжение

С личными вещами, особенно с наградами и погонами, одни пленные расставались легко, словно отряхиваясь от прошлого, другие – с болезненным сожалением, как бы прощаясь навсегда с близким преданным другом. И тех и других было, примерно, поровну. Все они один за другим проходили мимо комендатуры и бросали в деревянные ящики и картонные коробки то, что было запрещено в лагере. Конвоиры поторапливали тех, кто задерживался.

Запнулся на минуту возле наполовину заполненного ящика и Питер Стоун, хотя никаких личных вещей у него в накладных карманах кителя не было. Выворачивать нечего. Но ему было жаль своих капитанских звездочек, стилизованных под орден Бани. И уж тем более не следовало обращаться с ними столь непочтительно – швырять в ёмкость, смешивать с нацистскими регалиями. Поэтому Стоун завернул свое добро в платок, нагнулся и бережно опустил вниз, найдя им укромный уголок сбоку. Далее в окне регистрации и приема личных вещей он сдал стандартный военный ручной хронометр, выданный на сборочном пункте в Англии, а квитанцию аккуратно сложил вчетверо и положил в карман вместе с фотографией.

Питер с грустью вздохнул, но поторапливаемый конвоирами, двинулся дальше — вместе с цепочкой военнопленных — к блочно-му дому, совмещавшему столовую и кухню. В длинном помещении с тремя рядами дощатых столов и лавками горел верхний свет, хотя

за окнами и без того хватало яркого солнца. В торце столовой находились два небольших окна, через которые выдавалась пища. Стоун получил свою миску щей, тарелку каши с говядиной, кружку компота и выбрал свободное место за столом. На нем уже были расставлены блюда с кусочками масла и корзинки хлеба.

Никто не разговаривал, все ели молча. И хотя Питер тоже был голоден, как остальные «товарищи по несчастью», но пищу потреблял без всякого аппетита. Просто быстро выполнил то, что положено организму. Надо было поддержать силы. Главное – регистрация, предварительный допрос. Там он сумеет объяснить, что попал в лагерь по ошибке. Право, не все такие твердолобые, как тот офицер НКВД, затолкавший его в поезд на Восток из Германии?

А регистрация военнопленных проходила так же быстро, как и приём пищи. И действительно носила формальный характер. Надо было успеть до ужина завести на всех персональную учетную карточку, сверить с предварительными данными, и ввести потом в общую лагерную картотеку. А через два дня на Белорусский вокзал ожидалось прибытие очередного эшелона, новое пополнение в Красногорском лагере, и перераспределение в другие лагеря.

Старший лейтенант Коренев и его помощник-стенографист работали быстро и складно, механически, как на конвейере Форда, не поднимая головы от стола. Только перо скрипело. Один чеканил слова, другой отливал их в бумагу. Первый вопрос, заданный по-немецки Питеру Стоуну, когда он, дождавшись своей очереди, вошел в кабинет, естественно прозвучал так:

— Имя, фамилия?

Стоун ответил.

— Национальность?

— Англичанин, соответственно и гражданство британское.

Несколько удивленный взгляд советского офицера. Коренев поправил на носу очки.

— Место и год рождения?

— Великобритания, Лондон, 1916-й.

— Звание и род войск?

— Капитан королевской армии Великобритании, Гемпширский механизированный пехотный полк.

Коренев впервые посмотрел на него более внимательно.

— Когда и где перешли на сторону Вермахта?

— Я не переходил на сторону Вермахта. Попал в плен случайно, по недоразумению.

— Хорошее недоразумение. А тогда объясните, как попали в плен к ним?

— Я не попадал к ним в плен. Я попал в плен к вам.

— Я вас серьезно спрашиваю. Отвечайте правду. Вникните в ваше положение.

— Правду и отвечаю. Это роковая ошибка. Превратности судьбы.

— Такого не может быть. Мы не воевали с союзниками.

— Но, тем не менее, это так. Английский излом, если хотите, крутой поворот, а точка излома....

Старший лейтенант Коренев перебил его:

— Не понимаю вашу аллегорию. Вы не хотите говорить серьёзно, пойти навстречу? Задаю вопрос еще раз: где и когда вы попали в плен к советским вооруженным силам?

— При штурме города Висмар, на линии разграничения зон огня с союзниками, четвертого мая.

— Это уже другое дело.

— Да, но я не воевал против русских.

— Тогда бы вас не взяли в плен. Согласитесь. И откуда вы так хорошо знаете немецкий язык?

— А вы кто по профессии?

— Я профессиональный переводчик.

— Я тоже. Дипломированный филолог-полиглот.

— Будьте разумней, лучше признайтесь сразу. И не юлите тут.
— Последнюю фразу Коренев сказал по-русски.

— Простите, что вы сказали?

Терпению старшего лейтенанта подходил конец. Да и время, отпущенное по нормам на каждого военнопленного, заканчивалось.

— Последний раз спрашиваю: какова ваша принадлежность к войскам Вермахта?

— Бог ты мой! Вы напоминаете мне того таможенника на границе, который всё допытывался у Виктора Гюго: кем он работает? Это исторический факт, литературный анекдот. Писатель отвечает: «Пишу». Тот не понимает, вновь спрашивает: «Род деятельности?». «Писатель». «Отвечайте серьезно, чем вы зарабатываете на жизнь?» Автор «Парижских тайн» всерьез говорит: «Пером». Тогда таможенник облегченно вздыхает и записывает в документах: «Виктор Гюго, торговец пером». Так и вы, господин лейтенант. Верить надо.

— Не учите меня, чему верить, а чему нет! Вы немцы, очень хитрая нация. И коварная...

Помощник-стенографист оторвал голову от бумаг, спросил:

— Анекдот записывать?

— Всё пиши.

Лагерный делопроизводитель Коренев забарабанил пальцами по столешнице, минуту раздумывал. Потом принял решение:

— Ладно, ступайте, готовьтесь к банным процедурам. Пусть с вами капитан Волков разбирается.

— А какой номер ставить на карточке? — спросил лагерный писарь.

— Ставь пока нулевой. Следующий!

Стоун просто усмехнулся, выходя из кабинета в коридор и пропуская очередного заключенного. — «Надеюсь, что капитан Волков окажется умнее» — С горечью подумал он.

Конвойный жестом указал ему, куда идти дальше. Это была медсанчасть. Вначале, в небольшой каморке с двумя стульями, его

подстригли наголо ручной машинкой, сбрили щетину, даже брызнули из пульверизатора чем-то пахучим, напоминавшим дешевый одеколон. А может быть, это была какая-то дезинфекционная жидкость. Тоже проделали с соседним военнопленным в этой изумительной парикмахерской. Орудовали две пожилые молчаливые медсестры. Всё это для Стоуна выглядело крайне несуразно, диковато и непривычно.

Затем за него принялся лагерный эскулап Топорков в белом халате, накинутом на плечи, из-под которого выглядывали погоны подполковника НКВД. Разговаривали на немецком, но лучше бы, вообще, не говорили. Не о чем, уж тем более не о здоровье.

— Есть жалобы?

— Нет.

Молодая санитарка, более симпатичная, чем парикмахерши, замерила пульс, давление, рост и вес. Медсестра, помощница Топоркова записала данные и Стоуна отправили восвояси. Теперь путь его лежал в хозблок и баню. Там, в одной из комнат на гранитном столе лежал полуметровый брус темно-коричневого, почти чёрного мыла. Двое военнопленных-старожилов нарезали из него пилой-ножовкой и тесаком порционные куски. Рядом стоял солдат и присматривал за процессом.

Получив причитавшийся ему кусок мыла, больше напоминающий небольшой кирпич, Стоун переместился в раздаточную белья и верхней одежды. Несколько столов, заваленных тем и другим. Хлопчатобумажные трусы, майки, рубашки, штаны, куртки, тоненькие полотенца. Младший интендант, выдающий подходящие комплекты. И снова сержант, зорко наблюдающий за военнопленными. Следили тут за всем и каждым.

Но здесь также оказалась и Наталья Павловна. «Фея-капитанша», как мысленно окрестил её еще прежде Питер Стоун. И он, получив свой комплект одежды, выбрав подходящий момент, вдруг решил обратиться к ней с дурацким вопросом:

— А шапки-ушанки выдавать будут?

Заведующая хозблоком ничего подобного не ожидала, но, внимательно посмотрев на Стоуна, всё же, охотно ответила:

— Конечно. Не волнуйтесь. Замерзнуть не дадим. Но пока рано. Разговор велся на немецком языке.

— Хорошо.

Наталья Павловна с любопытством смотрела на Питера. Наверное, в размеренной жизни и скучной череде дней ей впервые попался такой необычный военнопленный. Не похожий на других. И по-немецки говорит с непонятным акцентом.

— Меня зовут Питер Стоун, я англичанин, — неожиданно сказал он. Эту фразу он произнес по-английски. Просто очень хотелось хоть кому—то признаться. Так, неожиданно!

Теперь Наталья Павловна, кажется, поняла его. Это было видно по её лицу. Значит, язык знала. Но ответила она ему по-немецки:

— Вы задерживаете очередь. Идите теперь прямо по коридору, там душевая.

И добавила:

— Питер Стоун.

«Баня» представляла собой обычное помещение с цементным полом, разделенное на две части, по центру которого во всю длину были расположены лавки. Слева — умывальники с кранами, жестяные раковины вдоль стен, справа — душевые кабинки с перегородками, но без дверей. Под потолком трубы во всю длину помещения.

Стоя под душем с тонкой струей тепловатой воды, намыливая голову и всё тело, счищая грязь, испытывая истинное удовольствие от купания, Питер Стоун впервые за прошедший месяц чему-то радостно улыбался. Без всякой причины, как в детстве. Смывая негативные эмоции.

Лондон, Ричмонд, 1938 год, сентябрь – октябрь

После того, как Питер сделал предложение своей возлюбленной, прошло пять лет и серьезность своих намерений он подтвердил год назад наследным помолвочным кольцом с крупным изумрудом, которое Мери Леннокс носила на безымянном пальце левой руки все это время. С тех пор пара вела себя более вольно, согласно английским традициям. Что это значило? Лишь то, что они могли обмениваться на людях легкими поцелуями и больше «ничего лишнего». Но даже это всякий раз раздражало Джесси Оуэнса. Он ворчливо высказывался:

— Хватит вам целоваться, учебу совсем забросили! А вот интересно если помолвка сорвется — кольцо к Питеру вернется?

— А тебя только это волнует?

— Нет, просто удовлетворяю любопытство.

— Тогда я удовлетворю его, — улыбался жених. — согласно древним правилам, кольцо будет уничтожено. Это поможет нам избежать неудач в любви в дальнейшем. Только ты на это не надейся; наш брак магический, связан кровью и заключается один раз и на всю жизнь.

После такой перепалки Джесси каждый раз подходил к ним, раскрывая объятия и тихо говорил:

— Как вы прекрасны и, как хорошо, что вы у меня есть!

За месяц до свадьбы, вопреки традициям, Питер и Джесси со своими товарищами покинули пределы страны и отправились на материк — в Париж и Рим, где Питер прощался с холостяцкой жизнью, и друзья праздновали «мальчишник». В выборе развлечений они себя не слишком ограничивали, но об этом предпочитали не распространяться. По крайней мере, алкогольных вечеринок и прощаний со свободой было достаточно. «Девичник» Мери был значительно скромнее и ограничился посиделками с подругами за

неделю до свадьбы за чайным столом и разными вкуснейшими яствами без ограничений.

И Мери продолжила готовилась к свадьбе, дел хватало. Прежде всего, самое главное: определиться с платьем. Выбрать фасон, ткань, белый или кремовый цвет? Важно, чтобы он подходил под жилет и бабочку жениха. А еще решить, наконец, традиционное «правило трех вещей». Оно означало, что невеста должна выбрать на церемонию бракосочетания и положить в свою сумочку? Требовалось обязательно иметь при себе три предмета: вещь, взятую в долг, что-то новенькое и что-то старинное. Над этой проблемой пришлось поломать голову. В итоге, с помощью подруг Мери «отмучилась». Остановилась на мамином браслете, голубой подвязке кузины и декоративной подковке, купленной в ювелирном магазине. А монетка в шесть пенсов для туфельки, гарантирующая долгую и счастливую жизнь, была давно приготовлена и хранилась под подушкой. Так же, как и алая лента вокруг пояса.

Местные жители, а особенно Стоуны и Ленноксы были истовыми прихожанами одной из самых популярных церквей Ричмонда, имеющем право регистрации почти два века и где нёс службу старинный друг семей Стоунов и Леннокс отец Оливер. Он же когда-то давно в свое время крестил и Питера, и Мери. Венчаться нужно было обязательно в сентябре, в период от сбора урожая до Рождества, тогда совместная жизнь будет хорошей и богатой. И лучше всего в среду, в полдень. Так оно и случилось.

Свадебная церемония поражала своей пышностью и строгим торжеством. Впереди объединенного свадебного кортежа — пешего, автомобильного и конного — шли девочки в белых платьях с разнообразными цветами, редкими и полевыми. У входа в церковь молодожёны символически перепрыгнули через низенькую скамейку. Отец Оливер повел их к алтарю. Следом шли родители Питера и Мери, шаферы, друзья и родственники, съехавшиеся со всей Англии. Весь обряд венчания сопровождался пением

церковного хора. А после церемонии, дождавшись, когда отобьют куранты, все выходили из церкви, Питера и Мери под божественные звуки органа осыпали лепестками роз, горчичными зернами и конфетти.

— Ты даже не представляешь, как я тебя люблю! — Не скрывая своего счастья, промолвила невеста.

— И я люблю тебя больше всего на свете, — ответил жених.

— И я люблю вас обоих, — обнимая их за плечи, выразился Джесси, исполнявший на свадьбе роль шафера.

Затем они все вместе отмечали торжество в родовом поместье Стоунов. Главным украшением стола для гостей был большой многоярусный торт-кекс, оставшиеся куски от которого потом по традиции бережно хранились несколько месяцев. Но вначале, перед «свадебным завтраком» молодые элегантно исполнили первый танец молодоженов. В меню входила баранина с тушеными овощами, шампанское, белое и красное вино. Перед сном молодым было предложено выпить медовый напиток. Для благополучного зачатия. И они с удовольствием выполнили этот ритуал, выпив по целой чаше.

Подарков было так много, что они заняли целую комнату. И не распаковывались потом весь медовый месяц. Лишь в конце октября Мери и Питер занялись их осмотром. Вскрывали коробки, развязывали свёртки, писали в ответ открытки с благодарственными словами. В свадебное путешествие они отправились во Францию на Лазурный берег, где провели две недели на берегу моря, а потом еще на две недели уехали в Париж. Перед отъездом заботливая миссис Анна Стоун напутствовала сыну: — «Тщательно все проверь, чтоб ничего не забыть, и зонтик тоже! Погода ты знаешь какая капризная». А Мери она сказала: — «Будьте осторожны, дорогая, когда вы переходите дорогу, ты же знаешь, они там, на материке ездят по неправильной стороне. А переходя дорогу, сначала смотрите вправо, а дойдя до середины — влево!» Вернулись в

самом конце октября. Для них уже было обустроено левое крыло родового поместья Стоунов.

После вечернего чаепития, Джесси, когда родители вышли из гостиной, отлучился, но вскоре вернулся. Да не один. В руках он держал деревянный ящичек. Сюрприз.

— Еще один подарок, — сказал он. — Потом вскроете.

— Интересно, что нам приготовил этот милый ворчун? — Спросила Мери, когда они остались вдвоем.

— Сейчас посмотрим, — отозвался Питер, вскрывая крышку.

На свет явилось чучело черного ворона. Того самого, которого когда-то подстрелил в солнечный полдень Питер. Таксидермист постарался придать ему безобидный вид.

— Какая прелесть! — Воскликнула юная жена.

Молодой муж ничего не ответил. Он был другого мнения; чучело таило какую-то мистическую угрозу.

Красногорский лагерь, 22 мая 1945, вечер

После ужина заключенных развели по баракам, или, как их здесь иногда называли сами русские — казармам. Барак №3, в который попал Питер Стоун и некоторые другие военнопленные из вновь прибывшей группы, представлял собой длинное, как скамейка, жилое помещение с двумя рядами двухэтажных дощатых коек с этажерками для личных вещей на торцах. С кроватей, застеленных матрасами, кое-где свисало и сушилось что-нибудь из одежды, полотенца, куски тряпок. На тумбочках внизу лежала посуда. На одной из них даже находился трофейный аккордеон. В конце барака, как и в начале, были установлены чугунные печи с выведенной наружу трубой. И хотя лето только начиналось, и до зимы было еще далеко, но днем и ночью помещение слегка подтапливалось. Старожилы-заключенные не ожидали скорого освобождения и готовились к холодам...

Питер Стоун занял свободную нижнюю кровать напротив Коха, слева от него разместился Шнитке. Для англичанина пришло время познакомиться по-настоящему, представиться, обменяться рукопожатиями. Хотя первым руку ему протянул обер-лейтенант.

— Кох, Рихард Кох.

— Питер Стоун. Вы говорите по-английски?

Кох ответил на этом языке:

— Да, я говорю по-английски. А вы по-немецки?

— Раньше больше понимал, но в последние несколько недель у меня была неплохая практика.

— Спасибо русским?

— Косвенно, да, спасибо русским, а если прямо, то вашему брату; не думал, что немцы столь болтливы.

В разговор вмешался Шнитке:

— Я заметил вас еще на вокзале, когда мы прибыли... Ведь на вас английская форма?

— Да, была... А теперь она лежит на полу, источая зловоние.

Стоун посмотрел на свою рабочую одежду, как бы удивляясь новому обличию. Наверное, только змеи радуются, когда линяют и меняют шкуру. Люди привыкают с трудом.

— Мы все здесь источаем зловоние время от времени, — сказал кто-то из старожилов с соседних нар. Разговор теперь велся на немецком языке.

— И что здесь вообще происходит, как проходит быт, вы что-нибудь узнали? — Спросил у него Стоун.

— Каким он может быть? Очень скудный, не для того нас сюда привезли, чтобы украшать нашу жизнь, — ответил старожил.

— А всего остального хватает, даже в избытке, — добавил еще кто-то, — хотя можно было ожидать худшего.

Питер устало произнес:

— Ну я к этому особого отношения не имею и поэтому задерживаться здесь не собираюсь.

— Искренне вам верю, — сказал Кох.

А кто-то из старожиллов назидательно произнес:

— А пока нам всем надо подготовиться к тому, что завтра у нас будет обычный день арестанта, такой же, каким он был вчера и позавчера и месяц назад у всех других заключенных, оказавшихся тут прежде нас. Спите.

— Это разумно, — согласился Кох. — Успеем наговориться. А сейчас я просто валяюсь с ног. Спокойной ночи.

У Стоуна уже смыкались глаза, и он ничего не ответил. А сон был радостный, из прошлого Рождества...

Глава Третья

Лондон, Ричмонд. 1938 год, Рождество

Отец Питера — сэр Мэтью Вильям Стоун был давним другом отца Мэри Леннокс – Гумберта. А жены обоих высокопоставленных лордов — Анна и Грейс — также приятельствовали с незапамятных времен. Так что бракосочетание их любимых отпрысков стало логическим завершением негласного обоюдного стремления родовитых семейств и началом новой ветви генеалогического древа. Жили они также по соседству. Этот район издавна славился не только великолепной утонченной архитектурой, но и обширными, обрамляющими здания, зелёными зонами. Здесь было множество аллей, дорожек, тропинок, троп, пеших, велосипедных и конных. Это были любимые места отдыха и занятий спортом молодых членов семейств Стоунов и Ленноксов, наконец-то породнившихся, как того долго чаяли некоторые коренные ричмондцы. А чуть дальше, в Richmond upon Thames располагался боксерский клуб, на открытом первенстве которого вот уже третий год подряд главный приз в своей категории брал молодой Питер Стоун. К недовольству родителей.

Перед Рождеством он в очередной раз одержал победу. И на следующий год должен был состязаться в первенстве Англии. Хотя Мэри и возражала. Ей этот вид спорта никогда не нравился.

— Это самый умный вид спорта и единственный, где обязательно надо иметь голову, — говорил Питер.

— Почему? — Наивно спрашивала Мери.

— А потому, моя дорогая, она нужна для того, чтобы было по чему бить.

А пока все Стоуны и Ленноксы готовились к Рождеству. Этот семейный праздник решили провести все вместе. Да еще пригласить отца Оливера, когда он закончит службу в викторианской церкви, где венчались Питер и Мэри. Ну и Джесси Оуэнс, понятно. Он уже давно был полноправным членом семьи, жил в доме и имел свою комнату также, как и Питер в холостяцкой жизни.

Любой англичанин, считает Рождество сугубо семейным праздником. Стоуны и Ленноксы накануне двадцать пятого декабря весь день занимались торжественными приготовлениями, украшали комнаты в обоих поместьях (решили справлять праздник в обоих домах по очереди), наряжали ёлки, упаковывали подарки, готовили рождественские блюда. Грейс Леннокс, отдавая дань традиции, готовила вместе с кухаркой индейку с крыжовниковым соусом и большого гуся. На Анну был возложен сладкий овсяный пудинг, с запеченной внутри монеткой на удачу, и огромный пирог. Мужчины отбирали вина из погребов, готовили ингредиенты к пуншу, репетировали в уме остроумные тосты. В этот, и на следующий день, традиционно поздравляли и одаривали подарками не только родных и близких друзей, но и тех в округе, кого знали постольку-поскольку. Почтальонов, продавцов, дворников, помощников по хозяйству, а также нищих и обездоленных.

Каминный зал был украшен красивой ёлкой, на верхушку которой была посажена голубая звезда — напоминание о Вифлеемском светиле. А вокруг самой красавицы разложены

главные атрибуты праздника: красные носки, украшенные узорами, небольшие венки со свечами, ветки остролиста и плюща. А на столе рядом, кристингл — апельсины с насаженными в них свечами, карамельные трости и, конечно, рождественское печенье для Санты.

Конечно, погода в Ричмонде в Рождество как обычно была сырой, пасмурной и дождливой, но ближе к полуночи и она чуть смиловилась и порадовала чистым небом с яркими звездами. Все высыпали во двор. Возле парадного входа, рядом с бюстами Веллингтона и Наполеона началась настоящая феерия, украшенная салютом и фейерверком.

Мэтью, Гумберт, Грейс, Анна, Питер, Мэри, Джесси и отец Оливер стояли полукругом, обнимались, смеялись и что-то говорили друг другу. Это было последнее мирное Рождество, которое им доведётся встретить. Пройдет еще много времени, долгих восемь лет, прежде, чем всего один человек, из всех здесь собравшихся, возвратится к этому месту перед парадным входом в Стоун—холл. Принцип веры, помогавший ему пройти суровый горестный путь, по-прежнему будет с ним...

Красногорский лагерь, 23 мая 1945 года, утро

После того как колокол известил о побудке, военнопленных выстроили на плацу, началась проверка. Затем все занялись личной гигиеной и водными процедурами и всех вернули в бараки; интернированные занялись уборкой помещений, кто хотел – делал зарядку. Среди них оказался и Питер Стоун. К восьми тридцати всех под конвоем отправили в столовую. Здесь же обедали и ужинали. Обычное длинное помещение со столами и стульями. В торце два окошка, через которые получают еду.

Стоун получил свою миску с кашей, кружку чая, и сел за свободный стол. Рядом с ним оказались Кох и Рёске напротив. Еще трое немцев с разных сторон молча кивнули ему. Один из них

протянул для знакомства руку, представился. На столе стояла общая тарелка с хлебом и блюдец с кусочками масла. Кох вытащил ложку из нагрудного кармана и принялся за еду. Питер вспомнил, что позабыл взять у раздатчика пищи казенную ложку, встал и направился в торец столовой. Его остановил один из конвойных. На неплохом русском и с помощью жестов англичанин объяснил, что ему нужно. Солдат велел стоять на месте и сам принес ложку.

Поблагодарив, Стоун вернулся к столу и тут убедился в том, что ни хлеба, ни масла в тарелках больше нет. Зато перед Рёске лежат сразу два куска. Скрыстничал, так сказать, в открытую. Видно, тем самым хотел показать презрение и ненависть к затесавшемуся среди них англичанину. Питер не стал нервничать и громко возмущаться, хотя можно было бы обратиться к дежурному офицеру, лениво наблюдавшему за пленными у входа в столовую. Он сказал Коху следующее, выбрав его посредником в урегулировании зреющего конфликта:

— Наверное, этот человек очень голоден. Спросите, пожалуйста, мистер Кох, так ли это?

— Рёске, верни Питеру Стоуну его хлеб и масло, — бросил в сторону толстяка Рихард.

— Нет, нет, я ведь не просил вас принимать участие в решении моих проблем, — возразил Стоун. — Я просил вас только перевести с английского на немецкий. Или же я сам буду говорить на плохом немецком языке. Кох привстал со своего места и, обращаясь к Рёске, дословно перевел слова Стоуна:

— Ты очень голоден? Так ли это?

— Свинья! — Пережевывая пищу, отозвался Рёске.

Питер начал отвечать ему по-немецки, четко выговаривая каждое слово:

— Не сказал бы, что рад познакомиться с вами, но представлюсь еще раз. Меня зовут Питер Стоун, и я надеюсь, что в дальнейшем вы не будете лишать меня аппетита своим присутствием.

— Английская свинья! — Взорвался Рёске, бросив ложку на стол.

— Это я уже понял, — спокойно произнес Стоун. – Но английской свиньей вы быть никак не можете, даже если очень постараетесь. А если вам очень хочется обозначить свое происхождение, то добавьте к этому другую приставку, типа: баварская, саксонская или вестфальская.

За этим столом, да и за ближайшими к нему, интернированные перестали есть. Все взгляды были прикованы к Рёске и Стоуну, ожидали развязки инцидента. Тревога нарастала. Кох опустил голову, было видно, что ему стыдно за происходящее. А Рёске покрывался испариной, ему становилось трудно дышать. Наверное, он страдал одышкой. А тут еще нервное напряжение... Черт знает, чего можно ждать от этого англичанина... Парень он крепкий. Ну ладно, потом разберемся, не сейчас... Будет еще время.

Через минуту, видя, что Рёске вновь принялся за еду, Стоун произнес по-немецки, обращаясь ко всем сразу – кто его мог слышать:

— А вам, господа, я хочу сказать, что сожалею, что вам пришлось увидеть и услышать всё это. Я никак не предполагал, что мой первый завтрак в лагере пройдет таким образом.

И сев за стол, принялся за трапезу.

После завтрака, улучив минутку, Кох тихо сказал Стоуну:

— Питер, хотел вас предупредить, чтобы вы были поосторожнее с Рёске. У него погибли все вожаки и ему теперь не за кем идти. Как бешеному волку, оставшемуся без стаи. И он сейчас готов свалить все свои проблемы на первого встречного. А в качестве мишени выбрал именно вас.

— Но почему? Считает, что я виноват в том, что он оказался здесь? А ведь ему следовало бы винить в этом тех, кому он был так фанатично предан.

— Или хотя бы русских, — согласился Кох. — Но ведь они для него теперь недосыгаемы, а вы рядом. Один и без защиты.

— Я всё—таки хотел бы переговорить с ним, объяснить.

— Не советую, не поможет, — сказал Кох. — Он до самозабвения уверен, что вы его смертельный враг и ненавидите немцев.

— Это не так, — отозвался Стоун после некоторого молчания. — В моей семье не учили злобе, враждебности, мой отец не учил меня ненавидеть кого-либо. Он учил меня другому: любить Британию.

Красногорский лагерь, 23 мая 1945 года, вечер

Перед сном было свободное время, и многие заключенные прогуливались возле своих бараков, разбившись на группки, либо в молчаливом одиночестве. Стоун, Кох и Шнитке составили «свою» троицу и вели тихую и неторопливую беседу. Ознакомительную, так сказать. Но она несла в себе еще и тяжесть воспоминаний. Хотелось расслабиться после долгого замкнутого в себе вынужденного молчания. Скоро должен быть зазвонить колокол, означающий сигнал к отбою.

В бараке поговорить бы не удалось. Кто-нибудь рядышком мог притворяться спящим, подслушивать. Доносчиков всюду хватает. Но если это было и так, то навряд ли он мог услышать что-либо тайное, запрещенное или опасное для советской власти. Впрочем, порой достаточно любой мелочи. А чтобы мысли заключенных шли в правильном направлении, в каждом бараке в проходе на тумбочках дежурным были заботливо разложены газеты, издававшиеся антифашистским Национальным комитетом «Свободная Германия». “Фрайес Дойчланд” и “Нахрихтен” — ориентированные на немцев, “Миттайлунген” — для австрийцев, “Йегос-зо” — для венгров, “Альба” — для итальянцев, “Гранул

либер” — для румын. Таково было лагерное правило. Пусть просвещаются и перековываются.

А тихий разговор у этой троицы шел об Арденнской операции, в которой все они принимали непосредственное участие, правда, по разные стороны фронта. Двое – против одного. Как во время сражений. А это и было, в какой-то степени, «бессильное продолжение войны».

— Согласитесь, что сильнейший удар Вермахт нанес по англосаксам между 44-м и 45-м годами, — доказывал Шнитке. — И вы еще могли проиграть эту войну. Вы в Арденнах, и русские на Балатоне!

— Я так не думаю, — возразил Кох. — Мы были обречены изначально.

— Это другое, а я говорю именно о той операции. По-своему гениальной. Как только у Гитлера мозгов хватило.

— Не спорю, это был самый мощный удар по союзникам, — кивнул Стоун. — Ваше наступление оказалось для нас полным сюрпризом. Замысел, действительно, смелый, хотя и авантюрный. На третий день боев — 19 декабря — вы вплотную подошли к огромному складу горючего около Ставело.

— А это более десяти тысяч тонн, — вставил Кох.

— Упустили инициативу, — вставил Шнитке. — Я не большой стратег, но, даже рядовому солдату ясно, что после высадки в Нормандии, когда вы уже к декабрю 1944 года вышли к Рейну, повели себя пассивно. Похоже, вы рассчитывали на быструю капитуляцию Германии, или на сепаратный мир с нами, что тоже вероятно.

— Конечно, подобное за спиной России вызвало бы в мире бурю протестов и возмущения, но ваши боссы всегда умели произносить успокоительные речи для народа. Вот только Сталин не поверил бы ни Черчиллю, ни Рузвельту, — продолжал Кох. — Правда и то, что Рейх отнюдь не собирался еще сдаваться. И фельдмаршал Рундштедт 16 декабря 1944 года нанес удар в направлении на Льеж.

Фронт англосаксов вскрыли очень быстро, и мы готовились к полной ликвидации его северного крыла.

— Сепаратный мир с нами, англичанами!? После бомбежек Лондона и других городов? Потом еще и ракетами Фау!? Это невозможно, ни при каких обстоятельствах. И с американцами он вряд ли мог быть реализован.

— Я скажу, как очевидец, — вставил Кох. — Картина была ужасной, напоминала полный разгром.

— Это правда, — признался Стоун. — В Северной Франции слабо, но в Бельгии вы нас немного потрепали, Вермахт показал себя с лучшей стороны. Скажу, как очевидец. В тот вечер 16 декабря все было, как обычно. 75 тысяч союзных солдат и офицеров от Эхтернаха до Моншау отошли ко сну. А ночью началось светопреставление. Вы начали наступление при массовой поддержке Ваффен-СС — я такого еще не видел. Это был шаг отчаяния, как будто надеялись на чудо. В среде солдат была даже паника, я такого не ожидал.

— Наши танковые войска, участником которых я был, прорвали вашу линию обороны в пятьдесят километров. И пехота, «во главе» с нашим доблестным унтер-офицером Гансом Шнитке, хлынула в этот прорыв, как вода во взорванную плотину. И по всем дорогам, ведущим на запад, вы бежали, сломя голову.

Немного помолчав, Стоун произнес:

— Это было тактическое отступление, временное. Мы ценим жизни наших солдат, и победа любой ценой не является нашим главным принципом. Ведь потом все изменилось. Авиация начала наносить бомбовые удары по вашим войскам и коммуникациям.

— У нас катастрофически не хватало горючего, наступление иссякало, и погода сыграла на вашей стороне.

— Это Промысел Божий, только и всего, — подытожил Стоун. Они помолчали.

— А настоящий перелом я почувствовал только в апреле — моральный перелом, — констатировал Кох. — Фитиль погас, и ратная работа закончилась. Но для того, чтобы это стало фактом, вовсе необязательно воевать до последнего дня войны. А порой — и после него. Как артиллерист Фридрих Рёске.

— А ведь если бы не русское наступление — катиться бы союзникам от Арденн до Парижа и дальше, — добавил Шнитке. — В море бы их не сбросили, но вряд ли союзники смогли бы тогда продвинуться в Германии так далеко, как они продвинулись.

Потом, когда тема Арденн иссякла, унтер-офицер спросил:

— Ну, и как вам в новой обители?

— Зловонно, как говорит Питер, — коротко охарактеризовал Кох. И добавил: — Впрочем, быт как быт. Тяжко, правда. Я вздрогнул, когда зазвонил колокол. Теперь он будет нас будить, призывать к трапезе, сообщать о начале рабочего дня, напоминать об отбое. И всегда по его сигналу мы аккуратно построимся внутри казармы или на плацу.

— Вестник лагерной сутолоки, — сказал Стоун.

— Верно, — согласился Кох. — А вскоре мы начнем относиться к колокольному звону, как к условному рефлексу и выделять слюну. Мы ведь приучены к дисциплине. И это нас спасает.

— Рихард прав, колокол — это порядок, а без порядка мы, немцы, словно младенцы без матери, — вставил Шнитке. — К вам, Питер, это не относится... Но и вы скоро приспособитесь. Кстати, я узнал, что в библиотеке есть очень ценный человек — Хендрикс. Может достать зубной порошок, консервы... Правда, только по воскресеньям.

— Что еще может этот человек? — поинтересовался Кох.

— Не знаю, но думаю, что много, так говорят старожилы. В каждом лагере или тюрьме есть такой человек. Умелый. Его обязанности — снабжать из воздуха людей самыми элементарными и необходимыми вещами в любых условиях.

— Фокусник, одним словом. Тогда надо с ним познакомиться, он действительно может быть нужен.

— Вот, и я о том же. В воскресенье пойдем.

Глядя на облепивших ветви деревьев птиц, Питер Стоун вдруг произнес:

— А вороны здесь те же, что и повсюду. Идут по следу, как у Эдгара По в его знаменитой поэме!

Never more, — согласился начитанный Кох.

— Они мне напоминают эсэсовцев среди других птиц. Не только черным цветом, но и повадками, хотя здесь у них другой окрас.

Стоун хотел добавить, что, как и героя этой загадочной поэмы американского классика-мистика преследовал черный ворон, каркая всякий раз: «Больше никогда!», так и за ним с некоторых пор неотступно следует вещая птица, убитая им из винчестера много лет назад в родовом поместье в Ричмонде. Той самой, из которой потом таксидермист сделал чучело по воле Джесси Оуэнса. И пришло это ощущение с началом войны с Гитлером. Почему? Неужели наличие и проявление потусторонних сил напоминают людям, что жить надо по-другому, а значит, все их земные дела находятся под пристальным вниманием. Так или иначе, но природа заставляет задуматься человека о том, что в жизни всё не так просто, как кажется, на первый взгляд.

Но Стоун выбросил эти мистические мысли из головы. А тем более не стал их высказывать вслух. Это было бы недопустимо. Всё равно, что жаловаться вчерашним врагам на какой-то фантом, призрак, демонстрируя малодушие. Нет, англичанину это непозволительно. Аристократу тем более. А тайные мысли пусть и остаются наедине с ним, в его сокровенном уголке сознания. Да если рассуждать здраво, всё это лишь тяготы неволи, когда ты порой опираешься не на трезвый рассудок и реальность мира, а ищешь

утешение в потустороннем и зыбком, словно больше неоткуда взять силы.

Однако Господь всегда подает нам какие-то знаки, от которых нельзя отмахиваться. Ведь, возможно, это и есть главный путеводитель в нашей жизни. И нужно лишь приложить духовные усилия, чтобы понять то, что предсказывает нам судьба. Но с кем здесь поговорить об этом? О такой сокровенной теме, как область сверхъестественного, мистического в жизни человека? Теме сложной, загадочной, таинственной... Разве что с Кохом... Ведь рано или поздно каждый серьезный, задумывающийся о смысле мироздания и бытия человек, приходит к ней, пытается постигнуть всё необычное и не поддающееся обыденному разуму. А кроме Эдгара По, есть и Оскар Уайльд с его «Портретом Дориана Грея», русский Гоголь и многих других писателей, собравших в своих произведениях сотни случаев проявления в жизни человека загадочного и необъяснимого? Нет, все это мелочи!

— К черту ворона! — Просто сказал Стоун. И потер лоб, словно выбрасывая из себя все эти мысли.

А Рихард Кох, который, несомненно, представлял здесь одну из редких интеллектуальных фигур, пристально посмотрел на него и произнес, как бы угадывая то, о чем он думал:

— А вы знаете, что еще в Средние века в единственном экземпляре существовал трактат некоего Фомы Эвбия «Пустая опочивальня черного ворона», запрещенный Ватиканом и хранящийся предположительно где-то в его сверхсекретных архивах? Его еще безрезультатно искали адепты Гитлера. Но так и не нашли.

— Вы к чему это?

— К тому, что не только Эдгар По обострил наше внимание к этой породе птиц. В том трактате, возможно, открыты многие тайны сверхъестественного. Эта тема до того сложная, что никакому научному объяснению не подлежит. Но у нас еще будет время

поговорить об этом. А в конце концов, сама человеческая жизнь — это уже настоящее чудо. И если уж человек родился, то должен жить по человеческим законам и не превращаться своими действиями и делами в черта.

— Согласен.

Они помолчали. А Шнитке напоследок неожиданно спросил:

— Питер, вы женаты? Дети есть?

Ответа не последовало. Унтер-офицер деликатно не стал настаивать.

Тут как раз и начал бить колокол, а зловещий звон его стал разноситься по всему лагерю.

Англия, Оксфорд, 3 сентября 1939 года, день*

В одном из читальных залов Бодлианской библиотеки, уступавшей по фондам и значению лишь Британской, Мери и Питер проводили большую часть свободного времени. И дело даже не столько в том, что нужные для учёбы книги забрать с собой было невозможно – ими разрешалось пользоваться только здесь, их манили тишина и уединение. Не могли, что ли, насладиться этими благодатными дарами у себя дома, в Южном Ричмонде, как законные муж и жена? Но тут было их излюбленное место, среди шороха страниц и шепота любви. Молодежная жизнь в Оксфорде, дословный перевод которого «бычий брод», кипела всегда, но здесь она выпускала пар. Быки, переходящие через реку знаний, умолкали...

Другим их счастливым местом была Кларендонская лаборатория. Там они ничего не делали, даже не целовались, просто внимательно и чуть робко, сидели, держась за руки, и прислушивались к негромкому электрическому колокольчику, который безустанно благовестит с 1840-года. Почти сто лет. Для Питера и Мери это был голос вечности. Сакральный звон,

обещавший то одно, то другое, то третье. Надо было лишь вслушаться, понять и предугадать будущее.

Никто точно не знал, как именно он устроен, этот загадочный колокольчик. Физики поясняли, что он работает на принципе электростатики, и для его бесперебойной работы требуется лишь небольшое количество энергии. А силовые компоненты питания для звенящего устройства были установлены еще при его сборке и герметично залиты расплавленным затвердевшим веществом. С тех пор агрегат никто не трогал, не вскрывал, хотя желающих посмотреть, что там происходит внутри, было много. Питер и Мери также трепетно относились к его звукам и обсуждали работу самого длительного механического элемента в истории, и понять принцип его работы им было крайне интересно и любопытно.

Вот здесь, возле Кларендонской лаборатории их и разыскал Джесси Оуэнс. Одет он был, как и большинство студентов, включая Мери и Питера, в академическую мантию — оксфордский «мешок». Только шарфики у всех разные, по цвету колледжа. У Джесси — медицинский, у них — гуманитарный.

— Бежим скорее, король будет говорить. По радио. Через пять минут начнет.

— А что случилось? — Встревожилась Мери.

— Как, вы ничего не знаете? Вот уж точно говорят: любовь сильнее смерти.

К репродуктору в холле, где собралась масса студентов и преподавателей, они успели вовремя. Как раз прозвучали первые слова Георга VI-го:

— «В этот суровый час, быть может, судьбоносный в нашей истории, я обращаюсь ко всем и каждому из моих подданных в метрополии и в доминионах. Я обращаюсь преисполненный глубоким чувством к каждому из вас, как будто бы переступил ваш порог, и лично говорю с вами.»

В холле наступила тишина, хотя до этого кое-где еще и перешептывались.

— «Многие из вас уже во второй раз услышат сообщение о войне. Снова и снова мы пытались прийти к мирному решению, преодолев противоречия между нашим народом и теми, кто теперь стал нашим недругом. Но все усилия оказались напрасны. Мы были втянуты в серьезный конфликт, и наши принципы обязали нас принять брошенный вызов, ибо торжество зла стало бы фатальным для цивилизованного порядка во всем мире.»

Питер нашел руку Мери и сжал её ладонь в своих пальцах.

— «Это зло, не прикрытое никакой личиной, оно признает законной примитивную доктрину, что сила всегда права. Во имя сохранения всего, что нам дорого, мы считаем недопустимой саму возможность отвергнуть этот вызов. И во имя этой высокой цели, я сейчас призываю мой народ здесь, дома, и мой народ далеко за морем, считать эту волю своей собственной.»

Джесси что-то шепнул на ухо Питеру, но тот не расслышал.

— «Я прошу всех сохранять единство и выдержку, и спокойствие в этот час испытаний. Задача эта нелегка, впереди у нас горькие дни и война сейчас выйдет далеко за поля сражений, но мы должны поступить так, как считаем правильно и благоговейно вручить нашу судьбу в руки Господа. Если все как один, мы станем твердо двигаться по этому пути, тогда с божьей помощью мы одержим победу! Да благословит и сохранит Он нас всех».

После нескольких минут сурового молчания, студенты и преподаватели стали расходиться. Теперь они громко переговаривались, обсуждая не только речь своего короля, но и предстоящую войну. Новость не была столь неожиданной, не рухнула на головы внезапно, как гром среди ясного неба. Еще в августе был издан королевский «Акт о чрезвычайных полномочиях», который предоставлял правительству расширенный карт-бланш на

время войны. А первого сентября английский король подписал «Указ о мобилизации армии, авиации и военно-морского флота».

Чуть позже полномочия правительства были ещё больше расширены: оно получило право вводить чрезвычайное положение, запрещать забастовки, стачки, демонстрации протеста и массовые шествия. А также заключать в тюрьму на неограниченное время без объяснения причин любого иностранца, проживающего на территории королевства. Эта мера была направлена, главным образом, против граждан тех стран, которые находились в состоянии войны с Великобританией. И, разумеется, все доминионы практически тотчас же последовали её примеру, иногда опережая метрополию в принятии судьбоносных решений. К примеру, Канада опередила Великобританию в объявлении войны Японии, а вице-король принял решение за всю Индию, ни с кем не посоветовавшись. По сути дела, вся Британская империя и Британское Содружество наций, от острова Вознесения до Фолклендских островов, присоединились к метрополии. И только Ирландия, совсем недавно получившая независимость, объявила нейтралитет, хотя в течении всей войны её посольство в Берлине продолжало представлять интересы короля Георга VI. Нет, видимо, необходимости добавлять, что ирландцы и англичане всегда жили как кошки с собаками...

Питер, Мери и Джесси вышли наружу и выбрали свободную скамейку перед колледжем и тесно уселись на ней.

— Ну что? — Спросил ворчун, потрясая пачкой свежих газет. — Читайте. «Вчера английское правительство поручило своему послу в Берлине Гендерсону ультимативно потребовать от Германии прекращения военных действий в Польше и отвода германских войск. Выполняя эти инструкции, Гендерсон вручил 3 сентября ультиматум Германии. Английская нота гласит: «Наступление Германии на Польшу продолжается. Вследствие этого имею честь сообщить Вам, что если сегодня до 11.00 часов по английскому времени правительству Е.В. в Лондоне не поступит удовлетво-

рительный ответ, то начиная с указанного часа, оба государства будут находиться в состоянии войны». Теперь повоюем? А я что вам говорил? А ты, Мери, всё возражала: «не будет, не будет»!

— Знаете, что я вам скажу? Теперь Георг VI станет символом нации, — отозвалась она. — А как хорошо говорил, хоть и медленно, но все четко и ясно! Превосходно и ни одного лишнего слова.

— И ведь совсем не заикался, — заметил Питер.

Некоторое время они молчали. Потом Джесси сказал:

— Война с Польшей идет уже третий день, а мы всё тянем. Немцы вовсю бомбят Варшаву, Краков, Данциг...

— А я вот что думаю: война не будет представлять для нас реальной опасности, — произнес Питер. И начал рассуждать вслух: — Почему? Отвечу. Гитлер не захочет воевать с нами всерьез. Британия ему не по зубам. Да, Польша, скорее всего, будет разгромлена. Но в большой политике свои законы. И это всего лишь взаимное маневрирование Гитлера и Чемберлена для получения выгодных позиций при заключении разумного компромисса.

— Между кем и кем? — возразил Джесси. — Компромисс с этим скорбным? Ты говоришь, как наш шизоидный Освальд Мосли. Это на тебя Мери так влияет, она всегда была за Невиля Чемберлена. Это он ей обещал «вечный мир на целые поколения». А что вышло? Нет, Черчилля надо звать в премьеры, только его.

— В тебе говорит пролетарий, — огрызнулся Питер. — Лишь бы повоевать. Да аристократов под гильотину пустить. А у нас, между прочим, семья. Я о Мери должен думать, прежде всего. И о будущем ребенке. Но воевать, конечно, пойду.

— Идиот он, твой Мосли! Геббельс с Гитлером лично поздравляли его на свадьбе и пили с ним на брудершафт. Джесси грустно вздохнул, но после паузы спросил Мери: — Ты беременна?

Мери только слегка кивнула головой. Тема не подлежала обсуждению.

— Ну и хорошо. Ладно, поглядите, что пишет в сегодняшней «Daily Telegraph & Morning Post» ваш Чемберлен, — он раскрыл свернутую газету и зачитал: — «Мы стремимся создать новую Европу, новую не в смысле перекройки старых карт и границ в соответствии с волей победителей, а в том смысле, чтобы Европа была проникнута новым духом и чтобы все населяющие ее нации подходили к существующим между ними трудностям с чувством доброй воли и взаимной терпимости». Это слова Гитлера, только наоборот. А суть одна.

— Чемберлен меня тоже раздражает, и его пустые ничего не значащие слова, — согласился Питер. — Но у нас есть король. И он хорошо сказал в своем радиообращении, твердо и ясно: «это судьбоносный час нашей империи, надо сохранять единство и выдержку, мы одержим победу и да благословит нас Господь!» Тут Мери права. Это сейчас символ нации. С ним — победим!

И Питер, сидя на скамейке посередине, обнял друга и жену за плечи. Что их всех ждет впереди? На это мог ответить только серебристый колокольчик из Кларендонской лаборатории. Но понять смысл электрического оракула был способен не каждый...

А уже через год начались страшные бомбардировки Лондона. Они сыграли трагическую роль в судьбе Питера Стоуна. Вскармливая фашистскую гиену, помогая создавать германскую авиацию, Невиль Чемберлен и другие «мюнхенцы» были глубоко убеждены, что немецкие бомбы не упадут на Лондон, Манчестер, Бирмингем, Ковентри и другие города. Однако только в 1940 году на головы британских подданных пилоты Люфтваффе сбросили свыше 36 тысяч бомб и более 21 тысячи бомб в 1941 году. Уже к концу мая 1941 года более 40 тысяч мирных жителей, половина из них в Лондоне, были убиты в результате бомбардировок.

Но история справедлива и безжалостна к своим «героям». И еще при жизни Чемберлена, в начале октября 1940 года, ушедшего в отставку и доживавшего свои последние дни (он скончался

девятого ноября), она жестоко посмеялась над этим неразумным политиком, ставшим политическим преступником по отношению не только к английскому народу, но и к другим оккупированным нацистами народам Европы. Правда, особенно и не сопротивлявшимся захватчикам, в отличие от британцев.

И ещё что-то. Американский корреспондент Эдвард Р. Марроу, работавший в те годы в столице Великобритании, назвал самым главным успехом нового премьер-министра Черчилля во Второй мировой войне, его знаменитую фразу: «We shall never surrender» — «Мы никогда не покоримся». Эта словесная формула стала предметом национальной гордости: у многих на глаза наворачивались слезы, как только они её слышали.

Однако, справедливости ради следует признать, что когда нацисты в 1940 году захватили Нормандские острова, то вышло как раз наоборот. Подобно всей остальной почти без сопротивления склонившей шею Европе, шестьдесят шесть тысяч жителей этой британской территории послушно сняли в своих домах портрет своего короля Георга VI и повесили на его место изображение Гитлера...

*Документальная хроника – 1939 год**

А тем временем в мире — немного истории на любителя, чтоб легче было понимать прочитанное, и то, что предстоит прочесть... Не нравится — можно пропустить и идти дальше.

1 сентября 1939 года гитлеровская Германия напала на Польшу и положила начало Второй мировой войне, которая закончилась через шесть лет и один день. Это война двух мировых военно-политических коалиций, ставшая крупнейшим вооружённым конфликтом в истории планеты Земля.

В ней участвовали 62 государства из 73 существовавших на то время — 80% населения Земного шара. Военные действия велись на

территории Европы, Азии и Африки и в водах всех океанов. Это единственный конфликт, в котором было применено ядерное оружие.

Чуть ранее, 28 июня 1919 года в Версальском дворце во Франции, был подписан договор, официально завершивший Первую мировую войну 1914 - 1918 годов. Подписанный документ крайне ограничил возможности Германии в военной сфере. Она считала, что условия, продиктованные в Версале, были несправедливы юридически и невыполнимы экономически. Германия начала готовиться к новой войне.

23 августа СССР и Германия подписали Договор о ненападении, который, в дополнительном секретном протоколе, предусматривал раздел сфер интересов в Восточной Европе, включая прибалтийские государства и Польшу.

31 августа 1939 года немцы провели операцию «Консервы», где сотрудники СС, переодетые в польскую военную форму, напали на радиостанцию в пограничном городе Гливице, и открыли беспорядочную стрельбу. Вскоре жители окрестностей услышали «пламенное воззвание» на польском языке на фоне выстрелов. Вся операция заняла не более 4 минут. Уходя, нападавшие оставили заботливо разложенные людьми СС трупы в польской форме.

На следующий день к немецкому народу обратился Гитлер, заявив, что Польша осуществила нападение на германскую территорию и что с этого момента Германия находится в состоянии войны с Польшей. Газеты вышли с кричащими заголовками. Началась Вторая мировая война.

Великобритания, Франция, Индия, Австралия, Новая Зеландия, ЮАР, Канада объявили войну Германии.

Япония, США, Румыния, Болгария, Испания заявили о нейтралитете.

Немецкой подводной лодкой был потоплен британский круизный лайнер S.S. Athenia.

В Великобритании Первым лордом Адмиралтейства назначается Уинстон Черчилль.

21 сентября в Москве подписан советско-германский протокол о порядке вывода войск на окончательную демаркационную линию в Польше, что фактически подтвердило и узаконило её окончательную оккупацию Германией и Советским Союзом.

27 марта Франсиско Франко подписывает секретное соглашение о присоединении Испании к оси «Рим—Берлин».

1 апреля в Испании было объявлено об окончании гражданской войны.

В районе реки Ханхин-Гол на территории Монголии прошли бои между Советским Союзом и Японией, которые продолжались с мая 1939 года и закончились в сентябре полным разгромом 23-й пехотной дивизии 6-й отдельной армии Японии.

В конце ноября Советский Союз начал с Финляндией войну, которая потом будет названа Зимней войной. Она продолжилась до середины марта 1940 года и закончилась отчуждением у Финляндии 11% ее территории и выселением почти полумиллиона человек в глубь Финляндии.

А пока идут войны...

Национальное собрание Сальвадора приняло конституционные поправки, позволявшие диктатору генералу Максимилиано Эрнандесу Мартинесу быть переизбранным на второй срок с увеличением срока полномочий президента с 4 до 6 лет. Вам это не напоминает что-то?

В США в воздух поднялся первый вертолет Сикорского Vought-Sikorsky VS-300.

На знаменитой конференции по теоретической физике в Вашингтоне Нильс Бор объявил об открытии деления урана.

Альфред Нир открыл Уран-234.

Лютер Джордж Симьян изобрёл банкомат.

Эдвин Армстронг изобрёл FM-радио.

Дмитрий Шостакович написал Симфонию №6.

Началось вещание крупнейшей американской телекомпании «NBC».

Вышел на экраны кинофильм режиссера Виктора Флеминга и продюсера Дэвида Селезника «Унесённые ветром» — первая полнометражная цветная кинокартина, снятая по трёхплёночной технологии «Техниколор».

По версии журнала Time, Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) СССР Иосиф Сталин объявлен человеком года.

Вспоминает и рассказывает Питер Стоун – поток сознания

Пополняя свое образование в лагерной библиотеке, я, любопытства ради, многое выяснил про этот древний прибалтийский город полабских славян Висмар, который еще называют «трижды шведским городом Германии», и из-за которого всегда случался всякий сыр-бор между соседями. Теперь и я, волею судьбы, попал в эту историческую мельницу, перемалывающую живых и мертвых. Славяне заложили здесь свое поселение, вошедшее позднее в Ганзейский союз, они же и взяли меня в плен, словно какого-нибудь мекленбургжца-завоевателя. Хотя нет, все-таки, не славяне, а русские азиаты, но это уже особой роли не играет. А главное, что здесь находились заводы авиационной компании «Дорнье», которые и являлись основной стратегической целью союзников. Русские хотели отжать их себе, мы — не позволить им этого сделать, немцы — сохранить любой ценой. Да и морская гавань имела большое значение, с этим никто спорить не будет.

Всё это разъяснил мне «библиотечный червь» Йозеф Хендрикс, тот самый «ценный человек», о котором говорил Шнитке. Он сам был уроженцем этого города. Я общался с ним по воскресеньям в

библиотеке, пока нас не перевели в филиал Красногорского лагеря в столицу СССР, хотя и после перевода нас регулярно продолжали привозить сюда для «перевоспитания».

— Видите ли, дорогой герр Питер, — сказал он, — боюсь, что те жернова, в которые вы попали, будут перемалывать вас еще долго. И дело, в общем-то, не в вас, как таковом. Почему англо-американцы так яростно бомбили Висмар? И почему русские хотели продвинуться всё дальше и дальше? Слишком лакомый кусок пирога этот небольшой городок. Поверьте, он еще много раз будет переходить из рук в руки. Сейчас, по слухам, Висмар уже окончательно передан в зону Советской оккупации. Но ни вы, ни американцы на этом не успокоятся. Не сегодня, так завтра, через десять, тридцать, пятьдесят лет они вернут его обратно. Только не нам, немцам, а себе.

— Ну, хорошо, — ответил я, — черт с ним, с этим Висмаром, меня не судьба города интересует, а моя личная. Почему никто не хочет разобраться в моем деле? Ни в самом Висмаре, после боя, ни на вокзале, когда нас грузили в эшелон, ни здесь. Хотя я столько раз пытался прорваться к какому-нибудь старшему офицеру.

— Я вам объясню. В первом случае было не до вас. Выяснять вашу личность во время сражения или сразу после него, никто не станет – есть дела поважнее. Вы воевали на линии размежевания сил в Западной Померании от Балтийского моря до Шверинер-зе, где с востока продвигались войска маршала Рокоссовского, а у него служат много азиатов, они по-русски говорить толком-то не умеют. Эти войска, как и многие другие, оказывали кадровую поддержку НКВД, и вы были для них немцем, врагом. Форма, цвет и тональность не очень отличаются, вот, что вас подставило! Скажите спасибо, что с вами еще «ласково» обошлись. Хоть в колонну поставили. Могли бы и застрелить.

— Как сейчас вижу развалины Висмара, обвалившуюся ратушу и вокзал впереди. А я иду как в бреду.

— Значит, на вокзале перед погрузкой вас зарегистрировали и допрашивали в первый раз?

— Всё это было очень коротко.

— Разумеется. А вы как хотели? Уделить вам час или два? Учтите: идет война. Она еще не закончена. На перроне сотни немецких военнопленных и еще тысячи на привокзальной площади. Кто-то пытается сбежать. Кое-где еще стреляют. Офицеру НКВД вы были обязаны просто назвать свою фамилию, имя, воинское звание и дисциплинированно подняться в вагон. Желательно еще и вежливо поблагодарить за оказанное удовольствие прокатиться с ветерком на Восток. Но, вы этого, подозреваю не сделали.

— Лейтенант НКВД автоматически сделал отметку в журнале учёта. А когда я стал что-то объяснять, он попросту махнул рукой, и меня впахнули в вагон. Который и без того был забит до отказа. Двери задвинули, засовы щелкнули, паровоз выпустил пар, дал гудок и сквозь щель в досках я попрощался с удаляющимся от меня миром и свободой. Из одной злой сказки попал в другую. И, кажется, что всё это происходило не со мной, а с кем-то другим, что во мне.

— Вам бы книжки писать в стиле Кафки или картины в стиле абстракт. Здесь многие так делают. Но, в основном, из генеральского состава. От строительных работ они освобождены. Вот, фельдмаршал Паулюс, к примеру. Класные малюет акварели, между прочим. Но продолжим ваш «роман с НКВД». Я думаю, что тот лейтенант на вокзале в Висмаре, даже если бы он уделил вам больше времени, и вы представили бы ему свой фамильный английский герб, вытатуированный на плече, всё равно бы вам не поверил. Потому что десятки и сотни эсэсовцев, мечтающих спасти свою жизнь, выдавали себя за кого угодно, хоть за незаконнорожденных детей Черчилля или Рузвельта. Либо за обоих сразу. Ему было проще спихнуть вас в вагон, а еще лучше прямо под колеса поезда, чтобы долго не возиться и — с глаз долой. Вы — проблемный

человек, одним словом. Но, в то же время, и разменная монета, если вдуматься.

— Как это?

— Хорошо, объясняю. У англичан на той стороне, полагаю, скопилось много советских военнопленных, таких же бедолаг, как вы. Я имею в виду не тех, кто сидел в немецких концлагерях, и не власовцев. А попавших в плен к англосаксам случайно, на линии разграничения огня, как некий мистер Стоун. А теперь заглянем вперед. Конфронтация между союзниками уже началась и набирает темп. Зачем просто так, даром, отдавать этого человека, если на носу большой торг? Выпускать на свободу английского капитана, которого выгоднее поменять на пару-тройку своих офицеров? Жалко выбрасывать из кармана даже мелкую монету, на которую можно что-то купить. И потом: никому ведь не хочется признавать свои ошибки. А то, что вас пленили вопреки международным правилам и договоренностям — это факт. Пусть по недоразумению. Но скандал и ноты протеста неизбежны. Кому это надо?

— А если мне переговорить с полковником Ясиным? Он ведь здесь, в Третьем отделении, главный.

— Ясин — человек разумный. Но слабый. Сам всего боится. И не он тут решает. По крайней мере, ваш вопрос.

— А кто?

— Капитан Волков. В Советском Союзе до сих пор негласно действует система комиссаров при военачальнике. И хотя полковник тоже человек НКВД и главнее по рангу, но занимается, в основном, административными и хозяйственными вопросами. А Волков — политическими. В сферу которых попали теперь и вы. Хотя можете попытаться достучаться и до Ясина. Но в любом случае Волкова вам не миновать.

— А что он из себя представляет? Какой он человек?

— Сложный. Этим всё сказано. И у него, между нами, вырос большой зуб на англосаксов.

— Это еще почему?

— Жена его была пилотом, а два месяца назад её по ошибке сбил над Одером на линии разграничения зон огня между союзниками американский истребитель «Мустанг». Да говорят еще, не просто случайно, а намеренно атаковал и преследовал ее «Як». А ведь явно различал советские знаки на фюзеляже. Волкова уклонилась от воздушного боя с ним, а тот — нет. Обе летчицы погибли. Вот с тех пор он никак и не успокоится.

— Но я ведь не американец, а англичанин.

— Какая разница!?! Вы все для него на одно лицо, как для вас те азиаты, столь доблестно захватившие мистера Стоуна в плен.

Напоследок я задал Йозефу еще один вопрос:

— Откуда вы так хорошо всё про всех знаете?

— А это моя обязанность — всё знать, всё понимать и помогать другим, — отозвался Хендрикс. И лукаво добавил: — За отдельную плату, разумеется. Но для вас, Питер, я сделаю скидку. Исходя из вашего горестного положения и моего природного гуманизма.

Впоследствии мы вступили с ним в коммерческие отношения для обоюдной выгоды.

*Англия, март – август 1940 года**

У Мэри и Питера родился мальчик, которого в честь отца назвали Мэтью Вильям Стоун-младший и явился он в этот грешный мир в вечер Пасхи 24 марта. Будем объективны в полном смысле этого слова и отвлечемся ненадолго от личной судьбы Питера Стоуна и его близких. В эти дни, месяцы и годы они, как и все, были всего лишь частичкой общей судьбы всего человечества, подвешенного на волоске. Молекулами жизни, немногими из миллионов, которым было предназначено либо умереть, либо продолжать жить. Как вся Британия, Лондон, Ричмонд, родовой дом

Стоунов, где только вступал в жизнь тринадцатый лорд Мэтью Вильям Стоун. Первенец Питера.

А 5 августа планировалось начать «День Орла», как Гитлер окрестил начало воздушного налета на Англию. За четыре недели предстояло полностью уничтожить британскую авиацию. Далее должна была последовать операция «Морской лев», в ходе которой предусматривалось форсировать Ла-Манш и высадить на южном побережье Англии 25 дивизий Вермахта. По идее, разгром Англии завершил бы триумф Третьего рейха в Европе. Однако 5 августа погода оказалась нелетной: туманы, низкая облачность, дожди, грозы... Начало операции неоднократно переносилось из-за неблагоприятных погодных условий и 13 августа все же началось.

Питер Стоун и Джесси Оуэнс служили к этому времени в королевских войсках Его Величества уже месяц, проходили специальную подготовку наряду с другими новобранцами, студентами и выпускниками Оксфорда. Позднее им будет присвоено звание капралов. Мэри с новорожденным мальчиком оставалась в Ричмонде. Под присмотром Анны Стоун и своих родителей, которые неотлучно находились при ней, ведь их поместье находилось совсем рядом.

Отец Питера лорд Мэтью Вильямс Стоун работал в Адмиралтействе. Занимал там важный пост.

Лондон в эти страшные месяцы сумел выстоять, хотя в городе помимо метрополитена почти не имелось действительно безопасных убежищ. А те, что были, выглядели очень ненадежно. Ну что можно взять с подвалов и погребов, которые не могли бы выдерживать прямые попадания? Они и не выдерживали...

Благодаря своей военной подготовке, Уинстон Черчилль был назначен премьер-министром. Он представлял главное препятствие на пути заключения мира с Германией. Королевская семья относилась к нему с подозрением и недолюбливала его, впрочем, как многие в правительстве и в высшем свете. Многие считали его

разжигателем войны. «Мы будем защищать наш остров, — сказал он, — чего бы нам это не стоило, мы будем сражаться на его берегах, на его землях, на его полях и на его улицах. Мы будем сражаться на его холмах, мы никогда не сдадимся».

Еще он вспоминал: «За Атлантическим океаном в Соединенных Штатах, длительные бомбардировки Лондона, а впоследствии и других городов, вызвали волну сочувствия, какой не бывало ни до, ни после того в англоговорящем мире. В сердцах американцев пылало сопереживание, и сильнее всех — в сердце президента Рузвельта. Я чувствовал желание миллионов мужчин и женщин разделить наши страдания и нанести ответный удар. Американцы ехали в Великобританию и везли столько, сколько могли взять с собой. Их уважение, почтение, чувство любви и товарищества очень воодушевляли. Однако нам предстояло еще много месяцев такого странного выживания. Лондон походил на какое-то огромное историческое животное, способное переносить страшные раны, изувеченное и кровоточащее и все же сохраняющее способность жить и двигаться».

Но, несмотря на тяжкие испытания, выпавшие на долю лондонцев, они не пали духом. Квалифицированные и неквалифицированные рабочие, мужчины и женщины стояли у станков и работали в цехах под бомбами врага. Складывалось такое ощущение, что они жили на передовых позициях. А то и в окопах. А по существу, все они и были в окопах «Битвы за Англию».

Филиал Красногорского Особого оперативно-пересылочного лагеря №3 в Москве, середина июля 1945 года

Уже вторую неделю Питер Стоун вместе с другими военнопленными работал в столице СССР. В основном, на стадионе

«Динамо». Но были и другие объекты, требующие восстановления или возведение новых зданий. Заключенных развозили в грузовиках к нужному месту строительства, а к вечеру возвращали обратно – на огороженную колючей проволокой и охраняемую территорию в районе Большой Калужской улицы и Воробьевского шоссе. Она считалась филиалом Третьего отделения Красногорского лагеря и представляла собой несколько жилых бараков, временную комендатуру в два этажа, столовую с кухней, служебные и подсобные помещения, хозблок.

Всего заключенных насчитывалось около трехсот. Контролировали и наблюдали за ними офицеры и солдаты НКВД, вооруженные автоматами и винтовками. Обслуживающий персонал также состоял на службе в органах. Иногда появлялся капитан Волков, мелькал то тут, то там, но пообщаться не представлялось возможным. Полковника Ясина также Стоун видел пару раз в окружении других офицеров. Пробыться к нему тоже никак не удавалось. Помня слова Йозефа Хендрикса, Питер решил сначала испытать свое счастье с капитаном НКВД. Вот только не знал еще, с какого бока к нему подступить? Чем погасить его ненависть к англосаксам? Его месть к ним за гибель жены-летчицы.

Вспоминал он изредка и Наталью Павловну. Причем всегда, когда Питер вспоминал о той мимолетной встрече в банно-процедурном комплексе в Красногорске и о разговоре с капитаншей, он непроизвольно внутренне улыбался и на сердце тепло. Но вскоре перед глазами вставал нынешний быт иплыли картины минувших дней, с того самого часа, когда он попал в плен в последние дни войны. Об этих днях все в бараках рассуждали много, часто и долго. Не перегорело еще.

Наталья Павловна редко появлялась на людях, почти не выходила из комендатуры или своего хозблока, но один раз издалека он её увидел. Кажется, и она его тоже. Даже кивнула приветливо. А когда было видеться? Стоун с утра до вечера на

стройках, обед там же. А после ужина в филиале лишь бы добраться до койки. И там либо падаешь замертво, либо ввязываешься в разговор со Шнитке—Кохом и обсасываешь уже навязшие в зубах одни и те же темы – война, война, война. Они говорят одно, со стороны немцев, он – другое. Два взгляда на Второй фронт, на высадку в Нормандии и прочее. Которое сейчас никому не нужно. А что нужно? Только свобода.

А тут еще встречается и Рёске со «своей правдой». Вернее, с ненавистью. Брызжет слюной, грозит кому-то кулаком, размахивает им перед носом то у одного, то у другого. Того и гляди вцепится кому-то в горло. Однажды между ними произошел следующий неприятный инцидент. Некрасивый и глупый. Прямо боестолкновение, как на фронте. А на «линии разграничения огня» в тот раз оказались Рихард Кох и Ганс Шнитке.

Дело происходило за ужином в бараке-столовой. Шел пятый день их пребывания в филиале лагеря в Москве. Они только что вернулись со стадиона «Динамо», успели ополоснуться холодной водой и расселись за импровизированными столами из струганных досок. Каша в алюминиевых мисках, хлеб, кусочки масла и даже тонко нарезанная колбаса уже были приготовлены. Стоун немного задержался у входа, а когда сел на свободное место – напротив Рёске, вдруг с удивлением обнаружил, что его миска пуста. Более того, не было также его пайки хлеба, масла и колбасы. Опять толстяк запустил лапу?

— Что происходит? — Спросил Питер, обращаясь к соседям — Коху и Шнитке.

Обер-лейтенант лишь пожал плечами. Унтер-офицер молча указал взглядом в сторону майора-артиллерииста. А тот усиленно и невозмутимо жевал. Быстро поглощал вторую порцию перловой каши с кусочками колбасы. И закусывал двойным бутербродом.

— Помедленней, Рёске, помедленней, — посоветовал Стоун. — Не спешите, а то подавитесь. Помните, что желудочный сок

выделяется постепенно, с правильным приемом пищи. Глотать нужно медленно, размеренно, в противном случае недалеко и до запора прямой кишки.

— Поговори у меня! — огрызнулся Рёске. Он встал и принял угрожающую позу.

Питер взял кружку теплого чая, конечно же, без сахара — толстяк умыкнул и его — и начал прихлёбывать.

— Вы, майор, похоже, пренебрегли моим предупреждением, когда в первый раз стащили у меня хлеб и масло? Пеняйте на себя.

— А что будет? Рёске сжал кулаки.

— Узнаете.

— И знать не хочу. Ты у меня тут с голоду сдохнешь. Английская...

— Не продолжайте! — Остановил его спокойно Стоун и поднял вверх правую руку. — Насчет вашего любимого животноводства мы уже всё слышали.

— ... Свинья! — закончил, тем не менее, Рёске.

Питер выплеснул содержимое своей кружки ему в лицо и другой рукой изо всей силы нанес удар в челюсть.

Рёске с грохотом упал на спину, опрокидывая посуду. Сначала Кох и Шнитке, а потом другие заключенные встали, подбежали на шум конвоиры.

— И чтобы больше ничего подобного не было! — Предупредил всех дежурный офицер. — А то — карцер!

Это происшествие оставило неприятный осадок в душе Стоуна, однако пошло на пользу. Во-первых, к собственному обретению уверенности внутри себя, а во-вторых, воровство его пайки со стороны Рёске прекратилось. Да и досталось майору-толстяку по полной программе: хук справа у английского капитана был поставлен профессионально. Но злоба на Стоуна у Рёске затаилась еще больше.

Другой инцидент был связан с сержантом из администрации лагеря. И закончился он гораздо более мирно. Случилось это по причине плохого инвентаря, на почве которого и вышел маленький забавный скандал. В тот день Стоун оставался в лагере и вместе с другими военнопленными расчищал территорию, освобождал её от камня, кирпича и другого строительного мусора. Работа муторная. Затем закладывали фундамент будущего дома по соседству. Таскали носилки с цементом, опоражнивали их в котлован, обливались потом. Копали, рыли новые ямы.

После работы пришло время сдавать рабочие инструменты и Стоун оказался со всеми у хозблока. Перед ним приемщик отказался принимать поломанную лопату у молодого военнопленного и расписываться за нее в журнале учета.

— Ты поломал черенок специально, я не приму лопату, — сказал приемщик.

— Я не ломал, я работал, она поломалась только-что, в самом конце.

— Это не имеет значения, когда, но ты ее поломал, и я не приму.

— Что мне делать? – Арестант был в замешательстве.

— Скажи еще, что она была такой с самого начала.

Так продолжалось более минуты, напряжение росло. Все молчали.

— Забирай лопату и уходи, а мне принеси исправную. И еще, я напишу рапорт, что ты ее нарочно сломал. Следующий...

В разговор вмешался Питер Стоун:

— Вы не видите, что рукоятка гнилая?

— Ты не вмешивайся, подойдет твоя очередь и отвечай за себя.

— Моя очередь подошла, и это очевидно, что рабочие инструменты изнашиваются и ломаются. Лопата не на полке лежала и не на пляже загорала, она работала.

— Так не бывает, инструмент не должен ломаться, это саботаж...

— Вы не видите явного, черенок прогнул и потому лопата поломалась. Стоун указал молодому сержанту на рукоятку.

— Вы все в сговоре. Лопат на вас не хватает! Если я каждый день стану выдавать каждому из вас по новому инструменту, вся система остановится!

— Ничего с ней не сделается, с вашей системой.

— Кончай базар, дожدهшься на свою шею карцера!

— Что для вас лучше: посадить невинного в темный карцер и потерять на несколько дней хорошего работника, или поставить подпись в журнале на списанный по негодности инструмент?

— Разговорчики! Еще слово и будешь наказан! Лишишься пайки на три дня. — Приемщик стал понимать, что не прав и искал достойного выхода из ситуации, в которую сам себя загнал.

Разговор из серьезного стал переходить в потешную колею. Но тут дверь хозблока открылась и на пороге появилась Наталья Павловна. Наверное, стояла у окна и всё слышала.

— Михаил! — сказала капитанша. — Спиши сломанную лопату в утиль, а завтра утром выдай мистеру Стоуну новую.

— Слушаюсь! — недовольным тоном отозвался представитель младшего командного состава. И тихо добавил: — Но это не ему. Но капитанша этого не услышала.

— «Надо же! Фамилию запомнила», — усмехнулся в душе Питер. И вообще был рад увидеть, наконец, её снова.

— Спасибо, разобрались! — произнес он.

Она в ответ еле заметно улыбнулась.

Англия, Лондон, Ричмонд, 7-15 сентября 1940 года

Вражеская воздушная эскадра неуклонно приближалась к берегам Англии. Британские радиолокационные станции установили, что бомбардировщики направляются на Лондон со стороны востока. Только после того, как первый эшелон Люфтваффе

начал бомбить по мере наступления вглубь, диспетчеры ВВС осознали, что целью является сама столица, и бросили в атаку все имеющиеся истребители; к этому времени большая часть воздушного резерва уже была дислоцирована в южной части британских островов.

А через два часа убийственная атака повторилась. И в тот вечерний день седьмого сентября небо буквально превратилось в бурлящий котел. Питер и Джесси, находившееся в это время в лондонских казармах, видели сплошное вертящееся колесо безумного фейерверка, в котором невозможно было отличить своих от чужих. Воздушные налеты на город проходили регулярными волнами и тонны бомб сбрасывались методично все дальше и дальше от центра города. Многие в тот роковой день погибли. Но Питеру Стоуну и Джесси Оуэнсу чудом удалось уцелеть.

А неделю спустя после той атаки они находились в казармах своего полка и несли службу. Заканчивая дежурство, они собирались в увольнительную домой. Службу они начали в начале июля, незадолго до начала воздушных атак и за это время им удалось отлучиться всего один раз на сутки, после окончания интенсивного курса. С тех пор Питер не видел родителей, жену и сына. Джесси тоже скучал по ним. Небо в этот день было мирным и капитан Скотт, их непосредственный командир, решил с легким сердцем отпустить новобранцев до утра следующего дня. Однако этому не довелось произойти...

А случилось следующее. В одно мгновение небо затянулось черными тучами. Стаи железных воронов вновь налетели на Лондон и его окрестности. Вечером 15 сентября произошел очередной налет Люфтваффе на столицу Англии и его предместья. В частности, более сотни бомб было сброшено к западу и югу от столицы: Кингстон, Туикенем, Хаунслоу, Брентфорд, Ричмонд и даже парк с одноименным названием. Питер Стоун и Джесси Оуэнс за своими зенитными установками отражали атаки на своем участке, но не в

силах были помешать тому, что произошло в двадцати милях от них. Никто не мог предположить этого. Но война есть война и она требует своих жертв. Одним из них оказался и полугодовалый сын Питера и Мери — Мэтью Вильямс, наследник двух древних родов... Безвинная жертва войны, как и многие-многие другие.

В тот вечер для Питера Стоуна случилось самое страшное. Бомба упала в саду его родового поместья, где в это время под деревом сидели за столом и ужинали лорд Стоун и Мэри, маленький Мэтью спал рядом в коляске. «Повезло» только матери Питера, которая в этот момент была на пороге дома, откуда возвращалась с десертом; домработницу и няню Стоуны отпустили незадолго до начала воздушного налета.

А лорд Мэтью Вильямс, Мэри и новорожденный наследник рода Стоунов погибли в одночасье; бомба упала рядом с их столом. Их тела были обнаружены спустя два часа, когда военно-спасательные службы обходили и проверяли все дома. Миссис Стоун все это время пролежала без сознания на каменном полу; взрывная волна отбросила ее назад в прихожую. Впрочем, через месяц от невыразимого горя миссис Анна Стоун скончалась. Мать Питера сразу слегла и долго болела, мучилась, а потом просто не выдержало сердце, остановилось ночью. Смерть пришла во сне и забрала её за собой, к мужу, с которым она прожила в счастливом браке двадцать шесть лет, к любимому внуку и милой невестке...

Отпевание покойных проходило в той церкви, где в свое время крестили самого Питера Стоуна, где он венчался с Мэри, где проводилась церемония их свадьбы, где отец Оливер успел окрестить маленького лорда Мэтью Вильяма Младшего перед его гибелью. Священник после богослужения и панихиды подошел к застывшему, словно соляной столб, Питеру, и тихо произнес:

— Крепись, сын мой, думай о том, что души их на небесах, рядом с чертогом Христа нашего.

Но слова эти, казалось, не коснулись слуха Питера, прошли мимо. Лишь лицо его страдальчески исказилось еще больше. Он пребывал в прострации. Эти утраты – родителей, жены, сына — невозможно передать словами, они были невосполнимы для Питера. Да и для Джесси, его преданного друга и брата. Ведь он тоже считал их, по сути, своими родителями, а Мэри стала для него как бы сестрой. Да и в маленьком Мэтью он души не чаял. Все это время Джесси находился рядом с Питером, старался не покидать его. Пытался ему помочь пережить горе. Не только словами, даже молчанием, которое порою ценнее любых утешений. Они не расставались.

А на Питера в те дни практически было невозможно смотреть без боли. Он словно превратился в собственную тень. Был похож на трагического Гамлета в минуты невыносимых раздумий. Близким людям казалось, что Питер сам умер в это время, так велико было его горе... Он получил отлучку на время похорон, потом отлучался в больницу навестить мать, пока не похоронил и ее.

Документальная хроника

*Бомбардировки Британии и ответные меры**

Трагическая история Второй мировой войны детально исследована и описана в романах, воссоздана в фильмах и архивирована. Однако факт массированных бомбардировок городов с воздуха и их страшные последствия с молчаливого согласия всех сторон умалчивались. Летчики Люфтваффе бомбили Москву, Ленинград, Сталинград, Варшаву, Роттердам, Белград, Лондон, Ковентри и другие города.

Целью фашистских летчиков часто становились не военные объекты, а жилые кварталы, что приводило к огромному числу жертв среди гражданского населения. Воздушным атакам и

ковровым бомбардировкам в ответ подверглись и германские города, на которые обрушивались тонны бомб союзников. Война без всяких правил шла по Европе.

Воздушные атаки на Великобританию продолжались с 10 июля 1940 года по 10 мая 1941 года. Термин «Битва за Британию» впервые использовал премьер—министр Великобритании Уинстон Черчилль, назвав так попытку Третьего Рейха завоевать господство в воздухе над Англией и подорвать боевой дух британского народа. Хотя удар был направлен на многие города, начался он с бомбёжки Лондона и продолжался в течение 57 ночей подряд.

Самая масштабная воздушная атака столицы произошла 7 сентября, когда более 300 бомбардировщиков атаковало город вечером и ещё 250 ночью. Бомбы большой мощности наносили существенный ущерб дамбам и другим гидротехническим сооружениям, ограждающим Темзу. Было отмечено более ста значительных повреждений, грозивших затоплением низменных частей города. Для предотвращения катастрофы коммунальные службы вели регулярные восстановительные работы, которые, во избежание паники среди населения, проводились в режиме строгой секретности.

Часть этой большой операции по принуждению Англии к подписанию сепаратного мира вошла в историю под названием "Лондонский блиц" и известна, как одна из самых разрушительных и продолжительных по времени бомбардировок Второй мировой войны.

Доподлинно известно, что в день начала операции Геринг, командовавший германскими военно-воздушными силами, находился на мысе Белый Нос во Франции и с удовольствием наблюдал, как на Англию движется смертоносная армада. С его подачи операция получила название «Логе», по имени бога огня из эпоса о Нибелунгах, приказавшего выковать меч Зигфриду. В войну вступили мифы. Более тысячи самолетов, словно гигантская стая

смертоносных шмелей, оглушительно жужжа моторами, поднимались над континентом, чтобы пересечь Ла-Манш. Очевидцы потом рассказывали, что они были похожи на огромную грозовую тучу, растянувшуюся почти на две тысячи квадратных километров. А некоторым эта армада напоминала огромную стаю черных ворон.

Вскоре немецкая авиация применила тактику воздушного террора — начала бомбить мирных жителей. Если сначала они уничтожали английские радиолокационные станции, бомбили аэродромы, то теперь они перешли на бомбардировки городов, считая, что таким образом они смогут нанести морально-психологический ущерб, то есть снизить волю к сопротивлению. На следующее утро после бомбардировки Букингемского дворца супруга короля Георга VI — королева-мать Елизавета заявила: "Слава Богу, теперь я ничем не отличаюсь от своих подданных".

Ночью третьего ноября 1940 года впервые после почти непрерывной двухмесячной бомбардировки в столице не было объявлено воздушной тревоги — усилия были перенаправлены на разрушение других промышленных центров страны.

В ноябре немецкие летчики ожесточенно бомбили Манчестер, Ливерпуль и Бристоль, Плимут и Глазго, Гуль и Ноттингем, Кардифф и Портсмут. Особенно тяжкие испытания выпали на долю жителей Ковентри. Ночью четырнадцатого ноября 500 немецких бомбовозов, летевших волнами, сбросили на город 600 тонн снарядов большой разрушительной силы и тысячи зажигательных бомб. В городе с 350-тысячным населением почти не было убежищ. Люди спасались в большом готическом соборе. Но при прямом попадании тяжелой бомбы под сводами собора были погребены сотни людей. В городе полыхало более двух тысяч очагов пожара. Центральная часть Ковентри, кроме одиноко торчавшей колокольни, была сметена с лица земли. Это был самый опустошительный налет, который пришлось пережить Англии за всё время воздушных налётов.

Германское радио заявило, что все английские города ждет печальная участь Ковентри: они будут «ковентрированы», то есть беспощадно стерты с лица земли. На развалины с грустью взирала покровительница города леди Годива, чудом уцелевшая на своем гранитном постаменте во время ожесточенной бомбежки. В центре же сохранились остатки готического собора, скорбно напоминая о тяжелых испытаниях, выпавших на долю многострадального города.

За Лондоном и Ковентри наступила очередь Бирмингема, второго по величине промышленного центра Англии с миллионным населением, родины «скобяных королей» из рода Чемберленов — министра-колониалиста Джозефа и незадачливого Невилля. Каково ему было принимать такие «подарки» от своих друзей? С 19 по 22 ноября немецкая авиация нанесла три последовательных удара по Бирмингему, причинив городу огромные разрушения. После этих варварских налетов близ памятника королеве Виктории в большой братской могиле было погребено около 800 граждан города, в том числе и множество детей.

Власти были готовы рыть братские могилы для жертв налетов, но не позаботились создать достаточное количество убежищ, чтобы избежать этих жертв. Андерсоновские бомбоубежища из гофрированных стальных листов, поставлялись по указанию правительства, но устанавливать их можно было только в одном из каждых четырех лондонских домов — там, где имелся сад, как в поместье Стоунов в Ричмонде. В общественных парках и частных садах бомбоубежища вкапывались в землю. Но и это не спасло родителей Питера, Мэри, и их сына от гибели.

Для защиты неба армия использовала четырехствольные модифицированные зенитки и автоматические пушки «Виккерс», прозванные из—за характерного звука, издаваемого при стрельбе и широко известные, как «Пом-пом». А также относительно легкие

зенитно-пулеметные установки, за которыми работали по одному военнотружущему.

Широко использовались заградительные аэростаты. Они были созданы против ракет "Фау-1". Более 200 ужасюще разрушительных смертоносных снарядов не достигли своих целей, получив повреждения или взорвавшись от столкновения с аэростатами, их веревками или металлическими тросами.

Черчилль писал в своих мемуарах: "То было время, когда англичане, и в особенности лондонцы, которым принадлежало почетное место, проявляли свои лучшие качества. Ожесточенные и воодушевленные, упрямые и готовые к испытаниям, люди не желали видеть себя покоренными и адаптировались к новой реальности, со всеми ее ужасами и потрясениями".

10 мая 1941 года Лондон подвергся последнему мощному авианалету. 550 бомбардировщиков Люфтваффе сбросили на город в течение нескольких часов около 100 тысяч зажигательных и сотни обычных бомб. Возникло более 2 тысяч пожаров, было разрушено 150 водопроводных магистралей и пять доков, 3 тысячи человек погибли. В ходе этого налета было сильно повреждено здание парламента.

Всего же потери гражданского населения Британии от немецких бомбардировок до июля 1941 года, когда прекратились воздушные бомбёжки, составили 146 777 человек, из них 60 595 человек убитыми. По всей Англии от фашистских бомб погибло 7736 детей, не достигших 16-летнего возраста.

После первых атак на Лондон и его окрестности премьер—министр Черчилль воспользовался случаем и приказал нанести немедленный ответный воздушный удар по Берлину. Это воодушевило британцев, придало им дополнительные силы. И хотя до цели добрались менее десятка самолетов, но и этого было достаточно, чтобы повергнуть Гитлера в ярость. На совещании, состоявшемся несколько дней спустя в Голландии, Геринг передал

приказ фюрера: все силы Люфтваффе бросить на Лондон и другие значимые города Великобритании.

Конечно, британцы, вместе с союзниками отомстили нацистам, и весьма жестоко. В мае 1943 года британские ВВС в рамках операции «Большая порка» провели успешную атаку на плотины Рурского района с использованием уникальных «прыгающих бомб». В течение короткого времени были разрушены две крупные плотины, нанесен существенный урон промышленному району Рура. А позже массированные бомбовые удары разрушили заводы по производству ракет «Фау», пусковые бункеры и базы подводных лодок в портах Гавр, Булонь и в Бресте на северо-западе Франции. РАФ превратил в руины резиденцию Гитлера в Берхтесгадене.

Ковровые бомбардировки городов Германии до сих пор вызывают ужас своими последствиями и вот краткая статистика... Всего немецкая авиация совершила свыше 46 тысяч вылетов и сбросила около 60 тысяч тонн бомб, потеряв при этом 1733 самолета, англичане потеряли 915 самолетов. Чем больше бомб падало на Лондон и другие британские города, тем злее и сплоченнее вокруг своего лидера становилось население.

Особенно активно союзники бомбили Берлин — за время Второй мировой на город было сброшено 540 тысяч тонн бомб. Даже в конце войны налеты не прекращались. Американцы вели бомбежки днем, англичане — ночью. Особенно жестокими были бомбардировки Дрездена, осуществленные Королевскими военно-воздушными силами Великобритании и Военно-воздушными силами США 13-15 февраля 1945 года. Тотальная война, которую провозгласил Гитлер, теперь стучалась в двери немецких домов. К середине 1944 года люфтваффе понесло большие потери в технике и людских резервах. Союзники завоевали господство в воздухе над Германией, что было абсолютно необходимо для успешной подготовки к высадке союзных войск в Нормандии.

По результатам стало очевидно, что нацистам не удалось решить ни одной из поставленных задач, которые менялись в ходе сражения: им не удалось разгромить RAF – Королевские Вооруженные силы, уничтожить авиастроительные и другие военные заводы, разрушить инфраструктуру страны, подавить моральный дух британцев, деморализовать население и тем самым принудить Великобританию к капитуляции или заключению мира. Нацистам не удалось завоевать господство в воздухе и создать условия для вторжения на Британские острова. Планируемая операцией Seelöwe — Морской Лев не состоялась. Моральный дух британцев не был подавлен и правительство не пошло на мир с Германией на её условиях. Битва за Британию обусловила резкие перемены в общественном мнении американцев относительно ожидаемых последствий войны в Европе и её результатов.

Поражают приведенные итоговые цифры. Англо-американские военно-воздушные силы совершили 2 680 000 боевых вылетов, выполнили 1 440 000 индивидуальных боевых задач и сбросили 1 350 000 тонн бомб на города гитлеровской Германии. В результате 600 тысяч человек погибли, полтора миллиона получили ранения и 13 миллионов остались без крова.

А в это время Сталин с Гитлером делили Европу. СССР и Германия осуществляли на практике договоренности пакта Молотова-Риббентропа. Без минуты сбоя, точно по графику, шли сотни эшелонов с зерном, металлом, нефтью, бензином, хлопком, и прочая, прочая в жернова нацистов. Это из советского металла отливали бомбы, падавшие на Британию, это советский хлеб ели немецкие асы перед полетом на островное государство и советское топливо заливали в баки бомбардировщиков Люфтваффе. Но об этом молчали тогда, молчат и сегодня.

Глава Четвертая

Филиал Красногорского лагеря в Москве, 16 июля 1945 года

По утрам до завтрака Стоун и Кох делали зарядку, бегали вокруг своего барака, а затем боксировали друг с другом, намотав на кулаки тряпки. Это стало у них хорошим правилом. Так же поступали и некоторые другие заключенные. А Шнитке сидел на отполированном многими «пятыми точками» пеньке, и, глядя на них, покурил сигарету. Табак в лагере выдавался регулярно и в достаточном количестве. С этим проблем не было. Кому — по весу, кому — сигаретами или папиросами. Свою порцию брали все, а потом обменивали. На что—либо нужное. Обмен протекал либо с другими страстными курильщиками, либо с местными мальчишками, которые вокруг лагеря крутились постоянно. Да и на строительных объектах их хватало.

— Эй, дяденька, дай сигарету! — Кричали они.

— Дай! Курить дай! Давай, бросай! — Птичий грай стоял неумолкаемый.

Маленькие воробушки орали или просто показывали руками, что хотят курить. Конвойные покрикивали на них, отгоняли. А некоторые интернированные бросали мальчишкам по одной — две сигарете. Из-за них частенько возникали драки. Бесплатное зрелище с потасовками забавляло как солдат, так и военнопленных. Мальчишки в ответ тоже что-нибудь бросали, чаще всего, воблу.

Военнопленных выводили из лагеря в колоннах, по 95-100 человек — по числу обитателей бараков, а весь строй сопровождал взвод солдат и дежурный офицер. Ни разу за все это время Питеру Стоуну не удалось хотя бы обратиться со своей просьбой к начальству. Конвойные не подпускали его, офицеры не слушали, сторонились. Получался какой-то замкнутый круг.

В этот день после ужина Стоун решил пробиться на прием в комендатуру к капитану Волкову. Встал в очередь военнопленных. У каждого из них была какая-то своя нерешенная проблема. Перед входом в комендатуру находился солдат с винтовкой. Получив объяснение о цели визита, он пропустил Стоуна дальше. В коридоре за столом сидел дежурный офицер с погонами младшего лейтенанта. Записывал в журнал учета каждого входящего и выходящего. Рядом стоял еще один солдат, разводящий по комнатам. Работа была налажена чётко.

— Мне к Волкову, — произнес по-немецки Стоун.

— Имя и фамилия? – По-немецки же спросил офицер.

— Питер Стоун.

— Из какой казармы?

— Из казармы номер три.

Младший лейтенант обратился к солдату:

— Проводи его.

«Вот если бы и остальные дела решались так быстро», — произнёс в сердцах Питер, испытывая слабую надежду.

Пройдя по коридору вслед за солдатом несколько метров, они остановились перед дверью, обитой коричневым дерматином. Конвойный постучал, открыл дверь, произнес:

— Товарищ капитан, к вам посетитель.

— Пусть входит, — услышал Стоун жесткий прокуренный голос. Уже сам скрипящий звук этого голоса не предвещал ничего хорошего.

Наконец, он очутился в кабинете Волкова. Питер осмотрелся. Небольшое скромное помещение, железный шкаф с сейфом, пара столов со стульями, атрибуты власти: портрет Сталина на стене, бюст Ленина на тумбочке, красный государственный флаг СССР с серпом-молотом и небольшой звездой над ними. И еще одна деталь, на которую обратил внимание Питер – траурная фотография красивой девушки в лётной форме на столе у капитана. Очевидно,

именно та, о которой говорил ему Йозеф Хендрикс — сбита американцами летчица, жена Волкова.

— Садитесь, пожалуйста, — усталым, равнодушно-вежливым голосом произнес тот, едва взглянув на очередного посетителя.

Стоун не преминул воспользоваться любезным приглашением. Сидя и разговаривать удобней, вроде бы на равных.

— Ваше имя и фамилия?

— Питер Стоун, я англичанин.

— Ах, да! — Волков взглянул на него более внимательно, что — то припоминая. — Старший лейтенант Коренев рассказывал мне про вас. Припоминаю.

— Простите!

Волков перешел на английский:

— Да, мне рассказывали о вас. Я удивлен!

— И что вы предпринимаете? Стоун тоже заговорил на своем родном языке. Он был немало удивлен тому, что капитан знает оба языка — немецкий и английский. Уже легче общаться.

— О да, несомненно! — С пафосом произнес Волков. И язвительно добавил: — Но не я же воевал на стороне фашистов, а вы. Не я нарушил условия соглашения между нашими странами, а вы, не я стрелял...

Стоун нетерпеливо перебил его:

— Это недоразумение! Я всё объясню. Это нетрудно проверить... Вы знаете, что мы соприкасались с Красной Армией от Мекленбургской бухты до Шверина, и даже южнее, вплоть до Людвигслуста, дальше шли американцы. Армия маршала Рокоссовского шла с востока, а мы передвигались с запада. В окрестностях города Висмар мы...

— Минуту! — Остановил его Волков. И словом, и жестом. — Не так много, и не так быстро.

Он нагнулся к картотеке и вытащил из нее тоненькую папку. Положил перед собой на стол, полистал, — собственно говоря,

листать было нечего, а потом захлопнул. И хотя она лежала перед Питером «вверх ногами», он прочитал надпись на картонной обложке. Заглавными буквами своё имя, фамилию и ниже: «№о». Сердце от этой цифры неприятно ёкнуло.

— Так что вы хотите мне сообщить, мистер Стоун? — Насмешливо спросил Волков.

— Хочу сообщить только то, что меня содержат здесь незаконно. Я не воевал против русских. Я капитан английской армии, ваш союзник.

— А как объясните, что попали в плен?

— Что объяснять!? Я подданный его величества короля Георга Шестого. И с вами не воевал.

Волков ехидно усмехнулся, постучал костяшками пальцев по папке:

— Да, действительно, Гемпширский пехотный полк, как тут написано, с нами не воевал. Но вот тот ли вы человек, за которого себя выдаете? С этим еще надо разобраться.

— Так разбирайтесь! – Не выдержал Стоун. — Я почти два с половиной месяца нахожусь в вашем плену. Это недопустимо по всем правилам и законам.

— А ответьте мне на такой вопрос: как вы вообще оказались в расположении наших войск?

— Очень просто! Я воевал...

— Просто? — Капитан Волков перебил Стоуна. — Так просто ничего не бывает. Особенно, на войне. Тут два варианта: либо вы шпион, либо воевали за немцев. Вам известно, сколько таких как вы среди англичан?! Вся Европа сражалась против нас на стороне Гитлера. А потом, когда поняли, что дело плохо, побежали в разные стороны. Знаете, сколько у нас французов, а все говорят, что они из Национального Совета Сопротивления, бельгийцы из Фронта Независимости, а итальянцы все члены Ударных Бригад Гарибальди. А румыны? Все румыны вдруг стали участниками свержения режима

Антонеску, привели к власти короля Михая и воевали против Венгрии, а в плен попали по недоразумению. Сволочи! — Не выдержал Волков. — И американцы хороши! Чуть что — бьют исподтишка, в спину. Убийцы.

Питер вспомнил о личной трагедии Волкова, и решил сбавить тон. У того свое горе, у него свое. Оба капитана, русский и английский, пострадали по-своему. Но это не меняет дела.

— Поймите, — спокойно сказал он, — наш полк соприкасался с Красной Армией на линии разграничения зон огня в окрестностях города Висмар. От Балтийского моря и на юг, до Людвигслуста. А войска армии маршала Рокоссовского продвигалась навстречу нам с Востока.

— Это я уже слышал. Знаю. Да и вы хорошо заучили.

— Ничего я не заучивал! Я воевал там! Это нетрудно проверить.

— Мы и проверяем.

— Медленно, господин капитан!

— Вам известно сколько военнопленных говорит тоже самое? Все говорят об ошибках, недоразумении, несправедливом отношении. Даже фельдмаршал Паулюс ни в чем не виноват, он только выполнял приказы. Не надо было с русскими воевать, капитан Стоун!

— Вы что, издеваетесь надо мной?

— Где уж мне. Это вы все время хотите ввести меня в заблуждение. Откуда так хорошо немецкий язык знаете? Да и русским владеете. Также подозрительно.

— Я филолог, лингвист, полиглот. Объяснял не один раз... И офицеру Кореневу и другим...

— Ну да, понятно. Кругом одни полиглоты и переводчики.

От невозможности что-либо доказать, Питер стал осознавать, что теряет инициативу и разговор заходит в тупик. Он чувствовал, что попал в замкнутый круг. А Волков в ответ нарочито зевнул. Нет,

он явно над ним издевался, играл в кошки-мышки. Может быть, это доставляет ему удовольствие?

— Вот что, — твердо произнес Стоун. — Пригласите, пожалуйста, сюда английского консула. Я — подданный Его Величества короля Великобритании Георга Шестого. Дело «военнопленного номер «Ноль» мгновенно ускорится и решится за час.

Капитан Волков вновь усмехнулся. На этот раз зловеще. И издевательски произнес:

— Обязательно пригласим. Не волнуйтесь. Берегите силы. А пока вот вам лист бумаги, чернильница, ручка с пером и... вдохновение, — он вынул из ящика стола все эти канцелярские принадлежности, кроме «музы». — Садитесь за тот стол и пишите. Пяти минут вам хватит?

Стоун откинулся на спинку стула. Исступление и чувство безысходности переполняли его.

— Не многовато ли вы мне отпускаете времени, герр капитан? — Спросил он. — Это с вашей стороны большая щедрость. По отношению к немецкому шпиону.

— Хорошо, десять. Согласен. Для вашего блага, господин Стоун, исключительно для вашего блага.

Питер понял, что писать что-либо попросту бесполезно. Им явно не хотели заниматься всерьез. Надо идти напролом к полковнику Ясину. Или к кому повыше. Ему хотелось разорвать лист бумаги и швырнуть обрывки на стол.

— Что же вы медлите? — С иронией спросил Волков, словно угадав его мысли. — Рвите-рвите, а я вам другой лист бумаги дам. Учитывая ваше нервное состояние. Но уже последний. И во благо вам это не пойдет никак. Только осложнит ситуацию.

— Спасибо — произнес Питер, поднимаясь со стула. — Я не ваш исповедник, писать ничего не буду.

Волков побарабанил по «нулевой папке» пальцами.

— Тогда сожалею. Идите, мистер Стоун.

И издевательски добавил:
— Свободны.

Германия, Висмар, 4 мая 1945 года, день

... Днем капитан Стоун со своей ротой должен был захватить три уцелевших здания в западной части Висмара, последний видимый оплот сопротивления. Это был последний ряд домов, дальше шли редкие разбросанные постройки и промышленные объекты, потом пустырь — граница города. Большинство зданий на этой улице были разрушены и дымились в развалинах. Кругом воронки от разорвавшихся снарядов. Непрерывающаяся артиллерийская канонада, стрельба из пулеметов и автоматов. Кто бил из пушек и минометов — не разберешь: свои, русские или немцы? Словом, кромешный ад. В нескольких километрах, а может и ближе, протекает невидимая линия размежевания сил со 2-м Белорусским фронтом, которые наступают с востока. К югу, а то и попеременно с британцами воюют канадцы, а немцы везде...

Противостоял англичанам засевший в домах разрозненный взвод СС. Оценив обстановку, Стоун не стал бросать подчиненных в лобовую атаку, а велел обходить с флангов и зайти в тыл. Часть своих сил во главе с лейтенантом Паркером он отправил вперед, на соседнюю улицу, а сам с малой группой сосредоточился в укрытии напротив наиболее яростной точки сопротивления — двухэтажного административного здания, первый этаж которого занимала почта. Несколько раз поднимал на древке белый платок, пытаясь вызвать нацистов на переговоры о капитуляции, но всё безрезультатно. Эти фашисты сдаваться не собирались.

Через полчаса стало ясно, что одно из зданий его солдатам во главе с лейтенантом Дженнингсом удалось захватить. Второе еще держалось, а вот из почты эсэсовцы то ли ушли, то ли все погибли. Пулемет на втором этаже молчал. Стоун дал знак своим соратникам

приготовиться к атаке. Через минуту по сигналу они ринулись в наступление. И вот тут вражеский пулемет застрочил снова.

Боковым зрением Питер увидел, что трое из его солдат упали, еще несколько залегли за бордюром, сам он успел заскочить в боковой подъезд. Очевидно, это был вход в служебное помещение. Повсюду на полу были разбросаны письма, конверты, бумаги, канцелярские принадлежности. «После войны работники почтового ведомства соберут все эти письма, бандероли и прочую корреспонденцию, — подумал Стоун, — и аккуратно разнесут адресатам с присущей немцам педантичностью.» А пока среди всего этого лежали трупы людей в черной форме. Части «СС», в которых служили не только немцы, но и французы, особенно отчаянно защищавшиеся в последние дни войны. Ступеньки лестницы были завалены кирпичом, песком, штукатуркой. Не опуская автомат, Стоун стал подниматься вверх.

В лестничном пролете через выбитое окно он увидел то, что творилось на улице. Там немцы из соседнего здания сами перешли в атаку, пытаясь пробиться к своим. Ведь бой шел и на соседней улице, наверное, они хотели сосредоточить силы в одном месте. А пулеметчик на втором этаже почты активно поддерживал их контрнаступление. Надо было во что бы то ни стало уничтожить его.

В несколько прыжков он взметнулся вверх. И, даже не успев еще оглядеться как следует, Стоун дал несколько круговых очередей из автомата в сторону окна. Направление, как оказалось, выбрал верное. Стрелок завалился набок, а вот второй немец, похожий в своей униформе «СС» на черного ворона, умудрился сделать ответный выстрел из пистолета. Прежде чем сам упал замертво. А в капитана он так и не попал.

— Сделать бы из тебя чучело, да в музей Тьюссо! — Пробормотал Питер.

Он едва успел порадоваться удачному завершению «охоты» и тому, что сам уцелел, как в здании почты прогремел мощный взрыв.

Минометный снаряд попал точно во второй этаж. И теперь уже было не важно — с чьей стороны он прилетел! Со стороны противника или союзника. Или от своих. От силы ударной волны Стоуна швырнуло к лестнице, он потерял равновесие и покатился вниз, лишившись чувств. Контузии могло бы не быть, если бы он удержался на ногах и не ударился головой. Каска спасла английского капитана от гибели, но не спасла от обморока. Всё дальнейшее было одним большим темным провалом в памяти...

Строительный объект в Москве, 1 августа 1945 года, день

За территорией лагеря, во время объявленного на охраняемой солдатами строительной площадке перекура, Стоун выбрал себе бетонную плиту почище и уселся на неё, достав из кармана робы сигареты. А на деревьях вокруг также сидели и отдыхали от суеты вороны, поглядывая на копошащихся внизу людей. Они изредка издавали свои гортанные звуки, словно высказывая свое неодобрение заключенным и охранникам или всему на свете, что не принадлежало их птичьему миру.

Куриль Питер стал здесь, в лагере, до этого не притрагивался к табаку, кроме тех случаев, когда пил кофе или баловал себя более крепкими напитками. Эту привычку он перенял от отца; сэр Мэтью Вильям Стоун любил иногда проводить время в библиотеке со старинными друзьями: они пили шерри-бренди со льдом или виски, курили сигары, и подолгу общались, рассказывая интересные истории об Индии и других заморских территориях.

Он и на войне почти не курил. Но здесь... Еще один минус неволи. А может, плюс? Размышляя на эту важную тему, взвешивая все «за» и «против» с точки зрения медицины, психофизиологии и просто здравого смысла, Стоун обратил внимание на стайку

мальчишек, крутившихся возле объекта. Конвойные уже давно перестали их отгонять от военнопленных. Всё равно без толку. Пролезут в любую щель.

Поэтому наиболее смелые из них шныряли повсюду. Подбегали к заключенным, что-то выпрашивали, предлагали обмен. А то хватали протянутую сигарету или какую-нибудь самодельную вещь и тотчас же убегали. Среди этих юных конкистадоров выделялся, несмотря на свой малый рост, рыжий мальчуган лет тринадцати. Не только огненным цветом своей буйной шевелюры, но и особенной бойкостью. Похоже, что он был даже заводилой в этой компании. По крайней мере, когда на него, что-то не поделив, набросился другой мальчишка, который был и ростом повыше и старше, и физически крепче, рыжий не струсил и дал сдачи.

«Через шесть-семь лет, не случись страшного, и мой Мэтью был бы таким же проворным и храбрым, — с грустью подумал Питер. — Бегал бы по лужайке в Ричмонде, гонял бы мяч. Стал бы, наверное, капитаном местной футбольной команды. А потом...». Но размышлять дальше на эту тему больше не стал. Он уже давно запретил себе подобные мысли. Ни к чему хорошему они привести не могли. Только к поражению духа.

А «Рыжий», так про себя окрестил этого паренька Стоун, вдруг оказался около него. И буквально потребовал:

— Эй, дяденька фашист, дай сигарету!

Питер даже не сразу понял, что тот обращается именно к нему. Да еще теребит за рукав руби. И выжидающе-нахально смотрит.

— Во-первых, я не фашист, — отозвался он, подбирая по-русски слова, а во-вторых, рано тебе курить.

— В самый раз. А потом я не себе, папане.

— Ну, если для отца стараешься, то молодец. Выполняешь свой долг.

Питер улыбался, глядя на него. На душе теплело. А то всё вокруг одни и те же лица, сливающиеся в темное пятно: конвоиры,

пленные... Исключая лишь Наталью Павловну, да вот этого бравого невысокого русского отрока.

— Так дашь сигаретку, немец? — Не унимался Рыжий, продолжая дёргать за рукав.

— Я не немец, — охотно откликнулся Питер. Ему было приятно с ним разговаривать.

— Да мне чихать! А кто же ты, фриц, тогда?

— Англичанин.

Рыжий присвистнул.

— Ну, всё равно! Давай сигарету, и разойдемся по-хорошему.

— А как будет «по-плохому»?

— Да никак! Тогда и ты от меня ничего не получишь.

— А что можешь предложить?

Мальчишка покрутил головой, похлопал по пустым карманам, развел руками:

— Ничего. Всё уже раздал клиентам.

— Вот видишь. Зачем же я буду давать тебе последнюю сигарету?

— Ну, тогда дай хоть докурить.

— Так ты же для отца просил!?

— Сами мы тоже малость покуриваем, балуемся иногда — важно произнес Рыжий. — А я тебе еще пригожусь. Если чего достать надо — попробуем. Говори!

— Ладно, я бы тебе и так дал, без этого «достать», — сказал Питер, протягивая ему две сигареты из пачки. — Беги к отцу, малыш.

Перекур заканчивался. Дежурный офицер объявил начало работ. Вороны вдруг разом во главе с вожакom взметнулись и улетели по своим делам. Конвойные стали поторапливать военнопленных и гнать мальчишек прочь. Схватив курево, Рыжий бросился мимо солдат, просочился, увертываясь от подзатыльников, как регбист с «дыней», и мгновенно исчез. «Ловок, чертёнок!» — С одобрением оценил его финты Стоун.

На следующий день знакомство с Рыжим продолжилось. Во время очередного перекура тот сам углядел Питера и подбежал к нему, как к давнему-новому приятелю.

— Фриц, я тебе хлеба принес! — Деловито сообщил он. — Немного, но зато с воблой. Забьем на пачку?

— Как это? — С улыбкой отозвался Стоун.

— Чё, глупый, что ли? Ты мне всю свою пачку, полную, я тебе — харч. Да еще вначале погляжу, сколько там сигарет!

— Ладно. Только меня зовут Питер, а не Фриц. Запомни. А тебя как, малыш?

— Лёва, — важно и с достоинством произнес Рыжий. — И ты в мозгу отложи, чтобы не повторять: Лев Константинович Дуров, понял?

— Конечно, с первого раза, не дурак — в унисон ответил ему Питер.

— Дурак не дурак, а вот фамилия моя тоже знаменитая, цирковая. Понял?

— Да, конечно, теперь знаю, в твоей семье артисты, цирком занимаетесь.

— А ты повтори, назови её.

— Нет, не могу.

— Дуров! — Засмеялся Рыжий. — Вот и вся разгадка. Сечёшь?

— Теперь буду знать, — сказал Стоун, протягивая ему руку для рукопожатия. — Бери всю пачку, Лев Константинович Дуров, правда, она не совсем полная, но это всё, что есть. Зато ты в выигрыше: воблу я не ем, а хлеба в лагере хватает.

— Ну, спасибо тебе, Питер! А от таранки зря отказываешься. Потому что завтра я тебе принесу пива, а они вместе во, как идут! — Лева вытянул вперед руку, демонстрируя большой палец.

— Таранки? Это что?

— Вобла, я же только объяснил! Вобла и таранка одно и тоже! Понял? С пивом хорошо идет!

— Это другое дело. Давай сюда свою сушеную рыбу! Воблу! Таранку!

Так начались их приятельские отношения. Возраст — не помеха. Старший и младший почти сдружились. Они еще часто виделись — и здесь, на объекте, мимолетно, и возле филиала лагеря, где через колючую проволоку болтали обо всём подряд, хотя там между ними была проложена граница. Послевоенное время разъединило их, но оно же и сблизило, ничуть не мешало мирному общению. А пришел срок, и рыжий мальчишка Питеру Стоуну действительно пригодился...

Германия, город Висмар, 4 мая 1945 года. Вечер

... Очнулся Питер в проеме между этажами. Он лежал головой вниз, щека и ухо были покрыты запекшейся кровью. Стоун ощупал себя, ноги-руки целы. Это уже хорошо. А сколько времени он провел без сознания? Глаза плохо различали предметы, но капитан, стоная, осмотрелся по сторонам, присел на груды кирпичей, достал флягу, отпил несколько глотков и промыл, как мог, лицо. Зрение постепенно стало восстанавливаться. И что же? Всюду развороченная арматура, битый кирпич, кафель. Час, два?

Приблизив циферблат хронометра, Питер разглядел стрелки: восьмой час. Выходит, он пролежал так до самого вечера. Почти пять часов. А что же его солдаты, лейтенанты Паркер, Дженнингс? Где они? Неужели все погибли? Собравшись кое-как с силами, Стоун медленно поднялся, начал первым делом искать свой автомат. Оружие нельзя терять ни в коем случае. Вскоре нашел его на низшей ступеньке лестничного пролета. Тут же рядышком валялась и его каска, пробитая осколком под самой макушкой. Повезло. Если бы чуть ниже...

Капитан саркастически усмехнулся, еще раз умылся водой из фляги, отпил несколько глотков, взял автомат в руки, надвинул каску

на голову и выбрался из подъезда. Стоун остановился, посчитал до трех, потом, сбиваясь и путаясь, до десяти. «Порядок» — решил он. Сейчас он представлял собой незавидное зрелище. Бориса Карлоффа в роли Франкенштейна из фильма Джеймса Уэйла. Окровавленный, высокий, худой, качающийся, с налитыми кровью глазами, весь в пыли и грязи, да еще с автоматом и невнятной речью. Выйдя на улицу, Стоун повертел головой, смотря влево и вправо. Оба здания возле почты были разрушены почти до основания. Значит, помощи от своих солдат ждать незачем. А где они, куда идти?

Опускались сумерки, но было еще светло. Стоун увидел приближающуюся колонну немецких военнопленных. Сопровождали её с двух сторон бойцы. Кажется, советские. Да какая теперь разница! Главное – союзники, почти свои. И Стоун, собрав остаток сил, направился к ним, размахивая свободной рукой и что-то крича. То ли приветствуя их на своем родном языке, то ли просто произнося нечто невнятное от избытка чувств.

А дальше произошло что-то совсем непонятное для него. Никак не укладывающееся в сознание. Солдат из колонны резко остановился и вскинул автомат. Направил его в грудь английского капитана. Тоже что-то прокричал. Лицо у него было широкое и плоское, а глаза раскосые. Наверное, азиат. Стоун не сразу понял, что ему надо положить оружие на землю и замереть. Да еще поднять вверх руки. Так показывал потомок Чингисхана, то и дело вскидывая дуло автомата.

Капитан британской армии Питер Стоун выполнил его приказ.

— Я — английский офицер, — более-менее внятно выговорил Стоун. — Проводите меня к вашему командиру.

— Молчи, фашистская сука! — гортанно отозвался тот.

Второй солдат подобрал автомат Питера, а третий, подойдя сбоку, ударил его прикладом в плечо.

— Иди в колонну, к своим! — Выкрикнул он.

— Но я...

В ответ получил еще один удар, на этот раз по затылку. Каска слетела. Так Питер Стоун волею судьбы стал военнопленным.

*Документальная хроника. Ошибки на линии разграничения зон огня между союзниками**

Город Висмар в конце войны был зажат с двух сторон в тиски английскими и советскими войсками. В итоге он был занят англичанами и канадцами. Однако, согласно Ялтинским договорённости, город находился в советской оккупационной зоне, и потому 1 июня 1945 года британцы отошли и уступили его русским. А после войны Висмар стал частью ГДР. Но это уже совсем другая история...

А тогда, в начале мая, за несколько дней до гонга победы, всё в Висмаре висело на волоске. Дело в том, что на беду Питера Стоуна, доверительные отношения между союзниками по антигитлеровской коалиции к этому времени стали заметно ухудшаться и сходить на нет.

У советской стороны были реальные поводы обижаться в некоторых конкретных случаях на своих западных союзников. Однако и последние, в свою очередь, не всегда были довольны отношением и поведением советской стороны. Даже накануне победы, когда, казалось бы, военные отношения союзников по антигитлеровской коалиции достигли своего апогея, в Вашингтоне и Лондоне вынашивали планы "наказания русских".

В этом отношении Стоун был далеко не одинок. В плен случайно или по недоразумению, союзники попадали как с той, так и с другой стороны. А демаркационные линии уже к концу апреля глубоко пролегли не только между географическими зонами оккупации, но и в сознании вчерашних сторонников. Вот, к примеру, два рядовых случая на фоне тяжелых кровавых сражений, который произошли

практически одновременно, когда Питер Стоун попал в плен. Первое недоразумение или казус не имел к нему никакого отношения, но второй будет иметь большое косвенное значение в его дальнейшей судьбе. Станет, в какой-то степени, определяющим. А сейчас приведу их лишь как доказательство военных ошибок на линиях разграничения зон огня.

Четвертого мая в лесах в районе Ферринг были задержаны три английских авиатора, сбитых неделю назад во время воздушного боя между британскими ВВС и Люфтваффе. Сержанты Данн, Джессон и ефрейтор Лэси. Вечером того же дня их привели в штаб и начали допрашивать. Советский офицер требовал от них указать номер немецкой дивизии, в которой они якобы сражались. Ночь сержанты провели вместе с немецкими пленными в свинарнике. Потом, разобравшись, их передали британской миссии. Но на этом дело не кончилось.

А вот второй случай, трагедия, которая уже будет иметь непосредственное отношение к судьбе капитана Питера Стоуна. Опасный инцидент, обусловленный несогласованностью действий авиации союзников. В тот день, когда Стоун попал в плен, Генеральный штаб Красной Армии информировал своих западных союзников через главу военной миссии США в СССР генерал—майора Дж. Дина об атаке американскими истребителями советских боевых самолетов:

"4 мая днем над расположением советских войск на восточном берегу реки Одер севернее города Кюстрин прошли на север восемь групп американских бомбардировщиков В-17 "Летающая крепость" в сопровождении истребителей типа "Мустанг". Их преследовали немецкие истребители Ме-109 и FW-190.

В воздухе над этим районом находились шесть советских истребителей Як-3. Советские летчики, заметив немцев, атаковали их, но в этот момент сами подверглись атаке со стороны американских истребителей. Советские летчики, ясно различая

американские самолеты, уклонились от воздушного боя с ними, но, несмотря на это, американские истребители продолжали преследовать советские самолеты. В результате атаки американских истребителей шесть советских самолетов были сбиты, причем два советских летчика (Н. Савченко и Н. Волкова) погибли. Этот случай является уже вторым случаем нападения американских истребителей на советские самолеты над территорией, занятой советскими войсками".

Далее генерал армии А.И. Антонов дал соответствующую оценку этому инциденту, назвав его "из ряда вон выходящим случаем", и подчеркнув необходимость строгого соблюдения линии разграничения между зонами боевых действий авиации союзников:

"Этот из ряда вон выходящий случай произошел в условиях, когда по обоюдному соглашению между советским, британским и американским штабами авиации была установлена разграничительная зона для боевых действий союзной авиации, проходящая на этом участке по линии Пазевальк, Берлин, т.е. в 50 километрах к западу от района происшествия; причем никаких извещений о предполагаемом пролете здесь американскими самолетами линии советского фронта сделано не было.

Указанный случай вызывает справедливое возмущение советских войск, особенно тех, которые были свидетелями этого исключительного происшествия".

Но вернемся к Висмару...

Германия, город Висмар, железнодорожный вокзал, 5 мая 1945 года, день

На каждом из трех перронов стояли товарные составы, а весь вокзал и привокзальная площадь были забиты тысячами немецких военнопленных. Их готовили к эвакуации в Советский Союз. Они

были разделены на секторы, группы, которые охраняли автоматчики и по мере надобности выводили к нужному составу. Затем грузили в вагоны-теплушки. Недовольных и сопротивляющихся заталкивали прикладами. Работали быстро, слаженно. У каждого вагона стоял младший офицер НКВД, который и отвечал за погрузку. В руках он держал журнал учета. В него делалась отметка о военнопленном: имя, фамилия, воинское звание, номер дивизии. Пустая формальность.

На крайнем перроне среди остальных заключенных стоял Питер Стоун, медленно продвигаясь в толпе к определенному этой группе вагону. Англичанин от усталости еле передвигал ноги в стоптанных армейских ботинках. Вид у него был довольно жалкий; бессонная ночь на привокзальной площади под дулами автоматов враждебно настроенных солдат союзников измотал его почти полностью. Ему хоть и удалось поспать, немного сидя на земле, но соображал он плохо; голод, жажда и усталость измотали его. Пустой взгляд, запекшаяся на шее кровь, грязная военная форма.

Неожиданно один из рослых военнопленных перед ним сделал быстрый шаг в сторону и прыгнул с перрона под вагон. Наверное, рассчитывал затаиться где-нибудь под платформой, в надежде, что его не заметят, или попытаться бежать по железнодорожным путям. Ведь перрон-то крайний. Однако с другой стороны состава на земле также цепью стояли советские автоматчики. На расстоянии нескольких метров друг от друга. Мышь не проскочит.

Отчаянный немец в форме обер-лейтенанта вермахта этого не знал. Выскочив из-под вагона, он бросился прямо на заслон. Наверное, когда-то он был неплохим спортсменом, возможно, занимался борьбой или игрой в регби. Вот почему умело разбросал в разные стороны двух солдат, пытавшихся его остановить. Его стремительный натиск принес временный успех. Обер-лейтенант рванул дальше – к чахлым деревьям, за которыми виднелись каменные строения. Бегал он тоже быстро, всё решали секунды. Но

автоматная очередь позади него оказалась быстрее... С деревьев с громким карканьем в небо взметнулась стая черных ворон.

А на перроне у каждого вагона продолжалась регистрация и посадка. Вопрос—ответ – запихивание в теплушку. Подошла очередь и Питера Стоуна. Он заранее обдумал и подготовил свои слова и взволнованно, несколько торопливо начал по-немецки:

— Я капитан английской армии и попал к вам по ошибке...

— Имя, фамилия? — Равнодушно спросил лейтенант НКВД, даже не взглянув на него.

— Произошло недоразумение, мы с вами союзники...

— Назови имя и фамилию, — повторил офицер. — Воинское звание в Вермахте, номер дивизии?

— Стоун. Питер Стоун. И я не служил в Вермахте. Я капитан королевских вооруженных сил Британии.

— Тогда я — маршал Буденный. Но так хорошо German language как ты не знаю. А ну, давай быстро наверх, не задерживай!

Младший лейтенант уже сделал нужную отметку в журнале учета и кивнул стоявшему рядом сержанту с автоматом. А тот воспринял этот молчаливый жест как приказ. И тотчас же последовал удар прикладом в плечо Питера Стоуна. А поскольку пленный упрямо не подчинялся приказу и продолжал что-то говорить, уже перейдя на английский, то для вразумления сержант выдал еще удар в плечо, а потом в спину. И загнал Стоуна в вагон.

А через несколько минут дверь в товарняк с лязганьем задвинулась на железный засов. То же самое одновременно произошло и с другими вагонами, где в каждом открытом тамбуре осталось по четыре солдата-автоматчика. Паровоз выпустил пар, дал прощальный гудок к отправлению. Состав медленно, набирая ход, тронулся на восток. Привычный мир в очередной раз, уже который по счету, кончился...

Стоун стоял у стены теплушки, битком набитой военнопленными. В узкую щель одним глазом он видел этот удаляющийся от

него мир. Мелькали разрушенные войной здания, подбитая военная техника, поваленные телеграфные столбы и деревья. Редкие гражданские лица, в основном, женщины, старики, дети. Никто руками не махал и в дальний «счастливый путь» не провожал, как обычно это бывает принято по глупой человеческой традиции.

Питер вдруг очнулся от своих мрачных мыслей, вынул из нагрудного кармана фотографию Мери с малышом Мэтью, долго смотрел с грустью... и положил обратно.

Глава Пятая

Филиал Красногорского лагеря в Москве, 6 августа 1945 года, вечер

После ужина Питер Стоун и Рихард Кох взяли за правило проводить «личное время» перед отбоем возле своего барака на облюбованном бревне, коротая время в тихой беседе. Иногда к ним присоединялся и Шнитке, места хватало как раз для третьего заключенного. Но долгих умных разговоров двух интеллигентных людей он не выдерживал, быстро начинал зевать и вскоре отправлялся просто бродить по лагерю. А когда конвойный бил в колокол все военнопленные в обязательном порядке возвращались в свои бараки и погружались в сон, хотели они этого или нет. Правило есть правило.

Но пока время было. Вот и сейчас они сидели, беседовали, переходя с немецкого на английский и применяя русские слова, которые стали обязательными и незаменимыми. А чтобы занять руки, занимались лагерными поделками – весьма распространенным здесь обычаем — вытачивали что-либо из подобранных во дворе кореньев сосны или березы заточенными ложками или перочинными ножами, которые были разрешены: курительную трубку, детскую игрушку, кораблик, фигурку человечка. Потом чаще

всего дарили эти поделки мальчишкам, крутившимся возле лагеря. Или обменивали на что-либо.

— Скоро наступят холода, — заметил Кох. — В России осень наступает рано и вслед за ней зима, не заметишь... Потом опять лето, и так год за годом. Только бы очередное лето было бы уже без нас. Я имею в виду, здесь, а не вообще. Нам надо жить, выжить. И вернуться домой.

Стоун ответил словами Экклезиаста:

— Суета сует, всё суета и нет ничего нового под солнцем...
Всюду плен.

Настроение у него было грустное и даже тоскливое и Кох решил поддержать его, настроить на другой лад. Но вышло только еще хуже.

— С одной стороны вы правы, Питер. Плен — в природе человеческой. Вы никогда не задумывались над тем, что с самого дня рождения и до момента смерти все мы находимся в плену?

— Может быть, не могу возразить, — безотрадно сказал Стоун. — Добавлю только, что этот плен начинается не с минуты рождения и кончается не часом смерти. А даже «до» и «после». Плен вечен — до бытия и в небытие.

Кох задумался над его словами, потом через пару минут ответил:

— Ну, это вы уже чересчур... Никто не знает, что было до нас и что будет после. А вдруг именно там — истинная свобода? И подлинная новизна без суеты сует?

— Это вопрос веры. Или хобби, если говорить упрощенно. Но ситуацию в настоящем я могу только ненавидеть... Ненавидеть за то, что она мне не подвластна, за то, что я ею не управляю. Мы здесь словно на необитаемом острове, а это ужасно. Четвертый месяц безо всякой возможности продвинуться хоть на один шаг. Как коллективный Робинзон Крузо посреди океана, без солнца, луны,

звезд... Заброшены на этот остров после кораблекрушения. И никаких ориентиров... Ничего. Полный штиль.

— Думайте о своей семье, о родных, о близких, — сочувственно посоветовал Кох. Но последовавшего ответа никак не ожидал:

— От этого только хуже.

Пояснять свою мысль Стоун не стал. А Кох, помолчав немного, продолжил:

— А вот меня, например, спасают только мысли о моей Лотте и Фридрихе. Ему уже исполнилось пятнадцать... Женился я поздно, в годах. Всё некогда было – занимался наукой. Но счастлив с Лоттой. Самое гнусное, что осенью сорок четвертого, когда видно было, что война проиграна, они стали призывать всех подряд. Это подлость. Мальчишки—то здесь причем? Я понимаю: они пытались спасти свои шкуры, спрятаться за спинами детей... Создали Гитлер-Югенд. В то же время был создан Фолксштурм – своего рода народное ополчение, куда призывали даже тех, кто не мог отличить метлу от ружья. Туда попал и я – профессор Берлинского университета. Так, по иронии судьбы, в один день вместе с сыном, я оказался втянутым в эту авантюру. Сразу же бросили в бой, короткий курс и в Арденны. С тех пор я не видел сына...

Кох закрыл лицо ладонями, прошептал:

— Впрочем, как и Лотту... Она такая красивая...

Он сдерживал слезы и после паузы спросил:

— А вы, Питер? У вас есть семья?

Стоуну не хотелось об этом говорить. Но и отмалчиваться было бы невежливо, не деликатно. Это можно было бы расценить как презрение или недоверие. Он просто сказал так:

— Рихард, красота волнующей ваши мысли женщины, подобна изяществу природы. Очертания холмов, изгибы реки, меняющиеся силуэты песчаной дюны, волнующие очертания уютной бухты не так прекрасны, как мягкие линии тела любимой женщины. А когда она движется, легко скользит по земле хотя бы в танце, то грация её

движений уносит вас в мир грёз, тот самый мир, из которого не все возвращаются. А если рассуждать шире, то мужчины находятся во власти вещей и идей, а женщины – во власти чувств. И красот мира.

— Вы поэт, Питер! Или философ!

— Я — заключенный, Рихард.

*Вспоминает и рассказывает Питер Стоун – поток сознания**

Благодаря проявленной в годы войны выдержке, бесстрастию и уравновешенному подходу, Георг VI завоевал всеобщее почитание и несомненную славу «народного монарха». Это так. В одночасье он почти перестал заикаться. В отличие от своего брата Эдуарда, герцога Виндзорского, он проявил исключительные способности реально оценивать ситуацию и принимать верные решения, соответствующие духу времени и настроениям подданных. Он выдвинул кандидатуру Уинстона Черчилля на должность премьер-министра, отказался покинуть Лондон, избрав местом жительства старинный замок Виндзор, приказал полностью поменять меню и сделал его народным. Продуктовое довольствие королевской семьи полностью соответствовало рациону питания подданных. Столь высокая ответственность не осталась незамеченной благодарными гражданами; образцовое поведение способствовало тому, что Британия оказалась, вероятно, единственной страной в Европе, где не было черного рынка. Вся страна, все слои населения – и бедные, и богатые — питались по карточкам. Король поднял среди подданных дух патриотизма и национальное достоинство, а благодаря правильно выбранной политике возродил в массах чувства почитания монархии. А это главное, на мой взгляд. Ведь чувства эти, казалось бы, начали угасать после отречения Эдуарда VIII и последовавшим вслед за этим

конституционным кризисом. Королевская чета постоянно посещала воинские части, военные предприятия, порты, госпитали, школы.

В первые годы войны, когда угроза вторжения гитлеровских войск на Британские острова и возможность поражения были вполне реальными, король проявил достаточно мужества и решимости. Он часто появлялся в народе в военной форме, демонстрировал подданным, что он тоже находится на военной службе. Премьер-министру Черчиллю удалось предотвратить эвакуацию королевского двора, правительства и парламента в глубь страны именно благодаря королю Георгу VI, хотя такие планы были на повестке дня правительства Чемберлена. Этот факт. Постоянное пребывание королевской четы в центре города и посещение пострадавших мест после бомбардировок постоянно подпитывало патриотический дух лондонцев и всех остальных британцев.

Ну а о Черчилле и говорить нечего. Мой отец являлся его дальним родственником, но это не важно. Как много значило первое радиообращение Черчилля! Он призвал английский народ буквально так: «Преисполнившись духа воинской доблести, берите в руки оружие и будьте готовы сражаться на поле брани, ибо лучше погибнуть в бою, чем сидеть и смотреть, как посягают на свободу нашей страны и оскверняют святость нашего алтаря». Мы с Мери и Джесси слушали и едва сдерживали слезы.

Что еще сказать? После массированных бомбежек Бирмингема и Ковентри Георг VI посетил пострадавшие города в знак солидарности и единения с жителями пострадавших городов. Присутствие королевской четы среди рабочих заводов оборонной промышленности, на улицах и в госпиталях, на призывных пунктах среди новобранцев было самым мощным моральным фактором. Добавлю: в знак солидарности со своим народом и в целях экономии королевский двор придерживался элементарного аскетизма и отказался от многих удобств и излишеств. Король считал неуместным пользоваться особыми преимуществами и привиле-

гиями в то время, когда большая часть народа лишена элементарного. Монарх и его супруга проявили несравненное единство монархии, правительства и народа, как никогда сблизили дворцы с простыми домами.

Лорд Тенниси, навещал моего отца, и они подолгу общались в его кабинете или библиотеке. Он выражал опасения, что немцы нанесут удар по самому чувствительному месту — по королевской семье, причем, вероятней всего, в центре мишени будут юные принцессы. Раскуривая трубку, он как-то сказал:

— Ведь в Норвегии и Голландии нацисты при первой возможности пленили королевские семьи. К счастью, пока им это у нас не удалось. Но если они осмелятся высадиться на территории королевства и начать сухопутную операцию, они, непременно, первым делом попытаются осуществить свой замысел и сделать это, если сумеют. Для Британской империи это стало бы тяжелым ударом, потому что корона — это главное звено, соединяющее нас с доминионами.

На самом деле лорд Тенниси тактически беспокоился больше за принцесс, чем за короля. Ведь на основании акта о регентстве, принятому в 1937 году, правительство имело право передать полномочия монархической власти другому лицу. В случае смерти или пленения принцесс, акт становился нецелесообразным и потому многие парламентарии и члены правительства высказывали пожелание отправить их в Канаду.

— Если их высочества, — добавил в тот вечер лорд Тенниси, — окажутся в руках фашистов, то на короля и королеву будет оказано невероятно сильное давление.

В правительстве это понимали и потому, чтобы обеспечить безопасность королевской семьи соответствующие службы принимали необходимые меры предосторожности. Сам король прекрасно понимал, что его смерть будет на руку Третьему рейху. У Гитлера был свой претендент на британский трон — герцог

Виндзорский, бывший король Эдуард VIII уже занимал эту должность в течении десяти с половиной месяцев в 1936 году. И наверняка командование Вермахта и Абвер разрабатывали операцию по устранению королевской семьи и возвращению Эдуарда на престол. Герцога намеревались вернуть на трон в качестве марионеточного короля после свержения законной власти. Но Черчилль предвидел планы Германии и принял срочные меры. Британское правительство действительно назначило Эдуарда губернатором Багамских островов и незамедлительно отправило его по ту сторону Атлантического океана.

А Гитлер при каждом удобном случае упоминал о проявленном Эдуардом понимании потребностей новой Германии и заявлял, что с его помощью он мог бы установить длительные дружеские отношения с Англией с учетом интересов обеих сторон. Отречение сильно ударило по планам Германии и считалось тяжелой потерей. Несостоявшийся союз во все годы гитлеровского правления вызывал сожаление у верхушки Германии.

Теперь я понимаю, что правление Георга VI очень напоминало по сути методы его отца Георга V. Они оба придерживались разумной умеренности, не проявляли тяготения ни к одной из партий, проявляли лояльность к любому мнению и преданно поддерживали устои монархии и государственной целостности. Прекрасно знали, что от их правления зависит не только облик монархии, но и ее будущее.

Филиал Красногорского лагеря в Москве, 10 августа 1945 года, вечер

— Когда-нибудь я напишу мемуары, вспоминая все перипетии своей судьбы, и назову главу о нашем общении с вами здесь «Беседы на бревне», — с насмешкой сказал Кох, раскуривая сигарету. Это

будет и грустно, и смешно. Ведь радость, горе, проблески надежды, и неожиданное веселье всегда идут рядом, как и многие другие чувства и эмоции homo sapiens. И хотя вы годитесь мне в сыновья, Питер, мне очень интересно общаться со столь образованным человеком и рассуждать на самые разнообразные темы. Я многое почерпнул от вас. Поверьте старику Коху.

— Спасибо, — отозвался Стоун. — Я тоже, честно говоря, не ожидал встретить тут человека, близкого мне по мировоззрению и... — он запнулся, подыскивая нужное слово. Наконец, нашел: — по духу.

— Конечно, я ведь и не был никогда нацистом. Скорее даже наоборот. Но судьба распорядилась иначе. Попал в Вермахт по последнему призыву... Ну, да вы знаете мою историю.

— А вы — мою. Но я не сказал бы, что судьба распорядилась со мной без моей воли. Я сам выбирал свой путь.

— Но не я, я не выбирал ничего. Я не хотел этой войны, я не хотел служить и воевать за их идеи. Будет неправдой, если скажу, что не хотел возрождения своей страны и пересмотра Версальского договора, но не так, не таким образом и, конечно, не такой ценой... Это безумие ...

— И я не хотел войны, и никто не хотел в Британии, и в доминионах. Но я сделал свой выбор, когда понял, что страна в опасности.

— И этот путь указал нам Бог. Мы только идем по предназначенному нам пути и важно не сбиться с него.

— А если он ложный?

— Ложь зависит от нас самих, тогда мы начинаем блуждать и попадаем в лабиринт, и чем дальше – тем труднее найти выход и вернуться на правильную истинную дорогу.

— Много же теперь вашему народу надо будет шастать по лабиринтам, — с иронией сказал Стоун.

Как всегда, они использовали при разговоре все три языка и отлично понимали друг друга. С ними на этот раз сидел и Шнитке, но в разговор не вмешивался. Пару дней назад установили еще одно бревно напротив старого, так что стало удобнее общаться.

— Несколько дней назад мы рассуждали о личности человека, о свободе духовной и физической, — вспомнил вдруг Стоун, продолжая обтачивать маленьким ножом корень. Он хотел сделать из него трубку и подарить этому мальчишке – Рыжему. Вернее, его отцу. Парню еще рано курить. — Хочу подчеркнуть, что в каждом индивиде, даже если он полная марионетка, присутствует относительно устойчивое ядро, которое делает его личностью. Увы. И он тоже является неповторимой персоной с присущими только ей свойствами.

— Это так, — подумав, согласился Кох. — У нашего философа Шелера все ответы на вопросы о человеке и его месте и положении внутри общей жизненной структуры сводится к одному — взаимодействию мира и Бога. Вспомните, к примеру, классическую литературу. В ней основное внимание уделяется духовному и философскому критерию личности. А личности делятся на три типа: соборный, амбивалентный и эгоцентрический. Ориентиром нравственности для соборного типа личности, является никогда до конца не достижимый идеал Всевышнего.

На этих словах Шнитке начал зевать, а Стоун, напротив, отложил недоделанную трубку и начал внимательно слушать.

— А с Рёске вы не совсем правы, вы его имели ввиду, говоря об индивиде? — Продолжил Кох. — Если соборному типу характерно развитие личности в триаде «родина – народ – Бог», то тому же эгоцентрическому Рёске, да и самому Гитлеру важен и нужен только хаос.

— Хаос? — С сомнением спросил Стоун. – Весь мир изначально хаотичен и тут уж ничего не поделаешь. Творец бесстрастен и является совершенным образом природы, никогда не входит в круг

событий и наблюдает за всем издалека. Его ничто не теснит, нигде не жмёт, он представляет всему совершаться и не предупреждает хода событий.

— Пойду я прогуляюсь перед сном, — сказал Шнитке, глаза у которого начинали слипаться.

Стоун проводил его взглядом и продолжил:

— Он выше толпы, но не как вождь, а именно как Творец. А за ним следуют и материализуются его герои. Обретают сущность. Странно, что я возвращаюсь к этому здесь, в русском лагере, где зажат в тиски. Огромную роль в смятии умов играют термины с извращенным смыслом, когда говорят одно, а на деле выходит нечто другое.

— Хаос никому не нужен, — сказал Кох.

— Конечно, в хаосе можно дать волю своим зоологическим инстинктам. Превратить человеческий талант в абсолютное зло. Но для начала нужно выбрать вождя, вожака стаи, как абсолютного авторитета. Применить популизм — риторику, направленную к народным массам. Внедрить корпоративный дух — политическую теорию, при которой правильными членами общества являются определенные социальные группы, а не отдельные личности. Ведь личность одна, и она уже выбрана! Преподнести это как традиционализм, то есть полную замену одних порядков, культуры, традиций, другими, предложенными вождем как единственно правильный. Подкрепить это национализмом, чувством превосходства одного этноса над всеми остальными, то есть базой о ценности нации, высшей форме единства. И в конце законодательно утвердить этатизм, то есть отдать государству во главе с вождем полную власть над всеми.

Стоун остановился и посмотрел на немного сконфуженного Коха.

— Продолжайте, — попросил он.

— А потом, Рихард, можно утвердить и милитаризм — идеологию, направленную на постоянное усиление военного могущества государства, необходимое для решения вопросов с непокорными странами и народами. И наконец, экстремизм — меру, позволяющую оправдать все действия государства, правящей партии и её вождя. Есть одно единственное государство, одна единственная идеология, один единственный путь, и во главе этого его величество фюрер. Который даже не заслужил нормальной смерти и достойного погребения. Сейчас, наверное, его мозг распилили на куски, и ученые стран—победительниц сидят и гадают «как такое могло произойти, в чем феномен человека, нации и страны?».

— Такова мифология лжи, — согласился с ним, подытоживая все сказанное, Кох.

— Идея воплощается, — отозвался Стоун. — Но главное — это причастность души. И, как говорил флорентинец Марсилио Фичино: «Выше тела — душа, выше души — ангел, выше ангела — Бог».

Солдат-конвоир начал бить в колокол. Военнопленных стали загонять в бараки. Поднялись со своего бревна и Стоун с Кохом, оставив, как всегда, интересную беседу неоконченной.

Филиал Красногорского лагеря в Москве, 13 августа 1945 года, вечер

Перед ужином Питер Стоун предпринял очередную попытку обратиться со своими проблемами к старшему офицеру НКВД, но на этот раз не к капитану Волкову, а к полковнику Ясину. Так, думал он, будет лучше. И быстрее. У него всё еще теплилась слабая надежда, что его заключение в лагере будет признано незаконным, ошибочным, нелепым и разрешится в течение одного дня. А то и нескольких часов. Ведь это так просто. Стоит только захотеть

разобраться, вникнуть в его беду и всё встанет на своё место. Но огонек этой надежды становился с каждым днем всё слабее, а тлеющий фитиль всё короче и короче.

Но и сдаваться Питер не собирался. Этому его научил бокс, когда Стоун выходил против заведомо сильного противника, да и весь образ жизни, включая воспитание с юных лет. Отец, наставники в школе, гувернер мистер Джон Ментор, священник Оливер, даже Джесси Оуэнс, будучи старше его на год и порою бравший на себя функции старшего брата, учили его мужеству, крепости духа, справедливости и чести.

Стоун вошел в комендатуру и сразу направился к сидящему за столом младшему лейтенанту, перед которым на столе лежал желто—коричневый журнал учета – объемистая канцелярская тетрадь. Рядом стоял солдат с винтовкой, который тотчас же загородил Питеру путь. Прикладом он даже толкнул его в грудь.

— Назад! — выкрикнул охранник.

Офицер оторвал взгляд от журнала, пристально взглянул на застывшего по стойке военнопленного. Узнал его.

— Вы Питер Стоун? — спросил он.

— Да. Питер Стоун.

Разговор велся на немецком языке.

— Из третьей казармы?

— Да. Из третьей казармы.

— Верно.

— Отведи его к Волкову.

— Мне не нужно к Волкову, я хочу к полковнику Ясину.

— Мало ли чего вы хотите. Это невозможно.

— Почему?

— По всем личным вопросам вы должны обращаться только к Волкову, — объяснил младший лейтенант. Он даже поднялся из-за стола, словно создавая дополнительный заслон на пути к недоступному простым смертным полковнику. Как прорваться

сквозь двух вооруженных мужчин? Да и есть ли в том смысл? Стоуну всё стало ясно.

— Ладно, — разочарованно произнес он. — Благодарю вас.

Потом развернулся и вышел из комендатуры. Некоторое время он бесцельно стоял возле забора, в нескольких шагах от вышки с часовым на узкой деревянной площадке, и бессмысленно смотрел вдаль – на серые неказистые здания, дорогу с редкими машинами, чахлые деревья с уже желтеющей листвой. Нет, все же не «бессмысленно». Он думал, мозг его усиленно работал, в голове прокручивались то одна, то другая мысль, их было много, иногда они сталкивались, напирали друг на друга, прорывались вперед, пытались полностью завладеть сознанием. Но реального выхода Питер не находил, его пока не было.

Раздался звон лагерного колокола. Сигнал к ужину. Стоун оторвал взгляд от ветвей деревьев с усевшимися там воронами, повернулся и направился в барак-столовую. А мысли продолжали гнеститься в его голове, как те же птицы, от которых не было никакой пользы. Один лишь громкий раздражающий грай. И, перебивая его, в мозгу назойливо стучал главный вопрос: «Что же делать? Что делать?»

Ужинал Стоун безо всякого аппетита, в разговоры за столом ни с кем не вступал, хотя, впрочем, он обычно и так этого не делал. А когда вновь прозвенел колокол – сигнальный знак к окончанию приема пищи – Питер послушно встал из-за стола и вместе с остальными заключенными понес свою посуду к окну, через которое они получали еду. Сегодня на десерт каждому выдали по яблоку, не— которые военнопленные брали их с собой, чтобы съесть перед сном или же обменять с кем-то на что-либо нужное. Свое Питер положил в карман. Выйдя из столовой, он вытащил его и машинально стал подбрасывать в воздух, ловя как гимнастический мячик. Один раз, задумавшись, не уследил, но оказавшийся рядом Кох ловко поймал яблоко, не дав тому упасть на землю. И протянул Питеру.

— Спасибо, — поблагодарил Стоун.

— Не любите яблоки? — спросил Кох.

— Нет, почему же, люблю, хотя на десерт предпочел бы клубнику или виноград.

— Или шоколадный пудинг.

— Тоже не плохо.

— А на обед? — Вновь спросил Кох, после некоторого молчания.

— Даже не знаю, с чего начать, выбор настолько большой, а желаний так много, что сложно чему-то отдать предпочтение. Особенно, сейчас!

Стоун задумался. Потом удовлетворил любопытство Коха таким блюдом:

— Я бы выбрал гуляш.

— Гуляш? — Профессор не скрыл удивления.

— Да, гуляш. Гуляш по-венгерски...

— Наверное, с ним связаны какие-то особые воспоминания?

Питер не ответил. Он не хотел посвящать никого в свои сугубо личные воспоминания. Они остановились возле своего излюбленного бревна. Но на сей раз оно оказалось занятым. Прямо посередине сидел раздутый как мыльный пузырь толстяк Рёске, положив ноги на бревно напротив, и смачно ел яблоко, выплевывая косточки и кожуру на землю. Второе лежало рядом с ним. Еще одно торчало из кармана. Набрался где-то, выменял или отобрал. На Коха и Стоуна Рёске смотрел злобно, нагло, с вызовом, с ненавистью.

— Пошли отсюда, — предложил Кох.

Стоун не возражал.

Филиал Красногорского лагеря в Москве, 20 августа 1945 года, вечер

Стоун предпринял еще одну попытку объясниться с Волковым. Дождавшись своей очереди, он вошел в кабинет и услышал знакомое, равнодушно-вежливое:

— Садитесь, ваше имя и фамилия.

— Офицер британской армии капитан Питер Стоун.

— О! Питер Стоун, проходите, садитесь. Будете богаты.

— Простите!

— Есть такая русская примета: когда кто-то кого-то не узнает, то о нем говорят, что он будет богатым. Вот и я вас не узнал, значит, вы будете богаты.

— Но для того, чтобы быть богатым, надо вначале быть свободным...

— Несомненно... Что я могу вам сказать? Рано, очень рано вы пришли.

— Это как рано? Я в вашем плену четвертый месяц и ни о чем другом думать не могу, меня взяли в результате чудовищной ошибки, а вы говорите, что рано.

Разговор шел на английском языке. Тут только Питер обратил внимание, что на кителе Волкова новые погоны — теперь вместо четырех звёздочек — одна, но побольше.

— Поздравляю вас с... новым званием, майор Волков, — добавил он по-русски. — Фраза далась ему непринужденно.

— Спасибо, — кивнул майор и мельком взглянул на фотографию жены в траурной рамке.

Стоун его понимал. Так было и с ним, когда погибла Мэри и сын. Прошло не скоро. А Волков вытащил из картотеки папку заключенного под номером «0». Она оставалась всё такой же

тонкой. Ничего там не прибавилось. Но хозяин кабинета для приличия полистал её. Потом вздохнул.

— Пока вынужден вас огорчить. Ваш вопрос разбирается. Еще нет решения. Что поделаешь? Дело не простое. Я отправил запрос в ту войсковую часть, которая соприкасалась с вами на линии размежевания сил в Висмаре. Проверяем.

— А в мою войсковую часть? В Гемпширский полк?

— Тоже.

— Обращались в консульство?

— А как же!? Вот ждем ответа.

Видно было, что он лжет. «Никуда он, Александр Волков ничего не отправлял; не в его это полномочиях. Майор НКВД обязан доложить об этом своему начальству в письменной форме, а те должны обратиться в Генеральный штаб для рассмотрения дела. Потом по известным и отработанным каналам всё должно решиться в короткий срок – в Генштабе знают, что делать в подобных случаях. Есть посольство, совместные комиссии; подобные вопросы должны быстро решаться. В моём конкретном деле все застопорилось по не понятным мне причинам. Но где, на каком этапе? Наверное, вообще ничего не делает, — подумал Питер. – А быть может намеренно морит его одними обещаниями. Действительно из чувства мести к англосаксам, что ли? Но не я сидел за штурвалом того «Мустанга», который сбил истребитель его жены. Как он этого не поймет?».

— Послушайте, господин майор, если так пойдет и дальше, то...

Стоун вновь стал волноваться, как в тот раз. От чувства бессилия и опустошенности, неожиданно нахлынувшей на него.

— Что – «то»? – насмешливо спросил Волков.

Стоун постарался взять себя в руки. Немного успокоился.

— Могу я обратиться к вашему прямому начальству – полковнику Ясину?

— Можете, — язвительно усмехнулся майор. – Но поскольку это противоречит субординации, то нельзя. Вопросами

военнопленных в их политическом значении занимается координатор Третьего отделения Красногорского Особого оперативно-пересылочного лагеря номер двадцать семь, то есть я. А я вам это запрещаю, поскольку вы все равно ничего не добьетесь. Только помешаете его работе. А у него самого дел выше головы. Да и как это будет выглядеть? Получается, что я спихиваю на полковника свои прямые обязанности? Скверно выйдет. И для вас, и для меня. Я достаточно ясно объясняю? Картина ясна?

— Как в школе живописи. Скажите, майор, за что такое отношение ко мне, такая несправедливость, чего вы добиваетесь? Или это попытка за что-то меня наказать? И вы специально ничего не делаете, чтобы моя проблема разрешилась. Или делаете, но крайне медленно. Я понимаю, вам торопиться некуда, но у меня другое отношение ко времени, к моему времени.

Волков с сожалением развел руками.

— Увы, ничего не могу поделать, — сказал он. — А ваши ощущения обманчивы. У меня нет, и не может быть, ни к кому никаких эмоциональных пристрастий. Ни любви, ни ненависти.

И добавил другим тихим голосом:

— Теперь уже нет.

Но последние слова, судя по всему, относились сейчас не к капитану английской армии, а к кому-то другому. Потом он как-то встряхнулся, отведя взгляд от фотографии жены, тоже взял себя в руки, как пару минут назад Питер, и неожиданно предложил:

— А хотите выпить, мистер Стоун? В знак примирения и разрешения наших с вами недоразумений?

— Почему бы и нет? — Подумав, согласился тот.

Майор достал из железного шкафа початую бутылку коньяка и пару рюмок. На столе появилось блюдечко с лимоном и яблоком. Вынув из кармана перочинный ножик с фирменным швейцарским красным крестом, он стал нарезать фрукты на мелкие дольки. И попутно говорить:

— В прошлый раз беседа у нас шла на повышенных тонах, была какой-то нервной. Глупой. Я сам виноват. К вам нужен особый подход, вы человек интеллигентный, образованный, не то, что эти... — он мотнул головой куда-то в сторону. — Швахи, шпана, шушера. А по вам сразу видно, что аристократ. И как представитель «голубых кровей» вы не должны обижаться по пустякам или копить злобу в карманах на превратности судьбы. Относитесь ко всему мудро и стойко, как положено вашему элитному классу. И, как сказано в одной любопытной книжке: «Терпите и обретете...». Но я вам этого не говорил! — лукаво добавил Волков и подмигнул Стоуну. — А то еще самому припишут пропаганду опиума для народа.

«Неужели он читал Библию? — подумал Питер. — А почему нет? Он же работник идеологического фронта. Хитрый и умный. А не готовит ли он мне какую-нибудь ловушку? Они мастаки по этой части. И эти швахи и шпана... я этих слов не знаю, но догадываюсь. Хотя говорил он по-английски, иногда переходя на немецкий, отношение к интернированным он выразил по-русски».

— Ну, всё готово! — произнес Волков, оглядывая стол. «Нулевую папку» он вернул в картотеку, фотографию жены отодвинул к краю. Но так, чтобы все равно видеть её лицо. Никак не мог с ней расстаться. Наверное, её застывший в пелене времени взгляд продолжал ему о многом говорить. Но этот метафизически — сакральный смысл понимал только он один.

Протянув Стоуну рюмку с коньяком, новоиспеченный майор коротко бросил:

— Prosit!

— У нас говорят «Cheers» и вообще не чокаются. Американцы чокаются и делают это громко и шумно.

— Ах, да! Снова забыл, что вы англичанин, — Волков хитро прищурился. — А вот у нас, русских, когда сидим в компании, привычка делать «кучу-малу» из чокающихся стаканов. Что вызывает

панику среди иностранцев. Некоторые просто в обморок падают от страха и звона. Так за что пьем?

— Тосты тоже не говорят.

— Тогда просто «Cheers!»

Выпив, пожевали по дольке лимона. Питер просто повторил неизвестный ему метод закусывания за майором Волковым. Приятное тепло разлилось по телу — коньяк был хорош. Наверное, армянский. Давно он не пил. И с первой же рюмки слегка захмелел. Чуть-чуть, просто стало более спокойно и умиротворенно. Да и Волков как-то расслабился, расстегнул верхнюю пуговицу кителя. Преобразился. Стал менее язвительным и суровым. Наверное, он часто прикладывался по вечерам к этой бутылке. А может быть, и не к ней одной.

— За вами, кстати, кто-нибудь есть? – спросил майор, кивнув в сторону коридора.

— Нет, я был последним в этой очереди на Голгофу.

— А, ладно, всё равно. Моё время заканчивается. Сегодня принимать больше никого не буду.

— Сказано, как в кабинете у зубного врача. А если у кого-нибудь острая боль?

— Пусть примет обезболивающее.

— Логично. Но для пациента всё равно плохо.

— Переживет. От зубной боли не умирают.

— Вы правы. Умирают большей частью от неопределенности. Когда не знаешь, куда идти, что делать, как жить дальше? Это хуже всего. А чтобы это понять, вам нужно, допустим, очутиться в моем положении.

— Ваши мысли, капитан Стоун, постоянно крутятся вокруг одного и того же.

— Естественно. Потому что я теперь – военнопленный, интернированный вне времени. Ни жив, ни мертв. Ни рай, ни ад. Чистилище! Лагерь на него похож.

— Пожалуй, что так. Вот «очиститесь», тогда и ступайте на все четыре стороны. Хоть в ваш капиталистический «рай», хоть в наш советский, как вы уверены, «ад».

Волков вновь наполнил рюмки коньяком. Беседа продолжилась.

— Давайте так – мы просто два обычных человека, волею обстоятельств вставшие друг напротив друга. Но не соперники и не противники, что нам делить? Ничего.

— Кроме идеологии. И я в гораздо большей степени завишу от вас, чем вы от меня. Не забывайте этого. Вернее, вы от меня вообще никак не зависите.

— Пусть так, — согласился майор. – Но давайте понимать друг друга. А когда поймем, тогда между нами и вовсе не останется никаких границ. Я сейчас говорю даже не столько о конкретных людях – Александре Волкове и Питере Стоуне, а гораздо шире. Мы с вами – всего лишь контуры, пунктиры в огромной схеме мироздания.

— Не думал, что вы такой философ-рационалист, господин майор.

— О, вы меня еще плохо знаете! Кладезь чувств и мыслей. Я сам от этого постоянно страдаю, будто в «чистилище». Но мне это нравится.

— Не сомневаюсь.

— Идти вверх или вниз? Зачем? Земное – земным, мёртвое – мёртвым. Я — посередине.

— Выходит, вы тоже на распутье, как и я?

— Ну, примерно. У всех у нас жизненная неопределенность. Пока не наступит смерть.

Третья рюмка коньяка пошла еще легче, лучше. Как и непринужденный разговор за столом офицера НКВД.

— И знаете, Питер, что я вам еще скажу? – продолжил Волков.
– Не так давно вы отказались изложить на бумаге свои приключения.

Чтобы ускорить дело. Не знаю, по какой причине запротестовали, да и знать не хочу. Может быть, действительно, я отпустил вам слишком мало времени. Извините, может я сам виноват и потребовал лишнего. А теперь сделаем так. Я дам вам карандаш, несколько листов бумаги – сколько угодно, и вы спокойно, в тишине, в свободное от работы время всё подробно напишите. От и до. Но не с момента зачатия, а с момента пленения. И раньше. Проясните все темные пятна, детально. Можете даже всю автобиографию написать. Только, разумеется, не в стиле Дюма.

Этот вариант Стоуна устраивал. Подумав, он кивнул головой.

— А прийти снова через неделю?

— Да, когда изложите, тогда и приходите.

— Даже если это будет не понедельник? Не по правилам распорядка?

— Когда угодно, Питер, хоть завтра. Я сам очень люблю нарушать всяческие правила. Только, к сожалению, никогда этого не делаю, исключительно в мыслях.

— Тогда могу только пожелать делать это почаще. Но не во вред себе и другим. Светлых мыслей, майор!

— Вот и тост родился. Ну что, еще одну, по последней? За исполнение вашего пожелания — мне и вам также! – предложил Волков, разливая остатки коньяка в рюмки.

— Cheers! – с удовлетворением ответил Питер.

Войсковая часть на окраине Лондона, 10 мая 1941 года, вечер

В офицерской столовой скромный ужин подходил к концу. Оставалось только допить чай с оставшимся с йоркширским пудингом. Любимое блюдо Джесси Оуэнса, который с детства очень любил сладкое. Поедал его всегда и везде при каждой возможности,

всякий раз и в соседстве с чем угодно, хоть с яичницей и беконом. Питер всегда добродушно подтрунивал над ним по этому поводу, но только не сейчас. С некоторых пор, а точнее со дня гибели жены и первенца, он кардинально переменялся: избегал пустых разговоров, чаще молчал, слушая других, замыкался в себе. Даже Джесси никак не мог его растормошить, вернуть из темного кокона одиночества в мир света, пусть и потускневший с началом войны.

Однажды ему всё-таки удалось вывести друга на откровенный разговор, и тот сказал:

— Я понимаю, Джесси, твое беспокойство, за заботу спасибо, но можешь больше не волноваться так за мое психическое состояние. Параноиком я не стал, шизофренией не страдаю и ты, как медик и доктор, можно спать спокойно. Просто я не хочу вновь превращаться в прежнюю бабочку, порхая с цветка на цветок. Сам знаешь, из-за чего. И больше к этой теме не возвращаемся. Дай мне еще немного времени.

Джесси недовольно поворчал-поворчал, но вынужден был согласиться, потом подошел и обнял его.

Во время трапезы Стоун всё время, казалось, к чему-то прислушивался. Вот и сейчас, в столовой, он первым из офицеров уловил слабый гул приближающихся вражеских бомбардировщиков. И поднялся из-за стола со словами:

— Господа, с пудингом придется повременить. Кто-то решил испортить нам ужин. Ответим по достоинству.

А одновременно с этой фразой, чуть-чуть запаздывая, прозвучал сигнал воздушной тревоги, забил колокол и завывала сирена. Слух у Стоуна оказался обострённым. Дождёвывая на ходу, офицеры поспешили из столовой к закрепленным за ними тяжелыми и легкими зенитными орудиями, обложенными мешками с песком. После модернизации тяжелые зенитки на опорах, которые обслуживали несколько человек эффективно били на высоту до четырех километров и использовались для противодействия

высоколетящим самолетам. Они были мобильны и могли быстро маневрировать траекториями в вертикальной и горизонтальной плоскостях. И на больших высотах не имели альтернативы. На малых высотах лучших результатов достигали многоствольные установки, имеющие большой расход боеприпасов. Для Люфтваффе хватит.

Офицеры разворачивали зенитные орудия в сторону немецких самолетов, солдаты и женщины в военной форме спешили в укрытия, заместитель командира части, глядя в бинокль, докладывал по рации:

— Сэр, вражеская армада идет прямо на нас со стороны юга...

Первая же бомба угодила прямо в столовую, где они только что ужинали и вели мирную беседу. Впрочем, разобрать, какая тут первая, а где вторая – было уже невозможно. Войсковая часть подверглась запланированному массированному налету сотни бомбардировщиков, и всё дальнейшее стало напоминать, если уж не древнее извержение критского вулкана в Санторине, стершее с лица Земли целую цивилизацию, то уж гибель Помпеи точно.

Это был последний налет на Лондон и его окрестности огромной стаи «черных ворон», но он принес одни из самых значительных разрушений. В городе возникли более двух тысяч пожаров, разрушены более сотни водопроводных магистралей, сильно пострадала инфраструктура. Более тысячи человек погибли, втрое больше получили ранения. Была атакована и сильно повреждена нижняя палата британского парламента – Палата Общин. Более всего пострадали жилые районы города, но наибольший ущерб был нанесен Ист-Энду и Сити.

Около 200 тысяч человек в Лондоне одновременно спасались от бомбежек в метро. И хотя правительство не считало это лучшим выходом из сложившейся ситуации, люди просто спускались вниз и терпеливо ждали отмены воздушной тревоги. Фотографии поющих и танцующих в подземке людей, регулярно печатались в прессе с разрешения цензуры, но они не передавали духоту и грустные

рассказы о вшах и огромных крысах, наводнивших подземку столицы. И даже станции метро не были гарантией от смерти, как это случилось в случае прямого попадания бомбы на станции «Бэнк», когда погибло более ста человек. Поэтому большинство лондонцев не имели никакой возможности спасти себя и своих близких и просто сидели в своих домах и нашептывали молитвы о спасении. Надеялись на милосердие неба и просто чудо...

Но Стоун и Оуэнс не молились, а тщательно выполняли свою работу: уничтожали низколетящие пикирующие вражеские бомбардировщики и прикрывавшие их истребители. На войсковую часть сыпались бомбы, как из «рога изобилия», если уместно такое сравнение. Пилоты Люфтваффе не скупились на «подарки» для лондонцев. Повсюду рушились дома, водопроводные системы, падали линии электропередач, горели здания, взрывались автомобили, гибли люди.

Эта воинская часть в третий раз подвергалась массированному удару с воздуха. И хотя на груди у Питера и Джесси уже блестели знаки отличия за сбитые самолеты, а звание «warrant officer» соответствовало лейтенантскому в других союзнических армиях, привыкнуть к падающим на головы бомбам, любая из которых могла принести смерть, было все равно невозможно.

Далеко в небе появились английские самолеты—перехватчики. Скоро должны были сойтись в беспощадной схватки две стаи «железных птиц». А пока Стоун и Оуэнс яростно вели огонь из параллельных зенитно-пулеметных установок по летящему в их сторону истребителю. Питер отчетливо видел немецкий самолет через мушку прицела. Даже кабину пилота и, как ему казалось, его лицо в шлеме.

— Кажется, попал! – радостно закричал невдалеке от него Джесси.

В левом крыле самолета появились пробоины. Питер тоже угодил прямо в цель – кабину пилота разорвало вместе с ним.

— Это тебе за Мэри! — тихо произнес Стоун, вытирая со лба пот, смешивая его с пылью и грязью. – А за маленького Мэтью другой получит. Тоже по полной... и за родителей...

Неуправляемый фюзеляж самолета, оставляя за собой шлейф огня и дыма, летел теперь прямо на него и Джесси. Вернее, просто стремительно падал. Всё решали секунды. Стоун успел выскочить из зенитной установки и метнуться прочь, крича что—то своему другу. Перед ними взметнулись клубы огня и дыма. А Джесси, кажется, не успел. По крайней мере, всё дальнейшее в голове Питера смешалось.

Глава Шестая

Филиал Красногорского лагеря в Москве, сентябрь - октябрь 1945 года

Всё шло как прежде, ничего не менялось. По будням – работа на строительных объектах Москвы или на территории филиала Красногорского лагеря в столице, в воскресенье – отъезд на центральную базу № 27 для военнопленных. А там — отдых, банные процедуры, более свободное личное время. Условия сносные. В те дни Стоун любил заходить в библиотеку к Хендриксу. Они много разговаривали, обменивались последними новостями. Но не только ими. Питер брал у Йозефа всякую мелочь – зубной порошок, расческу, баночку консервов, туалетную бумагу и прочее, расплачивался сигаретами или скопленными от завтраков сухофруктами. Первобытный «натуральный обмен», так сказать. А вскоре они вообще перешли на новые договорные отношения – стали записывать «имитируемые деньги» в блокнот. Это было гораздо удобнее, чем прежде. Во-первых, значительно расширяло возможности. А во-вторых, сближало их на дружеско-деловой основе и вносило в товарообмен элемент увлекательности.

Хендрикс ничем не рисковал, давая Стоуну предметы первой необходимости в долг. Как умный и рассудительный человек, он понимал, что словесные обязательства английского аристократа, для которого честь превыше всего – крепче печати на векселе. Поэтому он сам предложил такую форму взаимоотношений где-то в конце августа.

— Рано или поздно мы всё равно вернемся на родину, — сказал «нужный человек из библиотеки». – Вы в Англию, я в Германию. Не расстреляют же нас на Красной площади под гимн Советского Союза? А отсюда следует, что хватит нам мелочиться, пихать друг другу туда-сюда папироски и зубные щетки, пора переходить к игре по-крупному.

— Что вы имеете в виду? – Спросил Стоун.

— Вся мировая банковская система построена на основе кредитов. У нас с вами, Питер, банчок маленький. Майер Амшель Ротшильд начинал с четырех квадратных метров, а у меня тут, по сравнению с его франкфуртским офисом, лондонский Сити. Но суть от этого не меняется. Я полностью доверяю вашей кредитоспособности, тем более, аристократы держат свое слово. Как русские купцы-старообрядцы, как я узнал здесь, так было до их чертовой революции. А вы, надеюсь, верите моим обязательствам и возможностям достать что угодно.

— Кроме Луны с неба. Я имею в виду мою свободу. Что практически одно и то же.

— Да, это не в моих силах. Но... кто знает? Не будем загадывать. Однако это слишком опасная тема. Давайте сделаем так. Всё, что вам нужно – с меня. В разумных пределах. О цене поспорим, но договоримся. А фунты стерлингов я получу уже после нашего освобождения. Встретимся либо в Лондоне, либо в Висмаре. Не сомневайтесь.

— Идет! – согласился Питер, — сейфы Сити вполне способны выдержать ваш кредитный натиск. — И они ударили по рукам.

... Хуже обстояло дело с освобождением. Его жизненно важный вопрос с Волковым никак не решался. К 27 августа, в последний понедельник месяца, в официальный день приема по личным вопросам, Стоун старательно изложил все свои злоключения на трех листках бумаги и в очередной раз явился к майору НКВД на прием. Тот, неделю назад выглядевший столь любезным, на сей раз оказался скуп на слова и даже жестковатосуров. Ни о какой рюмке коньяка и речи не было. Мельком взглянув на «исповедь» Стоуна, он вложил её в «нулевую папку» и коротко обронил:

- Мы рассмотрим и сообщим.
- Сколько времени это возьмет?
- Столько, сколько необходимо. Идите.
- Но так...
- Я всё сказал.

Стоун понял, что ему вновь «обломилось», как это говорят у русских. Он был удивлен поведением Волкова и почувствовал себя даже немного обескураженным, но понимая, что от него мало что зависит, решил ждать. И, чтобы плен проходил менее тоскливо, продолжал в свободное от строительных работ время мастерить из дерева всякие безделушки, что вошло у него уже в привычку и стало обязательным занятием наряду с многими другими. У некоторых интернированных вытачивание фигурок из дерева занимало все свободное время. Дело не хитрое. Любой справится, даже не имея навыков. Потом военнопленные обменивали свои поделки с мальчишками на продукты питания или сигареты. Либо сохраняли для себя, на память.

Особенно в этом деревянном зодчестве преуспел Ганс Шнитке. Он-то и обучал Стоуна. В материале недостатка не было. В филиале лагеря как раз начались подготовительные работы к зиме. Москва готовилась к холодам. В конце сентября на заднем участке лагеря за бараками были установлены до десятка козел, за каждым из

которых работали по четверо заключенных. Одни распиливали на куски длинные стволы деревьев, другие рубили. Заранее заготавливали дрова. Только щепки летели во все стороны. А к филиалу лагеря каждый день подъезжали очередные грузовики с новыми спиленными в подмосковных лесах берёзами, липами, соснами и прочими пихтами.

Получив от Шнитке несколько уроков мастерства и одолжив у него перочинный ножик, дозволенный иметь некоторым заключенным для поделочных работ, Стоун выбрал себе полено посимпатичней и, как папа Джеппетто, усевшись на бревно, начал выстругивать из липы сам еще не зная, что. Не фигурку Пиноккио, маленький Лев Константинович над такой игрушкой только посмеялся бы с издевкой. А именно трубку, его месячный опыт позволял начать столь серьезную работу — ведь так хочется сделать Рыжему мальчишке приятное.

Однако, несмотря на первые неудачи, Питер упорно продолжал свои старания на ниве мелкого артельного промысла. К концу лета он многому научился, но что-то оставалось на том же ученическом уровне. Наконец, как-то раз он выточил довольно сносную курительную трубку. Выглядела она вполне прилично и даже сам Шнитке похвалил его за работу. Правда, когда Ганс набил её табаком, оказалось, что разжечь её нельзя, а курить и вовсе невозможно. Тяги не было.

— Ничего, не огорчайтесь, — утешил Стоуна унтер-офицер. — Считайте, что она сразу попала в разряд декоративных, как сувенир. А это еще выше рангом. Вернетесь в Лондон, покроете её лаком, поставите на полку над камином и будете с улыбкой вспоминать о нашем лагере.

— Боюсь, что не буду, — ответил Стоун. — Постараюсь забыть и выбросить из жизни этот отрезок времени.

... Как-то раз он столкнулся-таки на территории лагеря с полковником Ясиным в группе советских офицеров. Прокричал по-

немецки, вытянувшись по стойке смирно, как советовал ему Йозеф Хендрикс, если подобная встреча произойдет:

— Герр колонель... Разрешите!?

— Что такое? – недовольным голосом отозвался начальник филиала лагеря.

— Я англичанин, Питер Стоун. Вот уже пятый месяц нахожусь здесь незаконно. Требую своего освобождения.

Полковник наморщил лоб, скривил губы, отозвался:

— Ваш вопрос находится на стадии рассмотрения. Делается всё возможное. Наберитесь терпения и ждите.

— Я прошу вашего вмешательства, чтобы ускорить процесс разбирательства.

— Соблюдайте режим; все вопросы к майору Волкову, это в его компетенции.

Затем группа офицеров двинулась дальше. Стоун в очередной раз почувствовал себя обескураженным. Но быстро взял себя в руки, как учили в древности китайцы: обрести небо над собой в любом положении. Хоть стоя, хоть лежа, хоть вверх ногами...

...Но некоторую радость, в особенности на фоне всего происходящего, доставляли Стоуну редкие встречи и беседы с капитаном интендантской службы Натальей. Встречи с ней часто носили случайный характер, но иногда они договаривались заранее. Тогда Питер приходил в хозблок, стараясь выглядеть получше, насколько это в силах сделать заключенному, лишенному права выбора рубашки и галстука под цвет глаз. Но всё это были пустяки в сравнении с тем, как потом оживленно и интересно длился их разговор. То на немецком языке, то на русском, то на английском. А капитанша произвольно открывала ему глаза на многое, как, впрочем, и он – ей. Её интуитивно влекло к нему, он же пытался восполнить и компенсировать отсутствующее общение. Некоторая общность интересов, зарождающаяся симпатия или просто природная увлеченность новым и неизвестным? Неизвестно, а

может и всё вместе. Но оба они казались людьми из несколько другого мира, очутившимися здесь случайно, по ошибке. Не только он, но и она тоже. Стоун узнал об этом неожиданно, от неё самой.

— Скажу по секрету, — призналась она однажды в порыве откровенности, — вы – первый англичанин, с которым мне выпало поговорить за последние двадцать пять лет. Удивительно, как я еще не забыла этот язык! А как давно это было! Совершенно в другой жизни.

В этот момент они перешли на английский. Для практики и самосовершенствования. Неожиданное признание капитанши заинтриговало Стоуна. Они стояли за хозблоком в филиале лагеря и курили.

— Вам тогда было, наверное, очень мало лет? – Осторожно спросил он.

— Готова утолить ваше любопытство, Питер, — улыбнулась она. – Вы хитрец, так знайте – я родилась в пятом году, еще до революции, точнее в тот год, когда произошла первая революция. И у меня был гувернер-англичанин. После второй революции он побыл еще пару лет, а потом уехал. Стало опасно.

— Англичанин!? – Питер улыбнулся...

— Да, уэльсец. Произношение у него было очень своеобразным.

— Из Уэльса? Если оттуда, то валиец. Впрочем, в транскрипции эта часть Британии может читаться по-русски как Уэльс, а в транслитерации уже нужно сказать Валлис. Но это несколько устаревшее название Уэльса и потому и то, и другое обозначение можно считать правильным.

— О, если бы вы были моим учителем, я точно знала бы язык лучше.

— Почему вы так решили?

— Ваши объяснения и доводы очень понятные и логичные.

— Как орбита Земли вокруг Солнца, — усмехнулся Питер.

Наступила неожиданная тишина, перемена в теме и мыслях и через минуту Питер вернулся к начатому разговору:

— Простите! Я не понял, видимо разность в менталитете и время, проведенное на войне, изменили мои понятия. Ну конечно! Я догадывался, что вы.... Манеры выдают, внутренняя сущность, стержень, на котором все стоит, даже черты лица. То, что называется аристократизм духа. Это не скроешь ни под какой военной формой. Даже НКВД... Но как... как же тогда?.. Почему вы...

Он не решался продолжить, однако интерес брал свое. Она сама пришла ему на помощь и ответила:

— Вы хотите спросить, как я оказалась здесь и почему моя семья не эмигрировала вместе с другими? Всё просто. Мой отец, генерал царской армии, во время гражданской войны сделал свой выбор. Он стал служить новому правительству.

— То есть большевикам?

— России, мистер Стоун, только России. Он не желал допустить её окончательного развала.

Большого в тот день ему узнать не довелось. Но и без того он понял достаточно. Она, капитан советской армии Наталья Павловна, принадлежала к тому же кругу, что и он, Питер Стоун, английский аристократ. В любой цивилизованной стране есть такой слой людей. Основа и соль земли, её корневой стержень. Так он считал, и так его учили с раннего детства. А если размыть этот слой, уничтожить его, то в государстве откроется ящик Пандоры с неисчерпаемыми бедствиями. И восстановить порядок будет очень сложно. Почти невозможно. Главное, чего не хватает пленному в любой тюрьме или лагере – это информации. Три вещи ему необходимы, прежде всего: физическое здоровье, чтобы перенести неволю, непоколебимое спокойствие во всём, и новости из запретного мира. Поэтому Стоун продолжал активно делать по утрам зарядку, боксировал с Кохом, подключив к этому спорту других заклю-

ченных, а в Красногорске по воскресным дням не упускал случая посидеть с Йозефом в библиотеке и обсудить всё, что происходило в СССР, в Великобритании, в США, в Германии и в других странах. А уж английского хладнокровия и невозмутимости ему хватало и так. Это было его природное свойство.

Питер жадно заглатывал от информированного Хендрикса все последние новости. Газет «Freies Deutschland», «Nachrichten» и «Mitteilungen», издававшихся Антифашистским комитетом, ему явно не хватало для того, чтобы нарисовать себе более-менее ясную картину современного мира. К тому же, все они были с идеологической подоплекой. Советские «Правда» и «Известия», поступавшие в лагерную библиотеку, тоже были в этом отношении далеко не «рупором истины», но хоть что-то. По крайней мере, можно было проанализировать и домыслить международную обстановку. Сопоставить факты, попытаться отделить зерна от плевел. А в довершение ко всему Йозеф умел доставать не только нужные вещи, но и слухи. Они порой ценятся не меньше, чем предметы первой жизненной необходимости. Когда оказываются правдой.

«Ничего, — утешал себя Питер, — придет время, и я восстановлю этот информационный пробел в своей жизни. Этот искусственно созданный вакуум. Гамлету было проще, он мог прикинуться безумным, чтобы обмануть врагов. А мне нельзя. Я должен быть трезв умом и крепок духом и волей. Должен уцелеть, выжить. Победить, несмотря ни на что».

А это было всё-таки не просто сделать. Тем более что и смерть тоже не дремала, подстерегала его. И однажды улучила подходящий момент, когда он вовсе не ожидал. Угроза реальной гибели пришла совершенно неожиданно. Тридцатого октября Фридрих Рёске сделал всё для того, чтобы осуществить давно задуманное им, а именно — убить ненавистного ему англичанина.

Лондон, госпиталь св. Варфоломея, 12 мая 1941 года

Очнувшись и кое-как собрав рассеивающиеся мысли, Стоун разомкнул спекшиеся губы и спросил у наблюдающего за ним пожилого сухонького врача в белом халате:

— Что с Джесси Оуэнс?

— Кто это?

— Мы были вместе на позиции огня, он был тяжело ранен, я видел.

— Сюда привезли много раненых. А мертвые в морге. Не знаю, что вам ответить.

— А со мной что?

— Многочисленные ушибы, контузия, ранение рядом с бедренной артерией. Сейчас уже опасаться нечего, но ногу вы могли потерять. Большая потеря крови.

Врач говорил коротко, рублеными фразами.

— Кого мне благодарить за операцию?

— Благодарить нет надобности: вы выполняли свой долг, мы выполняем свой. А если вам очень хочется, то благодарите всех, кто принимал в этом участие. Вытащил из-под обстрела. Наложил жгут. Кто успел вовремя вас доставить сюда. Делал первую перевязку. Санитаров. Медсестер Виллард и Кент. Анестезиолога Шелтона. Ассистентов Вильямса и Лестрида. Вам весь медперсонал перечислять? Скажите спасибо, прежде всего, Господу Богу.

— Спасибо, — серьезно произнес Питер. Он разглядел надпись на нагрудном кармане врача: «Доктор Харольд Робинсон».

— А пока, герой, лежите и отдыхайте. Набирайтесь сил. Они вам еще понадобятся. Для войны. Хотя, думаю, вам уже воевать больше не придется.

— Почему?

Сухонький врач пожал плечами:

— Комиссия решит. Но до неё еще надо лечиться, поправляться и наблюдаться у нас, в госпитале. Пока вы не войдете в прежнюю колею. А вообще-то, эта хаотичная дрянь, под названием «война», меняет нашу сущность на весь остаток жизни. И касается, без исключения, всех.

— Да, конечно, ... абсолютно, — согласился Стоун, вспомнив про свои личные утраты.

А мудрый эскулап продолжил рассуждать:

— В мирной жизни живые хоронят мертвых, а на войне получается, наоборот. Мертвые – живых. Это данность. Но сколько существует мир, идет непрерывная война. Вся история человечества об этом свидетельствует. И выходит, что мертвецы давно победили. Мы живем в мертвом мире, где мертвые управляют живыми.

Стоун задумался над его словами. Потом ответил:

— Звучит жёстко, но справедливо. Но зачем тогда нам всем, вам и мне, в частности, тратить на мертвецов наше драгоценное время?

— Спросите об этом у политиков, они всем заправляют, — снова пожал плечиками необычный доктор. – Однако у нас еще будет время об этом поговорить. Реабилитационный процесс продлится долго.

Один из раненых в палате, в которой, кроме, Стоуна, лежало еще три человека, насмешливо произнес, вступая в их разговор:

— Вам бы, доктор, с такими мыслями не хирургом, а патологоанатомом быть.

— Я бываю им, время от времени, — обернулся на его голос врач. – А вы что думали, сэр? У меня широкий профиль.

— У кого я могу узнать про Джесси Оуэнса? – с надеждой спросил Питер.

— Пожалуй, у сестры Кент. Её смена сейчас заканчивается. Я пошлю её к вам.

С этими словами врач-философ удалился, еще раз, напоследок, пощупав пульс Стоуна.

— Цены ему нет, — сказал тот же раненый с соседней койки. Он лежал на кровати с забинтованной в гипсе рукой и подвешенной к грузу вытянутой ногой. — У этого доктора все не так, так у других; темперамент, манеры, и прочие атрибуты не из нашего мира. И всегда особая атмосфера.

— Да, — сказал Питер, — у него особенная индивидуальность.

А через некоторое время в палату торопливо вошла рыжеволосая медсестра с раскосыми зеленоватыми глазами и в накинутом на плече белом халате. Наверное, спешила домой, а её оторвали.

— Вы звали, вам что-нибудь нужно? — Обратилась она к Питеру.

«Из рода настоящих ланкаширских ведьм», — определил почему-то Стоун с немалой долей удовольствия. Ему такие всегда нравились, — настоящая Алиса Моллард*!

— Только одно. Вы что-нибудь знаете про Джесси Оуэнса?

— За последние два дня привезли многих, потом еще ночью. Но в нашем отделении с такой фамилией нет. Я сама всех регистрировала. Может быть, в соседнем? Я сверюсь и сообщу вам. Подождите.

— Но ваша смена заканчивается. Не стоит себя утруждать. Попрошу кого-нибудь другого.

— Пустяки! — она поправила ему подушку, одеяло и так же быстро, как вошла, убежала.

— И еще, — остановил Питер сестру Кент, — в какой мы палате?

— Не знаю, у неё нет номера.

— Как нет номера?

— Здесь была комната инвентаря, что-то типа склада. Когда стали привозить раненых, стало ясно, что мест не хватит. Тогда решили всё вынести и поставить кровати. За этой идет первая, потом вторая и так далее. Можете... назвать ее нулевой.

— Спасибо, — еле проговорил Питер, ему стало не по себе.

А говорливый сосед Майкл не унывал:

— Ты, парень, по слухам, самолет сбил. Молодец. И друга своего, как рассказывал фельдшер Уиллоу, успел вытащить из-под обломков. Но уже мертвым.

Стоун обкатал его слова в голове.

— Не может такого быть, — сказал он в ответ. — Ты еще не знаешь, какой он живучий.

— Нет, не знаю, — согласился Майкл.

Строительный объект в Москве, 30 октября 1945 года, день

Возведение нового жилого дома шло полным ходом. За три недели его уже подняли до четвертого этажа. А сколько еще его тянуть ввысь? Об этом заключенным не говорили. Может быть, до самого неба?

— Наверное, мы строим новую Вавилонскую башню, — предположил в обеденный перерыв Питер.

— Это почему же? — Спросил Ганс Шнитке.

— Стены очень толстые и массивные, словно они должны выдерживать огромную массу.

— Стандарты строительства высокие, чтобы выдержать любую стихию, — высказался Рихард Кох.

— История с башней плохо закончилась, — ответил ему Питер. — Она рухнула.

— К тому времени, как это случится, мы будем уже далеко отсюда, каждый в своем настоящем доме.

— Не будете! — Зло бросил Рёске. — Мы все здесь сдохнем.

— А тебе бы лишь каркать, — осадил его кто-то из военнопленных.

Все они по-походному сидели в кружок прямо на строительном участке и поглощали привезенную баланду. Вороны расположились на ветвях деревьев и поглядывали на них сверху вниз. Охрана поторопила: пора заканчивать и продолжать строить этот «новый Вавилон».

Работа была монотонной и трудной. На земле разводили цементный раствор, разливали в ведра. Затем, нацепив ведро на крючок, заключенные переправляли его по канату наверх. Там, на уровне четвертого этажа, с наружной стороны на открытой площадке торчало механическое колесное устройство, которое и поднимало цемент. Рядом с ним работала лебедка, доставлявшая туда же красный кирпич и другие строительные материалы.

«Когда вернусь домой, стану строить дома в Лондоне, навык пригодится, — с усмешкой подумал Питер, сам уже не веря своим мыслям.

Стоун и Кох трудились на земле, разводили раствор, подавали его наверх, а там Шнитке и Рёске принимали вёдра и относили его другим заключенным, укладывающим кирпич.

— А знаете, Рихард, как началось Вавилонское столпотворение? – спросил Питер, улучив момент. — Строительство и разрушение Вавилонской башни, которое «аукается» нам до сих пор?

— В общих чертах. А у вас есть какая-то своя версия?

— Бытовая. Просто житейская, проясняющая библейский смысл для обывателя.

— Любопытно. Изложите.

— Дело было так, почти как сейчас. Мы трудились тогда на таком же объекте, как этот, и не знали еще, что строим. История ведь всегда повторяется... Нам только сказали, что нужно «штурмом взять небо», вот и все. И мы поверили Нимроду. Это был властный царь и умелый охотник. Вроде Сталина. Охотник не только на львов, но и на людей. Ловец душ. А говорили мы все на одном языке.

— Что же случилось дальше? – Улыбнулся Кох, размешивая цемент лопатой. – Библию еще немного помню. Но продолжайте, вы хороший рассказчик. А за разговорами и работа ладится...

— Задача Нимродом была поставлена такая: наделать кирпичей и обжечь их огнем. «И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола вместо извести». Да будет вам известно, Рихард, что в Междуречье, на этой родине слепопотопного человечества, все башни и дома строили именно из кирпичей, обожженных огнем, и смолу использовали, как известь. Отличные получались дома!

— Да вы, Питер, шутник!

Они потащили ведра на пару шагов вперед, ближе к «канатной дороге». Наверху Рёске и Шнитке отцепляли их от крючков. Фридрих тянул канат, Ганс подстраховывал его, помогая ставить ведро на пол. Через полчаса менялись местами.

— И сказали они: построим себе город и башню, высотой до небес, и сделаем себе имя прежде, чем рассеемся по лицу земли, — продолжал Питер. – А Нимрод, основатель Вавилона, по своему характеру напоминал первого строителя городов Каина. И не удивительно, что успехи наполняли его сердце тщеславием и гордыней. Он и его потомки задумали построить башню столь огромную, чтобы она стала мировым чудом. Они желали оставить Творца и выйти из повиновения Его закону. Их постоянно раздражала богобоязненная жизнь их собратьев. Мечтали они о другом. Бог повелел людям рассеяться по всей земле, осваивать и заселять ее. Они же, строители Вавилонской башни, намеревались основать всемирную империю, в которой потомки Хама заняли бы господствующее положение.

Рихард слушал внимательно, уже без улыбки. Да и Стоун говорил серьезно. А в это время на четвертом этаже Рёске, дождавшись, когда Шнитке отойдет с полным ведром к укладчикам кирпичей, украдкой подтянул крючок к себе и расслабил на нем узел.

— Идем дальше. По древу истории. Предприятие это, несомненно, было безумное и неисполнимое, да еще преступное и опасное. Если слова «построим себе город» можно понимать, как замысел создания единой, всечеловеческой цивилизации, то следующие за ними слова: «и башню, высотой до небес», претендуют уже на объяснение всех тайн земли и неба. И эта идеология совмещает в себе стремление к деспотической власти человека.

— Согласен с вами. Сделаем перекур?

Слишком интересной оказалась тема, а Стоун умел говорить и привлекать внимание слушателей. Тут к ним присоединился еще кто-то. Закурили на четвертом этаже и Рёске со Шнитке. Но то, о чем рассказывал Питер, разумеется, слышать не могли. Ганс увидел, что фиксирующий узел на крючке ослаблен, и вновь затянул его. А Фридрих в ответ на это только злобно сплюнул: в этот раз не прошло – получится в другой.

— Итак, Нимрод главенствовал над постройкой Вавилонской башни. Само слово «вавилон» по-древнееврейски означает смешение. Работа закипела. Но для того, чтобы возводить здание высотой до небес, нужно большое количество людей, с грамотно организованным разделением труда. Нужны невольные строители, над ними надсмотрщики, выше еще какие-то надзиратели и руководители, архитекторы. Необходим высокий уровень практических знаний в сфере строительства, стабильное поступление денежных средств для оплаты труда и материалов и многое другое. В дальнейшем храмы, возводившиеся по образу Вавилонской башни, назывались в Междуречье зиккуратами, «домами для богов». Типичный пример – мавзолей Ленина на Красной площади в Москве.

— Тут вы поосторожнее, — предупредил его Кох.

— Ладно. Пусть будет Тадж-Махал! Или египетские пирамиды... Чем они отличаются!? И вот, все огромное общество,

видимо, большинство существовавшего тогда человечества стало участвовать в этом безумном строительстве. Надо отметить, что это была замкнутая на себе, существующая ради себя самой материалистическая цивилизация. Никакой другой цели, кроме самовоссоздания, самовозвышения и саморазвития, она не имела. А все, кто принимал участие в этом проекте, по умыслу Нимрода, должны были, отвернуться от Бога, потеряв веру в него и в бессмертие души. Характерный факт: если при строительстве башни по неосторожности человека падал кирпич и разбивался, то этого строителя карали смертью. Все плакали не от того, что погиб человек, а потому, что их некий труд потрачен впустую. И если кто-то из строящих срывался и погибал, то никто этого даже не замечал.

Они вновь приступили к работе. Трудились автоматически, продолжая беседу. Вернее, Кох больше слушал Стоуна, его исторический экскурс в далекое прошлое, сравнимое с настоящим и грядущим.

— Представьте себе такую картину: люди радуются своим успехам и поклоняются рукотворным идолам, отворачиваются от Бога, Владыки неба и земли. Еще задолго до окончания строительства, лучшую часть башни роскошно обставили, украсили и посвятили истуканам. Башня достигает уже необыкновенной высоты. Одни, как и мы с вами, Рихард, разливали смолу по ведрам, другие поднимали на своих плечах наверх, третьи занимались кладкой. Строители, находившиеся вверху, уже не могут прямо обращаться к тем, кто работает внизу. И потому, на протяжении всей строительной цепочки, стоят люди, которые передают приказы по всем рабочим процессам... И вдруг оказывается...

С четвертого этажа Рёске прокричал им:

— Давай раствор! Чего застыли?

Пустые ведра уже были спущены вниз. Узел на крючке был вновь ослаблен. Но они этого не заметили. Стали наполнять ёмкости цементом.

— Так что оказалось? – спросил Кох.

— Что все они говорят на разных языках! Не понимают друг друга. Снизу посылают то, что не нужно, указания выполняются наоборот. Между строителями разгорается вражда. А началось всё с пустяка. Представьте себе картину: некий строитель на каком-то этапе говорит другому: «Дай мне кирпич!». Тот не понимает и подаёт ему смолу. Раздосадованный строитель швыряет эту смолу ему в лицо и наносит увечья. Тот бьёт его кирпичом по голове и начинается всеобщий хаос, междоусобица, результатом которой становится расселение народов. И продолжающаяся по сей день... Поднимай! – Прокричал Питер.

Вёдро поползло вверх. Кох и Стоун стояли прямо под ним, продолжая говорить:

— Мне понятна суть этого исторического события с точки зрения языка и действия. Но сакральный смысл его не лежит на поверхности, он гораздо глубже. Начинается неразбериха, смятение, хаос. О совместном труде уже не может быть речи. Люди не в состоянии понять друг друга, не могут объяснить неожиданно возникшую ситуацию, всюду царит гнев. Общее дело кончается раздором и кровопролитием. С неба на башню посылаются молнии, разрушают её верхнюю часть башни, и она рушится. И только тогда люди вынуждены признать очевидное: миром правит Бог. Строители не желали слушать друг друга, замкнулись в себе, чувствовали себя покинутыми и одинокими.

— «И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город. Посему дано ему имя: Вавилон, ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле», — продолжил его мысль Кох, процитировав на память Библию.

— Вы, Рихард, похожи на одного моего учителя в Оксфорде. Или на... Впрочем, не важно... Всевышний не стал уничтожать строителей Вавилона – Он их рассеял. До этого времени все люди

говорили на одном языке, а теперь – на множестве других и каждый присоединился к той группе, язык которой понимал. Одни пошли в одну сторону, другие – в другую. Они разделились на народы и племена, поэтому и называются язычниками, то есть носителями разных языков, появившихся после строительства Вавилонской башни. Но существует еще одно предание.

— Какое?

— Из всех народов только Арфаксад и его дети, а они из потомков Сима, не участвовали в возведении башни. Одного из них звали Пелег, что означает «разделяющий», так как при его рождении языки смешались и народы разделились. Из этого рода произошел Авраам. Эти потомки Сима сохранили тот первоначальный язык, на котором, по одной из наиболее приемлемых версий, говорили Адам и Ной, и на котором впоследствии и было даровано Священное Писание. Вспомните «Божественную комедию» Данте, где описаны мучающиеся в аду гиганты. Они произносят «невразумительные слова» на «смешанных языках». Это те, кто участвовал в строительстве Вавилонской башни. Среди них, между прочим, находится и Нимрод... А по числу букв, как Гитлер и Сталин, — добавил, усмехнувшись, Питер. – Но это уже из области кабалистики или нумерологии.

— Объединение людей и народов в вере – это безмерное действие божьей силы и духа, — кивнул Рихард. – Теперь я начинаю это понимать.

— Но как только нечто подобное, неугодное Богу и отвергающее Божественную власть, появляется, смешиваются языки, наступает хаос, непонимание и конфликты между людьми. То есть, ничто не проходит бесследно. А Вавилонская башня остаётся всегда недостроенной. Так, собственно, и Советский Союз...

— Что именно вы имеете в виду? – Кох понизил голос, а Стоун также тихо ответил:

— Когда-нибудь рухнет. От безбожия, безверия и принудительного подчинения. А имя Нимрод в переводе означает восстание, бунт, ибо восстал он против Бога...

В это время Рёске с силой дернул за канат. Ведро с раствором, весящее килограмм пятьдесят, сорвалось с крючка и полетело вниз. И рухнуло как раз между Кохом и Стоуном, облив их с ног до головы вплеснувшимся цементным раствором. И вороны на деревьях взлетели, громко каркая. То ли негодуя, то ли радостно. А может быть, просто не ожидая этого. Как, собственно, и все присутствующие.

Вспоминает и рассказывает Питер Стоун — поток сознания

Мы с Рихардом Кохом не сомневались в том, что ведро с цементным раствором сорвалось нам на головы не случайно. Стояли бы мы чуть ближе друг к другу, и оба, или кто-нибудь один из нас лежал бы сейчас на немецком кладбище в Красногорске. Забавно, если бы это был я, англичанин, воевавший с ними...

Шнитке позже уверял нас, что никто не виноват – на стройках бывает всякое, да еще при авральных работах, как у нас, а техники безопасности тут никакой, никто за это не отвечает. Никто и не ответил. А Рёске только огрызался, надув щеки и выпучив глаза. И, наверное, посмеивался про себя. Но и мне, и Коху было совершенно ясно: его рук дело. Кончилось тем, что нам выдали новое ведро, вместо искореженного, и другую рабочую спецодежду – эту отправили в стирку.

Понятно, что мишенью толстяка-артиллериста был я. Хотя и на раскаявшегося и покаявшегося Коха у него лежал камень за пазухой. И, в общем-то, он выбрал удобное место и время для справедливого, как он считал, возмездия. В прагматизме ему не

откажешь. Расчет был верен: несчастный случай, и всё. А в крайнем случае, мог бы свалить всю вину на Шнитке, ведь он тоже тянул канат. Поди разберись! Да Волков бы и не стал разбираться... И для него, в принципе, тоже хорошо – лишняя головная боль со Стоуном сразу прошла бы. Конец, как говорят русские, делу венец.

Но с тех пор я стал более осторожен. Всегда держал Рёске в зоне бокового зрения и старался не поворачивать к нему спиной, если он находился поблизости. А впрочем, есть одна азбучная истина, относящаяся не только к жертве убийцы, но ко всем беспечным и самонадеянным людям. Даже к очень умным и предельно внимательным. Никогда не забывать о том, что позади тебя всегда кто-то стоит. Но и эта предосторожность может лишь оттянуть срок. Ведь убить, практически, как показывает история, можно любого, без исключения. Царя, президента, вождя, великого поэта, пророка... Что уж говорить о простом рабе или заключенном! Ну, первым я не был никогда, а вторым – только по роковому стечению судьбы...

Вечером мы с Рихардом явились в хозблок, чтобы заменить испорченную робу на новую. Я надеялся, что Наталья Павловна еще не ушла домой. Как правило, одежду, белье, постельные принадлежности, весь этот текстиль, кухонные приборы, мыло и прочее барахло выдавал младший офицер или какой-нибудь другой сержант интендантской службы. Обычно он сидел в складском помещении за конторской стойкой.

Но сейчас на его месте оказалась сама капитанша; после ужина она, как правило, отпускала персонал и занималась учетом и прочими записями. Без возражений выдав нам новую чистую спецодежду (сержант стал бы спорить, упрямятствовать, доказывать, что мы нарочно испортили бесценную робу, что у него нет замены и вообще – «приходите через неделю, а там поглядим»), она сказала:

— Я уже наслышана об этом происшествии на стройке. Слава Богу, что всё обошлось.

— От майора Волкова? – Спросил я.

— В его обязанности входит следить за порядком в лагере и докладывать в ежевечернем рапорте полковнику Ясину обо всём, что случается. Я там присутствовала.

Говорила она сухо, хотя не обязана была отвечать мне вообще. Кох нам мешал. Поняв это, он забрал свою робу и деликатно удалился. Тут мы стали разговаривать более раскрепощено.

— Питер, поверьте, я страшно испугалась за вас, когда узнала. Даже ждала здесь.

— Верю. И мне приятно это слышать.

— А хотите чаю? С конфетами «Мишка на Севере»?

— Хочу.

Наталья пригласила меня в кабинет за стойку, но я не хотел подвергать ее испытанию и остался с наружи, боясь, что в любой момент кто-нибудь войдет. Мы пили чай на русский манер – капитанша наполняла стаканы почти до краёв и добавляла кусочек лимона вместо привычного мне молока. Мы ели вкусные конфеты и просто болтали... Как всегда, по-русски и по-английски, иногда переходя на немецкий. Говорили о многом, кроме прошедшей войны и политики. Но и без того взаимно интересных тем оказалось достаточно. Их даже гораздо больше, чем те, которые я назвал. Мне было интересно узнать о Наталье как можно больше. И ей обо мне.

Мы говорили о прошлой мирной жизни, о детстве, юности. О родителях. Кто что делал, чем занимался. Что любил и любит до сих пор, а что не приемлет. Но когда беседа приближалась к порогу войны, и она и я на время умолкали, уклонялись от событий личной жизни. Это было табу. Я ей ничего не сказал о Мери и Элен, о моем сыне, родителях и Джесси. И от неё также не смог узнать: была ли она замужем, есть ли кто теперь? Да это было и не важно. Для меня. Наверное, смею надеяться, и для неё тоже.

— Ну, мы с вами, кажется, совсем заболтались! – Воскликнула она, посмотрев на часы. – Скоро отбой и вам пора идти. Возьмите с собой консервы, дома откроете. И не смейте отказываться!

Она протянула мне пару банок сардин в масле.

— «Дома»! — Улыбнулся я. – Забываете, в каком я здесь положении. Мой дом – барак, казарма. Но, кажется, с вами я стал забывать об этом. А всё потому, что так и представляю вас совсем в ином месте и в вечернем платье, а не в военной форме. Где-нибудь, скажем, на светском рауте, в ресторане, на круизном пароходе. Она тоже улыбнулась и ответила:

— А вы правы: я не люблю форму. И оружие не люблю. Но что поделать? Приходится... Такова жизнь.

Мы помолчали с минуту, потом она неожиданно добавила:

— Сказки с былью, а жизнь с мечтой иногда забавно сращиваются и переплетаются. А иногда несут пророческий смысл. Как у Пушкина. «У Лукоморья дуб зеленый...».

— Так всегда в жизни. Это та самая сказка с русалкой и ученым котом?

— Верно. И я постараюсь объяснить смысл того, что хотел выразить Пушкин. Главное – это образ дерева, и то, как русская жизнь впоследствии вышла в море безбожия. Пушкин предугадал это, пытался предостеречь. А сам образ зеленого дерева – это прототип, как и Мамврийский дуб патриарха Авраама, под которым он общался с Богом!

— Дерево, как образ мироздания? – спросил я. – До чего же сложна русская литература.

Я пока что в этом ничего не понимал, но согласился.

— Бог мой! – Воскликнула она, взглянув на настенные часы. – Вас же в карцер посадят.

Лондон, госпиталь св. Варфоломея, 24 мая 1941 года

Питер Стоун чувствовал себя всё лучше и лучше. Если бы не нога. Но на нем всегда с раннего детства всё заживало быстро, без осложнений, и любая болезнь проходила без неприятных последствий. Такие вот особенности организма. Даже травмы, полученные во время тренировок или спортивных состязаний в боксе, греко-римской борьбе, футболе. Однажды в матче ему выбили коленную чашечку, а он сам вправил её на место и через две недели уже начал играть снова.

Накануне Питер получил от доктора Робинсона индивидуальное транспортное средство – никелированную инвалидную коляску – с таким напутствием:

— Катайтесь на здоровье, хоть и не гоночная, но скорость развивает приличную, особенно, с горки.

И радости Питера не было предела. Он уже мог ездить в ней с вытянутой вперед ногой по коридорам госпиталя, а сегодня решил навестить Джесси. Тот действительно выжил после бомбежки и лежал теперь в соседнем отделении для тяжелораненых. А пока что они обменивались «приветами» и записками через сестру Кент.

В тот вечер, подбитый немецкий самолет рухнул носом в землю в тридцати метрах перед зенитными установками Питера и Джесси, перевернулся, словно сделал сальто, и его обломки – части хвоста, фюзеляжа и крылья рухнули на их орудия. Питер успел отскочить в сторону, но получил ранения и ушибы от обломков, а Джесси остался на позиции: орудие выдержало удар, не опрокинулось, но подбитый самолет сильно поранил его летящими обломками. Тогда всё вокруг горело, была страшная паника, санитары тащили на носилках других раненых и, если бы не Питер... Сам он отчетливо помнил картину произошедшего, поскольку хоть и был ранен,

сознания не терял и действовал оперативно, что и было подтверждено потом очевидцами. А было всё так.

Когда Стоун понял, что вытащить в одиночку своего друга из-под горящего завала не сможет, он позвал на помощь пробежавших мимо двух санитаров. Те отмахнулись от него, дескать, поздно. Если под этой грудой искореженного металла кто-то и есть, то давно мертв.

— Это вам нужна помощь, — сказал один из санитаров.

— Я в порядке. Там Джесси, Джеймс Оуэнс, ему надо помочь.

— Ложитесь на носилки, вы ранены.

— Оставьте меня, помогите ему! Мы были вместе на зенитках, рядом.

Они пытались уложить его на носилки. Тогда Питер вытащил из кобуры пистолет. Приказал действовать. И санитары согласились с его вескими аргументами. Все вместе, позвав на помощь еще кого-то, они разгребли обломки самолета, убрали все, что мешало. Под ним лежал друг Питера. Санитар, присев на корточки, приложил руку к шее Джесси, проверяя пульс.

— Жив! – прокричал он. А дальше уже вступили в работу врачи...

У Джесси Оуэнса в числе наиболее опасных ранений были повреждение грудной клетки и внутренних органов, перелом большой берцовой кости на правой ноге, а в довесок — ожоги на левой руке. Словом, полный букет «роз с шипами». Этот анамнез он сам выдал Питеру при первой встрече после того, как они наговорились вдоволь о том, о сем. В общем-то, совсем не о войне, а о всяких мирных глупостях. О рыбалке в излучине Темзы, охоте на оленей с гончими в Шотландии, о любимом пабе, где впервые крепко напились, о велосипедных гонках, о футболе, конечно же, о гребных состязаниях между восьмерками студентов Кембриджа и Оксфорда, о боксерских поединках, в которых счет побед между ними был равным.

Вот тогда Джесси и проворчал с грустью:

— Теперь уже не побоксируем. Ты-то еще, может быть, и выйдешь на ринг, а я уже вряд ли. И в гребную восьмерку не сяду.

— Да ладно тебе! Поправишься. И когда напьемся вновь, вынесешь меня и на спине принесешь домой.

Шутка не удалась, Стоун понял, что сказал глупость, на Джесси в его нынешнем виде смотреть было тяжело. Весь в бинтах и гипсе. Одна нога, поддерживаемая гирями, приподнята вверх. И лишь правая рука свободная, которой он и писал записки другу. Питер и не смотрел, отводил взгляд, боялся, что он его выдаст.

— Тут такая штука, — сказал Джесси. — Выжить при моих ранениях – шансы пятьдесят на пятьдесят. Это я тебе сам, как медик говорю. И знаешь, два дня назад врачи устроили консилиум в палате, думали, что я сплю. А я всё слышал. Так вот, мой диагноз и шансы на выздоровление полностью подтвердились. И я даже рад, что хоть не зря медицине учился. Хороший бы из меня получился доктор...

Последние слова Питеру и вовсе не понравились.

— Не думай о плохом, Джесси. Сначала отвоюй пару процентов для перевеса. Потом еще пять. Затем десять. Глядишь, дело и пойдет. Древние китайцы говорили, что болезни человека кроются не в его теле, а, прежде всего, в уме. И если внутри тебя есть истинная энергия – недуг отступит. Включи скрытые ресурсы. Не расслабляйся.

— Мне уже дальше некуда расслабляться.

— Джесси, неизлечимых больных нет. И помни – у тебя есть я, а у меня ты, хотя, к сожалению, бороться за своё здоровье, каждый, в нашем случае, должен сам.

— Спасибо, — отозвался Джесси. — Вот чего в тебе никогда не было, так это пафосного фарисейства... О Боже, как же мне хочется на рыбалку! И в наш паб.

— Мы еще сходим. И на охоту, обязательно.

— Теперь я только ковылять за тобой смогу.

— Нет, брат. За тобой не угонишься, когда встанешь на ноги.

— Но я всегда следовал за тобой. Хоть и старше. Ты, Пит, прирожденный лидер. А помнишь, родители купили тебе велосипед? Так вот, мне велосипед купили после тебя и точно такой же, хотя мать была против. Она почему-то считала, что я разобьюсь. Я ведь не такой спортивный, как ты. Это отец настоял, он меня всегда лучше понимал. И считал, что мы всегда должны быть вместе, поддерживать друг друга, как братья. Пусть и не родные. Но они мне, после смерти моих родителей, стали настоящими отцом с матерью...

— Так оно и есть, Джесси.

— Ты помнишь тот случай, когда мы напились!? Это было впервые, и ты меня на спине притащил домой? Украдкой, чтобы родители не расстраивались.

— Они всё равно узнали, кто-то из прислуги доложил. Но ничего, папа только посмеялся. А вот мама действительно поругала. Не унывай, продолжение следует...

— Ты и в винопитии был первым.

Тут Стоуна и разыскала сестра Кент, как всегда торопливая и веселая.

— Здравствуйте, мистер Оуэнс, здравствуйте, Питер! – улыбаясь, сказала она. – Я за вами пришла, пора на перевязку.

— Ого! – ворчливо откликнулся Оуэнс. – Тебя сестра Кент уже называет по имени, а со мной по-прежнему, по уставу. Всегда и во всем ты меня опережаешь...

Филиал Красногорского лагеря в Москве, 5 ноября 1945 года, вечер

Военнопленными с согласия администрации лагеря уже несколько месяцев назад был создан Спортивный комитет, а теперь заключенные ввели в правление Питера Стоуна, как активного

физкультурника, и уполномочили его передать коллективную просьбу полковнику Ясину. Все-таки, этот лагерь существовал на особом, так сказать, привилегированном положении, и отличался от подобных «учреждений» на территории СССР. Английский капитан понял, что получил еще один шанс. И без долгих промедлений согласился.

Когда он явился в комендатуру, знакомый дежурный офицер привычно спросил:

— К майору Волкову?

— Нет, к полковнику Ясину.

— К полковнику Ясину нельзя.

Стоун протянул младшему лейтенанту бумагу с изложенной просьбой. Хмыкнув, офицер НКВД сказал:

— Забавно. Не забудьте и меня пригласить на эти соревнования.

Потом обратился к разводящему солдату:

— Конвойный! Проводи его на второй этаж к Дмитрию Федоровичу.

Так Стоун пробрался, наконец, к недоступному для простых смертных, коими и являлись военнопленные, полковнику. Ясину было около шестидесяти лет, худощавое усталое лицо, блёклый взгляд. Высокий, как жердь, хотя он и сидел за столом, но длинные ноги вытянул далеко. В кабинете, кроме хозяина, находились еще Наталья Павловна, майор Волков и два других офицера. Они обсуждали какие-то хозяйственные проблемы. Питер и капитанша сделали вид, что знакомы лишь шапочно, по долгу службы и обстоятельствам неволи. Поздоровавшись и представившись, Стоун начал четко по-немецки излагать просьбу заключенных:

— В Спортивном комитете лагеря, герр колонель, создана боксерская секция. Пока она невелика по численности, всего десять человек. Но в целях популяризации этого вида спорта, и не только среди военнопленных, но и советских граждан, мы хотели бы

провести открытый боксерский турнир в Красногорске. Или хотя бы здесь, на территории филиала лагеря. Но лучше все-таки в каком-нибудь московском Дворце спорта. Это решит вопрос с инвентарем, перчатками, рингом. Хорошо бы пригласить других боксеров — заключенных из других отделений. А может быть, поскольку турнир считается «открытым», то и советских спортсменов из числа солдат и офицеров. Конечно, любителей, а не профессионалов, если такие есть.

Полковник переглянулся с Натальей Павловной. Та улыбнулась и кивнула головой.

— Ну что же, — подумав немного, отозвался Ясин. — Идея хорошая. Мне нравится. Наступило мирное время, надо заниматься спортом, а не воевать друг с другом. И состязаться на ринге, а не на поле боя. А признайтесь, вы же, немцы, надеетесь в этом турнире победить русских? Хоть так. В боксе.

Он засмеялся, офицеры поддержали его своим смехом.

— Я англичанин, и мы были союзниками, — настойчиво напомнил Стон. — И нахожусь в плену по ошибке.

— Дело разбирается, — тут же вставил Волков, обращаясь к полковнику.

Один из офицеров попытался перевести разговор:

— Да неважно — немец, англичанин, венгр или итальянец! Посмотрим — кто кого. У нас такие боксеры! Один лейтенант Мельниченко чего стоит!

— Уж удар так удар, — добавил другой. — Прямой в голову — и нокаут.

— Добро! — хлопнул по столу ладонью полковник. — Готовьте программу турнира, список участников. А ты, Васильев, возьми это на себя. Согласуй все с этим Спортивным комитетом и с его представителем... Как вас?

— Питер Стоун, — напомнил он. — И я вовсе не заинтересован в том, чтобы, как вы выразились, победили немецкие военнопленные.

Потому что я, повторяю, английский офицер. И вовсе не на их стороне. Но в спортивном плане – и не на вашей. Я – сам за себя и за Великобританию. В войне мы были с вами союзниками, на ринге – просто спортсмены. А попал я в лагерь действительно вследствие роковой ошибки, по недоразумению. Майору Волкову об этом всё известно. И это мой второй вопрос, с которым я хочу к вам обратиться по случаю.

Тут полковник Ясин слегка помрачнел и взгрустнул.

— Да, я все помню, — вздохнул он. — История действительно неприятная. И скользкая. Майор Волков полностью контролирует ситуацию, пытается все прояснить, конкретизировать и решить, наконец, вашу проблему, мистер Стоун. Он этим занимается неустанно.

— Полгода плена – слишком долгий срок для невинного ни в чем, — сказал Стоун.

— Тут еще надо разобраться: кто виновен, а кто нет, — вставил капитан Васильев, ратовавший за своего Мельниченко.

— А что вы по этому поводу думаете, Наталья Павловна? — обратился Ясин к капитанше. Даже с какой—то надеждой в голосе, словно только она могла сделать правильный выбор и разобраться в этом сложном вопросе.

— Думаю, что нам просто необходимо пойти навстречу английскому офицеру и ускорить процесс его освобождения, — без колебания сказала она. — Это вопрос нашей чести.

— Конечно, — облегченно кивнул Ясин. — Я непременно доложу руководству. И вы, майор, поторопитесь с решением дела, — полковник кивнул в сторону Волкова. — Да я и сам займусь этим вплотную, когда разгребу другие срочные дела. Буду держать на контроле. Мы всегда делаем все возможное и невозможное. Вы удовлетворены, мистер Стоун?

Получив поддержку Натальи Павловны, в чем он ни минуты не сомневался, гласно обрета союзника в борьбе за свою свободу, Питер воодушевленно произнес:

— Спасибо, герр колонель! Я уверен, что мое освобождение пойдет только на пользу развитию дружеских отношений между нашими странами-победительницами в тяжелой войне. И еще, свяжитесь, пожалуйста, с английским консулом. Можно потом даже устроить пресс-конференцию для журналистов-международников и рассказать, как устраняются ошибки...

Стоун уловил предостерегающий жест капитанши. Тут он допустил тактическую ошибку. Наверное, не стоило упоминать о пресс-конференции. По выражению лица полковника он понял, что тому лишняя шумиха ни к чему. Или дело в чем-то ином? Стоун понял свою оплошность и попытался поправить ситуацию, добавив:

— Разумеется, без обвинений и претензий, без взаимных обид и ошибок.

Последние фразы он проговорил по-русски. Тут интернированный капитан Питер Стоун, удивляясь самому себе, внутренне улыбнулся.

— Ну, это и так всем известно, мы ничего не скрываем, — вновь встрял капитан Васильев.

А полковник поднялся из-за стола, вытянувшись во весь рост и сказал:

— В любом случае, я вам очень признателен, мистер Стоун, за своевременный сигнал. И сделаю всё возможное. И по поводу турнира, и... с вами.

Он даже любезно проводил его до самых дверей. Может быть, просто ради того, чтобы размять отсидевшие ноги. А Питер по дороге к бараку, всё обкатывая в голове последние слова Ясина: «Я непременно доложу руководству. Да я и сам займусь этим вплотную, когда разгребу другие срочные дела. Сделаю все возможное и невозможное. Что еще можно сделать «возможного» или

«невозможного»? Что это еще за дурацкий намек? Обычная фигура речи, что ли? Сигнал какой-то... Не с сигнальным флажком я к нему пришел, а с целой воющей сиреной, если уж на то пошло...».

Но в целом, встречей и беседой с полковником Ясиным он был удовлетворен. Тот производил приятное впечатление. Хотя Йозеф Хендрикс был прав: слабоват как-то, особой силы воли не чувствуется. И всё-таки надежда на приближающееся освобождение стала более зримой.

*Лондон, госпиталь св. Варфоломея, май — июнь 1941 года**

В палате имелся радиоприемник с репродуктором-тарелочкой, который почти никогда не выключался, только приглушали звук, если надоедал. Но последние новости хотели знать все. Особенно с фронтов. Их бурно обсуждали, то радуясь, то огорчаясь. И было от чего, поскольку перевес в войне постоянно склонялся то на одну, то на другую сторону. Причем в разных странах и регионах Европы, Азии и Африки. А Питер Стоун вместе с другими жадно слушал репродуктор и ловил каждую новость.

Если обобщить это время, то ситуация на различных участках фронтов складывалась так. 16 мая 1941 года стало известно, что основные силы Люфтваффе, которые были сосредоточены на севере Германии и Франции и использовались для атак на британские города, начали переправлять на Восток для вторжения в СССР. В конце мая англичане, наконец, восстановили контроль над Ираком, высадив в Басре пехотную бригаду, и изгнав из страны немцев и итальянцев. К власти пришло новое, дружественное Великобритании правительство во главе с премьер-министром Джамилем аль Мидфаи. Сторонник гитлеровской Германии,

устроивший месяц назад беспорядки Рашид Али Гайлани бежал в Берлин. Это хорошо.

Кампания против Италии в северной Африке проходила с переменным успехом, но к весне 1941 года англичанам удалось вытеснить итальянцев из своих колоний и даже выбить их из Эфиопии, где те капитулировали. Это тоже хорошо. Стоун мысленно ставил математические знаки новостным сообщениям по радио. На тех участках фронта, где Германия и Италия действовали сообща, английские войска отступили. Северо-западная часть Египта была занята странами Оси. Это, конечно, плохо.

Кроме того, в Северную Африку прибыла внушительная сила, немецкий экспедиционный корпус генерала Роммеля. А так как значительные силы британских войск были выделены для операции на Балканах, то соотношение сил в Северной Африке сдвинулась в пользу германской коалиции. Группировка германо-итальянских войск перешла в наступление, нанесла поражение англичанам у Эль-Агейлы и вынудила отступить к границам Египта. Опять плохо, минус.

Английское командование перебросило крупные части своей армии вместе с авиацией с берегов Нила в Грецию. Туда прибыли первые английские войска.

А 27 мая военный корабль британского флота Худ с успехом атаковал и потопил в Датском заливе немецкий линкор «Бисмарк» — грозу английских морских коммуникаций. Питер с Майклом обменялись крепкими рукопожатиями. Два остальных пациента с забинтованными в гипс руками сделать этого не смогли, но восторженными криками присоединились к ним.

Искренне удивление вызвало то, что заместитель фюрера Рудольф Гесс 10 мая 1941 года, именно в этот день, когда погибло наибольшее количество лондонцев и были ранены Питер Стоун и Джеймс Оуэнс, третий человек в Рейхе и второй – в партийной иерархии, неожиданно... угнал легкий самолёт Мессершмитт с военного аэродрома под Аугсбургом и приземлился на парашюте в

Шотландии. Он не просто сбежал в другую страну, а к злейшему врагу, с которым его страна уже почти два года вела войну! Он предложил заключить мир между Великобританией и Германией. Однако, несмотря на свое тяжёлое положение, Британия на сепаратный мир не пошла и продолжала ожесточённые бои по всем фронтам. А Гесса заперли в камере.

Немецкие войска напали на Югославию и Грецию, быстро разгромили их и вынудили капитулировать. Британские части спешно перебазировались на остров Крит и в Египет. А 20 мая немцы атаковали англичан и здесь, что повлекло за собой большие потери. Минус. Греческий флот ушёл в Александрию и перешёл под контроль англичан. В начале июня британцы при поддержке «свободных французов» вступили в Сирию. Плюс. Сирия оказалась под контролем Великобритании и войск «Свободной Франции». Но предпринятое в июне 1941 года наступление в Северной Африке завершилось неудачей. Большой минус.

Всем было известно, правительство США было на стороне Великобритании, поддерживало и помогало всячески, однако максимально пыталось избежать прямого участия в военных действиях. И когда 11 марта 1941 года президент США Франклин Рузвельт подписал принятый до этого Конгрессом закон о ленд-лизе, все вздохнули с облегчением. Американцы, хоть и не принимали участия в боях, но расширили зону своего патрулирования в Атлантическом океане и вскоре сменили британский гарнизон в Исландии.

И хотя это произошло два месяца назад, тема была актуальной, горячо обсуждалась в палате и сопровождалась дискуссиями. Все в госпитале понимали, что только две страны могли реально повлиять на ход войны и помочь Англии в эти дни в её борьбе. Это США и СССР. Но Советский Союз был связан с Германией договором, который подписал Молотов с Риббентропом и продолжал аннексировать новые территории: части Финляндии, Польшу с Прибалтийскими

республиками и Бессарабию. Правительство США поддерживало Англию, однако прямого участия в войне не принимало и в открытую конфронтацию с Германией не входило. Стоун не понимал — почему медлят?

В палате Стоуна всё это слушали и обсуждали. Иногда к разговору присоединялся доктор Харольд Робинсон, а то и сестры Кент или Виллард. Фельдшер Уиллоу, ассистенты Вильямс и Лестрид, либо кто другой... Проходивший случайно по коридору анестезиолог Шелтон также реагировал на необычайно громкие голоса, не принятые в английском обществе, и присоединялся к полемике. Всем хотелось высказать свое мнение. И уверить других и себя в безоговорочной победе над Гитлером. Впрочем, никого убеждать в этом не было надобности.

Питер и Джесси всё еще находились в госпитале, когда их застало сообщение о нападении Германии на СССР 22 июня. Новость эту опять же бурно обсуждали во всех палатах. Все пришли к выводу, что это, в принципе, хорошо, будет способствовать ослаблению давления на Великобританию. Плюс. Исчезла угроза вторжению немецких войск на Британские острова, облегчилось положение в Средиземноморье. А в этот день, когда началась война между Германией и СССР, премьер-министр Англии Черчилль сделал по радио заявление, которое слушал и Питер, затаив дыхание:

— «Я счёл необходимым выступить перед вами сегодня вечером, потому что мы стоим перед одним из критических моментов этой войны. Год назад, Франция бессильно пала под немецким молотом, и нам пришлось в одиночку противостоять буре. Второй момент настал, когда Королевские военно-воздушные силы предотвратили нацистское вторжение на наши острова. Третий поворотный момент настал, когда Президент и Конгресс Соединённых Штатов приняли закон о ленд-лизе, предоставив нам материальные ресурсы.

Это были три критических момента. Сейчас наступает четвёртый. В 4 часа этим утром Гитлер напал на Россию. Все обычные формальности вероломства были соблюдены со скрупулёзной точностью. Между странами действовал торжественно подписанный договор о ненападении. Германия не высказала ни единой претензии по поводу его невыполнения. Затем внезапно, без объявления войны, даже без ультиматума, немецкие бомбы упали с неба на русские города, немецкие войска нарушили русские границы, и часом позже посол Германии заявил, что Россия и Германия находятся в состоянии войны. Таким образом, повторилось в гораздо большем масштабе циничное надругательство над всеми признанными международными соглашениями, которое мы наблюдали в Норвегии, Дании, Голландии, Бельгии, и которое Муссолини, пособник и шакал Гитлера, преданно имитировал в случае с Грецией.

Всё, что я знаю на текущий момент — русский народ защищает свою родную землю и его лидеры призвали к сопротивлению до последнего.

Гитлер — это злобный монстр, ненасытный в своей жажде крови и грабежа. Прошрое, с его преступлениями, безумствами и трагедиями, отступает. Я вижу русских солдат, как они стоят на границе родной земли и охраняют поля, которые их отцы пахали с незапамятных времён.

Мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем... Это не классовая война, а война, в которую втянуты вся Британская империя и Содружество наций, без различия расы, вероисповедания или партийной принадлежности. Мы предложили правительству Советской России любую техническую или экономическую помощь, которую мы в состоянии оказать, и которая будет ему полезной. Мы будем бомбить Германию и днем, и ночью, в нарастающем масштабе, сбрасывая на них из месяца в месяц все более тяжелые бомбы, чтобы заставить немецкий народ

отведать ежемесячную острую порцию невзгод, которые они обрушили на человечество» ...

И дальше — в том же духе. Потом Питер и Джесси долго обсуждали эту новость, делясь своими впечатлениями. Однако военный союз с СССР Англия заключит только через год. Никто еще тогда не предполагал, что этот новый союзник Великобритании будет призван нести основную тяжесть войны на суше.

Иногда Питер и Майк играли в шахматы. Доска была установлена на тумбочке между их койками. Стоун и сам с собой любил разыгрывать партии, анализируя игры Пилсбери, Морфи или Алехина. Ему нравилась их наступательная игра, неожиданные жертвы коня, ладьи или ферзя, а то и многих фигур последовательно. А когда казалось, что поражение неизбежно – следовал неожиданный мат противнику! А Капабланка или Ласкер, казались скучноватыми. И даже Алехин, хотя и проиграл Эйве потому, что все время был пьян. А через два года собрался – и взял реванш, буквально разгромив добродушного голландца.

А взаимно дружеские отношения с сестрой Кент развивались стремительно. Она делала ему перевязку, уколы, рассказывала о том, что происходит в Лондоне, какая на дворе погода, что почем в магазинах и какие продукты выдают по карточкам, где приключилось что-нибудь курьезного, как опростоволосился кто—то из членов Парламента или высшего света и какая собачка вдруг тяпнула за лодыжку леди Гвендолен или порвала штанину лорду Гамильтону. Многие из всего рассказанного Элен ему было известно из прессы, которой здесь тоже хватало и еще что-то он получал из непрерывных радиосообщений. Общение с сестрой Кент было своеобразной лечащей терапией для Стоуна. Ничего серьезного с Элен он не предполагал, просто... она ему нравилась.

И, что особенно важно, случайно он узнал от сестры Виллард, что это именно она, приложив усилия, настояла на том, чтобы ему была сделана операция без радикального хирургического вмеша-

тельства. Обошлись, таким образом, без принятой в подобных случаях ортопедической хирургии. То есть нога Питера Стоуна была спасена и осталась при нем, а не в ёмкости для отходов биоматериалов. За что он был крайне признателен. А дело в том, что во время большого наплыва раненых многие не успевали получить своевременную медицинскую помощь и умирали в коридорах, палатах и просто в проходах между отделениями. Врачи, работали в тяжелом режиме и принимали радикальные меры, чтобы успеть оказать минимальную медицинскую помощь наибольшему числу раненых. И когда Питер Стоун оказался на операционном столе, Доктор Робинсон принял решение об ампутации.

— Это большое расточительство в столь суровые времена спасать ногу одному, когда в коридорах в это время умирает кто-то другой из-за того, что на него просто не хватает времени...

— Он ведь совсем молод, — возразила сестра Кент, вся жизнь перед ним.

— Я не могу позволить себе такую роскошь, — был ответ.

— Что это за жизнь, доктор Робинсон, если в ней не будет хоть немного роскоши? – А потом тихо добавила: — пожалуйста!

И мудрый эскулап уступил...

Часто Питер пересаживался в свой «автомобиль», и отправлялся навестить Джесси, чтобы морально поддержать его. Помочь другу раскрепостить внутреннюю энергию «кундалини», напрячь для борьбы с недугом скрытые резервы, и отвоевать в ставке за жизнь еще несколько процентов. И ему это удавалось. Особенно важно это было сделать теперь, когда Джесси предстояла очередная сложная операция.

Иногда Питер просто выезжал покататься по территории старейшего в Лондоне госпиталя. Спускался по пандусу к аллее, где стояла знаменитая «телефонная будка Холмса» и где фанаты сыщика оставляли свои записки, заглядывался на статую Генриха VIII, установленную на фронтоне над главным входом, а когда удавалось

проникнуть в действующий при госпитале старинный музей, то любовался живописными полотнами и фресками Хогарта.

Либо брал с собой какую-нибудь книгу – роман «Гордость и предубеждение» Джейн Остин, историческую прозу Кингсли и уединялся в тени деревьев. В последнее время он сильно увлекся Крониным и жадно читал его «Замок шапочника», «Цитадель», «Звезды смотрят вниз». Всё, что он не мог достать сам или взять в госпитальной библиотеке, он заказывал у Элен, а та приносила из дома или из городской библиотеки.

Доктор Робинсон одобрительно относился к его прогулкам и погружению в мир знаний.

— Развитие ума – это ежедневный труд, — говорил он, — сродни физическим упражнениям, только гораздо нужнее и плодотворнее, не всякому по силам. Если это и спорт, то высших достижений.

В это время Стоун особенно увлекся русской классической литературой. Старался читать в подлиннике, совершенствуя свои познания в языке. Конечно, с общеразговорным словарем, поскольку многие особенности языка ему были непонятны. Раздражали длинные монотонные предложения у графа Толстого, которые тянулись с причастными оборотами на целую страницу. Смысл совершенно терялся. То же самое и у Достоевского, но там было еще и столько всего наворочено: смутного, темного, душного, что Питер порой сам начинал задыхаться. Нравились Чехов и Бунин с их короткими, ясными, метафорическими фразами, да и по времени они были ему ближе. Восхищал Гоголь, поэтической красотой, живыми картинками людей и природы. А к Пушкину оставался равнодушен. Лермонтов гораздо лучше, к тому же, «свой», шотландец.

Командование войсковой части, где проходили службу Стоун и Оуэнс, представили их за сбитый самолет противника к награждению медалью Британской империи. Об этом сообщил

приехавший навестить Питера сам полковник, а потом они вместе с ним отправились к Джесси, чтобы поделиться с ним приятной новостью.

— Еще один процент в твою пользу, — сказал Стоун. — Какой теперь счет?

— Думаю, сорок пять на пятьдесят пять, — отозвался Оуэнс.

— О чем вы, парни? — спросил полковник.

— Да так, сэр, о своем, — ответил за обоих Питер. И добавил: — Игра в поддавки и наперегонки со смертью. Называется: «Обмани старуху».

— Ну, тогда желаю победить.

Лондон, госпиталь св. Варфоломея, 15 июля 1941 года

Стоун с сожалением расстался со своей коляской, поскольку на этот раз доктор Робинсон вручил ему пару костылей с такими словами:

— Теперь из гонщика вы временно превращаетесь в степную черепаху, — и через секунду добавил, — это перед тем, что станете бегать, как серая гончая!

— Или русская борзая! — Пошутил Питер.

И передвигаться по госпиталю и его окрестностям Питер стал действительно намного медленнее. Зато еще больше уединялся с книгой в саду и грелся на солнце. Иногда к нему присоединялась Элен, когда выпадала свободная минутка. Даже пыталась играть с ним в шахматы. Но сколько бы он ни подсказывал ей, как правильно ходить, и ни давал фору, снимая с доски своего ферзя или обе ладьи, партия всегда заканчивалась одинаково: «китайской ничьей». Зеленоглазая «мисс Госпиталь», как окрестил её мысленно Питер, любивший мысленно присваивать нравившимся ему девушкам и

женщинам различные шуточные звания и титулы, рассержено сметала фигуры на землю, и они начинали спорить. А иногда Питер легким поцелуем закрывал ей рот. Это действовало отрезвляюще, и она умолкала.

Однажды, когда Питер уже сменил костыли на палку, Элен вдруг пригласила его к себе домой.

— Я живу тут неподалеку, а ты, наверное, давно соскучился по домашней пище. Что тебе приготовить?

— Гуляш по-венгерски, — не раздумывая, ответил он. — Ты как-то рассказывала, что твои корни из Карпат, вот и хочу попробовать твою родину на вкус.

— Моя родина Британия, пациент Стоун, мама англичанка, а корни отца действительно из восточной Венгрии. И мои познания в кулинарии не очень глубоки.

— Может я проявил непростительную настойчивость, — признался Питер.

— Нет, нет, — запротестовала Элен. — Я с удовольствием приготовлю гуляш, не обещаю, что он будет похож на то, что я когда-то ела. Но будет вкусно, я всегда импровизирую. — Потом со смехом добавила. — Только пролуди горло. Предупреждаю: будет много острого красного перца. Не обожгись!

— В гуляш кладут сладкую паприку.

— Паприка тоже будет, но еще больше будет острого перца, он тоже красный.

— А ты не переборщи со специями. Встреча и без того будет острой. На какой день назначишь обед?

— Ужин, — поправила она. — Завтра. Когда закончится смена. А ты торжественно выйдешь через парадный выход — пациенты имеют право на отгул.

— Приготовишь мне мою форму? Не пошагаю же я по улицам Лондона в пижамном халате и тапочках!?

— Будет сделано, мой офицер! – Козырнула Элен. – А, впрочем, тебя будет ждать такси.

Её дом находился в конце небольшой улочки в самом центре Сити. По дороге они зашли в винный погребок, запаслись парой бутылок хорошего вина и поехали к дому.

— Ничего, что я ковыляю? – Спросил Питер, когда они вышли из кэба. Он старался ходить прямо, не опираясь на трость.

Элен это заметила и рассмеялась.

— Бог мой! Да это самая типичная картина вечернего Лондона: раненный офицер и поддерживающая его под руку девушка. И вино в пакете.

— Где-то война, а где-то любовь. Они неотрывны друг от друга.

— Ты точно вспомнил Хемингуэя! – угадала Элен.

— Не верится, неужели я становлюсь таким предсказуемым?

— Отнюдь! С каждым днем все более и более загадочным и таинственным.

— Эх, хорошо был бы и Джесси! – не подумав, высказался Стоун.

— Не «хорошо бы»! – отрезала Элен. – Как-нибудь в другой раз.

Да это было бы невозможно при всём желании. Ему сделали все неотложные операции, остановили кровотечение и, хотя он чувствовал себя значительно лучше, Джесси Оуэнс оставался «лежащим больным».

— «Правда, — говорил он Питеру, — так всегда бывает перед внезапным резким ухудшением и *letalis exitum**. Видишь ли, если организм выдержит, то я победил, а если нет, то мне предстоит паллиативная операция с достаточно высокой степенью опасности для жизни. По шкале риска – девять баллов».

— «Хватит считать все эти проценты и баллы, — отвечал ему друг. – Думай о рыбалке. Куда мы отправимся через пару-тройку месяцев. Главное решить проблему: поедem ловить горную форель или тунца в море?».

У Элен оказался красивый трехэтажный дом, где квартиры были построены в типичном европейском стиле. Приветливый консьерж, старый лифт с решеткой, горшки с растениями в холле, портрет короля Георга VI, всё, как положено.

— Познакомься, это мистер Смит, — представила консьержа Элен. — Он тут уже двести двадцать два года служит.

— Мисс Кент как всегда чуточку преувеличивает, — отозвался пожилой человек в очках с толстыми стеклами. — Всего-то сто лет. Зовите меня Джимми, просто и без всякого такого...

Стоун обменялся с ним рукопожатием.

— Стоун, Питер Стоун, уверен, мы подружмся, — сказал он. Само как-то вырвалось. Будто собирался переезжать сюда на следующий день. Но старик принял его слова всерьез.

— Не сомневаюсь в этом, сэр. У мисс Кент никогда не было претензий.

Ему здесь начинало всё нравиться. Тихий, спокойный, традиционный английский мир, почти не затронутый войной. И квартира Элен с внутренним балкончиком, увитом плющом, на третьем этаже под самой крышей была под стать. Чувствовалась заботливая женская рука. В одной из комнат — пианино, книги на полках. В другой — картины на стенах и опять книги.

Пока хозяйка сервировала стол, Питер с любопытством осматривался, изучал корешки книг, вглядывался в снимки, исполнил джазовую композицию, барабанил по клавишам. Затем встал и, словно что-то припомнив, вынул из серванта фотографию в рамке и стал разглядывать. Она была развернута к стенке и это привлекло его внимание и разожгло любопытство. Затем, когда всё было готово, тарелки и рюмки расставлены, вилки и ножи положены в нужном месте, а крышка над овальным металлическим баранчиком с дымящимся кушаньем приподнята, он откупорил бутылку вина и произнес:

— Лучше и быть не может.

— Ты еще гуляш не пробовал, — ответила Элен. – Но я рада, что тебе уже нравится. Он, правда не из говядины, как это принято... но так готовила когда-то моя бабушка.

А венгерская еда из шотландской баранины с картошкой, в меру пикантная, была попросту изумительна. Приступив к трапезе, они продолжали обмениваться репликами.

— Я посмотрел, что у тебя на полках, тебе нравится мелодрама, — сказал Питер. – Проза, Диккенс...

— Не только. Я Толстого люблю. А это уже – война и мир. Целый «мир» – понимаешь?

— Всё равно любовь с трагическим исходом.

— Не все же у него под поезд бросаются? Некоторые и капусту сажают.

— Для гуляша?

— Это уже другое блюдо, которое я тоже люблю.

— А ты джаз любишь?

— Слушать и видеть.

— Я тоже.

— Хотя джаз – это так, импровизация. Мне ближе Бетховен, Бах. Но не Вагнер. Не люблю марши, хотя в отдельных случаях бывает интересно. Смотри, до чего они немцев довели!

— Я тоже иногда слушаю тихую лирику, Листа. Иногда буйного Чайковского, Щелкунчик.

— Тебя к русским тянет, а меня тянет пойти на кухню и приготовить кофе.

— А меня – к твоим губам и колдовским глазам...

Элен пригрозила ему пальцем.

— То, что я пригласила тебя в гости, еще ни о чем не говорит. Просто хотела сделать хоть что-то приятное офицеру, защищавшему нас от бомб.

— Ты и так много сделала для меня, — искренне сказал Питер.
— Я ведь знаю, что это ты практически настояла на том, чтобы мне сохранили ногу. Начинался сепсис.

Элен немного смутилась.

— Не было сепсиса и дело не в нем. Во время войны, медики работают по законам военного времени. Выход всегда есть. А необратимых повреждений тканей не было. И доктор Робинсон согласился со мной. Я просто попросила, — он очень мудрый человек — и, наверное, догадался, что ты мне понадобишься, — добавила она со смехом.

Впрочем, Питер и так всё знал. На кухню готовить кофе они отправились вместе.

— А пока готовится кофе, расскажи, что ты не любишь, — спросил Питер.

— Больше всего?

— Больше всего на свете.

— Равнодушие, безразличность.

— Холод, чёрствость!?

— Апатичных не люблю, флегматичных. У нас много таких. Да, и ещё что-то...

— Что?

Элен неожиданно замолчала. На лице появилась грусть, видно было, что она борется с мыслями.

Питер не стал настаивать:

— У тебя в буфете на верхней полке стоит рамочка с фотографией человека с бородкой в очках, — осторожно сказал он, — знакомое лицо. Я его где-то видел. Не могу припомнить. Похож на Чехова. Но явно не он. Кто это?

— Мой отец, — коротко ответила Элен, насыпая в кофеварку кофе, сахар и заливая всё холодной водой.

Питер почувствовал, как она напряглась, отвела взгляд. Видно, не хотела говорить на эту тему. И он не стал упорствовать. Но

вспомнил, где встречался с этим человеком. И в этом у него сомнений не было, он был абсолютно уверен. И даже, где и когда их пути пересеклись – он восстановил всё в памяти, но не хотел смущать и обескураживать Элен, чувствуя, что ей это не понравится.

— Скажи что-нибудь по-венгерски, или спой! — Неожиданно попросил он, помешивая кофе в турке. – Любопытство брало верх над логикой.

— Ты о чем? Я никогда не знала венгерского и почти не слышала его. Только колыбельную.

— Вот и напой что-нибудь из своего детства. Для немощного раненого офицера.

— Прекрати!

— Пожалуйста, Элен...

— Для чего тебе это?

— Чтобы лучше видеть тебя!

Элен рассмеялась, громко, звонко, непринужденно.

— Вот-вот, еще Сократ говорил, что для того, чтобы лучше видеть человека, нужно слушать его... и слышать.

— Ну, хорошо, ведь знаю, что проявишь упрямство и настойчивость!

Подумав немного, Элен стала тихо в полголоса «а капелла» напевать что-то мелодичное на незнакомом ему наречии. До финно-угорской группы языков он еще не добирался. Песня была нежной и грустной.

— Точно! – произнес он вдруг с радостью: — когда ты запела – я твоего отца сразу и «увидел». Мы встречались год назад, в метро. Во время бомбежек. Он тоже напевал эту песню, качая на руках маленького ребенка.

— Этого не может быть, он давно умер, наверное, умер, — всё также коротко и отрывисто произнесла Элен. – И давай больше не будем об этом!

— Хорошо. Может быть, я ошибаюсь... извини.

Но он был совершенно уверен в обратном; такое не забывается. А Элен отчего-то так разволновалась, что неловким движением опрокинула турку с кофе, залив конфорку.

— Ну вот! Теперь снова заваривать! – Огорчилась она.

Чтобы успокоить, Питер обнял её и поцеловал в губы.

— Не надо... — Элен слабо сопротивлялась.

— Ты имеешь ввиду, что нужно продолжить и даже взять тебя на руки!? Полностью согласен!

— Ты ведь жаловался на боли, слабости и прочие недомогания! — засмеялась она, уклоняясь от его поцелуев!

— Никогда! С сегодняшнего дня я самый здоровый солдат британской армии.

Утром, вернувшись вместе в госпиталь, Питер поспешил в палату к Джесси Оуэнсу. Его переполняли чувства, он хотел просто поболтать с ним, подбодрить друга, вселить в него новую надежду и веру в выздоровление. Желал поделиться немного своим счастьем. Подарить ему частицу своей переполненной радостью души. А там увидел сцену, которая разом зачеркнула все его чувства и отбросила в темноту, в бездну.

Сестра заправляла свежим бельем кровать, на которой еще накануне лежал Джесси. Это всегда делалось для нового больного, если «уходил» прежний. Объяснений не требовалось и потрясенный смертью последнего близкого ему человека, Питер медленно спустился по ступенькам во двор госпиталя и направился к скамейке. Черные птицы прыгали вокруг большой кости и не разлетались, даже когда он прошел сквозь них. Он опустился на скамью и просидел так, не чувствуя времени. Но в полдень неожиданно появилась Элен и села рядом. Она слегка прижалась к нему, медленно взяла его руку и положила себе на запястье, нежно поглаживая. Так они просидели ещё некоторое время.

— Он был моим братом. Все ушли, теперь никого нет. Джесси последний, — выдавил из себя Питер. — Никого не осталось...

— У тебя есть я, – тихо произнесла Элен.

Позже он узнал от дежурного врача, что у Оуэнса ночью наступило резкое обострение с внутренним кровотечением. Срочно повезли на операционный стол. Но спасти уже не смогли. Лекарств от смерти еще не придумали.

Глава Седьмая

Филиал Красногорского лагеря в Москве, 12 ноября
1945 года, вечер

После разговора с полковником Ясиным и его подчинёнными, Питер Стоун не видел никого из старших офицеров лагеря, которые отсутствовали по случаю Дня Революции и только спустя неделю он пришел в хозблок, чтобы поблагодарить Наталью Павловну за прилюдно оказанную ему поддержку.

Он попросту сказал:

— Я пришел сказать вам спасибо. Понимаю, чего вам это стоило – так открыто стать на мою сторону. Вы же и против Волкова, в какой-то степени, пошли. Не знаю, какие у него планы, но он явно решил заморить меня здесь до смерти.

— Не думаю... — Ответила она. – Он, в принципе, неплохой человек. Разумный и честный. Образованный. Воевал достойно. По крайней мере, всегда был таким до последнего времени. Вы знаете о трагедии, случившейся с его женой?

— Слышал.

— Земля слухами полнится. Тогда вы должны понимать, где кроется корень его нынешнего зла. Но теперь у вас в союзниках сам Дмитрий Федорович, полковник Ясин!

— Спасибо! – еще раз произнес Стоун.

Питер не удержался и прикоснулся к ее руке. Тут уж она смутилась и забрала руку. Щеки порозовели. А он продолжал смотреть в широко открытые выразительные глаза.

— А много ли от него зависит? – спросил он потом. – По тем же слухам, управляет здесь всем тот же Волков.

— Это как сказать! Мы еще поборемся за ваше освобождение.

Она отошла к окну, повернулась к нему спиной. И продолжила:

— Мне надо было бы сделать это раньше.

— Что именно?

— Переговорить насчет вас с Дмитрием Федоровичем. Но это было опасно. Он мог неправильно понять. С чего это я вдруг ратую за какого-то отдельно взятого военнопленного? Это вообще не сфера моей компетенции. А тут как раз подвернулся удобный случай.

— Да. Всё сложилось как нельзя удачно.

— Нет-нет, я все равно перед вами виновата. Потому что...

Она повернулась к нему и не закончила.

— Что вы хотели сказать?

— Нет, как-нибудь в другой раз.

— А будет ли он, этот «другой раз»? Всё так переменчиво.

— Ну... хорошо. Слушайте. Я могла еще раньше заступиться за вас. У меня есть некоторое влияние на полковника Ясина. Так мне, по крайней мере, кажется. Потому что... Потому что он сам помог мне девять лет назад. И он очень рисковал. Своим положением, карьерой. Может быть, даже жизнью.

Питер не мог скрыть своего удивления:

— Как это случилось? Если вы, конечно, можете говорить. Если тут нет какой-то тайны для моих ушей.

— Тайна есть, но я приоткрою её вам лишь частично. Об этом вообще практически никто не знает. Собственно, его заступничество и спасло меня от репрессий тридцать седьмого года. Благодаря Ясину, я не только не отправилась вслед за своим отцом — царским

генералом, и выжила, но еще неплохо, как видите, устроилась рядом с ним в лагере. И за это должна благодарить только его, Дмитрия Федоровича. Правда, теперь я все время у него на глазах... Как под колпаком. Но это не мешает мне жить.

Беседа между ними приобретала совершенно неожиданный оборот. Теперь Стоун понимал, почему полковник Ясин сам ведет себя столь осторожно, словно пугливый ёжик. Вот откуда его безволие и постоянная боязнь лишней шумихи. «Как бы чего не вышло». Наверное, прошлое, связанное с Натальей Павловной, само крепко держит его за горло. Или не абстрактное прошлое, а конкретный человек? Питер даже стал догадываться – кто? Несомненно, майор НКВД Волков.

— А Волков знает о вашем отце? – напрямую спросил он.

— Может быть. Или догадывается о чем—то. Уверена, у него на всех есть досье. Компрометирующие папки.

— Пронумерованные и пронумерованные, от нуля и до бесконечности, — усмехнулся Стоун.

— Примерно так. Уж на полковника Ясина – точно, — кивнула Наталья Павловна. Которую он в любой момент может пустить в ход. А там информация и обо мне. Ведь у каждого человека, как говорите вы, англичане, есть свой «скелет в шкафу». Поэтому Дмитрий Федорович и опасается, но его тоже можно понять. Ради меня он рискнул своей карьерой и рискует до сих пор.

Они помолчали. Глубоко вздохнув, Наталья Павловна продолжила уже другим тоном, более оживленным:

— Но сейчас, после Победы, слава Богу, наступили другие времена. Свежие, очистительные. А вскоре, по слухам, и вовсе будет отменена смертная казнь. И всем нам, думаю, тревожиться больше не о чем.

— Вашими бы устами да мед пить, так у вас говорят?

— А ваши познания в русском языке становятся с каждым днем всё лучше и лучше, — засмеялась она.

— Каков учитель – таков и ученик, — подхватил ее смех Питер.
– Будем надеяться, что те времена действительно прошли. Окончательно и бесповоротно. Наступит другая эра. И здесь, и везде.

— Дай-то Бог... — отозвалась она, правда, не слишком уверенно. Да и у него самого, несмотря на предыдущие пафосные слова, были большие сомнения на этот счет.

— А какова судьба вашего отца? – спросил он.

— Его расстреляли.

Наталья Павловна вновь отвернулась к окну. Не сразу, спустя минуты две, Стоун произнес:

— В госпитале в Лондоне, один умный человек, хирург Робинсон, поведал мне, что мы живем в мертвом мире, в котором испокон веков длится нескончаемая война. И где уже давно не живые хоронят мертвых, а ровно наоборот. Я сначала не понял его, а позже, когда вновь открыл Библию, прочел такие слова: «Иди за мной и предоставь мёртвым погребать своих мертвецов». А человек спрашивал позволения прежде проститься с близкими, похоронить их. И получил в ответ: «Оставь отца своего и ступай за мной». И мне стал ясен их смысл. И эта фраза: «Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия». Понимаете? Нельзя озираться назад. А перед глазами вдруг у меня нарисовалась такая мысленная картина.

Наталья Павловна слушала внимательно, пристально глядя в его глаза.

— Ужасная картина, — тихо промолвила Наталья Павловна. – А куда мы сами идем, что делаем?

— Не знаю, — честно признался Питер.

Лондон, Сити, 25 июля 1941 года, вечер

Стоун сидел в консьержке в доме Элен и громко распевал колыбельную песню на венгерском языке. Он был уже изрядно пьян. За эти дни Питер овладел старинной закарпатской песней «от» и «до», а теперь старался обучить этому и Джимми. Но если у него самого был профессиональный навык в языкознании, схватывал всё на лету, то старик просто «попугайничал». Незнакомые слова давались ему с трудом. Он особенно и не стремился понять их и запомнить, и подпевал больше из вежливости.

Между ними на столике стояла почти пустая бутылка виски «Чивас Ригал». Вторая бутылка была уже откупорена и ждала своей очереди. Питер пребывал в таком состоянии с утра. Точнее, с похорон Джесси. А с тех пор прошла неделя. Но ему и не хотелось трезветь. Что толку, когда мир окончательно рухнул? Лучше петь колыбельную. А закончив, повторить для самого себя на «бис».

Странно смотрелась эта сцена в десять часов вечера, когда двое взрослых мужчин, пусть и не в самом респектабельном районе Лондона, сидя в консьержской конторке за стеклом, распевают на разные голоса, один тише, другой во весь голос, детскую песенку. К тому же, с музыкальным слухом у обоих было не важно. Урок лингвистики шел параллельным курсом с исполнением арии.

— Нет, Джимми, не правильно, эта фраза – «до свидания, моя красивая девочка, спи», — звучит так: «Vislat, sep lanyom, aludj!» И «Seretlek» — я тебя люблю... Всё же очень просто!

— Проще некуда, — соглашался старик. И опять всё путал и коверкал.

Когда делали перерыв, Питер подливал виски в стаканы, но консьерж пил мало, только, чтобы не обидеть Стоуна, отпивал мелкими глотками. Хорошо хоть, что многие жильцы дома с начала бомбежек перебрались в более спокойные районы Англии. А то

стыда не оберешься. Но теперь некоторые семьи уже стали возвращаться назад.

Джесси похоронили на семейном участке рядом с его родителями, Мери и маленьким Мэтью. На этом настоял Питер и никаких доводов быть похороненным на военном или каком-либо другом кладбище его не устраивало и отвергалось на корню. Питера выписали из госпиталя и теперь он жил то в Ричмонде, то у Элен. Один раз ночевал в казармах своей войсковой части. А через месяц ждал медицинскую комиссию, где должна была решиться его дальнейшая судьба. Продолжится ли служба в армии, или его переведут на какую-нибудь штабную работу, больше похожую на гражданскую.

Но он всеми фибрами души рвался на фронт, в Африку, в Сицилию, на Балканы, в Грецию, чтобы мстить за Мери, за Джесси, за сына и родителей, за всех погибших британцев. А пока делать было нечего, можно и подурачиться, и попойнствовать вволю. Хотя раньше этого с ним никогда не случалось — к спиртному он всегда относился снисходительно равнодушно. Единственный случай, когда он напился с Джесси. И еще — после похорон своего маленького сына, жены и родителей. Но тут снова выпал именно такой «особый случай».

— Джимми, вы представляете, она никак не может поверить, что я был знаком с её отцом! — толковал Питер. — А это правда. Мистика какая-то. Или судьба. Это было год назад. Сначала — отец, потом — дочь. Обычно бывает наоборот. Но вы, мистер Смит, верите в такое?

— Вам — верю, — отвечал старик. — Вы правы, чаще всё происходит в другой последовательности. Парень встречается девушку, а она затем знакомит его, если он ей нравится, со своим отцом и матерью. А дальше уж как дело пойдет. Либо к свадьбе, либо к расставанию.

— Ну! А я о чем? А она говорит, что такого быть не может. Что он давно умер. Или недавно?

— Тут я вам ничего ответить не могу, мистер Стоун. Отца мисс Кент я не имел чести знать.

— Ну, не важно. Но он пел при мне эту колыбельную, качая на руках ребенка. Не сошел же я с ума!?

— Нет, мистер Стоун. На сумасшедшего вы нисколько не похожи.

— Отчего же она не хочет мне поверить?

— Тут, наверное, какая-нибудь роковая семейная тайна! — Поднял вверх указательный палец консьерж. — И вы прикоснулись к ней.

— Вы думаете? Нет, ну надо же какие сакральные встречи: в метро – отец, в госпитале – дочь... Джимми, что-то мы давненько не пели! И не пили...

И Питер снова налил в стаканы, затянув колыбельную во весь голос. На этом концерте во время антракта в холле и появилась Элен, вернувшись после своей смены в госпитале.

— О! «Helló serelmem!» — радостно прокричал Питер, завидев её.

— И вам всем, здравствуйте! — Ответила она, ставя сумку с продуктами на пол. — Что здесь происходит, мистер Смит? Не отвечайте, и так всё ясно. Питер, ты собираешься здесь всю ночь провести? Не стыдно?

— «Nem ertek semmit».

— Это я тебя не понимаю, как не понимаю, что можно пить целую неделю подряд. Даже если похоронил лучшего друга. Джесси этого бы не одобрил. Хоть в память о нем прекрати паясничать. И возьми себя в руки. Извините, мистер Смит. Вы здесь ни при чем.

— Mikor van most? – спросил Питер, пытаясь разобрать стрелки на циферблате ручных часов.

— Половина одиннадцатого, — ответила Элен. – Пошли спать.

— Я помогу ему добраться, — сказал Джимми, поднимая валяющуюся на полу палку Стоуна.

— Kosonom! — пробормотал тот. – Я сам.

Хорошо, что в доме был лифт, пешком на третий этаж он бы не поднялся. Даже с помощью двух консьержей и трех сестер милосердия. Обнимая Элен, Питер что-то бормотал, путая слова из разных языков. Впрочем, смысл их был приблизительно ясен. В чем может признаваться мужчина любимой девушке!?

В квартире она сразу же попыталась уложить его в постель. Но Питер сопротивлялся. Несмотря на то, что глаза у него уже смыкались, он всё же проговорил:

— Sak bor!

— Что ты сейчас сказал? Сам—то хоть понял?

— Я хочу еще вина, — перевел Питер, икнув.

— Я тебе чай приготовлю, — Элен вздохнула и пошла на кухню.

— Нет, запротестовал Питер, — Bor, Bor, Bor! Sak bor! Sak Helen!

Элен вернулась с кухни с подносом, на котором были две чашки с чаем. Присев на край дивана, она принялась поить его маленькими глотками.

— Kosonom! Nagyom kosonom! Большое спасибо.

— Ты теперь всё время со мной будешь по-венгерски разговаривать?

— Обязательно. Я люблю этот язык. Люблю Венгрию, Балатон и тебя. Ты самая красивая, самая любимая... моя Элен.

Она еще раз вздохнула.

— Seretlek! – добавил Питер, вставая с дивана. – пойдём в спальню.

— Последнее не переводи. Я тоже тебя люблю. Только не пей больше.

Филиал Красногорского лагеря в Москве, 15 ноября 1945 года, вечер

Исполнительный капитан Васильев с энтузиазмом взялся за порученное ему дело. Только искры из глаз летели. Он сам был спортсмен-лыжник и большой поклонник бокса, футбола и хоккея. В числе его кумиров был легендарный Лев Сегалович, впервые ставший чемпионом СССР еще в 1940-м году. У Васильева со Стоуном теперь почти каждый день проходили встречи, на которых они обсуждали предстоящий турнир. Иногда решение вопросов затягивалось, переходило в жаркие споры. Каждый из них был упрям, считал себя знатоком бокса и свое мнение главным. И к тому были веские основания.

Когда болельщики спорят – истина отступает. Никто никогда не может доказать свою правоту. Согласились лишь на том, что бокс, все-таки, зародился в Англии. Они сидели в кабинете Васильева на первом этаже комендатуры. Предстояло определиться с местом проведения состязаний, количеством участников, весовыми категориями, днем открытия, упрощенными правилами и многим другим.

Надо сказать, что традиционные кулачные бои в России восходили к далеким временам. Но бокс до революции был спортом эксклюзивным, аристократическим. Всего несколько клубов в самых крупных городах России и только несколько сотен страстных поклонников и энтузиастов. А в стране Советов, практически сразу же начались споры между сторонниками и противниками этого сурового и зрелищного спорта. В 1918 году, по приказу Ленина, была утверждена система обязательной военной подготовки, в программу которой вошел и бокс. Боксерские клубы стали расширяться и углубляться во все слои населения. И хотя тренеры первые годы оставались прежними и смотрели свысока на новичков

из среды рабочего класса, новые любители жесткого спорта продолжали прибывать.

Через четыре года после революции в Россию вернулся сильнейший отечественный боксер Аркадий Харлампиев, живший до этого в независимой Эстонии. Он с энтузиазмом взялся за дело и организовал первые матчи профессионального, коммерческого бокса. Результат оказался безрадостным: бокс, как любительский, так и профессиональный, запретили как «буржуазный вид спорта». Но в среде новой власти оказалось немало и сторонников бокса. И в середине 20-х годов комиссия с участием медиков, профсоюзных и партийных лидеров рекомендовала легализовать любительский бокс и уже в 1927 году прошел первый чемпионат СССР. Начало было скромным: навыки утрачены, тренеров не хватало, в некоторых весовых категориях на чемпионате оказалось только по одному боксеру.

Вначале тридцатых годов бокс неожиданно получил поддержку государства, стал распространяться высокими темпами, проявляя сильные стороны: массовость и организованность. И, хотя соревнования были любительскими, они проходили по правилам, близкими к профессиональным поединкам. Вот эти—то правила и надо было в первую очередь согласовать, чем Васильев и Стоун и занимались. Питер хранил в памяти иных героев и историю бокса. Его кумиром был Джеймс Фигг, а из современных – Билли Уэлс и Джон Салливан. Начав обсуждать организацию предстоящего турнира, они сразу заспорили о приоритетах и минувших временах кулачного боя. Стоун приводил веские аргументы, ведь первый боксерский турнир в Англии письменно документирован в 1681 году, а в России – только в 1913.

— С начала восемнадцатого века боксерские поединки уже регулярно проводились в Лондонском Королевском театре, — говорил Питер. — Один из первых боксеров в его современном виде

был легендарный Джеймс Фигг, хотя в технике его боя, как и других спортсменов его времени, преобладали элементы борьбы.

— Да это же просто смешно! – отвечал Васильев.

— Да, но этот спортсмен провел свыше 270 поединков, из которых проиграл только один бой!

— А наш Сегалович вообще непобедим!

— Встретился бы он на ринге с Билли Уэллсом или Лени Харви!

Но вернемся к правилам, по поводу которых снова и снова возникали споры. Шутки ради Питер предложил применить старинное и довольно жёсткое «Правило боя по Фиггу», которое требовало, чтобы встреча не ограничивалась временем, а заканчивалась лишь тогда, когда один из противников не мог продолжать бой. И, кроме того, разрешалось применять удушающие приемы борьбы.

— Так мы совместим сразу два вида спорта – бокс и греко-римскую борьбу. Это станет новой эрой в спорте. Фулл-контакт.

— Скажи еще, можно разрешить ломать ноги и руки, — возмутился Васильев. – Нет, такие «бои без правил» нам не нужны. На фиг нам не нужен такой Фигг! – Последнюю фразу капитан Васильев произнёс по-русски.

— Мне жаль, что мои намерения были неправильно поняты; основная заслуга Фигга – это популяризация бокса в Англии. Бои в его школе вызывали огромный интерес лондонских аристократов и назывались "благородной наукой самозащиты".

У Стоуна были обширные знания в истории бокса.

— Здесь тебе не Лондон, — отрезал моложавый капитан.

— Тогда давайте применим старинный "Браутонский кодекс". Правила лаконичные, состоящие всего из семи пунктов. Запрещается бить лежащего или упавшего на колени соперника. Нет ударам ниже пояса, проигравшим считается боксер, оказавшийся не в состоянии подняться на ноги в течение 30 секунд. Никаких делений на раунды и ограничений времени. Без весовых категорий.

— Всё шутишь? Не годится. И чего нам изобретать велосипед? Обычные любительские правила. Только скорректированные с учётом времени и места. Три весовые категории – легкая, средняя и полутяжелая.

— Вряд ли такие сыщутся среди военнопленных. Если разве Фридрих Рёске.

— Никаких нераскаявшихся нацистов. Только антифашисты. В качестве поощрения. Финал лучше бы всего приурочить к Новому году. Турнир открытый. Ваши и наши.

— Это спорт, — возразил Стоун, — я сомневаюсь, что мне удастся набрать команду из числа тех, кто напишет письменное заявление об отказе от прежних взглядов.

— Ладно, твоя взяла, пусть, но я всё-таки согласую этот вопрос с майором Волковым.

— А Мельниченко профессионал? – спросил Стоун.

— У нас нет профессионалов. Только любители, — коварно усмехнулся Васильев.

— Но если он мастер спорта, то всё равно не годится. А весовая категория какая?

— Примерно, как твоя.

Питер призадумался, уже рассматривая себя в финальном бое с этим загадочным Мельниченко. А, ладно!

— Недавно на стадионе «Динамо» проходил чемпионат СССР по боксу, — продолжил капитан. — Легковес Сегалович вновь выиграл. Место вам знакомое, все строительные объекты рядом. На одном из них или на самом стадионе можно и провести турнир.

— Было бы хорошо.

— Но времени остается мало. Всего месяц.

— Мы еще не разобрались с правилами. Предлагаю по элементарным правилам маркиза Куинсберри – две или три минуты поединка, отсчет нокадаунов, технический нокаут по решению судьи. Если поединок закончился, и ни один из участников не одержал

досрочной победы, то его исход также решается судьями. Боксёрам запрещается наносить удары ниже пояса, держать друг друга, толкаться, кусаться и плевать.

— Вот последние два пункта в отношении бывших фашистов особенно уместны, — снова усмехнулся Васильев.

— Есть еще один важный вопрос. А судьи кто?

— От наших, — коротко ответил капитан НКВД. – Кто-нибудь из администрации лагеря.

Стоун кивнул головой. С победителями не спорят. Тут в кабинет к Васильеву и заглянул майор Волков.

— О, мистер Стоун! – радостно сказал он. – А я как раз собирался вас вызвать. Зайдите-ка ко мне на минутку.

Вспоминает и рассказывает Питер Стоун — поток сознания

Эта «минутка» растянулась на полтора часа. Вначале он снова предложил мне рюмку коньяка. Я отказался. Чувствовал, что он готовит какую-то ловушку. Ведь наверняка знал, что я нахожусь в соседнем кабинете, и зашел туда не случайно.

— Ну, не хотите, как хотите, а я выпью.

Потом завел разговор издалека:

— Я курирую вашу инициативу по поводу проведения боксерского турнира. Это хорошо. Но зря вы перепрыгнули через мою голову и обратились напрямую к полковнику Ясину. Да еще вновь подняли этот ваш «вопрос». Экий вы приткий – не мытьем, так катаньем...

— Простите!

— Это значит, всевозможными способами.

— У вас, господин майор, есть возможность никогда не попадать более в подобную ситуацию.

— О! догадываюсь куда вы клоните!

— Совершенно верно, именно туда.

Но его раздирало любопытство; угадал ли он ход моих мыслей и потому, подождав немного и хитро улыбнувшись, всё-таки спросил:

— И каким же образом? Как не попадать мне в подобную ситуацию?

— Неужели вы ждете от меня, что я буду вести себя, как загнанный в нору кролик? — Спросил я вопросом на вопрос.

Он как-то выжидающе посмотрел на меня, ласково-лукаво улыбаясь, и напоминал мне какого-то персонажа из классической русской литературы. Я не сразу сообразил — кого? Потом вспомнил: следователя Порфирия Петровича из «Преступления и наказания» Достоевского! Тот также умело и ласково заманивал Раскольникова в свои сети.

— Но, что сделано, того не воротишь, — вздохнул Волков, словно это было для него принципиально важно. — А теперь о турнире. Я должен быть абсолютно уверен в участниках соревнований. Ведь состязания будут открытыми, придут зрители. Турнир, может быть, даже будет потом освещаться в прессе. Пару-тройку проверенных журналистов я беру на себя. Но не в этом суть. Главное, чтобы на этом мероприятии кто-то из военнопленных не выкинул какой-нибудь фортель.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, не выкинул какой-нибудь фокус, не стал бы вдруг выкрикивать антисоветские лозунги, не заорал бы гитлеровскую чушь. А это вполне возможно. Люди ведь всякие. Вдруг крыша поедет? После нокаута-то... Не только турнир будет сорван, но останется еще и самый неприятный осадок. Негативный для нашего лагеря. Скажут в верхах: как это мы не уследили? И по шапкам, и по мордасам!..

— Да, тяжелая у вас работа, герр майор! Как принято у вас говорить: «Врагу не пожелаешь».

— Но мы-то с вами друзья? Союзники.

— Чего ж вы своего союзника так долго в плену держите?

— Скоро выйдете. Вопрос близок к разрешению.

— Это я уже не в первый раз слышу.

— Не спешите. Людей насмешите. А работа у меня действительно трудная и ответственная. Лагерь блюсти – это вам не мудями трясти! – Последнюю фразу майор сказал по-русски.

— Простите! Я всё еще не понимал – чего он от меня хочет?

— Так вот, — продолжил майор Волков. – Проявите инициативу и теперь. А от этого будет зависеть и процесс ускорения вашего освобождения.

— Не понимаю.

— Ну, раз не понимаете, скажу прямо. Или вначале всё-таки по рюмке?

— Куда от вас денешься!? Ладно.

Разлив коньяк, он усмехнулся:

— Деваться от меня в этом лагере вам действительно пока некуда.

— Prosit! Тьфу, забыл, как там у вас?

— Cheers!

Мы выпили, он продолжил:

— Мне, Питер, — ничего, что я к вам так: по-дружески?

— Ничего.

— Можете и вы ко мне без формальностей, когда мы наедине.

— Хорошо. Александр.

— Мне нужна информация. Все эти люди вокруг нас, среди которых и вы и я, вынуждены находиться – слуги Третьего рейха. Очень неблагонадежны. В идеологическом смысле. Будь их воля – они бы хоть завтра пошли на реванш, разожгли новую войну. Попытались бы... И даже здесь, в плену, получив от Советского

правительства вполне приемлемые условия для труда и жизни, даже чересчур комфортные, плетут сети заговоров, пытаются вредить или мелко пакостить. Вспомните, как вам ведро с цементом на голову свалилось? Чуть-чуть и вдавило бы голову в плечи. Я уверен, что это произошло не случайно.

— Если уверены, то почему же не приняли меры?

— Это не сложно. А виновного можно и назначить...

Мы оба знали, о ком говорим. Он откровенно продолжил:

— Да хрен с ним, с Рёске! Мы за ним давно наблюдаем, и все его поганые мыслишки или задумки знаем наперед. Под контролем. Ждем, когда он проявит себя «по полной». Вот тогда и закроем всерьез и надолго. Или уже навсегда. Смертная казнь куда еще не отменена, хотя слухи такие ходят... Но и от других, еще не выявленных врагов, можно ожидать чего угодно. Любого террористического акта.

— Это понятно. Но я причем?

— Не надо, Питер, рисовать на лице невинность. Вы не Пикассо и не девочка из католического пансионата. Докажите на деле свою лояльность.

— Как?

Вопрос с моей стороны был, конечно, наивным. Куда он клонит, я уже догадался давно.

— Войдите к ним в доверие, узнайте, чего они хотят, их мысли. А потом изложите мне.

— Значит, вы меня вербуете?

— А то! – и он засмеялся, наливая по новой.

— А какую агентурную кличку мне присвоите?

— Да хоть какую! Скажем: «Нулевой пациент». Поскольку все заключенные в этом лагере – для меня, офицера НКВД – тяжело больные, а то и неизлечимые пациенты, подлежащие идеологическому хирургическому вмешательству. А вы не такой, значит, без порядкового номера.

— Значит, я не интернированный и не военнопленный!? – спросил Питер.

— Нет, просто пациент! И не ловите меня на слове. Не пытайтесь давить и не требуйте разъяснений. Впрочем, вы и так всё знаете...

Я выпил, а потом сказал:

— Вынужден вас огорчить, господин майор. Во-первых, вы не на того делаете ставку. Я для них чужой, такой же враг, как и вы. И они никогда не будут со мной откровенны. А во-вторых, и это главное, я офицер английской армии, и то, что вы мне предлагаете, не соответствует моим принципам и понятиям о чести. Здесь, это мой единственный капитал, который я пытаюсь сберечь, а от доноительства пользы никому не будет.

Волков усмехнулся, барабанил пальцами по столу. И выдал:

— Надо же: жизнь висит на волоске, а думает о пользе и чести!

Затем он выложил свой главный козырь, припрятанный в рукаве:

— А что будет, если Дмитрий Федорович узнает о ваших душевных беседах с Натальей Павловной, дочерью бывшего царского генерала? Не изменит ли он своего мнения относительно вас?

Тут я понял, что в этой «шахматной партии» он поставил меня в цугцванг. Надо делать ответный ход, а его не было. И я решил из тактических соображений взять паузу, отложить игру для «домашнего анализа».

— Я подумаю над вашим предложением, — сумрачно отозвался я.

— Вот и договорились! Тогда – по последней. Только не вздумайте со мной финтить, мистер Стоун.

Лондон, Сити, 26 июля 1941 года, утро

Питер проснулся оттого, что на него ласково смотрела Элен и вполголоса мурлыкала привязавшуюся к ним венгерскую колыбельную. Да при этом еще постукивала пальчиками по его груди. Он засмеялся.

— Тебе щекотно?

— Да. Можно мне, пожалуйста, воды.

Она легко соскочила с кровати, накинула на обнаженные плечи халатик и ушла на кухню. Вернулась со стаканом апельсинового сока.

— Специально для тебя выжала, — сказал Элен. – Пей. Трезвей. Ты – большой ребенок, Питер.

— Поэтому ты пела сейчас колыбельную?

Она не ответила, стала одеваться. А он продолжал оставаться в постели – спешить было некуда. Чем бы себя сегодня занять?

— А ты хотела бы детей? – спросил он вдруг.

Элен обернулась к нему, пристально посмотрела в глаза и молча кивнула головой. Что он о ней знает? Практически ничего.

— Расскажи мне о своем отце? – попросил он.

— Ты опять о том же? Я спешу на смену. Подменяю сестру Виллард. А тебе рекомендую сидеть дома и никуда больше не ходить, по пабам не слоняться. Набирайся сил перед медкомиссией. А то тебя до Африки не допустят, как ты мечтаешь.

— Я мечтаю, чтобы у нас была семья, дети, много детей... мальчики, девочки.... Чем больше, тем лучше!

— Ты серьезно? – она остановилась перед ним, застегивая узкую юбку на осиной талии.

— Да. Колыбельную мы уже выучили. Дело за малым – снимай юбку и возвращайся в постель.

Питер приподнялся и попытался ухватить Элен, но, она, смеясь, вырвалась. И отбежала подальше, к трюмо. Стала расчесывать гребнем свои роскошные медно-золотистые волосы. Но в зеркало наблюдала за ним: как он встает с постели, допивает сок, одевается.

— Так кто был твой отец? – продолжил он. – Брат-близнец доктора Чехова? Джимми уверяет, что тут что-то сакрально-мистическое. Раскрой мне эту тайну фамильного двора.

— Не впутывай мистера Смита в мои семейные дела. Ну, ладно, так и быть. Тебе – скажу. Тайны тут никакой нет. Просто он бросил нас с мамой, когда я была еще совсем маленькой. Предал нас. И поэтому я его никогда не прощу.

Высказавшись, Элен яростно заработала гребнем, да так, что от копны рыжих волос искры полетели. Потом вышла в гостиную и продолжила одеваться. Питер вышел за ней.

— Не прощу, даже если он уже умер, погиб, — закончила она, не в силах сдерживаться. – А если жив — тем более. Я ведь хорошо помню, как он укачивал меня на руках и пел эту самую колыбельную. Я всё помню. А он встретил другую женщину и ушел к ней. Мама потом умерла, не выдержала, чахла прямо на глазах, и это тоже на его совести. А я, любила его больше мамы. Больше всего на свете. Больше жизни. Кого? Предателя? Профессора-неудачника, изгоя, изгнанного отовсюду? Ведь та женщина потом сама его бросила. Так и поступают с предателями, веры им больше нет. И любви.

Питер молчал, не мешая её исповеди. Понимал только, сколько душевных мук стоила эта откровенность.

— Когда он ушел от нас, мы с мамой переехали сюда. Нам помогал её брат, но он тоже умер, после мамы от сердечного приступа. Так что мне пришлось вступать во взрослую жизнь самостоятельно. Без отца, без матери, без помощи близких. И все, что у меня есть – это характер и воля. Меня так и называют в госпитале – «бронзовая леди». Сестра Виллард придумала.

— Ты нисколько не «бронзовая», ты – нежная и хрупкая, как луговой цветок, — возразил Питер. – А «леди» — точно. С колдовской властью над окружающими. Волшебница. По крайней мере, со мной. Но что было потом? Когда ты повзрослела. Ты пыталась разыскать отца, объясниться?

— Нет. О перипетиях его судьбы я изредка узнавала от общих знакомых. Но мне это уже было не нужно, переболела. Я даже видела его несколько раз – он подходил к дому, долго стоял около фонаря и смотрел на окна. Наверное, ждал, когда я выйду. Пожилой человек с палочкой, в шляпе, в очках. Потрепанная одежда. Стертые башмаки. Не сказать, что совсем опустившийся тип, но таких в Лондоне много. «Бывший джентльмен», пытающийся из всех сил сохранить своё реноме. А я стояла за занавеской и смотрела на него. Не могла простить. Потом садилась в кресло и плакала. Но вот уже год, как он не приходит. Наверное, погиб под бомбежкой.

— Зачем же ты держишь в шкафу его фотографию? – задал резонный вопрос Питер.

— Я ведь не только смотрела на него, я плакала, — ответила она, и этим всё было сказано. Женщины умудряются ненавидеть и любить одновременно. Только мужчины этого не понимают. А почему она в серванте повернута к стене? Это потому, что ненавижу, а почему не выбросила... потому, что люблю...

— А теперь я расскажу тебе о моей встрече с ним, — произнес Стоун. — Хочешь?

— Нет, — отрезала Элен. — Я ненавижу в жизни только одно – предательство. Так что и ты, Питер, никогда меня не предавай. Иначе я просто умру. Обещай мне.

Стоун не успел ответить, поскольку она сама же сказала:

— Я знаю, что ты не способен на это. И как бы ни сложилась в дальнейшем наша судьба, сама я буду тебя всегда ждать. А теперь мне уже пора, опаздываю...

Она накинула легкий плащ, взяла в руки дамский зонтик – небо за окном было затянуто тучами. Лондонское радио обещало июльский моросящий дождь.

— Погоди немного, еще десять минут, — попросил Питер. – Я доктору Робинсону принесу свои извинения.

— Пожалуйста, Питер, дай мне уйти, — попросила она.

— И всё-таки ты обязана меня выслушать. Это было летом прошлого года, кажется, в конце августа, во время бомбежки. Возле магистральной станции «Фарингдон». Паники не было, люди уже стали привыкать к бомбам. Только дети, как всегда, кричали и плакали... Они вообще ко всему медленно привыкают, — добавил он. — Но зато уж всерьез и надолго. По себе знаешь. Так вот, мы проезжали мимо на патрульной машине и остановились. Стали помогать людям — спускаться вниз. Работа рутинная. Тут я увидел маленькую плачущую девочку, которая, очевидно, потерялась в толпе. Матери рядом не было. Потом какой-то человек – в очках и с «докторской» бородкой подхватил её на руки и понес вниз. Мы, военные из штаба обороны, спустились следом... А в убежище скопилось уже довольно много людей, человек триста и люди продолжали прибывать со всех сторон, станция узловая. Некоторые женщины достали клубки шерсти и занялись привычным вязанием. Кто-то приготовился ночевать. Здесь уже были приготовлены матрасы, одеяла... Люди располагались на ступеньках, платформе. В подвесные койки укладывали детей. Кто-то знакомился со своим случайным соседом, разговаривал. А оказавшиеся вместе с нами в убежище члены общественной организации ENSA настраивали свои скрипки и аккордеоны и намеревались потешить лондонцев музыкой... Я очутился рядом с этим человеком, «доктором Чеховым», у которого на руках уже спала девочка.

Питер замолчал, мысленно восстанавливая в памяти ту картину. Она и сейчас стояла перед его глазами.

Элен с напряжением слушала Питера.

— Меня поразило то, что девочка моментально успокоилась на его руках, перестала плакать и вскоре заснула. Она даже улыбалась во сне. А он гладил её по спинке и вполголоса напевал колыбельную на незнакомом мне языке. Теперь-то я знаю, на каком языке и какую песню он пел.

— Это была его новая дочь? От той женщины?

— Нет, — отозвался Питер.

Он начал расхаживать по комнате.

— Не то, что ты думаешь. Это был совершенно посторонний ребенок, чужой ребенок. Мать вскоре разыскала девочку, поблагодарила человека с бородкой и ушла в конец станции, где раздавали детское питание... То, что я увидел, меня заинтриговало и я пошел за ним... искал возможность поговорить, пообщаться. Вскоре объявили, что можно покинуть вокзал, и он пошел по ступенькам вверх. Поднявшись, он остановился, вынул сигарету и пытался прикурить, но у него не получалось; зажигалка давала осечку. Я помог ему прикурить и спросил его:

— Как это у вас получилось?

— Простите, — ответил мне человек с бородкой, — о чем вы?

— И я спросил его:

— «Как это вы умеете столь мастерски обращаться с чужими детьми, что они вас слушаются и мгновенно прекращают истерику?» Мне было просто интересно. А он как-то виновато пожал плечами, и всё. А потом стал неожиданно рассказывать... и вот что я узнал... У него тоже была любимая дочь. Счастливая семья. Но жизнь сложилась так, что он встретил другую женщину и ушел к ней. Говорил он долго, рассказывая свою судьбу, вот почему я так хорошо запомнил... Это была целая исповедь для незнакомого человека, необычное явление. Мы пошли медленно по улице, но наша беседа продолжалась. А сейчас я скажу то, что будет для тебя очень важно.

— Говори, — тихо произнесла Элен. — Она опустилась на диван, а он продолжал расхаживать по комнате. Но вскоре тоже сел рядом. Обнял её.

— Не думай о нем плохо. Он не виноват. Мистер Кент сказал мне тогда, что бесконечно любил и любит свою дочь... Тебя. Что грёзы его давно улетучились вместе с той женщиной. Что он искал и ищет встречи с тобой... И что самое большое горе для него – это то, что дочь не может его простить. И еще, что вот уже много лет он приходит к тем местам, к тем аллеям в парках, к кинотеатрам, к прудам, к берегам Темзы, где они втроем были счастливы. И к окнам твоего нынешнего дома... А больше всего он хочет обнять свою дочь, прижать к себе, погладить по волосам, поцеловать. Последние фразы его монолога звучали так: «Моя жена готова была меня простить, но отпор пришел со стороны дочери. Она решила, что если я ушел из дома, то я ее не люблю... и никакие объяснения не могли изменить её мнения. Вот уже много лет я прихожу к тем местам, где она бывает чаще всего и наблюдаю за ней издали, а как бы мне хотелось обнять её, прижать к себе, услышать заветное «я люблю тебя, папа» и умереть от счастья. Так что оно на земле, а не на небе, как я думал, оно рядом, это самое счастье». Вот что он мне тогда сказал. А я запомнил. Теперь передаю тебе. А ты сама решай...

Питер почувствовал, что Элен в его объятиях вздрагивает; она плакала тихо, без звука. Он повернул её лицо к себе и поцеловал. Потом прижал к себе еще крепче.

— Мы обязательно разыщем его, — пообещал он.

Глава Восьмая

Филиал Красногорского лагеря в Москве, 19 ноября 1945 года

И вновь Стоун появился в кабинете майора Волкова, теперь уже по персональному вызову. В комнате находилось еще четыре человека. Одним из них был старший лейтенант Коренев, и еще трое в штатском, один из которых профессиональный переводчик. Всех троих Стоун до этой встречи не встречал. Еще Питер обратил внимание на то, что фотографии погибшей жены Волкова в траурной рамке на столе нет — наверное убрал в шкаф. К чему бы? Не хочет, чтобы она «слушала»?

Беседа носила официальный характер. Никаких улыбок и коньяка. Волков вел себя подчеркнуто сухо и деловито. Переводчик без эмоций и конструктивно переводил с русского на английский и наоборот, старлей аккуратно записывал в протокол. Двое других помалкивали. Они были однотипные, даже похожи друг на друга и расположились за спиной Стоуна, по углам кабинета.

Вначале Питер подумал, что это – дипломатические лица из Министерства иностранных дел и у него ёкнуло сердце, но сразу же сообразил, что ошибается. Во-первых, тогда разговор вёлся бы на английском языке и без переводчика. Во-вторых, его бы обязательно им представили, как и ему – их, а так они просто сидят по углам, как два «китайских болванчика» и – ни слова. Беседу вел исключительно Волков.

— Мистер Стоун, расскажите еще раз историю вашего попадания в плен. Только коротко. Подробности нам известны.

Питер спокойно повторил то, что не один раз говорил всем. Ему нечего было ни добавлять, ни приуменьшать. Драгоман переводил, Коренев писал, перо скрипело, Волков равнодушно слушал,

неизвестные помалкивали. Наконец, формальная часть допроса закончилась.

— Хорошо. Теперь перейдем ко второму вопросу. Опять же коротко, буквально в двух-трех фразах, изложите ваши политические убеждения и отношение к Советской власти. Без идеологических дискуссий.

Скрывать тут тоже было нечего. СССР был союзником англо-американских сил в прошедшей войне, участником антигитлеровской коалиции, таковым и должен был оставаться в мирное время. Есть какие-то соглашения и договоренности с последних встреч Сталина, Рузвельта и Черчилля, они должны соблюдаться. Отношение нормальное, какое еще может быть? А политические убеждения? Принадлежность к английской консервативной партии «Тори», монархист.

— Отлично. Автобиографию, пожалуйста. Тут более подробно. Где родились, в какой аристократической семье, родственники из «высшего света», учёба в Оксфорде, профессура, в каких слоях общества вращаетесь, чем занимались в Лондоне, имеете ли прямое отношение к элите, семейное положение, дети.

Стоун стал говорить, подбирая слова и держась более осторожно; он понимал, что известные факты скрывать нельзя. Лгать тоже, тайн опять же никаких нет. Это легко проверить. Он всё еще надеялся, что от искренности его ответов зависит и будущее положение. Или освобождение.

— Ваши привязанности, мистер Стоун? Любимые предметы в Оксфорде, склонности к аналитической работе, способности к языкам, какие из них вы знаете досконально, а какими владеете относительно свободно? Какие болезни перенесли в детстве и юности, отразились ли они на вашем здоровье, какими видами спорта занимались, технические и военные навыки. Словом, всё, чтобы мы имели возможность составить ваш психологический портрет.

— А зачем и кому это нужно? – Спросил Питер. Но его вопрос повис в воздухе.

— Просто отвечайте, мистер Стоун, и не волнуйтесь.

— Я не волнуюсь. Но не понимаю.

Тем не менее, он продолжил говорить. О себе это – всегда легко. О других – гораздо сложнее. Но, как он и предполагал, вскоре речь пошла «о других».

— Теперь перейдем к тем, с кем вы общались в Лондоне. К вашим друзьям, близким, товарищам, коллегам, сокурсникам. Мужского и женского рода. Назовите их, обрисуйте, дайте характеристику.

— А какое они имеют отношение к моему психологическому портрету? Всё, что касается лично меня, — извольте. А за себя пусть они сами отвечают. Если им доведется с вами встретиться.

— Вы не правы, мистер Стоун. Вращаясь в обществе, человек обрастает связями. А эти связи имеют прямое отношение к душе. Вот и получается, что без них ваш психологический портрет будет не полным. Искорженным. Не будет хватать некоторых черт, линий, деталей.

Стоун попытался перевести разговор на отвлеченную тему и проверить реакцию своих экзекуторов.

— В деталях, мистер Волков, прячется дьявол. Правда, это выражение относится к древнему изобретению Гуттенберга – типографскому станку, из которого потом выползли все средства массовой информации. И к устному слову тоже.

— Не уклоняйтесь от темы, мистер Стоун. Мы хорошо знаем, насколько вы умны и сообразительны. За то и ценим. Не только я, но и наши гости.

Кто-то из незнакомцев, сидящих за спиной Питера, кашлянул. А сам он уже давно сообразил, кого они представляют? Какую-нибудь военно-политическую разведку. В этих советских структурах спецслужб Стоун не особенно разбирался. Слышал что-то такое, но

не вникал. Вроде «MI-6» в Англии. Secret Intelligence Service – SIS*. У русских, наверняка, есть такая же. Но сам он всегда был далек от всего этого. Что они, за Лоуренса Аравийского его принимают? Или надеются сделать таким? Шпиона из него не получится. Никогда в эти игры не играл. И не собирается.

— Мы вас слушаем, мистер Стоун.

— Мне нечего сказать. Мистер Волков, я думал, что вас интересует только среда моего нынешнего обитания. Военнопленные, с которыми мне поневоле приходится общаться.

— Что ж. Действительно. Меня занимает одно, наших гостей – другое. У каждого своя работа. А вашей судьбой уже заинтересовались более высокие сферы. И вы должны даже гордиться этим. За оказанное вам внимание.

Стоун промолчал. Молчали и эти «люди из Центра». Пауза затягивалась.

— Ваше положение, мистер Стоун, может кардинально измениться, — произнес Волков. – Причем в ту или иную сторону. Не забываете.

Тут прорезался хриловатый голос у одного из «гостей в черном»:

— Вы знакомы с кем-либо из кембриджских студентов, мистер Стоун?

Причем вопрос этот был задан на чистейшем английском языке. К чему тогда было ломать эту комедию с двойными переводами и переводчиком? Не поймешь их, этих «рыцарей плаща и кинжала».

— Не много, ведь я учился в Оксфорде. Но с некоторыми мы ежегодно состязались в заплывах по Темзе на байдарках-восьмерках. Общение было редкое и поверхностное, всего раз в год по весне.

Ответил он тоже на своем родном языке.

— С кем именно вы общались наиболее близко? – спросил второй «Икс».

— Не так, чтобы очень близко. Не могу вспомнить.

— Такая фамилия, как Филби, вам о чем-нибудь говорит?

— Не общался. Может быть, в лицо и знаю. Нет... Ничего определенного сказать не могу.

Они, кажется, слегка утратили к нему интерес. Но не Волков.

— Повторяю свои вопросы относительно ваших коллег и товарищей в Оксфорде. Касательно характеристик, слабостей, привязанностей.

— На эти вопросы я отвечать больше не буду, — отрезал Питер.

— Это ваше окончательное решение?

— Да.

Вновь за спиной кто-то кашлянул. Условный знак, что ли? Питер теперь ожидал чего угодно. Вплоть до удара по затылку. Но до этого дело не дошло.

— Ладно, — произнес Волков. — Тогда ... идите. Но с вами будут продолжать работать и дальше. Не сомневайтесь.

Тут вмешался один из «близнецов».

— Погодите, Александр Васильевич, не спешите так. Мне кажется, что мистер Стоун еще не до конца осознает все выгоды и все последствия от того решения, которое он примет.

— От этого действительно зависит вся его дальнейшая судьба, — добавил другой. — Мистер Стоун, во-первых, разрешите представиться. Меня зовут Петр Алексеевич Сергеев, я полковник службы безопасности. А это мой коллега в таком же звании.

— Военная разведка, Сергей Петрович Алексеев, — обозначился второй. Даже имена, отчества и фамилии похожи. Конечно, «легенда». Но могли бы что-нибудь и поумнее выдумать. А может в этой простоте и кроется дьявол; пойд и запомни, кого как зовут!

Оба они пододвинули свои стулья и очутились по бокам от Стоуна. Разговаривать ему теперь пришлось, поворачиваясь то к одному, то к другому. На русском и на английском, поскольку вопросы или предложения звучали то так, то этак. Это тоже была

своеобразная форма «ломки». Коренева отпустили. Он больше не был нужен. Хозяин кабинета еще некоторое время оставался тут, но вскоре и его отправили восвояси. Сказали только, чтобы он распорядился принести чай с лимоном, кофе и бутерброды с ветчиной, колбасой, красной и черной икрой.

— У вас, мистер Стоун, есть выбор, — сказал Алексеев. — Сначала нарисую первый вариант. Вы соглашаетесь работать на нас, на Советский Союз. Тогда в течение двадцати четырех часов получаете освобождение. Мы поселяем вас в комфортабельном домике на окраине Красногорска. Условия жизни те, к которым вы привыкли в Ричмонде. Еда и напитки, — какие только пожелаете. Выбор меню за вами. Личная прислуга, повар и всё такое прочее. Женщины? Сколько захотите и на любой вкус. Охрана? Разумеется. Пока никаких контактов с посторонними.

— Но для всех остальных вы будете числиться в лагере, — вмешался Сергеев. — Просто якобы вас переведут в другое отделение. А через четыре месяца освобождение будет оформлено официально.

— К чему всё это? — немного растерянно спросил Питер, не зная, к кому из них обращаться.

— За эти четыре месяца вы пройдете специальную подготовку, — продолжил Алексеев. — Вас будут вывозить из домика в зашторенной машине на место назначения.

— В нашу военную разведывательную школу. Там вы станете проходить ускоренные курсы обучения, — добавил Сергеев.

— И тем же маршрутом возвращаться обратно.

Питеру становилось всё более интересно, но он пытался скрыть любопытство.

— Дальше? «Англия», — сказал Алексеев, угадывая его вопрос. — После освобождения вы вернетесь домой.

— Ваш отъезд будет освещать пресса. Мы извинимся за допущенную оплошность и за все неудобства, которые были вам принесены в послевоенной неразберихе.

— Хотите требовать моральной компенсации? Выплатим.

— Это не проблема. Это даже нужно и необходимо сделать. Чтобы показать и доказать всему «свободному цивилизованному» миру, что и мы в Советском Союзе умеем исправлять свои ошибки и делаем это.

— На родину вы вернетесь почти героем.

Стоун поворачивал голову то к одному, то к другому. «Так и шею сломать не долго, — подумал он. — В прямом и переносном смысле».

— А что я стану делать в Лондоне? Взрывать Тауэр?

— Ничего, — сказал Алексеев. — Ни Тауэр, ни Вестминстерский дворец взрывать не надо. И даже дом на Даунинг-стрит.

— Абсолютно ничего, — подтвердил Сергеев. — Будете жить так, как жили раньше. Только в ореоле мученика.

— Возвращайтесь в Оксфорд, учитесь, работайте, становитесь профессором.

— Поступайте на любую другую службу. Желательно, государственную. Оставайтесь членом своей партии, делайте карьеру там.

— Пишите, наконец, книги, статьи в газетах, становитесь писателем, известным журналистом. Создавайте себе имя.

— Ругайте Советский Союз, если вам так хочется. Будьте оголтелым антисоветчиком. Ястребом.

— Или черным вороном!? – Зачем-то произнес Питер.

— Кем угодно. Или испробуйте свои таланты, — а они у вас многочисленны, на военном поприще. Либо в Secret Intelligence Service. «Как получится», — сказал один.

— Вращайтесь в высшем свете, который вам близок. Вы, мистер Стоун – элита английского общества, так и становитесь ею, — добавил другой.

Потом стали говорить наперегонки, насмешливо.

— Ваш природный ум, образованность, исключительные способности, хорошая доля тщеславия и своеобразное английское бесстрашие...

— ... вкупе с тонкой иронией и британским юмором...

— ... непременно должны выдвинуть вас на передовую арену борьбы за социальную справедливость, да и просто на вершину общественного социума, сделать вас фигурой большого значения.

— И звучания. Мы делаем на вас ставку, мистер Стоун, и не скрываем этого.

— А там, глядишь, будете еще членом Палаты лордов.

«Эти Бобчинский и Добчинский большие юмористы и не скрывают этого», — подумал Стоун

— Или вице-канцлером Казначейства.

— А то и премьер-министром. Страшно подумать!

Один из них засмеялся, потом другой, не мог сдержать улыбки и Питер. Ответил тоже насмешливо, раз уж они сами взяли такой тон:

— Заманчивую картину вы мне нарисовали, — сказал он. — И перспектива хорошая. Но причем тут ваша разведшкола? Сколь долго я буду находиться вне сферы вашего внимания?

— Сколько нужно.

— То есть, я должен стать так называемым «спящим агентом»?

— Именно так.

— А второй вариант?

— Вы его знаете. Не хочу вас пугать, но освобождение последует не скоро, — сказал один из них и поцокал языком.

— Если оно вообще состоится, — добавил второй. – В России узники иногда исчезали бесследно. Вспомните историю царевича Иоанна Антоновича*.

— Извините, не знаком.

— Или Железная маска во Франции, – сказал первый.

— Да это всегда и всюду, во всей мировой эпопее, вставил второй.

Они замолчали. Стоун устал, эта игра могла длиться бесконечно.

— А сколько у меня времени на размышление? – спросил Питер.

— Мало.

Снова цугцванг, но еще более серьезный. Принуждение к действию, грозящее перейти в матовую ситуацию. Мне бы хоть в пате остаться, там на выжидательной позиции можно находиться долго. А времени на анализ нет. Или стоит поторговаться? А там видно будет. Не надо спешить с ответом. Положение может только осложниться. А о чем торговаться? Что курс в разведшколе будет укороченным и освобождение придет немного раньше. Или о размере компенсации? Какой вздор.

После небольшой паузы Питер тихо произнес:

— Да, господа! Какие пути я только в жизни не выбирал и все для того, чтобы найти собственный тупик! Зачем я вам нужен!? У вас мало разочарований было в жизни?

— Подумайте о вашем будущем.

— Я о нем и думаю, как о полках, на которых складываю свои мечты. А вы пытаетесь промыть мне мозги. На что вы надеетесь, на то, что мои извилины сотрутся?

— Вы не в том положении, чтобы ставить условия.

— Я должен всё хорошенько обдумать, — сказал Стоун.

— Конечно, — согласились оба.

Но разговор на этом еще не был окончен. Не так-то полковники были просты, чтобы отпустить Стоуна сразу. Они идеологически

обламывали и уговаривали его еще в течение двух часов, рисуя перспективы будущего, счастливую жизнь, безбедную старость и ту неоценимую пользу, которую он принесет «делу мира»: «о нём еще будут легенды складываться, и он останется в анналах истории...».

«Кембриджская пятерка» — это было собирательное название для советских шпионов, которые работали в британской разведке, контрразведке и министерстве иностранных дел во время Второй мировой войны и в первые послевоенные годы. В пятерку входили Ким Филби, Дональд Маклин, Энтони Блант, Гай Берджес и Джон Кернкросс. Но пока, кроме Филби, все они в миру не были известны, во всяком случае, как советские шпионы. А в действительности сеть красной разведки в Великобритании была значительно шире. Все эти имена всплывут значительно позже, а пока Питер Стоун ничего об этом не знал и вступать на путь предательства не собирался.

Наконец, устав от разговора и не добившись от Стоуна определенного ответа, его отпустили. А расстались они почти дружески. Однако покидал Питер злосчастный кабинет Волкова с ноющим сердцем и тяжестью на душе. Он понимал, что этим дело не ограничится. И с ним еще будут «работать», пока не попытаются сломить.

Лондон, Сити, 20 августа 1941 года, вечер

— Мистер Смит, мисс Кент уже вернулась из госпиталя? — спросил Питер, ставя вещмешок на пол. Уже без палочки, в новенькой военной форме с нагрудными знаками, нашивками и погонами лейтенанта, он выглядел очень браво и готов был продолжать борьбу. Еще в последний четверг, 14 августа Стоун благополучно прошел медкомиссию, получил «добро», а уже сегодня вечером должен был отправляться в Гемпшир. Там формировалась воинская англо-индийская часть. В составе

английских войск в Африке воевали сикхи. Они являлись самой большой наёмной армией Второй Мировой Войны. Предупредить Элен он не успел – с вечера загулял с товарищами, не до неё было. Утром надо было в часть, последние приготовления перед отправлением. Только сейчас и выпало несколько свободных минут.

— Нет, мистер Стоун. Но вы можете подождать её в квартире, у меня есть запасные ключи, — ответил консьерж.

— Ключи у меня тоже есть, но что я там буду делать в одиночестве? Да и времени нет. Уж лучше я здесь, с вами посижу, — отозвался Питер и вытащил из рюкзака бутылку «Чивас» — любимое виски Джимми. – Выпьем за мой отъезд.

— С удовольствием. Пожелаю вам победного пути, и избежать ран. Куда направляетесь?

Стоун подумал, прежде чем сказать. Говорить или нет? Секрета тут большого не было.

— Сначала Гемпшир. Потом – Африка.

Старик кивнул головой, словно ожидал именно такого ответа.

— Сейчас там жарко! — произнес он, доставая из конторки стаканчики. – По-венгерски пить больше не будем?

— Вернусь – споем обязательно, и не только по-венгерски. И еще на пенджаби.

— Это индусы, с тюрбанами на голове!?

— Сикхи, если тюрбан, значит сикх. Показали себя, как и гуркхи, лучшие воины в Великой войне. Овладею языком и спою вам. А в Африке я еще никогда не был. Всегда мечтал.

— Держитесь, бои там с переменным успехом. Но Тобрук наш. Пора переходить к Киренаике.

— Обещаю вам её взять. Даю слово чести.

Стоун все время посматривал на часы. А старик стал рассказывать о том, как в молодости проводил время в «Жемчужине Британской короны».

— Я служил там в торговой компании, но различать их так и не научился. Языки, народы разные, касты! Для меня это все было выше моего понимания, я и не пытался понять! Достаточно было тех людей, с кем я контактировал по службе. А запахи какие!

Но Питер слушал в пол-уха, нетерпеливо ожидая, когда же, наконец, в холле застучат каблучки Элен? Она всё задерживалась. Видно, не судьба попрощаться.

— ... А в двадцатом году, когда отменили акциз на хлопок и индийцев стали назначать на высокие должности, я уволился и вернулся в Лондон, — монотонно жужжал старик, ударившись в воспоминания.

— Погодите, Джимми, Индия подождет. А я – нет. У меня к вам серьезное дело.

Он вынул из кармана конверт, в который было вложено золотое колечко с изумрудом. Он вытряс его на стол.

— Передайте мисс Кент, пожалуйста. Сам я её, судя по всему, не увижу.

— Сделаю, как прикажете.

Это кольцо моей матери, — добавил Питер. – Она умерла, погибла при трагических обстоятельствах, и завещала мне, чтобы... Ну, вы понимаете.

— Тогда вы сами должны вручить его Элен, — вразумительно произнес консьерж. – Так полагается по всем правилам.

— Я знаю, должен, но не могу. Не успеваю. Поезд отходит через час.

— А что ей сказать?

— Что я люблю её. Прощайте, Джимми! Надеюсь, увидимся еще не раз.

И Стоун, подхватив свой вещмешок, козырнув напоследок старику, двинулся к выходу. Африка тоже ждать не будет. Бутылка недопитого виски Чивас Ригал 12 осталась у Джимми на столе.

Вспоминает и рассказывает Питер Стоун — поток сознания

Противостояние колониальных держав за господство в Северной Африке продолжалось уже более, чем полтора столетия. И именно сейчас, во время Второй мировой войны, оно могло сыграть свою существенную роль. Несмотря на то, что эта огромная территория была плохо освоена и не располагала к этому времени природными ресурсами, её месторасположение имело огромное значение. Имея контроль над ней, можно было с легкостью перекрыть сухопутные и водные пути в Черное море, Ирак, Иран, Индию, а также в Австралию, Новую Зеландию и все остальные страны Дальнего Востока.

Италия располагала военными базами в Ливии, Эфиопии, Эритрее и Сомали, а также на Додеканесских и Болеарских островах и считала, что могут в любой момент перерезать англичанам морской путь, хотя англичане располагали своими базами на пути следования из Европы в Азию.

Из этого следовало, что к 1940 году обе стороны чувствовали себя вполне уверенно, были одинаково уязвимы и военное противостояние за господство над путями вполне созрело.

И эта Африка, о которой я так мечтал, встретила меня более, чем неприветливо. Я прибыл в Тобрук в начале ноября 1941 года. Всё здесь пахло войной. Да иного не могло и быть, ведь Тобрук самое убийственное место на побережье Северной Африки. Шесть раз за время сражений оно переходило из рук в руки. А ведь в мирное время это был маленький городок с удобной и красивой гаванью, а теперь заминированной, своими и чужими. Но «Виктория», десантный корабль с нашими войсками, пробрался сюда почти невредимым, минуя все немецкие ловушки, уходя от преследования подводных лодок.

Мои впечатления таковы: вокруг города была одна сплошная желтая пустыня с редкими пересохшими руслами рек, вади. В окрестностях питьевой воды не найти ни при каком раскладе. В редкие колодцы просачивается лишь мутная соленая жижа. Поэтому самый дорогой здесь товар – питьевая вода. Но за «Викторией» следовал по курсу наливной танкер с драгоценной влагой, который тоже благополучно добрался до Тобрука. А пока осажденные пользовались вырытыми итальянцами еще до начала войны скважинами в Дерне, находящимся на расстоянии почти в двести километров.

Причем, любопытное явление — по негласному соглашению качали эту воду как немцы, так и англичане. Полковник Сандерс рассказывал, что это «неписанный закон войны». В это время не стреляли. Хотя водопроводные устройства в Дерне были удобной мишенью и при желании их можно было легко поразить из орудий. Но... каждый получал свою долю воды даже тогда, когда запасы её оставались крайне скудны. И потому — не дать противнику напиться было равносильно самоубийству — означало вызвать ответный огонь, а тем самым навлечь смерть и на себя. Это при жаре в пятьдесят градусов! А до Триполи очень далеко...

Вообще Тобрук очень напоминал кладбище. Десятки тысяч бомб, ракет и прочих снарядов упали на город. Нет орудий, из которых не обстреливался город, как и не было ни одного дома, который остался без повреждений. Портовые дамбы, склады, магазины, лавочки, хижины. Море развалин. Кроме одного белого минарета возле залива, чудом уцелевшего. Я с несколькими офицерами заглянул внутрь. Помолился по-христиански – Бог примет.

Дальше я расскажу то, что известно из многих учебников и книг в открытом доступе. Но необходимо напомнить следующим поколениям, чтобы не забывали. И для полноты картины, поскольку касалась она косвенно и меня тоже. Напомню, что в апреле 1940

года, более полутора лет назад, во время второго наступления в союзе с итальянцами Роммель обошел Тобрук с юга и направился к границам Египта. Через две недели вернулся, чтобы покончить с опорной базой англичан в своем тылу. Но не тут-то было! Британцы и жители города оказали ожесточённое сопротивление. Наспех соорудили оборонительную цепь, а потом до бесконечности оборонялись от неустанных атак противника и даже совершали набеги в глубоком тылу итальянцев и немцев. Тобрук стал буквально краеугольным камнем в расчетах немецкого фельдмаршала. От судьбы города зависела как участь Египта, так и будущее всей североафриканской кампании.

Роммель, оставив на приграничной территории между Ливией и Египтом, лишь легкий резерв, бросил на ликвидацию Тобрука всю мощь своей армии. Бесполезно. Первые четыре месяца город и его порт подвергались непрерывным бомбардировкам, было сброшено свыше двухсот пятидесяти тонн взрывчатки, велись непрерывные наземные атаки. В черте города орудовали многочисленные диверсанты, подкупленные предатели-арабы вели подрывную работу, подкладывали бомбы, пытаясь любой ценой подавить сопротивление «тобрукских крыс» — так назывались защитники осажденного города в сводках Вермахта. Обстоятельства вынудили немцев начать строительство новой объездной железной дороги. Назвали её Axis Bypass – подсобная дорога «Оси». Но она не спасала положение германо-итальянских войск.

Теперь конкретно о себе. А вот этого военного эпизода нет ни в одной книге. И вы нигде об этом больше не узнаете, только из моего рассказа. Итак, четвертого ноября я взобрался на верхушку уцелевшего минарета и смотрел на позиции немцев в полевой бинокль. Перевел окуляры линз на линию обороны Тобрука. Там, на одном из участков мне предстояло служить. Пояс обороны начинался на расстоянии нескольких километров от города к западу от него и заканчивался также на востоке, создавая полукруг.

Начинался и заканчивался у моря. Глубокие противотанковые рвы, окопы, минные поля, многорядные проволочные, канатные и тросовые заграждения.

Еще в Гемпшире я прошел ускоренный курс обучения и был определен командиром взвода в механизированный батальон. Воевать я должен был с отрядами сикхов из Пенджаба, и чехословацким батальоном. Всем не терпелось поскорей начать боевые действия.

Я со своими солдатами держал линию обороны на юго-западном участке несчастного города. Там, среди многочисленных, обложенных мешками с песком, укреплений, возвышалось наше оборонительное сооружение, рavelин. Находились мы на расстоянии семи километров от города на краю глубокой лощины, мост через который был разрушен бомбежкой. Его предстояло восстановить. За нами пролегалo шоссе на Дерны, где мы все черпали воду, забывая о войне.

Сразу на второй день обстрелы между нами и немцами достигли такого напряжения, что вскоре нервы не выдержали и мы ринулись в атаку – британцы, чехи, сикхи. Чуть позже подключились поляки, расположенные неподалеку. Вскоре в атаке участвовал весь гарнизон. А с первыми лучами солнца в движение пошел уже весь западный фронт и часть южного фронта. Так я, практически сразу, оказался в самом центре адского котла.

Немцы с итальянцами предприняли ответные симметричные действия и двинулись в контратаку, битва бушевала почти до вечера. Почерневшие от палящего солнца, прокопченные от пороха, дыма и обезумевшие от грохота орудий, солдаты как вороны бросались друг на друга, заклёвывали до смерти. Мои солдаты должны были пробиться к высоте с южной стороны от разрушенного моста и занять её. Уничтожить всех фашистов и поменять нацистский стяг со свастикой на наш, британский. Позиция для обстрела города была чрезвычайно важна немцам. Но порыв совместных сил союзников

был настолько силен, что наши противники, хотя бились тоже отчаянно, вскоре отступили, оставив сотни трупов.

А к вечеру на заветном холме развивалось знамя Британии. В этом первом для себя бою я не получил ни одного ранения. Не всем так везет...

— Поздравляю с крещением! – сказал мне полковник Сандлер, командир форта.

— Британия превыше всего! – откликнулся я, глядя, как развевается на ветру наш флаг – синее прямоугольное полотно с красными крестами в белой окантовке. И это было самое дорогое моему сердцу зрелище...

А еще через две недели, 18 ноября 1941 года, британские войска перешли в наступление во всей Северной Африке. Началась операция со странным названием Крусейдер, что означает Крестоносец. Нашей задачей было отбросить войска Роммеля в глубь материка, в южную часть Триполитании, подальше от жизненно важных путей снабжения и водных ресурсов. К концу месяца гарнизон города перешел в наступление, осада Тобрука была снята, и британские войска соединились с защитниками города. Немецко-итальянская группировка Роммеля, побитая и потрепанная, начала отступление в западном направлении и расквартировалась в районе Эль-Газалы.

В результате боев мы овладели и Киренаикой, как я и обещал Джеймсу Смиту, отбросив основные немецко-итальянские силы Роммеля на 800 километров. А воевать в Африке мне предстояло еще полтора года...

Филиал Красногорского лагеря в Москве, середина декабря 1945 года

Питеру пока удавалось оттягивать своё решение, но он чувствовал, что тучи над ним незаметно сгущаются. Полковников Алексеева и Сергеева он с тех пор не видел, но часто получал напоминание о них от майора Волкова. Тот, выждав два—три дня, подходил после утренней или вечерней проверки к Стоуну и отводил его подальше от военнопленных.

— Ну, что мне передать нашим друзьям-полковникам? — спрашивал он.

А в ушах Питера тревожным набатом звучал лагерный колокол, точно такой же, как на центральной базе в Красногорске, требующий заключенных явиться на плац. «Дин—дин—дин», — призывая к дисциплине и выводя из равновесия, не давая расслабиться и собирая бегущие мысли в поисках выхода.

— Пока ничего.

— Торопитесь, Питер. Время не ждет, со времени их визита прошел почти месяц. Я в их дела не лезу, не моё дело и не мой уровень. У них горизонт гораздо выше. С Лубянки даже Магадан виден. Люди они серьезные, не то, что я, словами не разбрасываются. И на вашем месте...

— Полагаю, что вам не придется быть в английском плену.

— Звучит, как угроза.

— Просто фраза.

— Ну, ладно, вы и у меня в долгу, Питер. Вы и над моим предложением думаете слишком долго. А я его с повестки дня не снимаю. Более того, теперь это уже не просьба об услуге, а требование. Да или нет?

— Ну, а если «нет»? Что, пожалуетесь на меня полковникам? Вы им только большую игру спутаете, а мне окажите не менее большую

любезность, если начнете на меня давить. Какова будет их реакция, когда они узнают, что вы втягиваете меня в мелкое стукачество, пытаюсь сделать казарменным доносчиком, когда у них на кону столь высокие ставки? О которых вам даже знать не положено. Горизонт не тот. А я в этой игре – джокер. Так уж лучше не мне ли им на вас пожаловаться, Александр?

Питер намеренно издевательски назвал его по имени, а Волков прикусил язык. Сам понял, что переборщил, а Стоун нашел правильный выход из тупикового принуждения. Теперь он решил сыграть на противоречиях между сферами: высокими полковниками и местным майором. Тот уже не мог дернуться в отношении Стоуна ни на какие противоправные действия без их разрешения и согласия. Задачи разные: большая поглощает малую. Шахматным искусством Питер тоже владел хорошо. Но партия опять только отложена, его король по—прежнему висит на волоске. И на память ему вновь пришли спасительные строчки из столь любимого стихотворения Киплинга:

«Владей собой среди толпы смятенной,
Тебя клянущей за смятение всех,
Верь сам в себя, наперекор вселенной,
И маловерным отпусти их грех;
Пусть час не пробил, жди, не уставая,
Пусть лгут лжецы, не снисходи до них;
Умей прощать и не кажись, прощая,
Великодушней и мудрей других...».

В другой раз беседа с Волковым состоялась в его кабинете. Тут же сидел и капитан Васильев. Вначале они обсуждали предстоящий турнир по боксу, подготовка к которому шла полным ходом. Группе спортсменов-военнопленных даже усилили питание и сократили на полдня трудовой день. А на тренировки отвозили в Красногорский лагерь, где имелся спортзал. Ближе к началу турнира обещали и вовсе освободить от строительных работ. Чтобы были физически в

хорошей форме, и чтобы всё было, по справедливости, в поединках с советскими военными служащими. Пользовался этими привилегиями и сам Стоун.

Потом Васильев ушел, а майор, как обычно вытаскивал из железного шкафа початую бутылку коньяка и блюдец с нарезанным лимоном. И, даже не спрашивая Питера, налил в рюмки. Стоун обратил внимание на то, что фотография жены Волкова и вовсе отсутствует. Не в силах сдержать любопытство, он спросил, указывая взглядом на то место на столе, где обычно стояла траурная рамка со снимком:

— Где?..

Тот понял без лишних пояснений.

— Отдал вашим умельцам из мастерских. Сделают новую фотографию в большем формате, подретушируют, вставят в новую рамку, из березы. Повешу на стене. Вы знаете, что с ней случилось? Её убили не немцы, а англичане.

Они, стоя, не чокаясь, выпили горько-сладкий ароматный армянский коньяк. Волков потянулся к дольке лимона.

— Не англичане, а американцы, — поправил Стоун. — Большая разница, не путайте.

Волков с досадой махнул рукой, дескать, для него это не имеет значения:

— Всё англосаксы на одно лицо! Ладно, проехали... Все пострадали в этой войне, нет почти семьи без жертв.

Стоун носил в нагрудном кармане фотографию жены и сына. Мери держала его, прижимая к груди. Сохранил её и в Африке, и в Нормандии, и в Арденнах, и в Германии, и даже здесь, в Советском Союзе, в плену. Она была для него талисманом. Но фотографию Питер никому не показывал; это было его личное, святое. Каждый настоящий мужчина таит свою боль в себе.

Волков, без лишних слов, разлил по второй. К разговору о погибшей жене он больше не возвращался.

Беседовали о другом, о мирном. Память возвращала обоих в детство, юность. Что любили, в какие игры играли... Открыв вторую бутылку, перешли к войне. Питер рассказывал о Тобруке, Киренаике, Бенгази, высадке в Нормандии; Волков – о боях под Москвой, Сталинграде, Зееловских высотах, взятии Берлина... Вполне дружеская беседа двух союзников-фронтовиков.

Затем вернулись к сегодняшнему дню. Волкова, как всегда, беспокоила обстановка в доверенном ему лагере. Тревожили реваншистские или просто бессмысленно-злые настроения среди некоторых военнопленных. Он даже пожаловался Стоуну, нисколько не рассчитывая на его поддержку или участие в этом вопросе. Просто сорвалось с языка:

— Ну, вот что ты будешь делать с этим Рёске? Фашист, он и есть фашист. Продолжает вести вражескую агитацию, как помелом несёт. Горбатого только могила исправит. Я бы его даже в плен не брал, просто пристрелил бы, как бешеную собаку. А что ты думаешь о Кохе и Шнитке? Ты ведь с ними прителествуешь. Не пойми только меня превратно. Я тебя не прошу быть осведомителем. Уже не прошу.

Питер неожиданно пошел ему навстречу.

— Они нормальные парни, Алекс. Не знаю, что творится в их душах, но люди они хорошие, не думаю, что даже были фашистами. Это я говорю серьезно. Кох человек интеллигентный, умный, патриот своей страны, что вовсе не говорит о том, что её интересы надо осваивать ружьем. А Шнитке охладон, прямодушный друбан, простофиля, эмоциональный, колоритный и выразительный.

— Без булды? – Неожиданно спросил Волков по-русски.

— Простите!?

— Ну, колокол не льешь?

— А-а... понял, точнее, догадался. Нет, оба ненавидят фашизм, как... черную оспу.

— Отличное медицинское сравнение. Отправить их, что ли, в школу антифашистов?

— Боюсь, что не стоит. Пропагандистами и агитаторами они не станут. Не те они люди. Одно дело – иметь внутренние убеждения, совсем другое – навязывать их другим. А Ганс и Рихард – честные и порядочные ребята. Ты бы лучше отпустил их домой. Соскучились по семьям. У Шнитке двое детей, а у Коха единственного сына забрали год назад. Он его с тех пор не видел.

— Не от меня одного зависит. Придет приказ – выполню.

— А агитаторов, думаю у вас и так хватает. Лучше смотри за тем, как бы в неё не пролезли ради дополнительного куска хлеба настоящие нацисты. А за этих не беспокойся...

— Ручаешься? Обойдется без сюрпризов?

— Боюсь, что не могу это гарантировать, но так я чувствую. Могу перекреститься, как у вас это принято.

Волков засмеялся, Стоун тоже. Однако пройдет некоторое время, и Ганс Шнитке преподнесет всем настоящий сюрприз. В первую очередь, самому себе...

Филиал Красногорского лагеря в Москве, 15 декабря 1945 года, вечер

Одна из очередных встреч Питера с Натальей Павловной состоялась на следующий день после общения с майором Волковым. Это произошло в хозблоке, куда Стоун принес тюк грязной одежды и простыней; обычно военнопленные сами стирали свое белье, но его всегда можно было принести в интендантскую службу и взамен получить чистое.

Стоун не знал, о чем говорить, но она вдруг сама разоткровенничалась; ей было тоскливо, да и ему, в принципе, тоже. Она вынесла из глубины склада и расставила в кабинете свои аква-

рельные рисунки, пейзажи усадьбы Архангельское, натюрморты, графические портреты углем, карандашные иллюстрации романов и поэм мировой классики. Картины занимали три папки, а теперь, освободившись от стеснявшей их неволи, от казённого картона и тесемок, расположились в кабинете капитанши – на подоконнике, на столе, вдоль стен на расставленных стульях, просто на полу. Она хотела услышать его оценку. Очевидно, ей было это очень важно. Питер подумал, что вряд ли эти работы еще кто—то видел. Он молча рассматривал, а Наталья, затаив дыхание, следила за его движениями.

Наконец, он произнес:

— Я не специалист в живописи, но чувствую, что у вас есть дарование. Где вы учились рисованию?

— В детстве, с гувернером, — скромно ответила она. Да еще у мамы и дедушки были друзья—художники. Сам Репин. У папы всё больше военные, генералы. Потом, после революции – ВХУТЕМАС* – произнесла она медленно, — живописный факультет. В середине двадцатых продолжила образование в московском университете. Но на филологическом. А к живописи вернулась перед войной, после ареста отца. Был период, когда вновь забросила, не ко времени было, но теперь уже не могу остановиться. Рука сама тянется к графиту или кисточке.

— Продолжайте рисовать. Есть такая библейская притча. Нельзя закапывать свой талант в землю.

— У нас сегодня закапывают в землю не только талант, но и самих художников. Писателей, актеров, всех... — с грустью отозвалась Наталья Павловна.

Питер вновь стал разглядывать рисунки. Остановился перед портретом Ясина. Не в форме полковника, а в гражданской одежде, на фоне пруда.

Как он здесь оказался? Правда, тут были портреты—зарисовки и других лагерных офицеров НКВД, солдат.

— Здесь он совсем другой, — произнес Стоун. — Лицо открытое, взгляд добродушный, ясный, как будто хочет что-то сказать. Или пожаловаться на свою судьбу. «Их связывает какая-то тайна», — подумал он.

— Он здесь случайно, как и все остальные – тихо произнесла Наталья, словно читая его мысли. Потом добавила:

— Таков он и есть, когда не зажат в тиски. Он хороший, только ужасно пуглив. Ведь, по сути, Дмитрий Федорович такой же подневольный заключенный, как и вы. Как я. Как Волков. Словно в плену!

Вот почему каждый человек в сакральном смысле – заключенный в огромном земном лагере. «Так ли это? – подумал Стоун. И сам же мысленно ответил себе: — Нет, не так!» Теперь это стало для него совершенно ясным. Как новое понимание жизни. Как урок, усвоенный в советском плену. Человек всегда должен быть свободен, и это зависит только от него самого, от состояния его души.

Питер продолжал изучать творчество Натальи Павловны. Ему, соскучившемуся по другой жизни, было приятно хоть так прикоснуться к искусству. Тем более к мировой классике, которую она иллюстрировала. Он был действительно удивлен легкостью линий, широтой мазка, мастерски выстроенной композицией, глубиной проникновения в суть предмета или явления, обычного дерева, цветка, человека, горизонта, неба. Вот Медный всадник на площади, готовый раздавить врага. Вот обдумывающий свои решения датский принц в черном камзоле. В вот влюбленные из Вероны перед своей трагической смертью. Среди рисунков затерялся испанский идадьго на лошади, несущийся к ветряной мельнице. Какой—то маленький растерянный человечек в шинели под пургой. Дуэль поэта Пушкина и циничного Дантеса. Всё предельно реально, как наяву.

Одна картина вызвала его непонимание. Она не укладывалась в общую схему, выбивалась из реалистического цикла. На ней было изображено мифическое существо, уступающее дорогу человеку с бакенбардами. Опять же Пушкину. Много других мелких, таящих какую-то тайну, деталей.

— В чём смысл этого рисунка? – спросил Питер.

— Я пыталась нарисовать его в стиле дадаизма, даже сюрреализма, нам мало об этом стиле известно, почти табу. Это сфинкс, пожирающий борцов за человечество, задает Пушкину вопрос: как можно быть идеалистом-романтиком, оставаясь вместе с тем и реалистом? Как можно, глядя на скверну жизни, верить в добро и правду? А Пушкин насмешливо отвечает ему: да можно, и всё! И сфинкс сторонится перед гением.

— Вы тоже верите в это?

— Верю. Но, наверное, у меня этот рисунок не получился, раз он требует разъяснений. Я еще поработаю над ним.

— Но, вообще-то, вы правы, совместив всё это. Нам только кажется, что мы всегда живем в реальном мире. По большей части, процентов на пятьдесят – в вымышленном. Нами самими же... А вот Гамлет и Лаэрт над гробом сестры, — Питер остановился перед другим рисунком. — Вам не кажется, что он бросился на её мертвое тело не как брат, а как обезумевший влюбленный?

— А вы перечитайте его монолог. Не все обращают внимание на то, что Лаэрт любил Офелию не как сестру.

— Вы проницательны. После паузы он спросил: — Скажите мне: что происходит с Россией? В чем, вообще, её тайна?

Подумав, она ответила:

— Россия – грандиозная страна, в её истории переплелись самые разнообразные идеи. Тот же жестокий реализм и романтизм, идеализм. Как на моём рисунке, где грозное чудовище и Пушкин. Путь ее необычайно сложен, не во всем еще разгадан, она всегда в

движении, и мы можем лишь гадать, как сложится ее дальнейшая судьба.

— Хотел бы я заглянуть в то время.

— Я тоже. История России необыкновенно поучительна, она полна великих свершений, взлетов, падений, драматизма. Так думал мой отец, так же думаю и я.

— Часто вы его вспоминаете?

— Часто и начинаю плакать.

— А часто плачете?

— Только когда вспоминаю его.

— Как была его фамилия?

— Трубецкой.

— А вы?

— И я Трубецкая. И после паузы добавила:

— Зима будет холодной.

— Холод – не голод, хотя тоже неприятно.

— Но жизнь налаживается. Так говорит Сталин.

— У кого она налаживается? И кто об этом говорит?

Наталья поняла, что сказала лишнее. Они помолчали, и капитанша стала убирать рисунки обратно в папки с тесемками. Он понял, что разговор окончен, его стало тяготить присутствие здесь. Было неуютно. Он не забывал, что она является офицером НКВД и не мог ей доверять, раскрывать свои мысли. Между ними стояла незримая стена. И хотя порой она казалась ему искренней и простодушной, что-то вызывало в нем тревогу и говорило о ее каверзности. Фурией и ворожеей, или даже Wicked Witch*. Стоуну вообще сложно было кому-то здесь полностью доверять; ведь для немцев он враг, а для русских предатель.

— Я по привычке иногда говорю то, что думаю. Мне самой уже надоело скрывать свои мысли. А с вами немного расслабилась и... Словом, сказала не то... С офицерами НКВД, как вы сами понимаете,

это невозможно. Хотя в глубине души даже Ясин разделяет мои взгляды.

Она вдруг засмеялась, вспомнив что-то.

— У Гончарова в романе есть такая реплика, очень актуальная и сегодня. Обломов обращается к своему слуге: «Слышишь, Захар? Зачем ты позволяешь себе не только думать, но даже говорить?». Вот мы все теперь такие же «слуги». Сравнивая настоящее с давно прошедшим, а я имею на это право, поскольку застала еще тот «кусочек». Но есть два прошлых. Прошрое, которое было и исчезло. И прошлое, которое и сейчас для нас как составная часть настоящего. По крайней мере, для меня.

— Удастся ли нам когда-нибудь еще так пообщаться? – задумчиво спросил Стоун. Скорее себя, чем её. И снова как бы закрылся в себе. Да и она отстранилась. Поняла, что ее рассуждения нарушили некий балласт. Или по стеклянной стене между ними уже пошли трещины, как бывает, когда это стекло готово разбиться?

— Вот, когда будем свободны... — сказала она, провожая его до двери.

— Когда-нибудь, — сказал он ей на прощанье, художественный мир еще признает русскую художницу Наталью...

Она вдруг улыбнулась и добавила:

— Трубецкую.

— А знаете, Натали, госпожа Трубецкая, в чем истинное предназначение художника?

И он медленно продекламировал любимые строчки Киплинга:

— Останься прост, беседуя с царями, останься честен, говоря с толпой!

Поняла ли она, что он хотел сказать? Питер сомневался, с некоторым сожалением посмотрел на неё. Все-таки, дух аристократизма из неё за годы Советской власти выветрился почти полностью. Перед ним стояла красивая, но несчастная женщина. Морщины у глаз, горькая складка на лбу, растерянный и пугливый

взгляд... Плен ограниченности. Никогда она не станет известной художницей со своими любительскими, хоть и неплохими рисунками. Система её уже сломала. Как ломает и калечит всех. Даже не позавидуешь тому, кто её полюбит. Станет таким же несчастным и обреченным. И Стоун поспешил уйти. А по пути в барак, тихо проговорил, завершая строфу Киплинга:

— Будь прям и тверд с врагами и друзьями,
Пусть все, в свой час, считаются с тобой;
Наполни смыслом каждое мгновение,
Часов и дней неумолимый бег,
Тогда весь мир ты примешь во владенье,
Тогда, мой сын, ты будешь Человек!

В своем бараке, укладываясь после отбоя спать, он вспоминал Лондон. Довоенную жизнь в Ричмонде. Думал о Джесси, о Мери, о сыне, о родителях. Ему было хорошо и легко с ними. Но их уже не было. Была только Элен и Стоуну неожиданно стало больно и тоскливо. Вот с кем можно было поговорить по душам. Обо всем, почти. Хотя «плен ограниченности» есть везде. И засыпал Стоун, сжав зубы.

Из письма Питера Стоуна — Элен. Северная Африка, 1 января 1943 года

Дорогая Элен!

Привычка к литературному труду понуждает меня обратиться к самому обычному способу поддержки связи, хотя ни ты, ни я (мы говорили об этом дома), писем писать не любим. Особенно задаваться в них бессмысленными вопросами: как ты поживаешь? – а что у тебя нового? – а здоров ли наш добрый консьерж мистер Смит? – и не завела ли ты себе фокстерьера, с которым обещала встретить меня после североафриканской компании? Хотя все эти вопросы очень актуальны...

Пусть они пока повисят в воздухе над нашей доблестной армией, а я задам их при личной встрече. Когда сумею, наконец, тебя обнять, заглянуть в колдовские глаза, вдохнуть аромат огненных локонов, и... впрочем тебе и так все ясно. О боже, в какое сентиментально-романтическое русло я вошел! Лучше уж о войне. Но о ней тоже нельзя – строгие правила. Цензура на контроле всё вымарает. Поэтому я решил завести дневник, носить его всегда с собой и записывать в блокнот свои впечатления, курьезные случаи, меткие высказывания товарищей, собственные оценки событий и тому подобное. Потом вместе перечитаем. Размышлений, фактического материала так много, что хватит на целую книгу. Документальную, или художественную. Меня всегда привлекала идея выражать мысли письмом, можно заниматься и журналистикой. Возможно, это сокровенная цель моей жизни и в Лондоне я этим именно и займусь.

Но должно пройти время. Всё должно быть выношено и рождено в свой срок. А впрочем, моя мысль не нова. Можно легко увлечься детективным сюжетом, беллетристикой, авантюрно—приключенческими коллизиями, но все эти книги быстротечны. Они мило прочитываются за пару дней, и так же мило и бесповоротно забываются. А настоящий писатель проникает в мозг, сердце, душу и ты вдруг вспоминаешь о его романе спустя год, два, десять лет, и тебе хочется заново открыть книгу и перечитать. Это, по сути, психологический метод воздействия на человека.

Вот был маркиз де Сад. Талантливый писатель. Но совершенно испорченный, гнилой человек. И свои предельно развратные мысли мастерски передавал в прозе. Теперь у него масса поклонников, которые, разок-другой, обратившись к его книгам, высвободили свои запретные чувства из клетки, и щеголяют ими. Целое течение садистов-мазохистов. И в обычной жизни, и в литературе. А виновен во всем – маркиз де Садист. Которого, между прочим, французы с восторгом вытащили из Бастилии, когда рушили её, (а ведь он там

был одним единственным заключенным) и чуть ли не выбрали в революционный Конвент. Однако судьбу не обманешь, и он все равно скверно закончил свой земной путь: сошел с ума, попал в «желтый дом» и пожирал свои экскременты. Как и Ницше, кстати, любимый духовный учитель Гитлера.

Я наметил два главных русла в литературе. Одно из них разрушает душу читателя, несет смрад и мрак, другое – возвышает и развивает её, устремляет вверх. Вот так, любимая Элен. А писательское ремесло иногда сравнимо со спортом, с легкой атлетикой, а еще конкретней – с бегом на короткие, средние и длинные дистанции. Рассказ – это стометровка. Но тут надо выложиться до конца, без остатка. Мощный спурт, рывок к финишу – победная концовка. Повесть – бег с препятствиями, steeple—chase, тут свои «подводные камни». А роман – это марафон. Писатель-спортсмен должен рассчитать свои силы, равномерно распределить их по всей дистанции. Чтобы не сойти с неё от излишней нагрузки. И еще. Он не только бежит, но еще и несет с собой чашу, полную живительной влаги. И обязан не расплескать её по дороге. Чтобы не донести до зрителя-читателя чашу пустой. Вот в чем главная трудность творчества. Сосредоточенность в мыслях, физическая и духовная крепость, неискоренимая жажда победы и... постоянные тренировки.

Глава Девятая

*Документальная хроника – 1945 год**

А тем временем в мире – немного истории на любителя, чтоб легче было понимать прочитанное и то, что предстоит прочесть... Не нравится — можно пропустить и идти дальше.

30 января в Балтийском море советская субмарина С-13 потопила немецкий корабль «Wilhelm Gustloff». Погибли около 9 тысяч человек — крупнейшая морская катастрофа за всю историю.

4 февраля открылась Ялтинская конференция союзных держав при участии главы Советского Союза Иосифа Сталина, президента США Франклина Рузвельта и премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля. На ней разрабатывалась концепция по установлению нового мирового порядка после войны.

9 марта американская авиация бомбила Токио. Погибло более 100 000 жителей. Таким образом американцы мстили за Перл-Харбор и пытались заставить Японию капитулировать.

13, 14 и 15 февраля американская и британская авиация провели крупномасштабную бомбардировку Дрездена. Погибли 25 тысяч человек.

22 марта в Каире подписан пакт о создании Лиги арабских государств.

25 апреля произошла знаменитая «Встреча на Эльбе» — встреча советской и американской армий недалеко от города Торгау.

В ночь с 26 на 27 апреля у озера Комо в Северной Италии партизанами был схвачен и через день расстрелян диктатор Италии, шизофреник, сифилитик, импульсивный психопат и любитель борделей Бенито Муссолини.

30 апреля в Берлине в своем бункере совершил самоубийство преследуемый парафренным синдромом шизофреник, сифилитик, верховный предводитель и герой белой расы, глава нацистской Германии Адольф Гитлер.

1 мая над Рейхстагом водружено Знамя Победы.

2 мая — взятие Берлина советскими войсками.

7 мая – в Реймсе, Франция, в ставке Верховного главнокомандующего объединенными силами союзников генерала Эйзенхауэра был подписан Акт о Капитуляции Германии.

8 мая в пригороде Берлина Карлхорсте в здании военно-инженерного училища в 22 часа 43 минуты, (9 мая в 0:43 по московскому времени) подписан Акт о безоговорочной капитуляции Германии во Второй мировой войне. Было объявлено, что Акт о Капитуляции Германии, подписанный 7 мая в Реймсе, будет считаться предварительным, а Акт, подписанный в Карлхорсте, считается окончательным.

9 мая закончилась Великая Отечественная война.

5 июня — союзные державы подписали Декларацию о взятии на себя верховной власти в Германии правительствами СССР, США, Великобритании и Франции. Страна разделена на 4 зоны оккупации.

16 июля США произвели первое в мире испытание ядерной бомбы «Trinity», что означает «Святая Троица».

17 июля — начала работу Потсдамская конференция.

6 и 9 августа американцы впервые в истории сбросили на японские города Хиросима и Нагасаки атомные бомбы Малыш эквивалентом до 18 килотонн и Толстяк эквивалентом до 21 килотонны. Погибли по разным подсчетам в общей сложности до 240 000 человек.

9 августа Советский Союз начал войну против Японии в Маньчжурии.

15 августа Император Японии Хирохито по радио обратился к нации и объявил о капитуляции Японии.

17 августа Советским авиадесантом на аэродроме Мукден захвачены в плен император Маньчжоу-Го Пу И и его брат Пу Цзе.

2 сентября 1945 года на борту американского линкора "Миссури", министр иностранных дел Японии Мамору Сигемицу, как представитель императора и японского правительства, и начальник генерального штаба генерал Йосидзиро Умедзу, подписали "Акт о безоговорочной капитуляции Японии". От имени всех союзных держав, находившихся в состоянии войны с Японией,

Акт подписал генерал Дуглас Макартур (США); от имени отдельных стран — адмирал Честер Нимиц (США), генерал-лейтенант Кузьма Деревянко (СССР), генерал Су Юнчан (Китай), адмирал Брюс Фрейзер (Великобритания). Подписи от имени своих стран также поставили представители Канады, Франции, Австралии, Новой Зеландии, Нидерландов.

А пока шли боевые действия...

20 января Франклин Рузвельт вступил в должность президента США на 4-й срок, а 12 апреля он скончался, и новым президентом стал Гарри Трумэн.

18 сентября Объединенный комитет начальников штабов армии США принял директиву под номером 1496/2 «Основы формирования военной политики», которая определила СССР как главного противника и утвердила концепцию превентивного удара.

15 октября расстрелян бывший премьер-министр Вышинского правительства Франции Пьер Лаваль, обвинённый в государственной измене.

24 октября вступил в силу Устав ООН.

20 ноября начался Нюрнбергский процесс – Международный военный трибунал над руководителями гитлеровской Германии.

14 декабря Объединённый комитет военного планирования США издал директиву, в которой делал вывод, что единственное эффективное оружие против СССР — атомные бомбардировки. Предлагалось в случае конфликта сбросить 196 атомных бомб на 20 городов СССР.

5 декабря 1945 года пять торпедоносцев ВВС США «Avenger» вылетели в обычный полёт над океаном в районе Бермудского треугольника. С тех пор больше о судьбе пилотов никто ничего не слышал. Этот случай вошел в Энциклопедию аномальных явлений из 100 великих авиакатастроф.

По версии журнала Time человеком года назван президент США Гарри Трумэн.

Филиал Красногорского лагеря в Москве, 17 декабря 1945 года, утро

Колокол отзвенел, военнопленные на утренней проверке вытянулись в строй, вороны на ветвях деревьев прекратили каркать. После переклички стали расходиться по своим баракам для уборки помещений и личных процедур. Стоуна приостановил старший лейтенант Коренев.

— Пойдемте со мной, — сказал он. — Здесь не далеко. От строительных работ вы сегодня освобождены.

Питер насторожился. Что они еще придумали?

— Мне нужно время, чтобы собраться, — Сказал Стоун.

— Через пятнадцать минут подойдите к выходу, я жду вас у ворот.

Коренев провел его через пропускной пункт, миновали шлагбаум, за которым на обочине дороги стояла черная машина. А возле неё – оба знакомых полковника в штатском. Они поздоровались.

— Поедем, прокатимся, — предложил Сергеев, распахивая дверцу.

— Куда?

— Покажем вам кое-какие достопримечательности, — ответил Алексеев, отпуская Коренева восвояси.

В новеньком ЗИС—110 находился только шофер, тоже в штатском. Они втроем уселись на заднее сиденье, а Сергеев поднял разделяющее их с водителем стекло. И опять Стоун оказался посреди них.

— Собираетесь вывезти за город и пристрелить за попытку бегства? — с усмешкой спросил он у полковников.

— Конечно, вот только оденем вас, как принято в подобных случаях. Вы будете первым покойником, которому позволено лично

выбирать себе наряд для прогулок по загробной жизни, сказал с иронией Сергеев. – И потому мы едем в магазин готовой одежды.

И действительно, они приехали куда-то в центр Москвы в специальный магазин-распределитель больше похожий на склад, в котором почти не было людей.

– Вам надо переодеться, тихо сказал полковник Алексеев, — вы вольны выбирать все, что считаете правильным и соответствующим сезону и вашему вкусу.

— Неприлично являться сэру Стоуну в гости к высоким персонам в таком будничном наряде. Не по церемониалу будет, — добавил Сергеев.

Обнову Питер выбирал тщательно и со вкусом. Конечно, лучше, если бы костюм сшили на заказ, по всем правилам сняв мерку, как он привык в Лондоне у своего портного Джозефа Хаита, но сейчас приходилось довольствоваться тем, что дают и позволяют.

Стоун, особо привередливый в вопросе, всегда тщательно выбиравший одежду, остановился на двубортном шерстяном костюме тёмно-серого цвета полуприлегающей классической формы. Еще на широких брюках со складками у талии и манжетами внизу, галстуком с симметричным рисунком, светло-голубой рубашкой, коричневой велюровой шляпе с полями, а также удобном, хотя и тяжелом пальто из толстого драпа с большими вместительными карманами. Из белья выбрал по две пары белых маек, сатиновых семейных трусов, белых кальсон и подтяжки для носков. Получил новые ботинки на рифленой каучуковой подошве. Очень прочные. Взял также короткую спортивную куртку на молнии и запасные парусиновые брюки. Затем его повели в цирюльню.

— Я готов! – сказал он, наконец, выходя из парикмахерской, где его у входа дожидались полковники.

— Совсем другой вид! – похвалил Петр Алексеевич.

— Император останется доволен, — согласился Сергей Петрович. — Поедем сразу к нему. Чего нам размениваться на всяких графов и княгинь?

— Едем! — коротко отозвался Сергеев. — Можете курить, мистер Стоун.

— Спасибо, не хочу. Думаю, вообще бросать.

— Ваша одежда будет храниться на интендантском складе. Там же будете переодеваться каждый раз при необходимости.

Последняя фраза полковника Сергеева насчет того, что теперь его гражданская одежда для дальнейших «экскурсий» будет храниться в хозблоке у Натальи Павловны, немного удивила и обрадовала Питера. Еще одна возможность разбавить сутолоку лагерной жизни и пообщаться с капитаншей, хотя с последней встречи у него остался некий осадок. Всё же лучше, чем с военнопленными...

— Насколько я понимаю, вы еще не приняли окончательного решения? — задал вопрос Алексеев.

— Пока нет.

— А к какому варианту склоняетесь? К первому или второму?

— Я как в притче про Буриданова осла*. Который остался посередине, усмехнулся Стоун.

— Но плохо кончил. Умер от голода, если не ошибаюсь, — сказал Сергеев без тени улыбки.

— Это уже вилка Мортон**.

Оба полковника одновременно посмотрели на Питера...

— Дилемма, в которой две одинаково неприятные ситуации... вроде альтернатива, но ее нет. Падаль или мертвечина. Стервятник или гриф.

— Есть и третий вариант, — произнес Алексеев.

— Какой же?

— Вы остаетесь в Советском Союзе и работаете здесь. Не в разведке, в науке, чем бы вы хотели заниматься в жизни! У вас

обширные знания в новой науке, в психолингвистике. Такие люди нам нужны.

— Вы это серьезно? – вновь несколько удивился Питер. Такого поворота он не ожидал.

— Конечно.

«Что ж, — подумал Питер. – По крайней мере, у Буриданова осла было только два выбора – налево или направо? У меня – три. Повышаюсь до мула. А там и до кенгуру не долго. А они прыгучие».

— Меня всегда привлекало исключительно языкознание, — ответил он. – И всё, что с ним связано.

— Расскажите о ваших любимых темах поподробнее, путь долгий, а нам тоже интересно.

И Стоун прочел полковникам целую лекцию, оседлав своего «конька». Он рассказывал о древних письменах, о шумерских табличках, о санскрите, древнееврейском языке и многом другом. Это не представляло никакого секрета. Оксфорд дает основательные знания. А в заключение сказал:

— Причастность к индоевропейской группе считается привлекательным и авторитетным, а для многих служит основанием для националистических идей превосходства и избранности. Почему представители некоторых народов с богатой историей хотят попасть именно в этот культурный индоевропейский этноним, «прописаться» в нем, словно это сулит какие-то преференции и преимущества? Может ли языкознание и этнология помочь дать ответы на эти вопросы в идеологическом и политическом ракурсе? А ответ содержится в разделе лингвистики, изучающем связь языка и мышления. Есть еще и такая область, как шифрование текстов. Например, так называемая, «пороссячья латынь», которая к латыни не имеет отношения, и на самом деле является зашифрованным английским языком. Это любопытно, как некий курьез.

— Да вам, мистер Стоун, можно еще и шифровальщиком работать, — рассмеялся Сергеев.

— Вот видите, какой вы ценный человек, — добавил Алексеев.
— Мы в вас нисколько не ошиблись.

— А вот еще из области курьезов, — шутиливо продолжил Стоун. Он решил немного поиздеваться над полковниками. — Как версия. Связана она с болтливостью женщин. У вас, кажется, есть такое выражение: болтун – находка для шпионов? Некоторые исследователи считают, что для плодотворного развития языка необходимо главное психологическое условие – именно болтливость. То есть желание и потребность немедленно сообщить новость другим людям, не держать её при себе. И не только то, что они сами видели и узнали, а также и то, что выдумали. На заре человечества это было вполне реально: страхов много, ответов мало, эмоции зашкаливают и есть высокая потребность в том, чтобы быстро и много рассказать за короткое время. Видимо тогда появилась необходимость сокращать слова, имеющие лишь косвенное значение. Таким образом, и шло развитие письменности. И поскольку болтливостью, в первую очередь, обладают женщины, то им и принадлежит основная роль в создании и развитии изначальных языков.

Полковники посмеялись.

— Мужчина ведь большую часть увиденного и услышанного только принимает к собственному сведению, женщина же торопится сообщить всем другим — мужу, детям, подругам, соседкам, — продолжил Стоун, втайне насмехаясь над собеседниками. — Создание художественного текста требует от автора долгого, а порой и полного одиночества, уединения. В окружении людей написать повесть или поэму чрезвычайно затруднительно. Если это только не макулатура. Вот почему подавляющее большинство великих, да и просто средних прозаиков и поэтов – мужчины. Талантливых женщин-писательниц во всем мире можно пересчитать по пальцам. Возьмите литературный справочник любой страны – и вы увидите, что на сто мужских

произведений едва ли найдется десяток женских. А если пофантазировать и подсчитать во всем мире число всех слов, произнесенных за день, то картина складывается обратная. На сто женских слов едва ли прозвучит хоть десять мужских. Но давайте, всё же, говорить серьезно. Если вам действительно интересно.

— Давайте. Нам интересно всё, что с вами связано.

Теперь оба полковника молчали, не перебивали его, а Питер посматривал в окно и гадал: куда же они едут? И одновременно говорил, поскольку всё это было им давно изучено и осмыслено.

— Человеческий мозг постоянно генерирует всякие вспомогательные слова и выражения на все случаи жизни и для любой ситуации. И он устроен таким образом, что воспринимает один язык, как главенствующий, а все остальные, как побочные. А так как во главе всего стоит родной язык, он и является абсолютным монархом в голове человека. Это к тому, что язык лежит в основе мышления, и для того, чтобы уничтожить народ — нужно уничтожить или исказить его язык. Гитлер чувствовал это интуитивно, и следующим шагом в порабождённой Европе стал бы запрет на общение на родном языке, запрет на культурное наследие и прочее. Многое из этого, как стало известно, стало превращаться в жизнь, и еще больше мы узнаем в скором времени.

— Тут вы абсолютно правы, — кивнул Сергеев.

А Питер уже начинал подозревать, что они оба засыпают. И даже обрадовался. А через минуту спросил:

— ... А не долго ли мы едем?

— Продолжайте, не волнуйтесь, — успокоил его Алексеев. — К концу эволюции успеем.

Тут Стоун увидел в окно автомобиля знакомые очертания Красногорского лагеря для военнопленных.

— Хотим вас познакомить кое с кем, с забавными персонажами, — сообщил Алексеев.

Вспоминает и рассказывает Питер Стоун — поток сознания

... Моя служба в Северной Африке пополнялась не только военными походами, но порой и приключениями, больше похожими на рассказы из сатирического сборника. В них было много забавного и смешного, несмотря на каждодневную опасность и смертельный риск. Я вел дневник, и, когда выпадало свободное время, записывал всё подробно. Вот несколько эпизодов, которые происходили со мной или с моими соотечественниками. Многие из них теперь известны и как бы вошли в сборник «классических анекдотов об африканской компании».

Однажды в пустыне между Триполи и Бенгази состоялась целая баталия с участием джипов и бронетехники. Во время очередного объезда территорий мы неожиданно столкнулись на берегу с немецким подразделением из трех машин. Мы разминулись на узком участке дороги и, поднимая клубы дыма и пыли, промчались рядом друг с другом. Я дал приказ моментально развернуться и вскрикнул: "Это же немцы! На таран!".

Далее произошло следующее. Мы резко поднялись на дюну, развернулись и устремились на врага, поливая огнем из автоматов и пулеметов. Немцы поступили похожим образом. Результат был ошеломляющим для обеих сторон: мы понеслись друг на друга в лобовую атаку, не переставая стрелять. В последнюю секунду у водителей хватило ума уйти в сторону и избежать лобового столкновения. Только поднявшись вновь на вершину песчаного холма, мы поняли, что никто из нас не ранен и даже не получил царапины. Немцы, кажется, тоже были невредимы. Решив, что не стоит подвергать судьбу повторному испытанию, я отдал приказ возвращаться в часть. Возвращались мы с чувством исполненного

долга и смеялись, не веря в произошедшее: смех на войне – дело привычное и необходимое.

... А вот как относились наши противники к местному населению. Итальянского маршала Родольфо Грациани соотечественники называли «палач» или "убийца туземцев". Дело в том, что вояка отдавал приказ брать в плен вождей непокорённых племен, связывать им руки и сбрасывать с самолетов, пролетая на небольшой высоте над станом мятежников. Итальянцы сгоняли их с плодородных земель вдоль побережья, лишали источников водоснабжения и вытесняли в пустыню. Понятно, что бедуины, арабы, туареги и все прочие кочевники их ненавидели и при возможности оказывали нам бесценную помощь...

... Вспоминается и такой случай, который вошел в историю. В июне 1942 года генерал Бучер, командир индийской бригады, попал в окружение в районе Аслага, сбежал с двумя индийцами, но попал в узкое кольцо солдат Вермахта. Они приняли судьбоносное решение — решили переждать и засыпали себя песком, используя для дыхания камышовые тростинки. Через некоторое время немецкий солдат увидел торчащий из песка башмак и решил взять трофей себе. Каково же было его изумление, когда он обнаружил зарытого в песок, но живого британского генерала! Излишне упоминать, что все трое были взяты в плен.

... Когда немцы захватили Тобрук, к ним в плен попали более двадцати пяти тысяч человек. Неожиданно от группы белых офицеров Южно-Африканского Союза немецкому командованию поступило требование поместить их в особый лагерь военнопленных, отдельно от цветных. Роммель категорично отверг это требование, ответив, что чёрные – такие же солдаты своей страны. «Если они достаточно хороши, чтобы носить форму и сражаться рядом с белыми, они и в плену будут пользоваться равными правами». Справедливо. Мой респект Роммелю. И я

впервые задумался: кажется союзники больше ненавидят друг друга, чем немцев и итальянцев.

... А напоследок еще одна мрачная шутка. Тоже широко известная. О трофеях. После битв в Северной Африке мёртвые немцы снабжали нас табаком, шоколадом и консервами с сосисками. А мои павшие сослуживцы поставляли им сигареты, джем и сладости. А вот самой большой удачей считались итальянские враги по оружию, настоящий джек-пот! Они «поставляли» нам настоящие деликатесы: консервированные вишни и персики, сигары, вино "Кьянти" и "Фраскати", газированную воду "Пеллегрино" и даже легкое сладкое шампанское. Приятные трофеи! Кошунственно!? Да, но это война.

Но главное, мы все ощущали, что конец Вермахта близок... Думаю, если бы не приказ Гитлера отозвать Роммеля из Африки, то он был бы переброшен на восточный фронт и разделил бы судьбу Паулюса вместе со своими солдатами в советском плену. Скажу больше: чтобы сдаться в плен вместе со своей армией, требуется куда больше мужества, чем просто пустить себе пулю в лоб...

Филиал Красногорского лагеря в Москве, 17 декабря 1945 года, день*

Машина ЗИС-110 оставила в стороне лагерь и направилась к окраине Красногорска, где размещались охраняемые домики-коттеджи элитных пленников из Первого привилегированного отделения лагеря. Стоун был очень удивлен, что Алексеев, оказывается, несколько не шутил, когда бросил фразу об императоре. Представленный ему пленник и был последним марионеточным правителем Китая Пу И ... Здесь надо сделать одно лирическое отступление.

Император Пу И был в первой партии военнопленных Маньчжоу-Го и Японии, прибывших в Советский Союз. Стоит отметить, что 23 августа 1945 г. Государственный комитет обороны Советского Союза принял специальный секретный приказ № 9896, по которому все японские военнопленные, захваченные Красной Армией в Корее и Маньчжурии, подлежали отправке в Советский Союз. По другому распоряжению, подписанному лично Л.П. Берией, эти военнопленные распределялись на различные народно-хозяйственные стройки Сибири и советского Дальнего Востока: строительство Байкало-Амурской магистрали, заготовку леса, на предприятия горнодобывающей и угольной промышленности и т.д. В российском плену оказалось почти 640 тысяч японских военнослужащих. Среди военнопленных были выявлены 693 японских разведчика. Еще 142 японца были арестованы позже после расшифровки захваченных в Маньчжоу-Го архивов разведки.

Последний император Китая в советском плену очень боялся, что его передадут для суда в Китай как военного преступника и там он будет расстрелян. Он делал всё возможное, чтобы остаться в СССР, и делал он это, как выяснилось позднее, с определенным умыслом. Пу И надеялся на возможность через какое-то время в дальнейшем перебраться в Англию или Америку и стать иммигрантом, учитывая, что эти страны являлись союзниками во Второй мировой войне. Жить там он надеялся на те драгоценности и украшения, которые ему удалось переправить за границу и увезти с собой; этого вполне хватило бы, по его расчетам, до конца жизни.

Если вариант с эмиграцией на Запад не удастся, то он был согласен остаться в СССР, хотя многие из его окружения хотели вернуться домой в Китай. Пока же ему надо было закрепиться в Советском Союзе. «В течение пяти лет моего пребывания в СССР, кроме устных просьб, — вспоминал он позднее, — я трижды обращался к властям с письменными заявлениями, спрашивая разрешение остаться здесь навсегда». Это наглядно

подтверждается теми рассекреченными документами «особой папки» Центрального архива КГБ, относящимися к пребыванию китайского императора Пу И в советских лагерях.

Для этих целей он направил несколько писем Сталину. В письме от 22 ноября 1945 г. он писал: «В течение более десяти лет я находился под тяжелым гнетом и строгим контролем японцев, в силу чего не имел никакой возможности получить научные знания. Я выражаю горячее желание изучить социализм в Советском Союзе и другие науки». Через четыре дня спустя после встречи с Питером Стоуном, 21 декабря 1945 года, он отправил Сталину другое письмо. «... Очутившись у власти, впоследствии переименованной в императорскую, — писал Пу И, — я неоднократно пытался вести политическую борьбу с японцами, однако мои усилия оказались тщетными. Японцы стали в еще большей степени проявлять разнузданность и зверства... Подводя итоги прошлому, должен отметить, что я не смог сбросить с себя японский гнет и это является для меня позорным пятном».

Он вновь благодарил Советское правительство за то, что оно приютило его и не расстреляло. Просил оставить его в стране — это даст возможность Пу И лучше познакомиться со строительством социализма в СССР, получить дополнительные научные знания, которых ему так не хватает. В это время он организовал кружок из четырех человек по «изучению марксизма-ленинизма», куда привлек своего младшего брата Пу Цзе и других родственников.

В этом кружке они занимались ежедневно по одному часу утром и вечером. Утром они изучали «Краткий курс ВКП (б)» на китайском языке, затем «Вопросы ленинизма», а вечером изучали газету «Ши хуа бао» («Голос правды»), издававшуюся Советской Армией в Порт-Артуре. Из газеты и сообщений советских переводчиков арестованные узнавали о военных событиях в Китае. «Я мало обращал на это внимание, — вспоминал Пу И позднее, — ибо считал, что, кто бы там не победил, у меня все равно потребуют

жизнь. Единственным моим желанием было никогда не возвращаться на родину».

Видимо, чтобы показать, что он хочет перевоспитываться и уже почти перевоспитался он стал просить, чтобы его приняли в партию. Когда на свое предложение он получил отрицательный ответ – он не мог понять почему. Он спрашивал человека из НКВД, работавшего с ним: «Разве в ВКП (б) есть хоть один император? — Когда он получил ответ, что нет, Пу И вновь заявил, что «он очень сожалеет об этом, пусть он будет первым императором, кто вступит в ВКП (б)».

Несмотря на такие заявления в компартию его так и не приняли. 21 апреля 1946 г. Пу И направил следующее письмо И.Сталину: «Моя жизнь полностью дарована мне Советским Союзом. Поэтому категорически, в абсолютном смысле этого слова, невозможно передать ни на бумаге, ни на словах той благодарности, которую я испытываю к Правительству Советского Союза и к Красной Армии. В силу этой причины я решил во что бы то ни стало поселиться в пределах Советского государства и посвятить себя изучению последних достижений науки... Я буду работать не покладая рук, при наличии единой жизни меня и СССР, с тем чтобы отблагодарить СССР за такое благодеяние, как спасение моей жизни».

В это время готовился международный трибунал в Токио и возникла идея подготовить китайского императора к выступлению на заседаниях этого трибунала в качестве одного из главных обвинителей японского империализма. На предварительном следствии в Хабаровске он показал, что Япония своим вторжением в Маньчжурию преследовала цель политического, экономического и религиозного порабощения Маньчжурии и подготовки плацдарма военного нападения на СССР.

Судя по всему, Пу И хорошо подготовили к процессу в Токио во всех отношениях. Перед вылетом ему принесли восемь костюмов, из которых он выбрал костюм темно-синего цвета, белую рубашку,

узкий галстук и начищенные до блеска ботинки. 9 августа 1946 года Пу И был доставлен в Токио.

Но это произошло позже, а пока перед Питером Стоуном за большим круглым столом, уставленным фруктами, сидел еще достаточно молодой человек лет сорока, с растерянными пугливыми глазами, одетый в темно-синий костюм, белую рубашку и отполированных туфлях. Разговаривали все четверо на английском языке.

— Разрешите представить вам нашего нового друга, сэра Питера Стоуна, — сказал полковник Сергеев.

— Как вы себя чувствуете, Айсиньгёро Пу И? – вежливо поинтересовался Алексеев.

— Спасибо, хорошо. Много вам благодарен. Вы — англичанин? – обратился император к Питеру.

— Да.

— Тогда называйте меня Генри. Так звал меня для простоты общения мой учитель-шотландец. Давно я не видел европейцев. А Айсинь Гиоро – это клановое имя маньчжурской династии. Пусть оно там и останется. Я ведь теперь обычный гражданин, и очень рад этому. Не поверите, как рад. Ужасно ненавижу все эти церемонии. Можно я стану называть вас Питер?

— Конечно.

— У вас много имен, — напомнил Сергеев. – Еще и Кандэ — «Цветущая мораль». И Сюньди. А, кроме того, еще и генералиссимус.

— Ну, какой я военачальник! Ни разу ни в кого не стрелял, – попытался рассмеяться тот, но у него это плохо вышло. – Сюньди – это «отрекшийся император». Я отрекся от всего, что было. И я к этому больше, слава богу, не имею никакого отношения. Всегда об этом мечтал. Теперь я для всех просто Пу И, или Генри – для европейцев.

Когда с происхождениями и именами было покончено, Пу И задал полковникам вопрос, который интересовал его больше всего:

— Вы передали Верховному главнокомандующему товарищу Сталину мою нижайшую просьбу оставить меня в Советском Союзе?

— Ваш просьба рассматривается, — уклончиво отозвался Петр Алексеевич. — Не волнуйтесь.

«Тот же метод и с ним, — подумал Питер. — Тактика выжидания. Пока не сломается. Хотя, что «ломать» эту бамбуковую тростинку? Он и так подавлен и уже готов практически на всё».

— Вы знаете, — обратился император к Питеру, — какое огромное неизгладимое впечатление произвели на меня труды Маркса и Ленина? Я познакомился с ними только тут, в тюремной библиотеке. Вы понимаете, тюремная библиотека сделала меня свободным человеком. Это поразительно. Они полностью изменили мое мировоззрение. Я уже говорил об этом моим друзьям, — и он заискивающе посмотрел на полковников. Потом добавил: — А вы подчеркнули это товарищу Сталину?

Пришлось отвечать улыбающемуся полковнику Сергееву:

— Мы «подчеркнули» это тем, кто передает ваши письма Иосифу Виссарионовичу, а уже они «подчеркивают» всё, что необходимо.

— А выводы и главное «подчеркивание» сделает сам товарищ Председатель, — добавил в утешение полковник Алексеев.

Разговор не клеился. Несчастливого императора волновало только одно: собственная судьба, избежит ли он расстрела? Здесь ещё быть может, а вот в народном Китае...

— Больше всего на свете я сейчас желаю и дальше изучать социализм в Советском Союзе, — произнес вдруг царственный пленник. — А вы чем занимаетесь, Питер?

— Лингвистикой, Генри.

— Это хорошо. А вот мне бы еще хотелось трудиться над разведением цветов, растений. Стать настоящим ботаником, одним словом. Как думаете, выйдет из меня садовод?

— Вполне возможно, в Британии этим занимаются многие.

— Но я всегда пытался вести политическую борьбу с японцами, под тяжким гнетом которых находился.

Последняя фраза была больше адресована полковникам.

— Только у вас это плохо получалось, — отозвался Сергеев.

— Это оголтелые звери, — продолжал тот. — Убийцы и насильники. Какое счастье, что меня освободил от них Советский Союз! И нет таких слов, какие я испытываю к Советскому Правительству и Красной Армии.

— Тогда и не говорите, — согласился Питер. — Если нет.

— Скажу по секрету: я хочу быть первым императором в мировой истории, который вступит в компартию. Как вы считаете, меня примут? Достоин я столь высокого звания? Оно ведь гораздо выше, чем правитель Маньчжурии.

— Боюсь, что я недостаточно хорошо знаю историю ваших отношений с японцами, нынешним правительством вашей страны и Советского Союза.

Стоун давно понял, что разговаривать больше не о чем. Все темы вертелись вокруг одного и того же. Поняли это и полковники. Но ведь они хотели только произвести первое предварительное знакомство с элитными пленниками Красногорского лагеря, а дальше встречи с ними пойдут чаще. Впереди их будет еще много.

— Нам пора, — поднялся со стула Петр Алексеевич. — Да и вам, ваше высочество, надо отдохнуть. Бледны что-то.

За ним встали и остальные. Провожая их до выхода, император часто кланялся и долго тряс всем руки, а Стоуну повторял пустые слова:

— Как я рад, бесконечно рад, что познакомился с вами!

— Я тоже, Генри, — вежливо отвечал Питер. А что еще сказать этому несчастному, сломленному и смертельно напуганному человечку?

Филиал Красногорского лагеря в Москве, 21 декабря 1945 года, вечер

За пять дней встреч в элитном отделении лагеря было предостаточно. Даже чересчур много. Носили они ознакомительный характер. Но общий смысл их оставался для Питера не ясным. «В чем цель полковников? – думал он, возвращаясь в лимузине в свой привычный лагерь в Москве. — Только ли познакомить меня с императором Пу И, а потом со всей этой элитной публикой из числа военнопленных, или нечто иное? Чтобы я как-то повлиял на них своим видом? Выдать меня за свою «козырную карту» или за джокера? Важную особу или придворного шута? Но они и так производят впечатление проигравшихся игроков, падших духом, деморализованных. Или, напротив, придать им каких-то нравственных сил? Что толку гадать... Будущее покажет».

Сергеев и Алексеев сидели рядом с ним и практически молчали всю дорогу. Наговорились все сегодня за весь день досыта. После позднего завтрака с китайским императором была еще прогулка с фельдмаршалом Паулюсом. Потом обед с большим семейством польской княгини Анны Радзивилл, а попутно и кормление её не менее многочисленных собачек. Далее шли чопорные беседы с чванливыми князьями Браницким и Красницким. Чаепитие в крытой утепленной беседке с графом Генрихом Айзинделем, на котором присутствовал и Гарольд фон Болен унд Гальбах. Визиты к генералам Винценту Мюллеру и Кейскаку Мураками. Пустословие с еще одним гонористым польским князьком – Замойским. А в заключение легкий ужин опять же с фельдмаршалом Паулюсом.

Еще какие-то случайные встречи и знакомства в парке. Всего даже не запомнишь. Высшие немецкие офицеры, их союзники в войне, политические деятели. Но все свидания носили краткосрочный, временный характер. Обмен репликами, ничего не значащие фразы, тягостное молчание, переход «на погоду», многозначительные взгляды, вздохи и ахи, поклон и – до свидания! Продолжение – следует, как понял Стоун. Однако впечатлений было много. Он даже подумал о том, что следует все это записать, когда придет долгожданное освобождение и он вернется в Лондон. Может быть, пригодится... Для истории.

Машина подъехала к лагерному шлагбауму. Полковники вместе со Стоуном прошли мимо пропускного пункта на территорию зоны.

— Ну как вам, Питер, понравилась новая экскурсия? – спросил Петр Алексеевич. – Какие типажи!

— Интересные «достопримечательности», — согласился Стоун.

— Переоденетесь вы, как всегда, в хозблоке, — сказал Сергей Петрович. – Потом вам надо как следует выспаться. Нам тоже не мешало бы отдохнуть.

— А завтра продолжим, — добавил Сергеев. – Вы не против?

Стоун молча кивнул головой. А что ему еще оставалось? Уж лучше встречаться с аристократами, чем месить цемент.

— Вот и ладно.

На том и расстались. Под удивленными взглядами подметавших двор заключенных, Питер направился к хозблоку. Лишь услышал за спиной злобный шепот Фридриха Рёске. Но что тот мог придумать нового, кроме своих излюбленных «свиней»? А Наташа, разбиравшая ворох свежего лагерного белья, была вновь приятно поражена произошедшей с ним метаморфозой не менее чем все остальные. В этом цивильном костюме он выглядел лондонским денди. Да, в сущности, таковым и был всю свою прежнюю довоенную жизнь.

— Еще после первого вашего переодевания хотела вам сказать, как вам идет гражданская одежда, — произнесла она.

— Спасибо.

— И эта шляпа, и галстук...

Разговаривать больше, казалось, не о чем. Он несколько чувствовал её, ждал, когда она выйдет, чтобы мог спокойно переодеться в свою лагерную одежду. Она всё медлила.

— Простите, вы что-то хотите мне сказать? – спросил он.

— Нет. Впрочем... Сегодня я была в кабинете у полковника Ясина, когда туда пришел майор Волков с вашим делом. Случайно увидела, что на папке нет номера. Вернее, он есть – ноль. Заключенный под номером «ноль». Я очень удивилась. У всех номера, как номера, а у вас ноль! – Капитан интендантской службы остановилась...

— Понимаю... — Питер усмехнулся. — Я вроде есть, но меня нет. Я вроде человек, но вместе с тем, я — призрак. Вроде живой, но дух, не имеющий физического воплощения.

Наталья Павловна потупила взгляд, но через некоторое время добавила:

— Потом они стали обсуждать вашу судьбу, а меня попросили удалиться. Не знаю, что там решается..., может быть, вас ждет освобождение.

— Как говорят ваши фаталисты? Поживем – увидим? Не расстраивайтесь, госпожа Трубецкая. Я уже был однажды нулевым, правда, не заключенным, а пациентом госпиталя. Теперь вот — «нулевой заключенный, или интернированный! А на самом деле, пациент филиала красногорского лагеря для военнопленных №27.

— Крепитесь, Питер. Всё будет хорошо.

— Не сомневаюсь, госпожа Трубецкая.

Она наконец—то вышла, и он стал переодеваться.

Вспоминает и рассказывает Питер Стоун — поток сознания

Здесь мне хотелось бы повиниться за англичан перед евреями. В Триполитании во время войны и после её окончания мы вели себя как варвары, по принципу «После меня – потоп». Выжимали из земли всё, не беспокоясь о том, что после нас она может превратиться в безжизненное пространство, что ещё кому-то придется пользоваться этой землёй и её ресурсами.

В ноябре 1945 года, сразу после того, как американцы попросили нас, англичан, позволить ста тысячам евреев переселиться в Палестину, в Триполи моментально вспыхнули волнения, переросшие в беспорядки. Последовавшие следом бесчинства и погромы перебрались почти одновременно на прибрежные города всего севера Африки. Кровавые драмы на улицах Триполи стали отголоском далеких событий 1933 года, а кульминацией вседозволенности и возвращением в варварство стала Эвианская конференция 1938 года. Тогда страны Западной Европы вместе с США, странами Содружества и некоторыми государствами Латинской Америки при участии генерального комиссара Лиги наций по делам беженцев, встретились, чтобы обсудить нависшую над евреями Европы угрозу уничтожения. В течении одиннадцати дней все участники ели, пили, говорили пышные и пафосные речи, общались, и после всего пошли дружно умывать руки. Единственной страной, проявившей понимание, стала Доминиканская республика, она даже согласилась выделить необходимые земли для принятия еврейских беженцев. Но до берегов приветливой страны надо было еще доплыть.

Однако, вернемся к Ливии. Практически синхронно по всему побережью Триполитании арабы начали резню евреев. Убийства, грабежи, поджоги и насилия продолжались трое суток и не смолкали

ни на минуту. В этом безумии было убито более 140 человек, сотни были ранены. Дома, магазины, синагоги были разграблены и сожжены. Нормальная жизнь города была парализована. Пекарни не выпекали хлеб, магазины не продавали продукты, транспорт не выезжал, ощущалась острая нехватка питьевой воды. Всё было парализовано. Повсюду царили отчаяние, смятение, ненависть. Боязнь того, что вакханалия перекинется и на итальянские кварталы, была высока.

А ведь ливийские города были под контролем англичан и наши части были дислоцированы вдоль всего побережья. Но именно в эти три дня на улицах Триполи, как и в других местах не появился ни один английский военнослужащий. И мне теперь стыдно за Британию. Весь гарнизон, бронемашин и вся прочая техника оставались на территории воинских частей и казарм. И это было только началом — убийства евреев в Триполитании отголоском пронесли по всему Ближнему Востоку. Обо всем этом я узнал уже после войны, в советском лагере для военнопленных. Рассказал Хендрикс. И подтвердили полковники Алексеев и Сергеев. Это было правдой, я потом проверял и перепроверял.

Мое сознание не воспринимало, я не мог понять, как были допущены эти Варфоломеевские ночи, где за несколько лет до этого я воевал с нацистами. Арабы и тогда нам мало помогали, пытались усидеть на всех стульях одновременно и поочередно. А своей резней они теперь очень уж напоминали зверства нацистов на оккупированных территориях, в городах, где жили евреи, цыгане, славяне и другие. Потом, как выяснилось, никто не мог рассказать, с чего начались погромы, что послужило причиной, какова была цель, хотя было понятно, что арабы выплеснули наружу свое униженное положение и отыгрались на евреях – низменные инстинкты и жажда наживы при этом сыграли не последнюю роль. Никто этого не предвидел, кроме нас, англичан, и мы дали возможность этим варварским событиям и позору свободно развиваться. А ведь евреи

жили здесь со времен Римской империи, за семь столетий до арабов, вместе с финикийцами строили города, развивали ремесла и торговлю, сельское хозяйство. Всё началось неожиданно, как до этого погромы происходили в царской России. Также случайно они начались и в других городах, ведь случайно эти огромные территории находились под нашим контролем. А потом также случайно правительство Великобритании пыталось убедить американцев, что евреям не место среди арабов.

Красногорский лагерь военнопленных, 23 декабря 1945 года, банный день

Здесь уже построили вместо хилого душа настоящую русскую баню с парилкой и кирпичной печью с дымовой трубой. Непременный атрибут России, ассоциирующийся у иностранцев наравне с морозами, медведями, водкой и квасом. Воздух на верхних полках прогревался почти до семидесяти градусов. Главный секрет бани с легким паром заключался в том, как пояснили Питеру знающие люди, что тот, кто парит, вениками направляет потоки горячего воздуха сверху вниз тем, кого парят. А те, кого парят, получают удовольствие от комфортных условий и может позволить себе расслабиться и ни о чем не думать. Такие умельцы нашлись и среди военнопленных. Быстро овладел этой несложной наукой и Ганс Шнитке.

— Интенсивное потение, — говорил он, орудуя веником, — раскрывает поры и позволяет телу дышать, а когда тело дышит, то душа поёт. А когда душа поёт, то надо пить водку, но лучше шнапс. Этим традиционная русская баня отличается от всех других бань. Турецких, римских, финских и прочих. Обволакивающий горячий воздух способствует потению, очищению и обновлению всего организма. Баня для русского – это больше, чем купание! Она

очищает и оздоравливает одновременно. Пока существует русский народ, до тех пор будет существовать и баня.

— Оставайся в России навсегда, банщиком, — отвечал Кох.

— Никогда! Я не могу больше без жены и детей.

Питер всё это слышал, но не реагировал. Мысли его были заняты предстоящим турниром — он гадал, с кем из военнопленных ему придется сойтись по дороге к финалу с Мельниченко в боксерском турнире? Может быть с Кохом? Хоть и староват, но боксирует не плохо. Или с этим Рёске? Накануне майор Волков, скрепя сердцем, дал согласие на участие бывшего артиллериста в турнире и допустил к тренировкам. Другие соперники среди военнопленных ему не виделись. Ну а то, что ему придется сразиться с загадочным Мельниченко, Питер не сомневался. На того делали ставку все русские, включая капитана Васильева, главного координатора турнира. И, между прочим, главного судьи. Так уж решили в администрации лагеря. Не поспоришь.

После благодатного освежающего душа, Стоун отправился в библиотеку к Хендриксу, чтобы восполнить кое-какие запасы: мыло, консервы, сигареты. Хотелось раздобыть еще каких-нибудь шоколадных конфет и угостить ими Рыжего. Мальчонка, наверное, скушает по сладкому. Было к Йозефу и еще одно дело.

В библиотеке Питер застал уже знакомого осунувшегося старика. Они поздоровались, обменялись короткими фразами. Когда тот, выбрав себе книгу на немецком языке, ушел, Хендрикс спросил:

— Знаешь, кто это? Фельдмаршал Паулюс.

— Знаю. Несколько дней назад встречались. Фиг с ним, как говорит один знакомый рыжий паренек. Запиши на мой счет, Йозеф, кое-какие туалетные и прочие мелочи.

— Я помню, когда привезли его, был такой горделивый, словно не ходил, а витал над землей. И вдруг резко постарел, жизненные силы стали резко покидать его.

Получив то, что ему требовалось, Питер оглянулся и, понизив голос, произнес:

— А случались здесь побеги заключенных из лагеря?

— Бывало... Мальбрук в поход собрался? – усмехнулся «ценный человек», способный принимать ставки даже на московском ипподроме.

— Думаю, приземлится ли здесь кто-нибудь, чтобы освободить из плена знаменитого вояку?

Хендрикс присвистнул.

— Два года назад ваши похитили и освободили Бенито Муссолини из заточения, — возразил Стоун. Он хитрил, пытаясь узнать как можно больше информации.

— Просто хочу представить себе мышление этих людей, — полюбопытствовал Стоун в очередной раз после паузы.

— Скверно все это. Огромная, незнакомая и чужая страна. Бесконечные горизонты, а охрана на зависть.

— Я и жду потому выяснения, только затягивается оно. Медленно все проходит.

— Бывали тут случаи всякие. Прошлым летом кто-то сбежал... искали, не могли найти, потом привезли его — крестьяне из соседнего района увидели и вызвали кого надо. Доставили его сюда полуживого, показали нам, а потом увезли куда-то. Больше я его не видел. Не знаешь обычаев, языка, а если знаешь что-то, то с тяжелым акцентом, сразу заподозрят иностранца. А шпиономания в России развита очень сильно. Испокон веков. Чужестранцев хотя и любят, но и бьют с той же любовью, наотмашь. Без долгих рассуждений. К тому же, проверки документов на каждом шагу.

— Я не собираюсь бежать. Хочу освободиться честно, по закону. Но... есть проблема.

— А я даже знаю какая. Тебя вербуют, что ли?

— Даже не знаю, как это называется, — усмехнулся Стоун.

— Ну и соглашайся, сэр, — посоветовал библиотекарь. – Если бы мне кто-нибудь такое предложил, я бы не раздумывал. Во-первых, освобождение. Во-вторых, все удобства. В-третьих, возвращение в свой туманный Альбион. А там живи спокойно и наслаждайся дерби, собачьими бегами, травлей лис, виски, яичницей с беконом, и на худой конец – своей любимой лингвистикой. Можешь зарыться в неё, как клоп в обои. А то, что ты агент, «спящий» или «дремлющий», за туманом не разглядят.

— Тебе легко говорить, вы, немцы, привыкли играть в разведчиков.

— Будто англичане – нет? Эти игры без национальных различий.

— И без правил. Рано или поздно за мной всё равно придут. Либо те, либо из SIS.

— Успеешь сбежать. Вывезут русские на подводной лодке.

— Всю жизнь бегать?

— Вот именно. Бег – это тоже спорт. Во всяком случае лучше бегать вдоль Темзы в Лондоне, чем вокруг туалета в лагере.

Так они и закончили этот разговор. Стоун не доверял Хендриксу. Все-таки немец, враг. Может быть и стукач. И потому, если это так, то пусть передает своим радушным домовладельцам. Слово в слово.

Вспоминает и рассказывает Питер Стоун — поток сознания

У меня сейчас была одна просьба, но я не знал к кому с ней обратиться? К Наталье Павловне? Нет, я знал, чем это может ей грозить. Не только потерей должности, звания, погон, но и всеми другими лишениями. Возможно, арестом и заключением. Ссылкой, длительным сроком, а может быть, и смертью. Как я мог возложить

на неё столь тяжелую ношу? Это против моего понимания жизненных ценностей.

А просьба у меня сейчас была такая: кто-нибудь должен был сообщить в британское посольство в Москве о моем незаконном пребывании здесь, в Красногорском лагере для военнопленных. Я чувствовал, что полковники Алексеев и Сергеев обложили меня со всех сторон. Да и Волков с Ясиным. Все они добивались только одного. Чтобы я дал согласие на сотрудничество с Советской властью. Первые преследовали масштабные цели, вторые – более узкие, локальные. И те, и другие грамотно и старательно выполняли свою профессиональную работу, и осуждать их за это я не стану. Мы классовые враги; они на своей стороне, я на своей.

Но мне становилось порой просто смешно. Особенно когда начиналась идеологическая обработка со стороны Бима и Бома. Теперь они работали не парой, как цирковые клоуны, а по одиночке, как конференсье на концертной сцене и пытались внушить мне, что меня ждет счастливая и интересная жизнь. Рассказывали о том, что в Россию приехали тысячи специалистов всех специальностей из стран Европы и США: учителей, врачей, ученых. Всем хочется строить социалистическое общество нового образца, где будут жить счастливые люди на равных правах с равными возможностями, где не будет классовых разногласий. А в случае неповиновения Фобос и Деймос*. Сегодня один полковник, завтра – другой. И обрабатывали меня так почти ежедневно. Возили на прогулки в окрестностях Красногорска и Опалихи. В коттеджи для элитных пленников, в комфортабельном клубе устраивали чаепитие с самоваром, вареньем и пирогами. Водили в московские театры, рестораны. А то просто сидели в каком-нибудь закрытом домике и мило беседовали на самые злободневные темы.

Комедианты! Да если бы они только знали, что я не противник Советского Союза, и не враг ему. За годы войны я многое увидел, понял и переосмыслил в этой жизни. И со многими словами

Алексеева или Сергеева я был согласен. Меня не устраивал только тоталитаризм и принуждение. И предательство своей страны, что являлось подлостью по отношению к ней. Вот почему я не соглашался на сотрудничество. Свои мысли о социальной справедливости, о современном мире я излагал и им. Но наш спор порой заходил в такие дебри, что они сами начинали в них путаться и бродили словно в потемках. Изменится ваш строй, господа, тогда я с вами, хотелось сказать им. Дело не в строе, так же мысленно отвечали мне. А в чем же? Они сами не знали.

Я уважаю Россию. Но другую. Прошлую, талантливую и умную, энергичную и деятельную. Если она изменится – я первым приеду сюда и буду помогать ей. А шпионить не стану. Но можно же было согласиться только для видимости? Нет, так не получится; это против моих принципов. Но они этого не понимали. И продолжали обрабатывать меня вновь и вновь.

Я говорил им: перенесемся на некоторое время в глубокую древность, от книг Маркса и Ленина к трактату «Политика» Аристотеля. В нем философ, разбирая и систематизируя государственные формы правления, утверждал, что демократия является одной из худших политических форм правления. Он признавал три правильных строя: монархический, аристократический, когда власть принадлежит группе аристократов и политию, то есть, власть большинства. И при этом могут быть опасные отклонения от них: монарх может оказаться тираном, аристократы станут олигархами и демократия от политии, когда власть принадлежит массам. И Аристотель считал, что правление масс является наиболее приемлемым методом государственного правления. Коммунизм, на мой взгляд, похож на первый вид правления.

Аристотель утверждал, что все методы искаженной демократии ведут к тирании. И потому льстецы и подлецы преуспевают во всех режимах. Вы хотите, чтобы я стал тем или

другим? Они этого, разумеется, не хотели. И еще я вспомнил китайского мудреца Конфуция, который учил тому, чтобы каждый занимался своим делом, а вещи назывались своими именами. И тогда государство будет прекрасно функционировать и процветать. И это важно, поскольку в формировании мышления главную роль играют термины с извращенным смыслом, когда говорят одно, имеют ввиду другое, подразумевают третье, а на деле выходит нечто невообразимое. Такова мифология лжи, которая торжествует победу и в Советском Союзе, и на нашем англо-саксонском Западе. И какая была в Третьем Рейхе. И в Древнем Риме. И где нет?.. И тысячи лет назад в Египте. Везде и всюду. Но в некоторых странах она терпима, в других приняла извращенные формы. Две мировые войны за четверть века это подтвердили.

Бим и Бом были тоже очень умны. И гнули свое, утопическое. Работали они надо мной долго. Поскольку к Наташе я не мог обратиться за помощью, вспомнил вдруг о Рыжем. Это была единственная надежда, последний шанс. Как-то раз, когда он в стайке мальчишек-сорванцов крутился возле строительного объекта, я поманил его к себе. Времени у нас было мало, обеденный перерыв заканчивался.

— Лев Константинович, у меня к тебе очень важное дело...

Объяснять долго не пришлось. Снабдив его банкой шпрот и пачкой сигарет, в которую была вложена подробная записка, я сказал на прощанье:

— Только будь осторожен.

Ни в коем случае не хотелось навлекать на него неприятности или подставлять. Но уж мальчишку они не тронут? К тому же, он был от природы хитер и сообразителен. Надежда длилась двое суток. Наконец, Рыжий появился возле изгороди лагеря. Я подошел к проволочному заграждению, невзирая на грозный окрик часового на вышке. Стрелять всё равно не станет. А если и пульнет, то сначала – в воздух. К тому же, услышав от маленького Льва Константиновича

долгожданный ответ, я быстро пошел обратно, успев перебросить ему пачку сигарет.

А фраза Рыжего прозвучала так:

— Посольство я нашел через таксистов, но меня даже на порог не пустили, как ни пытался.

Теперь оставалось только одно.

Лондон, Сити, 2 мая 1943 года, утро

После легкого ранения в Бизерте, наскоро подлечившись в туниисском госпитале и получив бессрочный отпуск, Стоун на транспортном самолете вернулся в Англию, чтобы вновь пройти медицинскую комиссию: сможет ли он продолжать войну или нет? Североафриканская кампания подходила к концу, немецко-итальянская армия, окруженная на полуострове Бон, должна была вот—вот капитулировать. Однако предстояли еще сражения в Европе, и Питер не мог даже представить себе, что окончание смертельной битвы пройдет без него.

Элен в подарок из Туниса он привез черепаховый гребень, легкую тунику и «песчаную розу» — кристаллы, выросшие в пустыне и сформировавшиеся в каменный цветок. А также... самого себя. А консьержу мистеру Смиту – традиционную бутылку виски «Чивас», купленную, правда, за квартал от дома. Её-то они и откупорили внизу в холле, пока Элен еще спала в своей квартире.

— Сколько у вас уже нашивок за ранения, мистер Стоун? – поинтересовался старик.

— Три. Всё мелкие. А как здесь поживала Элен?

— Всё также. Завела собачку.

— Фокстерьера?

— Нет, другая порода, даже выговорить не могу, звучит вроде по-французски, беленькая и забавная.

— Бишон фризе! Очаровательная порода.

— Да, с ней было не так скучно ждать вашего возвращения.

— Я ведь ненадолго, — признался Питер. — Пройду медицинскую комиссию и обратно. Теперь Сицилия ждет.

— Боюсь, что не пройдете, сэр — покачал головой консьерж.

— Почему, Джимми?

— Мисс Кент больше вас никуда не отпустит.

А тут и сама Элен спустилась по лестнице, словно почувствовав, что Питер где-то рядом. Впереди неё бежал забавный щенок на коротких лапах и вилял хвостом.

— И вновь за любимым занятием, с виски! — сказала она. — Как долго я тебя жду!

Они обнялись, поцеловались и больше уже не обращали внимания ни на консьержа, ни на прыгающую возле них собачку. Потом, в квартире, насытившись разговорами, любовью, близостью друг с другом, Элен спросила, откинув голову на подушку:

— Ты ведь больше не уйдешь на войну, правда?

— Как скажут врачи. Но я здоров, — пожал плечами Питер.

— Это видно! — со смехом отозвалась она. — А скажи честно: у тебя были в Африке женщины?

— Там их нет. Только солдаты.

— Неправда, женщины есть везде.

— Верно, но я их не видел, они в своих нарядах. Они есть, но их не видно. И потому у меня не может быть того, чего нет. И если бы они были, их бы не было, потому что у меня есть ты.

— Но ведь меня не было рядом!

— Неправда, ты всегда была рядом! — Питер указал на сердце, потом прикоснулся ко лбу, — здесь и здесь.

— Ладно. Главное, что ты вернулся и мы снова вместе.

Позже они гуляли по улочкам Сити, кормили с рук хлебом уток в пруду, сидели в маленьком ресторанчике, пили легкое сухое вино, любовались друг другом.

— Ты по-прежнему мечтаешь о ребенке? — спросил Питер.

— Теперь еще больше, — призналась она. — Чтобы он вырос таким же большим, красивым, умным, мужественным, как его отец. А мечтаю я еще о семье... надеюсь и ты.

— А вдруг меня убьют в Сицилии? И он останется сиротой.

— Но ты же еще не прошел медкомиссию? А я уж постараюсь убедить доктора Робинсона и всех остальных, что ты просто сумасшедший. Зачем рвешься на фронт? Но если уж так хочется, можно ведь послужить и при штабе. Здесь, в Лондоне.

— Это не то, Элен. Ты не поймешь.

Возникшую между ними размолвку Питер попытался скрасить другими словами:

— Давай разыщем твоего отца, мистера Кента. А когда найдем, я вас обоих отвезу в Ричмонд.

— Зачем?

— Там вы можете пожить какое-то время, вновь подружиться. Соединитесь, наконец. Отец и дочь, семья... И я тоже, все вместе.

— Получится? — Элен задумалась на минутку. — Хорошо. Сначала надо его найти...

Стоун жил теперь то в центре города у Элен, то в Ричмонде. Но не отдыхал и бездельничал, а большую часть своего свободного времени проводил в библиотеке Британского музея или в Оксфорде, обложившись книгами. Ему не терпелось наверстать упущенное время. Знания, знания — вот что его заботило больше всего. Он погружался в древнюю историю, археологию, лингвистику, языковедение, теологию, философию, — всё было взаимосвязано. Стоун изучал древние свитки, сравнивал мертвые и живые языки, анализировал шумерские таблички, ассирийские надписи, семитские письмена...

А Элен жила работой в госпитале и его чувствами. И Питер каждый раз, с трудом оторвавшись от манускриптов, поспешно стремился к ней. Так прошло несколько недель. За это время он продвинулся в своих исследованиях ненамного, но зато поиски

мистера Кента дали свои результаты. Увы, печальные. Он погиб под очередной бомбежкой, после той памятной встречи с Питером. Могилу его они нашли на кладбище Кенсал-Грин, в той части, которое было открыто в начале войны. Он так и не увидел больше свою дочь, которая, наконец-то, его простила.

Они долго бродили потом извилистыми тропинками среди готических склепов и гробниц и молча перешли в старинный парк Уотерлоу. Возле небольшого пруда остановились. Наконец, Элен произнесла:

— Ты когда-то оставил для меня у мистера Смита кольцо своей матери, он передал его мне. А я хочу, чтобы ты надел на палец вот это.

С этими словами она достала из кармашка заранее приготовленное старинное золотое кольцо.

— Отец оставил его мне, когда уходил из дома, — добавила она. — С тех пор я с ним не расставалась. Хранила непонятно зачем. А ведь хотела со злости выбросить! Или оставить в ломбарде, но так и не решилась.

— И хорошо, что передумала, — сказал Питер, надевая кольцо на безымянный палец. — Будем считать это нашей помолвкой.

А медицинская комиссия была уже «не за горами». Он ждал её с нетерпением.

Красногорский лагерь для военнопленных, 9 января 1946 года

В этот день «господа полковники» в очередной раз привезли Питера Стоуна в клуб элитного поселка для военнопленных в Красногорске. Попросили его прочитать лекцию на тему расизма и свастики, используя его знания и умение преподносить информацию беспристрастно, что более убедительно действовало на интерни-

рованных. На этот раз получилось достоверно, правдиво, но не предвзято; уж много отрицательного накопилось за последние месяцы. За большим «круглым столом» среди бывших высокопоставленных военнопленных под кураторством полковников Сергеева и Алексеева велась неторопливая беседа с чаепитием. Здесь были вчерашние сливки общества, превратившиеся сейчас в «кислое молоко». Это правнук Бисмарка Генрих Айнзидель, военный летчик-истребитель, сбитый еще в 1942 году; потомственные дворяне Гарольд фон Болен унд Гальбах и Родольф Петерсдорф; генерал-лейтенант Бауэр, пользовавшийся особым расположением Гитлера; старший камердинер фюрера Линге и его же личный адъютант майор СС Гюнше. А также венгерский генерал Ласло Дёже, фельдмаршал Фриц Шернер, генерал-лейтенант Винцент Мюллер, офицер вермахта художник Ганс Мрозинский и еще около двадцати выжатых генералов.

Питер Стоун начал издалика:

— Согласно Священному Писанию, все люди нашей земли произошли от Ноя и членов его семьи: троих его сыновей с женами. То есть, от тех людей, которые спаслись в ковчеге во время Всемирного потопы. Невероятно? Но это факт! Если мы верим, то принимаем всю эту теорию в целостности, без поправок и оговорок. Все ныне живущие на земле люди, все нации и народности: и китайцы, и русские, и африканцы, и индийцы, и европейцы. Все-все-все — произошли от одной единственной семьи из восьми душ. Вместе с тем, все люди разные; отличаются друг от друга по цвету кожи, форме глаз, типу волос, по телосложению и по многим другим признакам и показателям. Они говорят на разных языках, живут в разных климатических зонах, у них разный цикл жизни, разная культура, разное питание. И все они, то есть мы, принадлежим к разным расам.

Но в Библии нет слова раса: нет такого понятия и нет разделения народов по расовому признаку, то есть по цвету кожи.

Многие современные философии, политические теории и практически вся фундаментальная наука основываются не на Библейском учении о человеке и человеческой расе, а на учении натурофилософов и эволюционистов-дарвинистов. Согласно их лексики и терминологии, раса – это часть индивидуумов, то есть, личностей одного вида, развивающихся в новый вид. На самом деле, ничего подобного нет и быть не может.

А применительно к людям существует только одна раса – человеческая, она же разумная, и она же земная. В соответствии со Словом Божиим, есть народы, у которых есть языки, обычаи и среда обитания. И никто это оспаривать не станет. Что же касается различий людей друг от друга по иным признакам, по цвету кожи или разрезу глаз, то всё объясняется довольно просто. С научной точки зрения все мы имеем один и тот же цветовой пигмент кожи: это меланин. И эта краска, как правило, темно—коричневая, производится в разном количестве специальными клетками кожи нашего организма. Так что все мы в этом смысле одинаковые, нравится нам это или нет.

Есть случаи, когда у человека меланина нет вообще, как у альбиносов; потому, что у них в организме произошёл сбой и появился мутационный дефект. Это может быть и наследственным, и приобретенным. Сейчас мы говорим о результате, когда организм не в состоянии производить меланин, и тогда у человека цвет кожи бледный или даже с розовым оттенком. И, к удивлению многих, добавлю, что есть альбиносы негры. Именно так: люди с широкими носами, курчавыми волосами, большими мясистыми губами и при этом они светлее каждого из нас. И даже цвет волос у них белый, иногда с соломенным оттенком. Если организм человека вырабатывает малое количество меланина, то он получает светлую европейскую внешность. А если повышенное, то кожа приобретает более темные оттенки вплоть до черного.

Добавлю, что уровень меланина, с которым мы рождаемся на свет, не является запрограммированным. Наоборот, организм человека выработал закономерную способность производить количество меланина, соответствующее разным условиям обитания. И если мужчина с высоким процентом меланина женится на девушке с низким процентом меланина, то высока вероятность, что у их дети будут иметь кожу светло-коричневую, то есть они родятся со средним процентом меланина в организме и будут мулатами. И, как известно, от браков между мулатами рождаются дети с самым широким диапазоном цвета и оттенка – и черным, и белым, и светло-коричневым. Следовательно, можно допустить, что Адам и Ева были людьми, смуглыми, а их потомки могли иметь какой угодно цвет кожи. И белый, и черный, и коричневый. По этой причине, большинство ученых-теологов и этнографов придерживаются мнения, что основатели рода человеческого, имели коричневый цвет кожи, темные волосы и карие глаза.

И разрез глаз на самом деле у всех одинаковый. Что у китайцев, что у англичан, что у немцев. Разница лишь в том, что у некоторых людей есть над глазами особая складка, являющаяся продолжением верхнего века. Эта складка, называемая эпикантус – это своего рода жировая дуга, извилина, и «узкоглазость» человека зависит от количества жира в этом эпикантусе, то есть, в складке. У азиатских народов его просто больше, чем у европейских.

Но Господь создал человека по образу и подобию Своему, и об этом следовало бы всегда помнить. И потому, как сказано в Книге, все мы одной крови, и все одинаково равны.

Вы, наверное, знакомы с публикациями идеолога III Рейха Альфреда Розенберга. Именно он познакомил Гитлера с царской фальшивкой «Протоколы сионских мудрецов». Он же заявлял, что революция в России произошла по вине мирового еврейства, и именно они, евреи, развязали Мировую войну. И тем не менее вся эта ложь и клевета были приняты вашим вождем как истина

последней стадии и позднее легли в основу написанной им книги «Майн кампф». Позднее Розенберг выпустил еще один труд под названием «Миф XX века», что стало основой партийной идеологии. В ней он пытался дать обоснование превосходства арийской расы, нацистской идеологии и показать, что смешение культур, рас и засилье евреев является основой всех зол на свете. Он утверждал, что Муссолини и его католикам не обязательно уходить от христианства и становиться язычниками, а для германской расы имеет решающее значение уйти от религии, основанной евреями и перейти в веру другого бога — бога природы, бога собственного народа, собственной судьбы и собственной крови. А в Пасху немцы должны праздновать не воскресение Христово, а вечное обновление немецкого народа. Рождество станет рождеством мессии героического и вольнолюбивого духа немецкой нации. Цитирую по памяти, немецкие газеты почитывал.

И тем не менее, сам Гитлер и большинство соратников по партии утверждали, что более запутанной, бестолковой и противоречивой книги они никогда не видели и не читали. А ведь он был уполномоченным фюрера по контролю за воспитанием национал-социалистической партии.

Теперь, что касается расового превосходства и свастики. С 1923 года накануне «пивного путча» Гитлера в Мюнхене свастика становится официальной эмблемой гитлеровской фашистской партии, а в сентябре 1935 года – главной государственной эмблемой Германии, включённой в её герб и флаг, а также в состав эмблемы Вермахта. Орел, держащий в когтях венки со свастикой. Ну, это вы все знаете не хуже меня...

А почему Гитлер выбрал именно свастику? В 1900 году некий Йозеф Ланц, накануне Рождества, основал в Австрии Орден Новых Тамплиеров или Орден Нового Храма, взявший своей эмблемой знак свастики. Этот орден связывал себя с тайнами, стоявшим у истоков арийской расы, выделил пять расовых типов, утверждая, что

древние государства погибали, потому что ими правили низшие слои общества. И нельзя позволить, чтобы толпа, добравшаяся до власти, задушила правящее арийское сословие. Эти слова имели огромное значение для тех, кто был опозорен военным поражением, тяжелым экономическим кризисом и политической изоляцией. На самом деле этот символ, существующий много тысяч лет у многих народов и на всех континентах, олицетворял солнце, плодородие, удачу. Но некоторые тибетские колдуны использовали её, как символ борьбы с Богом. Это означало неприятие Бога и созданного им мира, несовместимого с идеей блага и процветания. В Индии свастика с концами против часовой стрелки обозначает черную магию и Бога Кали, несущего смерть и разрушения. В трактовке же Гитлера свастика стала знаком арийской борьбы с «недочеловеками». Когти креста словно нацелены на евреев, славян, представителей других народов, не принадлежащих к расе «белокурых бестий».

Феномен фашизма и Гитлера еще предстоит изучить, но полагаю, что это результат социально-психологического эксперимента, устроенного одержимостью одного человека и подхваченный группой людей. То, что произошло в Германии, это величайшая трагедия, в основе которой лежит абсолютная вера в безнаказанность. Среди правителей Германии немало наркоманов, страдающих припадками бешенства, отклонения в их поведении налицо. Наркотическая зависимость влияла на адекватность мышления. Они были преступниками, шизофрениками и социопатами у власти с манией величия, замешанной на закуске комплекса неполноценности. Всю господствующую верхушку объединяло психическое расстройство, которое сподвигло их на подобные циничные и масштабные преступления. Им удавалось манипулировать массами, влиять на мысли, чувства и действия целой нации. Это были болезненно самовлюбленные люди, хладнокровные, расчетливые и безжалостные, в руках которых

оказалась огромная власть. Достоверно известно, что Геринг был госпитализирован в психиатрической больнице. О других пока нет точных данных, но они выясняются и будут опубликованы в скором времени. Но некоторые факты мне уже известны и вам полезно с ними ознакомиться.

В Сталинградском сражении из 285000 человек, воевавших на стороне Германии выжили только 5000, и простой подсчет показывает, что это менее двух процентов. У вас есть ответ на простой вопрос: ради чего вы погубили 98 процентов молодых и здоровых людей в одном только столкновении? Граждан своей страны. Чего вы хотели добиться?

Стоун окинул взглядом всех присутствующих. Они сидели на своих местах подавленные и растленные. Он отпил немного воды и продолжил:

— И после этого поражения верхушка нацистов стала отдаляться друг от друга, они всяким образом начали искать возможность спасти свои шкуры. Черчилль заявил, что никаких сделок с ними не будет, он назвал нацистов крысами, бегущими с тонущего корабля. Преступники должны понести наказание, и они не отделаются так просто, как после Великой войны, которая теперь благодаря вам называется Первой мировой войной.

А теперь мне хочется рассказать ещё что-то, и поскольку я не дипломат и ничего вам не должен, мне нет нужды подбирать слова и придерживаться какого-либо протокола. Я не стремлюсь убедить вас в чем-нибудь, я просто констатирую факты, показываю, что произошло за последние четверть века, и кому вы должны быть столь «благодарны» за то, что оказались здесь. И потому сейчас я сделаю небольшое отступление в прошлое, так как оно имеет свою закономерность и неразрывно связано с настоящим.

В начале пятого века, точнее в 410 году король вестготов Аларих при третьей осаде захватил и разрушил Западную Римскую империю, а в 476 году другой командующий отрядом варваров

Одоакр сверг последнего императора Ромула Августа. Были разрушены акведуки, уничтожены и разорены пути снабжения продовольствием, империя с древней культурой прекратила свое существование. Рим пал. Германские племена — готы, вандалы, тевтоны, маркоманы, предки которых до этого прибыли с территорий Скандинавии, не имевшие письменности, победили империю с историей в семьсот лет! Первое уничтожение Цивилизации германскими племенами!

Далее германо-скандинавские племена систематически грабили и разоряли Европу до полного установления христианства! Христос победил троллей и эльфов, и варвары решили, что братьев по вере, всё-таки, убивать неприлично. В начале двадцатого века все рамки приличия и общечеловеческие нормы поведения рухнули и в 1914 году мир оказался на пороге очередной катастрофы; началась Великая война. Убито более 20 миллионов человек, разрушены десятки тысяч городов и сёл. Количество раненых точно не известно, но упрямая статистика утверждает, что на одного погибшего приходится не менее трех раненых. Второе уничтожение Цивилизации германцами!

В 1939 году немцы начали самое массовое и планомерное уничтожение людей в Европе, переросшее на все континенты. Потер и последней войны, которая уже называется Второй Мировой, составили по неполным подсчетам, 60 миллионов человек, что наводит на мысль о количестве раненых в 200 миллионов. Разрушены сотни тысяч городов и сел, демографические показатели многих народов в шаге от катастрофы. На сегодняшний день, это третье и пока последнее систематическое уничтожение народов мира потомкам германских племён. Последствия этих катастроф будут ощущаться сотни лет.

Римляне, завоевая германские племена при Цезаре и Августе, приносили варварам цивилизацию, письменность, дороги, каменные дома и, даже, отопление. В германских лесах в самом

большом поселении в то время было не более 25-и домов, которые они делили с животными: свиньями и собаками. В 20-м веке Германия уничтожила не только десятки миллионов человек, она уничтожила веру в человечество. Думаю, вам стоит переосмыслить всё это и провести тотальную ревизию! Чтобы это больше никогда не повторилось...

По пути в Москву полковники передали Стоуну бумажный объёмистый пакет, перевязанный крест-накрест бечевкой.

— Сегодня у вас была правильная лекция для нацистов, Питер, — сказал Сергеев. — Это от нас лично. Отпразднуйте с товарищами. Трёх бутылок русской водки на весь барак, конечно, не хватит. Но по глотку достанется. А кроме того, там еще и бутылка виски «Чивас». Для вас лично. В честь вашего дня рождения.

— Спасибо, — смущенно поблагодарил Стоун.

А сам подумал: о дне рождения они, конечно, знают, но откуда могли узнать, что «Чивас» — именно мой любимый виски? Случайность? Совпадение? Этот вопрос был не последним при принятии дальнейших судьбоносных решений.

Глава Десятая

Москва, стадион «Динамо», 13 января 1946 года

Боксерский турнир среди военнопленных и советских военнослужащих всё-таки состоялся и подходил к концу. Нашелся даже добровольный комментатор.

— Мы ведем наш прямой репортаж со стадиона «Динамо». Буквально через несколько минут состоится финальный поединок за звание чемпиона открытого боксерского турнира Красногорского лагеря № 27 между Петром Мельниченко и Питером Стоуном. Кубок достанется сильнейшему спортсмену. Два Петра, русский и англичанин, вышли в финал турнира. Трудный и долгий путь они

прошли, прежде чем встретиться лицом к лицу. Восточная трибуна притихла и застыла в ожидании увлекательнейшего состязания двух выдающихся боксеров нашего времени...

Так громко и шутливо вещал капитан Васильев, поднося ко рту вместо микрофона пачку папирос «Герцеговина Флор». Его толкнул в бок старший лейтенант Коренев.

— Вася, ты все-таки, не комментатор, а главный судья, — напомнил он.

— А какая разница? Я же никому не подсуживаю! Просто Синявскому подражаю.

— Подражай лучше рефери на ринге, то есть самому себе, — высказался лагерный врач Топорков.

Все трое сидели на стульчиках за столом с гонгом, рядом – патефон с одной единственной пластинкой, гимном Советского Союза, да еще никелированный кубок, купленный в комиссионном магазине. Перед ними был устроен настоящий ринг, обнесенный по периметру канатами. За спиной на трибуне собрались не менее двух сотен зрителей. Местные жители, в основном, мальчишки, военнопленные, советские солдаты, младшие офицеры и гражданские лица. Женщин было также довольно много. Наверное, жены и родственницы военнослужащих. Вся Восточная трибуна стадиона тщательно охранялась конвойными.

Турнир длился уже два дня. Всего было отобрано 32 участника. Из числа интернированных немцев и советских военнослужащих. Соревнования проводились по олимпийской системе. В первый день отсеялись самые слабые. Боксеры-фавориты играючи выбили из турнирной сетки по два соперника сразу. На второй день предстояли более трудные поединки. Силы уже были примерно равны. Утром – четвертьфиналы, через два часа — полуфиналы, а после обеденного перерыва – главный финал. Если всё пройдет успешно, то подобные турниры было решено проводить с определенной периодичностью. ежегодно.

На трибуне, в основном, болели за своих, поддерживая их восторженными громкими криками и аплодисментами. Но хлопали и просто самым достойным, которые смогли победить в неравном бою. Васильев судил честно. Вот только гимн звучал лишь один. СССР. Тогда, когда выигрывал кто-то из русских. И всё потому, что других гимнов не было. А даже если бы и нашелся германский, то кто бы стал заводить нацистский марш? За это можно и самому в лагерь угодить. А о Британском никто не подумал, поскольку о принадлежности Питера Стоуна именно к этой нации как-то подзабыли. Да всё равно считали, что кубок Мельниченко себе уже обеспечил.

И дело шло к тому, что он действительно победит. Мощный, коренастый, почти на голову ниже Стоуна, но килограмм на семь тяжелее, он производил прекрасное впечатление. Быстрый, техничный, наверняка боксом занимался не один год. В 1/16-ой и 1/8-ой финала он легко разделался с двумя немцами. Одного послал в нокаут на первой минуте, второго измордовал так, что Васильев остановил поединок в конце второго раунда, чтобы не доводить до греха. Бровь рассечена, глаз заплаыл, из носа кровь капает.

На следующий день он также быстро вышиб из четвертьфинала Фридриха Рёске, который оказался неплохим боксером-тяжеловесом. Но продержался тоже только полтора раунда. Надо сказать, что деление на весовые категории решили не проводить. Лишняя возня, а спортсменов набралось и так мало. Понадеявшись на свой убойный удар правой, Рёске только разворачивался к прыгающему вокруг него Мельниченко. А сам пропускал мощные боковые по корпусу, свинги и короткие прямые в голову. К третьей минуте он стал пошатываться. А потом и вовсе раскрылся и получил резкий и быстрый джеб. Чистый нокаут.

В полуфинале соперником Мельниченко оказался один моложавый опытный гауптман Вермахта. Тут как бы нашла коса на камень. Мельниченко, конечно, был явно сильнее, но и немец

держался достойно, защищался грамотно. И простоял вплоть до третьего раунда. Мог бы и до финального гонга дотянуть, но тогда бы он все равно проиграл технически, по очкам. Видно же было всем – и зрителям на трибунах, и судьям за столиком, что победа явно за Мельниченко. Но тот решил выиграть свой четвертый поединок опять же нокаутом. И, улучив момент, нанес акцентированный удар сокрушительной силы снизу в челюсть. Гауптман упал. Васильев отсчитал положенные десять секунд, Коренев ударил деревянным молоточком в медный гонг.

Самое странное случилось потом. Немецкий офицер не поднимался, к нему поспешил доктор Топорков, проверил пульс, глазные зрачки, потом подозвал санитаров. Боксера, еле ворочающего языком, переложили на носилки и унесли. А доктор объявил во всеуслышание:

— Товарищи зрители, не волнуйтесь, спортсмен не пострадал, просто ему нужна маленькая медицинская помощь. Скоро придет в себя.

Васильев добавил:

— А пока объявляется обеденный перерыв.

К этому времени свои утренние поединки Стоун уже провел. Выиграл у одного русского по очкам, у второго, немца, – техническим нокаутом. В предыдущий день он также приберег силы, одерживая победы хоть и за явным преимуществом, но не зрелищно. Тактику и стратегию борьбы он выбрал правильную. Главное – финал. Вот где надо будет биться до конца.

И вот, Стоун и Мельниченко вышли на ринг. Краем глаза Питер разглядел в первом ряду на трибуне Наташу Трубецкую и Рыжего. Рядом еще какие—то женщины и мальчишки. За ними на скамейках разномастная и разноликая масса немцев и русских. Прозвучал гонг к началу поединка. Мельниченко сразу же бросился в атаку, надеясь поставить победную точку в первом раунде. Питер, помня о его

убойном джебе, использовал свое преимущество длинных рук, держал противника на расстоянии, не давал приблизиться.

Пока что Стоун только защищался, выматывая соперника, заставляя его выдохнуться в инициативной атаке. Выполнял комбинированную защиту: подставлял правую ладонь в перчатке и одновременно выполнял шаг назад от прямого удара в голову, нырял под бьющую руку, отходил скачком в сторону, уклонялся, держал крауч, чтобы подбородок касался груди, а кулаки чуть выше солнечного сплетения тыльной стороной наружу.

Мельниченко злился, а на трибуне начали посвистывать.

— Что там происходит, кто побеждает? – обратилась Наталья Павловна к Рыжему.

— Да пока Мельниченко! – ответил Лев Константинович.

Второй раунд проходил так же инертно со стороны Стоуна. По очкам он уже проигрывал. Но снять его и присудить техническую победу советскому спортсмену Коренев не решался. Всё-таки, ни одного серьезного удара Питер не пропустил, не говоря уж о нокдауне. Но если так пройдет и третий, то... Кубок достанется, по справедливости, Мельниченко.

Однако в третьем раунде Стоун изменил тактику боя. Он сам начал резко наступать, сумев сохранить в резерве свои основные силы. А главное, Мельниченко не знал, что он приготовил ему сюрприз. Этот свой коронный удар Стоун в предыдущих поединках не использовал. Приберег для финала. А называется он – панч, прямой правый удар в голову с дальней руки. Преимущество роста, что тут говорить!

Прямой с дальней – это тяжелая артиллерия. Если джеб, используя уж военную терминологию, это минометная разведка боем, то панч или кросс, в случае точного попадания – намного серьезнее. Недаром Питер так долго отрабатывал его в боксерской секции спортзалов все юные годы. К исходу второй минуты третьего раунда, затягивать дальше было нельзя, проиграет по очкам и Стоун

принял левостороннюю стойку под углом в 45 градусов к линии атаки. Затем, выбрав выгодный момент, дав Мельниченко приблизиться, развернул корпус и бёдра не менее чем на 90 градусов, перенес вес тела вперед и нанес предельно сильный акцентированный удар в голову.

Но Мельниченко сумел уклониться. Профессионал! Перчатка Стоуна лишь коснулась его виска. До конца раунда оставалось полминуты. Если бы в боксе поединки могли заканчиваться в ничью, то в этом матче лучшего решения не придумаешь. Соперники равны по силам. Но кому же достанется победа? На трибуне затихли. И вот прозвучал финальный гонг.

Однако практически одновременно с ним на Восточной трибуне произошло какое—то странное движение. Появилась группа автоматчиков во главе с майором Волковым. Раздались громкие резкие команды. Военнопленных согнали с мест и заставили построиться. Включая и Питера Стоуна. Потом, подталкивая прикладами, повели к выходу. Очевидно, произошло что—то очень серьезное.

— Что случилось? – тревожно спросил Васильев у Волкова.

Тот сумрачно посмотрел на него и коротко ответил:

— Побег.

Потом саркастически добавил:

— Вот тебе и турнир по боксу! А я ведь предупреждал. Так и думал, что ничего хорошего из этого не выйдет...

Лондон, госпиталь св. Варфоломея, 9 июля 1943 года, день

К операции Хаски, совместному британско-канадско-американскому вторжению на Сицилию, которое началось несколько дней назад, Питер Стоун не успел, – как раз явился по

вызову на медкомиссию, где решалась его судьба. Но он надеялся, что его боевой опыт в Северной Африке еще пригодится. А само обследование и последующий за ним «высокий суд медиков», он проходил в уже почти родном ему госпитале св. Варфоломея. Но, несмотря на личное знакомство со многими врачами и медсестрами, прием он встретил весьма суровый, хотя и справедливый.

В коридоре на стульях вдоль стен в ожидании вердикта сидели бывшие пациенты различных лондонских больниц и госпиталей. Среди них разместился и Питер, пролистывая на коленях книгу. Он так был увлечен этим, что не заметил, как дверь с табличкой «Медицинская комиссия» отворилась и на пороге появилась медсестра. Она торжественно и важно, не глядя на Питера, объявила:

— Лейтенант Стоун, пройдите в кабинет. Следующий – Джон Ратклифф.

И, поскольку никто не откликнулся, громко повторила, теперь уже вперив раздраженный взгляд в плавающего в эмпиреях Питера:

— Лейтенант Стоун! Пожалуйста!

Верзила, сидящий рядом, толкнул его в бок:

— Тебя!

В кабинете за столом с бумагами и подшивками сидели три человека. Неожиданно вошла сестра Кент со стопкой личных дел и поспешно удалилась, оставив их на столе. Председатель комиссии произнес:

— Лейтенант Питер Стоун?

— Да, сэр.

— Садитесь, пожалуйста, лейтенант. Как вы себя чувствуете?

— Прекрасно, сэр! На утренней пробежке в Ричмонд—парке никто за мной угнаться не может! – браво доложил Питер, добавив:
– Олени завидуют.

— Мы ценим ваш юмор, лейтенант Питер Стоун. Военно-медицинская комиссия изучила ваше дело и решила, что, согласно результатам вашего ранения, оставить служить вас в армии, но при этом ограничить вас от несения строевой службы. То есть мы рекомендуем оставить вас служить при штабе.

Стоун был явно сражен этими словами. Для него это был удар ниже пояса. Он встал со стула и сделал пару шагов в сторону комиссии.

— Сядьте, пожалуйста, сэр, — произнес председатель.

Стоун вытянулся перед комиссией, зажав фолиант подмышкой.

— Это равносильно смерти. Я абсолютно здоров.

— Быть может вы сейчас так себя чувствуете, но ваше ранение может дать осложнения.

— Простите, сэр, но никаких осложнений не будет. Я прекрасно себя чувствую.

— Лейтенант Стоун, повторю еще раз! Вы можете оставаться служить, война еще не окончена, но вы не можете далее служить в действующей армии на фронте.

— Это неправильное решение! – тихо возмутился Питер.

— Я еще не закончил. Я сказал – в действующей, воюющей. Но комиссия считает возможным и даже необходимым, учитывая ваш богатый опыт за годы службы, ограничить вас только в этом. И есть достаточно мест, где можно применить ваш опыт, кроме линии огня. Вы можете продолжать нести службу, но воевать вы больше не сможете. И это значительно лучше в наше время, чем демобилизовать вас полностью.

— Простите, — упавшим голосом произнес Питер. – Возиться с бумажками?

— Не только, лейтенант Стоун. Вы можете принести пользу и на другой должности, соответствующей вашему опыту и способностям. Свободны, лейтенант.

— Это решение предвзятое! – попытался он еще раз оспорить.

— Лейтенант Стоун, — председатель комиссии проигнорировал недопустимую форму протеста, — вам предписано вернуться в часть и получить дальнейшие распоряжения. Туда же будут направлены заключение комиссии и необходимые рекомендации. Комиссия самым тщательным образом проверила ваше дело и дала заключение на основании показаний всех лечащих врачей. Не сомневайтесь. Отправляйтесь к месту назначения, в штаб. Там же получите распределение на новую должность на основании медицинских рекомендаций, вашего опыта и нужд армии. Война еще не окончена, и вы по-прежнему офицер, не забывайте.

Стоуну ничего не оставалось делать, как покинуть кабинет. Он поблагодарил и вышел в коридор, где встретил встревоженную Элен. Сейчас он был вне себя.

— Это ты, только сказал он и пошел быстрым шагом по коридору.

Сейчас он был зол почему-то именно на неё. Хотя понимал, что она ни в чем не виновата. Однако её желание оставить его как бы «при себе» и тем сохранить жизнь, таким вот странным образом материализовалось.

— Питер, подожди! – она пыталась его остановить, но он упрямо продолжал шагать, вырывая свою руку.

— Я не виновата ни в чем! Я даже не знаю, о чем речь!

— Как же! Ты прекрасно все знаешь, сама говорила, что настроишь комиссию против меня.

— Я шутила! Неужели ты этого не понимаешь? И как я могу?

Они не обращали внимания на врачей и пациентов, всех, кто был в коридоре. Говорили громко и возбужденно. Впервые так ссорились. Элен не знала, как успокоить Питера. А все его мечты и планы рушились, как картонный домик. Не зря говорится – если хочешь насмешить Бога, расскажи о своих задумках...

— Нам надо успокоиться и поговорить... пообщаться. — опешила она.

— Мне ничего больше не надо.

И, не оборачиваясь, махнув на прощанье книгой, пошел прочь.

Филиал Красногорского лагеря в Москве, 13—16 января 1946 года

В администрации лагеря случился переполох. Капитан Васильев ожидал серьезного нагоняя от Ясина и Волкова, поскольку выяснилось следующее: недосчитались одного военнопленного. Бывшего унтер-офицера Вермахта Ганса Шнитке. Но сбежал ли он во время турнира или это произошло в лагере? О финальном поединке, так и не выявившем победителя, никто теперь уже и не вспоминал. Побег – дело серьезное.

И это уже выглядело, словно залп тяжелой артиллерии. Как «панч» Питера Стоуна. Удар кулаком в голову администрации, и лично полковнику Ясину и майору Волкову. Обоим и всем другим сразу. Бросились искать и рыскать по всем щелям и закоулкам, трясли все чердаки и подвалы, осматривали подсобки и нужники, залезали даже туда, куда и протиснуться невозможно, светили фонарями во все дыры, но без результата. Как в воду провалился «бравый солдат Швейк», к которому приклеилась эта кличка. Вспомнили, кстати, и о воде. На территории лагеря стояла большая цистерна. Капитан Васильев, более всех напуганный происшествием, лично полез в люк, нырнул прямо в сапогах и стал шарить по дну. Выбрался, словно Водяной из сказки, и уныло пожал плечами.

— Ну, тебе это так даром не пройдет! – погрозил ему кулаком Ясин.

— Может быть, Шнитке сбежал не из лагеря, а со стадиона «Динамо»? — предположил Волков. — Если он, конечно, был на турнире.

Оба повернулись к мокрому и жалкому Васильеву.

— Дай список, кого повез на соревнования! — потребовал полковник.

Тот вытащил из кармана кителя размокший лист бумаги.

— Что ты мне суешь? Все чернила расплылись! — разгневался полковник Ясин. А потом и вовсе вышел из себя — Идиот! Лучше бы ты в цистерне остался, вон с глаз!

Искать продолжали всю ночь. А чтобы заключенные не мешали, выстроили их всех на плацу и держали так до утра под яркими прожекторами. Переминался в этом строю с ноги на ногу и Питер Стоун.

— А Шнитке-то молодец! — бросил стоявший рядом с ним Рёске. — Утер нос русским свиньям!

Питер ничего не ответил. Он думал о том гауптмане, которого унесли на носилках. Что с ним? Удар Мельниченко был невероятно силен. Боксер забыл сомкнуть локти в клинче, а русский бил снизу вверх передней рукой с закручиванием плеча и с шагом вперед, чтобы перенести всю тяжесть тела на ногу. Грамотно и точно в подбородок. Стоун видел этот поединок и до сих пор переживал, оценивая подробности боя.

А Шнитке?.. В последнее время он был малоразговорчив и замкнут. Если и задумал сбежать, то ни с кем своими планами не делился. Питер вспомнил, что еще при первой встрече, в мае прошлого года, когда они вот точно также стояли на перроне Белорусского вокзала, Ганс поспорил с Рихардом, что всё равно удерет. «К жене и дочкам в Гамбург». «Вот спрыгну сейчас с перрона и нырну под состав». Сказал вроде бы в шутку. Кох тогда ответил: «Наперегонки с пулей». А Шнитке гнул своё. Пытался доказать, что

ворон клюнул в голову его и Питера не случайно. Выбрал себе две смертельные жертвы. Говорил о мистике...

Стоун не стал больше вспоминать: будь, что будет. Так и простоял вместе со всеми до утреннего рассвета, засыпая стоя, как лошадь в стойле. Затем их развели по баракам. Завтрак был отменен в целях коллективного наказания. Ясин и Волков решили вообще ужесточить условия режима для заключенных. Больше никаких культмассовых работ и спортивных мероприятий. Нормы питания сократить. Работа только на территории лагеря. Поделочные инструменты отобрать. Время на личные нужды сократить. За любое неповиновение – карцер.

А в бараках продолжали гадать: как же этот с виду увалень Шнитке умудрился обхитрить всех и сбежать из-под самого носа у русских? Тем же занимались и офицеры НКВД на оперативном совещании в кабинете полковника Ясина. Версий было только две. Если из лагеря, то... это невозможно. А ежели со стадиона «Динамо», то только в разгар ожесточенного финального поединка, когда все вокруг, включая охрану, пребывали в стадии ажиотажа.

К стадиону еще вечером были посланы два грузовика с солдатами, которые оцепили там всю ближайшую территорию. Подключили милицию, внутренние войска и дружинников. Искали и в окрестностях лагеря. Заходили теперь в каждый жилой дом, проверяли квартиры. Расширяли зону поисков. Замять скандал теперь уже было поздно, определенные выводы от руководства последуют позже. Они и «последовали», когда в филиал лагеря к десяти утра прибыли новые офицеры НКВД с большими звездами на погонах. Злости теперь хватало у всех и на всех.

Еще одна неприятность, но уже помельче, висела на администрации лагеря по другой причине. Во время боксерского турнира получил серьезную травму один из военнопленных спортсменов. Он так и не пришел пока в сознание, был отвезен в больницу Сергея Боткина, по иронии судьбы, под личное попечительство главного

врача еврея Бориса Шимелиовича, расстрелянного позднее, в 1952 году, по сфабрикованному «делу врачей».

— Под охраной хоть? – Прокричал кто-то из вновь прибывших генералов. – А то и этот сбежит!

— В отделении дежурит сержант, — доложил майор Волков.

— Усилить пост! Еще двоих возле больницы, одного – прямо к палате этого гауптмана, другого в коридор!

— Выполнять указание! – закричал и полковник Ясин, во всем поддерживая генерала. А гнев теперь обрушил на доктора Топоркова:

— Ну а ты! Как мог допустить до турнира больного человека?

— Да он ведь был здоров, — начал оправдываться лагерный Асклепий. — Это уж он потом... заболел, от удара.

— Скажи еще, насморк прошиб! – Вновь загрохотал генерал. – Один сбежал, другой в бессознательном состоянии. Что у вас тут вообще творится? Погоны жмут?

Одним словом, шумиха и переполох в филиале Красногорского лагеря всё только нарастали. Военнопленным дали два часа на сон, затем забил колокол, собирая их на очередную проверку – и так теперь он начинал звенеть через каждые три часа. Чтобы пересчитывать всякий раз по новой. А в промежутках между колокольным звоном заключенных задействовали на уборочных работах в лагере. В десятый и сотый раз всё мыли, подметали, скребли. Или копали ямы, а потом тотчас же и засыпали их той же вырытой землей.

Ситуация разрешилась только через три дня. Всё это время Ганс Шнитке прятался в старой канализационной трубе системы отопления за шесть кварталов от стадиона «Динамо». Дальше убежать не удалось. Там и сидел, скрючившись, дрожа от холода и голода. Выйти всё не решался. Даже ночью. Но когда ему в лицо ударил луч фонаря, он с отчаяния бросился бежать...

К вечеру 16 января Шнитке под вороний грай привезли в лагерь. Выгрузили из кузова грузовика мертвое тело и положили на землю, накрыв с головой его же серой шинелью. Как напоминание выстроившимся на плацу заключенным «о пользе побегов». Военнопленные стояли и смотрели на происходящее; они были усталые, деморализованы и подавлены. Капитан британской армии Питер Стоун и обер-лейтенант немецкой армии Рихард Кох, ныне военнопленные третьего отделения Красногорского Особого оперативно-пересыльного лагеря для военнопленных №27 переглянулись и Стоун с сарказмом произнес:

— Смерть на нас сегодня не в обиде.

Тело унтер-офицера Ганса Шнитке пролежало до утра, пока не отвезли в морг. А где его похоронили – никто не знает.

Лондон – Ричмонд, июль – сентябрь 1943 года

Вернувшись в часть, Питер пытался связаться с полковником и переговорить с ним, посоветоваться и попросить помощи в вопросе возвращения в строевую службу, но того не оказалось на месте и ему пришлось, следуя приказу, после всех мытарств, оказаться в Генеральном штабе.

Итак, Стоун оказался в Лондоне при Комитете начальников штабов Великобритании, в огромном здании, где совместно с американским Объединенным комитетом начальников штабов вооруженных сил США планировались военные операции. Питер обосновался на втором этаже, занимая вместе с двумя другими такими же лейтенантами тесный кабинет, коих здесь было несколько десятков. Просиживал пятую точку за столом, заваленном рапортами, мелкими донесениями, тыловыми справками, интендантскими телеграммами и прочей макулатурой, не имеющей отношения к боевым действиям в Италии 8-й британской армии, с которой он кровно сжился в Северной Африке.

А за театром военных действий в Сицилии и на Аппенинском полуострове он следил только по сводкам с фронта, газетным вырезкам и радиоэфиром. Вместо того, чтобы сражаться вместе со своими испытанными товарищами. Обидно было.

Он уже перестал винить в этом одну Элен, но не хотел пойти на попятную и не виделся с ней больше. Из глупой аристократической гордости. Жил в Ричмонде, в своем родовом поместье. Но Питер нисколько не считал разрыв в отношениях окончательным. Пусть пройдет срок. А пока надо отдохнуть друг от друга. Что будет дальше? Покажет время. Если они разойдутся напрочь, то, может быть, оно и к лучшему. Значит, так тому и быть.

Элен тоже не искала с ним встречи. Она полагала, что ссора между ними, в которой виноват только Питер, а главное, те слова, брошенные ей в лицо в коридоре госпиталя: «Это ты!», сродни предательству их любви. И оно вдруг накладывалось на предательство отца в детстве. Пусть так! Тогда и она видеть его больше не станет. Никогда. А жестокий опыт в этом смысле у нее был. Мистер Кент об этом хорошо знал, и Питер должен знать.

Время до обеда Стоун проводил в штабе, перекладывая бессмысленные бумажки с места на место, или ведя такие же пустые разговоры с сослуживцами и отправляя письма в вышестоящие инстанции с просьбой о пересмотре решения военно-медицинской комиссии. А потом, если позволяло время, отправлялся в библиотеку при Британском музее. Вот здесь-то он преображался, расцветал душой и всецело погружался в книги и манускрипты. Занимался своими исследованиями.

Возвращаясь в Ричмонд, любил посидеть у камина за бокалом виски, подумать и помечтать. Или отправлялся к отцу Оливеру, чтобы поговорить с ним о жизни. Теперь он оставался его единственным другом и наставником. Вспоминал родителей, Джесси, Мэри, маленького сына. Размышлял о том, что будет после войны. Как сложится мирная жизнь. Но даже представить себе не

мог, что ему предстоит после завершения всех кровопролитных сражений оказаться в советском плену...

Однажды у Питера случился нервный срыв. Он не поехал на службу – надоело возиться с бумажками, мучительно ждать апелляции, он не поехал в библиотеку – наука тоже стала претить, не встретился с отцом Оливером, хотя договаривался с ним заранее, вообще не сдвинулся с места из своего поместья. А просто потянулся к бутылке виски и стал пить. Сначала глоток за глотком, потом всё больше и чаще, не замечая того, что одна бутылка сменяет другую. Пребывал в мечтах и фантазиях, вспоминая всю прошедшую жизнь, всех родных и близких, оставивших этот мир. Мысленно он ходил по памятным местам, посещал кладбище, Оксфорд, библиотеку, где они сидели с Мери, Темзу, озера, где он с Джесси ловил рыбу, любимый паб, больницу, лавочку в госпитальном дворе...

Так прошел один день, другой, неделя. На каком-то этапе он встал и вышел из дома. Вечерело. На улице он встретил отца Оливера, который шел к нему навстречу. Священник только что закончил вечернюю мессу и теперь в третий раз решил проверить, дома ли Питер.

— Ты в порядке, Питер, я иду к тебе. – Отец Оливер был поражен его видом. – Что происходит, на тебе лица нет. Где ты был все эти дни?

— Скажите, вы действительно считаете, что моя семья должна была погибнуть, господин священник?

— Извини, ты о чем? Что происходит, Питер?

— Вы прекрасно знаете, что происходит и что уже произошло.

— Нельзя так со мной разговаривать. Я думаю, нам надо поговорить. Тебе надо прийти в церковь и исповедоваться. Есть определенный порядок, регламент...

— Исповедоваться!? За что, за какие грехи? Откуда, черт побери, вы взяли Доктрину первородного греха, которая требует моей смерти и убила мою семью?!

— Бессмертие надо заслужить, — ответил отец Оливер. — Верой, любовью.

— Это всё пустые слова...

— Наполни их смыслом. Только от самого человека зависит, станут они пустыми или полными, — с чего ты взял, что твоя семья должна была погибнуть? Я этого не говорил.

— С того, господин викарий, что так у вас принято!

— Питер, сын мой, успокойся. Тебе надо взять себя в руки.

— Я вам не сын и вы мне не отец. А где находится мой отец с матерью, братом, моей женой и сыном вы знаете.

— Это аморально, Питер! — Отец Оливер был поражен его жесткими словами, даже отшатнулся.

— Если бы мы не были аморальны, что бы делали священники? Почему для вас главное – это обсуждать обязанности других? Если вы думаете, что это и есть путь ко мне, то вы все ненормальные.

Питер прошел мимо, оставив отца Оливера в недоумении. Потом свернул в сторону парка, сел на скамейку у входа и просидел так до полуночи. С первыми лучами солнца он уже был в саду на скамейке больницы, где просидел в оцепенении еще пару часов. Потом пошел на кладбище, где в течении часа просто стоял у могил родителей, Мери, сына и друга. К вечеру он был уже на пути к дому, но по дороге заглянул в тот самый паб, где они с Джесси любили проводить время. Он выпил залпом две пинты, оставил деньги на стойке и, не говоря ни слова, вышел. Бармен отошел в сторону и наблюдал за ним издали; не решался подойти и что-либо спросить. Вернулся Питер домой поздней ночью в полном изнеможении и моментально заснул на диване в каминном зале.

Всё это время он пребывал в глубокой депрессии, которая переходила в безвременное забвение. Его искали в штабе, звонили

по телефону, приезжали домой, стучали в двери, заглядывали в окна, опрашивали соседей. Он не отвечал, поскольку сгинул из реального мира. Военная полиция заехала даже в госпиталь Святого Варфоломея, чтобы поговорить с персоналом, но никто ничего не знал. Элен в тот день на работе не было. Но её коллега, сестра Виллард, дождавшись конца рабочего дня, отправилась к ней домой и всё рассказала. Высказала предположение, что с ним что-то случилось в родовом замке, где давно не было никакой прислуги. Может быть, сердечный приступ?

Мисс Кент тотчас же собралась и, позабыв про все обиды, поехала в Ричмонд. Усадьба выглядела пустой и заброшенной. Окна погашены на всех двух этажах. У парадного входа никаких свежих следов присутствия человека. Элен разочарованно развернулась, чтобы уйти прочь, но что-то заставило её еще раз заглянуть в окно. Она приложила ладони к стеклу и стала разглядывать гостиную. Сквозь стекло она различила фигуру человека. У потухшего камина на ковре кто-то лежал. Или ей показалось? Нет, силуэт шевельнулся.

Элен подняла булыжник, обрамляющий клумбу, и решительно выбила стекло, вытащила осколки из рамы, чтобы не пораниться, и перелезла через подоконник в комнату. Воздух был спертый и удушливый. Подошла к человеку, лежащему навзничь. Так и есть – это был Питер. Но в каком виде! Чтобы понять, что он жив-здоров, но смертельно пьян, да еще с зажатой в руке бутылкой, достаточно было одного мгновения. Элен отодвинула от него пустые и недопитые бутылки, опустилась рядом с ним, приподняла его голову, положила себе на колени и поцеловала. Он что-то пробормотал сквозь сон. И улыбнулся. А она заплакала. От радости, что он жив. А всё остальное – ерунда.

— Тебя весь мир ищет, — тихо произнесла она.

Питер что-то пробормотал и обнял ее за колени, а Элен наклонилась и прижалась к нему.

Она поняла, что любит его. И ей за него очень больно.

— Ты понимаешь!? Весь мир...

Слышал ли он? Если нет, то услышит и поймет это позже.

Филиал Красногорского лагеря в Москве, 28 января 1946 года, утро

Ужесточенный режим в лагере пока никто отменять не собирался, словно все они были кладоискателями на необитаемом острове. Вот только зарытых сокровищ Джона Сильвера и Эдварда Тича* не находили. Стоун копал и закапывал ямы наравне с другими военнопленными, пусть и не весь период, как все, но какое-то время. И хотя вся территория вскоре напоминала изъеденное черной оспой больное человеческое тело, арестанты продолжали под наблюдением Волкова, Коренева или Васильева рыть, рыть и рыть, а потом, передохнув немного, совершать бессмысленный труд в обратном порядке.

Через пару недель некоторых, под усиленными нарядами охраны, стали выводить за ограждения на стройку. При этом от военнопленных стали требовать усиленные нормы выработки, чего раньше не было. Рабочий день был продлен до последних минут светового дня.

Это вызывало естественное раздражение у интернированных. Они начинали громко роптать и ссориться между собой. Возможно, именно, это и послужило толчком к тому, что у Фридриха Рёске окончательно «сехала крыша» — на почве ужесточенной лагерной сутолоки. Или после нокаута от Мельниченко. Но он явно обезумел. Всё время проявлял какую-то немотивированную агрессию к окружающим, не только к Питеру Стоуну. В каждом человеке видел своего личного врага.

А ранним утром случилось следующее. В бараке было еще темно, но снаружи раздался звон колокола на побудку.

Военнопленные стали поспешно вставать и одеваться. Кто-то включил свет. Один Рёске продолжал неподвижно лежать на кровати. Казалось, спал, но глаза были открыты и неподвижно устремлены в потолок. Рихард Кох подошел к нему и сказал:

— Вставайте, Фридрих, пора. Подъем.

Однако Рёске лишь перевернулся на бок, спиной к нему.

— Колокол бьет, подъем, — продолжил Кох.

— Отстань. Спать хочу.

— Вы же не спите. Что случилось?

— Ничего.

— Будут неприятности. Карцер.

— Пошел вон.

Рёске накрылся с головой одеялом. В барак, как обычно, вошли два солдата, чтобы сопровождать военнопленных на плац. Все заключенные выстроились возле своих кроватей. Кроме одного. Это вызвало естественное недовольство и раздражение у солдат. Один из них остался у двери, второй направился к Рёске. Приподнял суконное одеяло с головы.

— Болен? – спросил солдат, обращаясь к тем, кто находился рядом.

Ответил ему Кох, пожимая плечами:

— Не знаю.

Остальные молчали. Рёске здесь никто не любил, а ситуация становилась непредсказуемой. Военнопленные переминались с ноги на ногу. Солдат приложил ладонь ко лбу толстяка-артиллериста, проверяя температуру, но тот неожиданно резко вскочил с постели и заорал на солдата:

— Убери руку, русская свинья!

И одновременно сильно ударил ошарашенного охранника кулаком в лицо. Тот повалился навзничь, но успел крикнуть своего напарнику:

— Зови дежурного!

Первый солдат выскочил из барака. Военнопленные застыли, озабоченно переглядываясь. Разносился лишь глухой ропот. Стоун и Кох стояли рядом и перекинулись парой фраз:

— Сейчас начнется!..

— Жди самого худшего...

А Рёске продолжал избивать солдата. Никто не решался его остановить. Некоторым это даже нравилось. Рёске приподнял солдата и сделал захват шеи локтем, прижав грудью. В руке у обезумевшего майора-артиллериста появилась заточенная ложка, которую он приложил к горлу солдата и прокричал:

— Грязные свиньи! Вы не будете мне указывать!

Один из заключенных сказал:

— Оставь его, Фридрих.

Вмешались еще двое, ближе к нему:

— Прекрати, будут неприятности.

— Хватит, Рёске, сейчас придет офицер.

А у солдата на шее уже проступила капля крови. Он пытался вырваться, но майор держал его крепко. На решительный поступок решился только интеллигентный сердобольный Кох. Он направился к нему, но тот остановил его грозным окриком:

— Не подходи ко мне! Иди к своей английской свинье!

— Успокойся, Фридрих, брось нож! – отозвался Кох.

— Резать вас всех буду! Сейчас убью эту свинью, а потом и тебя с твоей английской свиньей!

— Что он тебе сделал?

— И он сделал, и ты сделал, и вы все предали и сделали!

Кох все-таки попытался его образумить:

— Ради бога, Фридрих, никто против тебя ничего не имеет, отпусти солдата.

Но глаза майора лишь безумно блестели, а изо рта доносились лишь одни ругательства и проклятия. Питер сейчас вспомнил, как ведро с цементным раствором едва не вбило его голову в плечи. А

если бы на месте этого солдата очутился он? Или кто другой? Рёске, наверное, было всё равно, кого резать. Хотя нет, советский солдат был предпочтительнее. И он продолжал кричать. Порой даже переходил на рёв. И сам напоминал готового к закланию борова.

Пораженные заключенные отступили от безумца подальше. А военнопленный с заточкой уже перешел на визг:

— Кто у вас тут главный в НКВД? Берия? Сталин? Пусть они придут сюда, и мы поговорим. Пусть они объяснят мне! Я требую вашего маршала Жукова.

— Рёске, не глупите. Прекратите! – Кох сделал еще одну попытку образумить одержимого.

— Нет! Хочу Берию и Жукова! Сталина хочу!

— Даже если приедут они сюда, что вы им скажите?

— Я потребую, чтобы они признали свое поражение в войне. Вот так! И выпустили меня из вашего вонючего лагеря. Свиньи!

— А сами маршалы, — Сказал Стоун Коху, — следуя его логике, должны занять в бараке его место?

— Видимо так.

В дверях барака появился майор Волков, за ним первый солдат и два сержанта с автоматами в руках. С плаца вместо ударов колокола доносился вороний грай. А Рёске одной рукой удерживал заложника за шею, а другой надавливал заточкой на сонную артерию, еще чуть-чуть – и проткнет. Пятно крови на шее превратилось в тоненький ручеек и катилось солдату за воротник. Но долго ли продержится со своим пленником в этом положении?

Ситуация оказалась нештатная: интернированный с охранником поменялись местами. Конвоиры не решались стрелять. Можно попасть в своего товарища. Да и приказа от Волкова не поступало. А Рёске орал и бессвязно требовал только одного. Теперь смысл его криков стал понятен. Но он был сам по себе до того бессмысленен, что у многих заключенных вызвал только смех. Даже конвойные

захихикали. Не до смеха было только пленному солдату и майору Волкову. Ну, и самому Рёске, понятно. Патовая ситуация...

Волков вытащил из кобуры пистолет, сделал несколько шагов к Рёске и спокойно спросил:

— Чего ты добиваешься?

В глазах интернированного майора-артиллериста ярость и иступление превратились в страх и постепенно сменились ужасом. Новый поворот событий вызвал оживление среди заключенных и охранников. Некоторые не скрывали радости. А бывший офицер Вермахта теперь излучал трепет. Трагикомическая сцена, если бы не реальная заточка у горла солдата, прыгающая в руке Рёске, как поплавок с пойманной в пруду рыбой.

Волков сейчас решал в уме простую задачу. Рёске, который еще минуту назад сбивался то на крик, то на свинячий визг, теперь был в оцепенении. В глазах появилась мольба. Он даже ослабил захват и чуть отодвинул заточку от горла солдата. Потом и вовсе уронил ее и отпустил своего пленника, который резко метнулся в сторону и спрятался за спиной майора.

Стоун встретился взглядом с глазами майора. Ему показалось, что тот едва заметно подмигнул ему. Потом неожиданно для всех вскинул руку и почти в упор выстрелил. Хватило всего одной пули. Она вошла ровно над переносицей Рёске. У того на лбу появилось небольшое красное пятно, и он упал навзничь в проходе между кроватями. Жизненный путь бывшего артиллериста, а в последние месяцы, военнопленного, Фридриха Рёске, бесславно закончился.

— Унесите! – повернулся Волков к охранникам. И добавил с подавленной на лице улыбкой, обводя взглядом заключенных:

— А теперь — доброе утро, господа! Наконец-то можно и поздороваться.

Стоун и Кох переглянулись.

Вспоминает и рассказывает Питер Стоун — поток сознания

Мои поездки с полковниками продолжались. Как и встречи с интернированной элитой в лагере и за её пределами. Однажды, когда мы ехали из Москвы в Красногорск, полковники сами направили разговор в интересующее их русло. Начали как всегда издалека, но по привычной схеме.

— В Советском Союзе, Питер, если бы вы приняли гражданство и остались, — сказал Петр Алексеевич, вам светит звание профессора и кафедры, не меньше. И все условия для самостоятельной работы.

— Это, без всякого сомнения, — поддержал Сергей Петрович. — А со временем — командировки по миру, археологические экспедиции, доступ к архивным рукописям и манускриптам, публикации в газетах и журналах, переводы ваших книг на зарубежные языки.

— Мировая известность и научная слава в среде ваших коллег языковедов.

— И черная зависть к вам с их стороны.

— Поскольку ваши открытия будут по достоинству оценены советским правительством.

— Награды, ордена, звания...

— Премного благодарен, — с насмешкой отозвался я.

— Знаете, сколько ученых, инженеров, учителей из США, Франции, Италии, Швеции и даже вашей любимой Британии уже плодотворно трудятся у нас? Тысячи!

— Верю вам, но встречаться с ними не хочу. Пусть они занимаются вашими металлургическими заводами, карандашными фабриками, электростанциями и определением формулы счастья, а я продолжу заниматься своими галстуками, запонками и

смокингами. Буду есть скучную английскую еду, пить виски и пиво без пены.

Сергеев неожиданно слегка опустил стекло и скомандовал водителю:

— В гостиницу! — а потом добавил, поедем лучше пообедаем. Соловья баснями не кормят.

Планы Бима и Бома резко изменились, и мы поехали в сторону центра.

Он даже не сказал, в какую гостиницу надо ехать, и мне стало понятно, что туда они направлялись не в первый раз. А для чего, с кем предстоит встретиться, какие правила общения мне придется осваивать? Вскоре выяснилось, что нужно было постигать совсем не известное мне до этого правило русского застолья, а точнее, один из грехов детей Ноя – чревоугодие, на конечном этапе которого Петр Алексеевич и Сергей Петрович расстегнули пуговицы на брюках и приспустили ремни.

Вскоре мне удалось мельком увидеть Кремль — вотчину Сталина, а через минуту мы остановились и вскоре оказались в просторном зале ресторана при гостинице Метрополь. Зал был великолепен, как и еда, которую без конца подавал кельнер. Впрочем, их было двое; один приносил еду и менял тарелки, фужеры и прочую посуду, второй беспрерывно ходил по кругу за нашими спинами и наливал ледяную водку, различные соки и минеральную воду в хрустальные бокалы и фужеры. Одно блюдо мне напомнило aspic или мясной jelly, то есть холодец, который я не ел, как и селедку в масле с кольцами лука, которую мои опекуны поглощали вместе с горячей отварной картошкой в сливочном масле. Другие салаты, закуски, борщ и курица, которая почему-то называется «Котлетой по-киевски» оказались бесподобными.

— А давайте выпьем за вас, Питер, — неожиданно сказал полковник Сергеев.

— Да, — подхватил его идею полковник Алексеев, выпьем за вас, за ваш день рождения. Мы ведь как-то пропустили эту дату, не отметили. Тридцать лет.

— С удовольствием, — ответил я. — Почему бы и нет. Хотя круглые даты немного полнят и плохо сказываются на здоровье.

— Ну, это не про вас, не та у вас конституция.

Мы чокнулись громко, по-русски. Потом еще раз и еще, и еще...

Рюмки всегда наливались до краёв, хотя я едва отпивал по глотку, а мои опекуны всегда выпивали до дна. После обильного обеда, который, как мне казалось, никогда не закончится, трех графинов водки, которую почти полностью выпили мои наставники, мы медленно перешли к русскому чаепитию с лимоном, вареньем, пирогами и прочими атрибутами русского гостеприимства.

Затем перешли к тому, что должно было их занимать больше всего.

— Как-то в одной из наших бесед вы коснулись темы конспирологии и тайнописи в языкознании, — напомнил полковник Сергеев.

— И вот не могли бы вы с этого места поподробнее, — добавил полковник Алексеев.

— Охотно, нет ничего легче, — кивнул я. — Спецслужбы и разведки в разных странах использовали «тайные языки» для засекречивания информации и во все времена имели повышенный интерес. Они сами по себе привлекательны. Боюсь только, что в наше время все уже устарело. А технические средства сегодня таковы...

— Ничего, продолжайте. Новое, это, как говорится, хорошо забытое старое, — сказал Сергеев.

— Вот и расскажите о прошлом.

— Ладно. Издавна, когда хотели скрыть информацию от непосвященных, применяли изображение слов условными знаками. Есть и другие способы, например, иносказательные, или цифровые и

т.д. Содержание такого письма будут знать только посвященные в систему знаков и символов. Алфавит, таким образом, становился шифром, позволяя им обмениваться тайными мыслями и знаниями и скрывать свои истинные задачи и цели. Тогда же, в средние века посвященные стали определять исторические события от сотворения мира через Каббалу. Это уже так называемое «Явление Скалигера». Будущее также предсказывалось тем же способом, но уже при поддержке астрологии. Но это такая длинная тема, что в ресторане не хватит ни водки, ни котлет.

— Хорошо, — сказал Сергеев, рассмеявшись. — Тогда мы дадим вам бумагу, а вы всё напишите. Это ведь не трудно сделать? А ваши знания обретут плоть в лице благодарных читателей.

— Хорошо, — подумав немного, ответил я. — и я даже догадываюсь, кто эти благодарные чтецы. Все это давно известно увлеченным ученым и исследователям. Кроме тех, кто не посещал Британскую библиотеку и не исследовал древние рукописи. А это не противоречит моим принципам, да и будет, чем заняться... — Тогда давайте перейдем к «Newspeak», то, что вы называете, наверное, «Новояз». У нас в Оксфорде как-то читал лекцию стипендиат Итон Колледжа некий Эрик Артур Блэр, мелкий писатель и журналист. К этому времени он уже был известен миру утопической прозой под псевдонимом Джордж Оруэлл. Пригласили его только потому, что он был идейным противником сталинизма. Сам был когда-то сторонником левых взглядов, вместе с молодой женой даже отправился в Испанию, сражался в рядах ополчения коммунистической партии на Арагонском фронте. В Уэске был ранен в горло снайпером. Выжил. Вернулся в Англию. Поумнел.

И с тех пор смотрел на СССР с горечью, считал, что вашу революцию предали, а главным предателем, воплощением зла, по его мнению, был ваш вождь. Его приводило в негодование то, что после кровавой революции, гражданской войны и террора, к власти пришло не бесклассовое общество, как обещали большевики, а

новый правящий класс, гораздо более безжалостный и беспринципный. Гангстеры, которые сами по себе тяготеют к деспотизму.

— Вы тоже так считаете, Питер? – спросил Сергеев.

— Речь не обо мне. Но бог с ним, с Блэром. Лекция была довольно занудной и пропагандистской. Потом я обедал с ним дома, а после этого в тени кедров, позванивая бокалом шерри, он рассказывал о новом мире не слишком отдаленного будущего, о том, как будет выглядеть мир через пятьдесят лет.

В мире идет непрерывная война. Союзы с врагом то заключаются, то они опять бьются насмерть. А как объяснить народам, что сегодня – одно, а завтра – другое, прямо противоположное? А Блэр выдумал такую форму нового языка, Newspeak, вымышленный язык тоталитарного общества, изуродованного партийной идеологией и оборотами речи, в котором слова теряют свой изначальный смысл и означают нечто прямо противоположное. Например, «Мир – это война». Или «Ложь – это правда». Блэр описывает новый язык, как единственный в мире язык, чей запас слов с каждым годом сокращается. А поскольку сам он англичанин, хоть и родился в Индии, то и использовал английский, упрощая его словарь и грамматические правила.

Этот язык может служить программе социалистической партии и призван нейтрализовать оппозиционный образ мышления, делая его преступным. С этой целью из речи исключены слова и выражения, описывающие понятия свободы, революции и так далее. Ведь самое легкое и эффективное – это уничтожать слова, не так ли?

— Намек понял, — ответил Петр Алексеевич. – Нехороший человек этот ваш Блэр. И мысли его опасные, сразу видно, куда метит.

— Я, на самом деле, не знаю, что он успел опубликовать из написанного, но события тридцатых годов сильно повлияли на него, и он угадал, что они являются началом зарождения нового порядка и началом построения нового языка.

— То есть, СССР и Германия являются главными действующими лицами нового порядка? – спросил Сергей Петрович.

— К началу войны так казалось, а теперь очевидно, что Германия выбывает.

Полковники кивнули.

— Его язык исключал любые отклонения от основной политической линии. Добивались этого тем, что в новые слова вкладывали максимально широкий круг понятий. Сатира направлена, в первую очередь, против тоталитарных режимов. Но тут есть одна неувязка.

У меня было одно преимущество перед полковниками: я мог говорить открыто, излагать чужие мысли свободно, интерпретировать их, как угодно, а они – нет, ведь даже за это могло последовать наказание. Диктофон-то всё писал, машинка крутилась... А преступные мысли не утаишь. Я продолжил:

— В его работе звучит такая интересная мысль. Политический язык формируется так, чтобы ложь выглядела единственно правильной и ведет наше мышление к тому, чтобы мы приняли за истину то, что является абсолютной чушью. Ложь и демагогия становятся общепринятой нормой при всех режимах, а в результате любой язык упрощается и деградирует. В итоге появляется целое поколение людей со скудным словарным запасом и ограниченными знаниями истории, литературы, географии и других элементарных предметов. Но это к нам не относится.

— Почему же не относится? Продолжайте. Нам интересно всё, что вы говорите, — сказал Алексеев.

— Тогда так. Мое личное мнение, что Блэр во многом прав. Пройдет два поколения и миром будут управлять люди с абсолютно другими интересами и ценностями. Ложь и обман станут господствовать во всем информационном пространстве. Борьба за нравственность превратится во всеобщую дозволенность и распущенность, а скрытые войны будут прикрываться лицемерными лозунгами типа «Мир и безопасность» и «Помощь угнетенным

народам», «Бойкот империалистам». Государственный деспотизм вырастет на основе нарушения всех принятых норм и даже первой заповеди. Человек противопоставит себя Богу и всем законам мироздания.

— Вы сам утопист, Питер, — последовала реплика Сергеева.

— Нет, я опираюсь на историю древности. Культ личности цезарей рабовладельческого Рима и культы личностей вождей вашего социализма имеют одну и ту же платформу. Вспомните строителей Вавилонской башни. Это произвол властей в одной связке с религиозным деспотизмом. До этого империи создавались при помощи меча, а новый мировой порядок воплотит свою политику иными способами: истинные мотивы будут скрыты за благими намерениями: вместе решим экономические, политические и другие глобальные проблемы! А для этого будут использованы особые методы двойных стандартов. «Война – это мир», «ложь – это правда». И наоборот.

— Мыслепреступления из вас, Питер, так и прут, — рассмеялся Алексеев.

— Продолжу. Блэр далеко не одинок в своих прогнозах. И Newspeak не совсем его изобретение. Был такой французский писатель конца восемнадцатого века — Луи Себастьян Мерсье. Он ни минуты не сомневался в том, что французский язык станет языком будущего через пятьсот-шестьсот лет. А Уильям Моррис в своей книге «Вести ниоткуда, или эпоха мира» писал о глобальной англизации будущего человечества.

Я продолжал излагать свои взгляды и знания:

— Вейтлинг в «Гарантиях гармонии и свободы» утверждал, что появление всемирного языка неизбежно и появится он только в коммунистическом обществе. Привет вам от Вейтлинга, господ полковники! Он полагал, что создание нового, красивого, художественного и эстетичного языка уже потому необходимо, что все известные современные языки имеют в себе много изъянов. Но

я думаю, что все это субъективно. То, что «благозвучно» для русского уха, вполне может оказаться полным хаосом для уха китайского. Вы еще не устали меня слушать?

— Нисколько.

— И к заключению — любопытный материал даёт роман Герберта Уэллса. Так, например, в книге «Спящий пробуждается» описывается общество XXI века, когда на Земле в ходу остаются всего четыре языка – английский, немецкий, французский и русский. На втором этапе, после решения соответствующих политических проблем глобализации, региональные языки сольются в один всеобщий. И таковым, по мысли автора-фантаста, будет язык, напоминающий английский по структуре и имеющий интернациональную лексику.

Я передохнул и посмотрел на них, не уснули ли...

— Но у автора есть одно новшество. Вам, господа полковники, будет особенно интересно.

— Ну-ка, ну-ка! – сказал один из них.

Почему мне запомнилась эта поездка? Не знаю. Память – избирательна, а иногда она нам отвечает на те вопросы, которые мы и не задавали... Наверное, всё-таки из-за греха, известного в христианстве, кажется, под номером пять – Чревоугодие. Ведь я такого ещё не видел. А главное, я всё это время думал только об одном – о побеге. Но мой прогноз о будущем человечества сбывается... Это была последняя встреча с полковниками в рамках их работы со мной.

Лондон, январь - февраль 1944 года

Несколько месяцев подряд Питер Стоун писал прошения о изменения категории годности, или о назначении повторной медкомиссии или пересмотре ее решения, или просто о переводе к строевой службе, что давало ему право идти на фронт. Ответа не

получал. Регулярно просматривал входящую почту, надеялся. Однажды женщина-лейтенант, работавшая вместе с ним в штабе, сказала ему:

— Все еще надеешься? Ты совсем не знаком со штабными порядками.

— Знаешь, я написал уже более десяти прошений и всё без толку... В разные инстанции. Ответа никакого, отрицательный ответ – тоже ответ, но его нет.

— Твое желание может исполниться только чудом. Или случайно.

— А я верю.

И это «чудо» неожиданно свершилось. Или, всё-таки, случайность? Как-то раз Питер неожиданно встретил в штабе своего бывшего командира – полковника Гемпширского полка. Тот прибыл сюда по какой-то надобности. Они поздоровались, обменялись скудными новостями о службе. Потом полковник участливо спросил:

— Что-то не так, лейтенант?

— Так точно, сэр, хочу просить вас о помощи, — отозвался Стоун. — Я прошу вашего содействия, сэр, вернуть меня к строевой службе.

— Хотите воевать, лейтенант?

— Так точно, сэр! И прошу вашей помощи.

Стоун, полагая, что полковник мог не помнить историю каждого офицера, бывшего в его подчинении, вкратце рассказал ему о ранении и медкомиссии, по результатам которой он оказался здесь более семи месяцев назад.

Полковник задумался. Он помнил лейтенанта Питера Стоуна и знал, каким храбрым и ответственным офицером он был.

— Ну хорошо. Я не буду вам ничего обещать, чтобы разочарование не было столь ощутимым. Попробую посодействовать и дам необходимые рекомендации.

Так и случилось. Через две недели Стоуна неожиданно вызвали к начальству и дали направление в его родную часть — в Гемпширский полк. Питер мысленно поблагодарил своего благодетеля-полковника и возвратился, наконец, в свой полк. Потом прошел двухмесячные учения, получил звание капитана и успел к высадке союзных войск в Нормандии. Так он снова оказался на фронте, принимая с первого дня непосредственное участие в боевых операциях.

Глава Одиннадцатая

Высадка в Нормандии и минорная Франция

Долго мы ждали этого дня, нам не терпелось, нервы были на пределе. Нервозность чувствовалась как среди солдат, так и среди тех, кто старше по званию. Офицерам низшего звена тоже почти ничего не рассказывали, но я чувствовал, что скоро начнем. Как потом выяснилось, время начала операции зависело от многих факторов: фазы Луны, прилива, восхода солнца, погодных условий. Важно, чтобы десантные суда доставили живую силу и технику как можно ближе к берегу и не сели на мель. По первоначальному плану должны были высадиться в начале мая, но что—то не сработало и операцию «Оверлорд» отсрочили на месяц. В июне таких дней было три — 5, 6 и 7 июня. Началом операции выбрали 5 июня. Но из-за неожиданного ухудшения погоды высадку перевели на 6 июня — день, который вошёл в историю как «День Д».

Для проведения операции судостроительные компании США и Британии за короткий срок построили 30 тысяч десантных судов различного типа, разработчиком которых был доселе не известный гений-самоучка Эндрю Хиггинс. Именно о нем верховный главнокомандующий Дуайт Эйзенхауэр сказал: — «Эндрю Хиггинс — человек, который выиграл войну для нас. Если бы этот гений не

создал нам суда, мы никогда не смогли бы высадиться на открытом берегу. Стратегия всей войны была бы совсем другой”.

Для максимально эффективной загрузки техники и солдат на суда в южных районах Англии за короткий срок проложили дополнительную разветвлённую сеть дорог, которые спускались к морю, причалам и пирсам. Там же построили современные порты для погрузки и высадки войск, техники и прочих грузов. В некоторых местах соорудили искусственные гавани. Всего в Нормандии и других частях северной Франции за время операции высадилось почти два миллиона 900 тысяч солдат и офицеров. Силы гитлеровской Германии составляли один миллион человек, из которых 250 тысяч были уничтожены, и еще 200 тысяч попали в плен. Союзники потеряли погибшими, ранеными и пропавшими без вести 230 тысяч человек.

Операция стала итогом договоренностей Тегеранской конференции конца 1943 года, когда президент США Франклин Рузвельт, премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль и глава Советского Союза Иосиф Сталин встретились в столице Персии для координации действий в Европе и остальном мире. Встреча лидеров способствовала принятию решения о стратегии борьбы против Германии и Японии. Из всех пунктов наиболее важными были открытие Западного фронта силами США, Великобритании и других союзников антигитлеровской коалиции. А также начало военных действий Советским Союзом против Японии после разгрома гитлеровской Германии. И еще: была выработана доктрина послевоенного устройства мира и согласованы основные формулы обеспечения международной безопасности. Все устали от войны и искренне желали прочного мира.

Я не хотел бы останавливаться подробно на политических аспектах последнего периода этой войны, ведь в учебниках и справочниках все написано. Также не хочется шаг за шагом трактовать скучные будни повседневной армейской жизни; это тоже

не столь важно. Я расскажу о войне своими глазами, как путешественник, идущий по пересеченной местности.

Пока мы плыли, я пытался всех подбодрить, хотя знал, что наша высадка во многом зависит от удачи. Мысль о том, что некоторые мои товарищи по оружию, кто-то из четырех моих взводов в составе 132 человек, быть может начал обратный отсчет своего жизненного пути, тревожно скребла мою душу. И к счастью, атака немцев была довольно вялой, на всем участке к северо-востоку от города Кан и до устья реки Уистреам почти не чувствовалась, но тем не менее, двоих солдат мы не досчитались; они погибли от бомбы, сброшенной с самолета Люфтваффе.

Мне было известно о том, что гитлеровцы вели себя на захваченных территориях как гиены, пожирали людей живьем, отрывая от них куски мяса. На ознакомительных занятиях и лекциях о войне нам мимоходом рассказывали о концентрационных лагерях и массовых убийствах гражданского населения, особенно на Восточном фронте – мы чувствовали, что от нас многое скрывают, но больше того, что нам рассказывали, видимо, знать нам было не положено. Теперь самую малость мне пришлось увидеть во Франции. Своими глазами. А путь мой был еще очень долгим; надо было освободить страну, а потом — на восток. Или хотя бы дойти до Парижа, а дальше передать инициативу в руки ополченцев де Голля или Леклерка. Сопротивления или Сражающейся Франции.

Войска Вермахта можно было назвать боевыми только условно, они покрывали территорию Франции неплотными соединениями, выполняя в основном полицейские и карательные функции. Пользовались услугами коллаборационистов и подразделений СС. Больших скоплений войск мы почти не встречали, как и особого сопротивления. Хотя на некоторых участках были настоящие сражения, как на подступах к городу Кан. Немцы и Вишийцы понимали свое отчаянное положение, чувствовали приближение конца и не хотели так просто сдаваться. Надеялись на чудо.

В первой деревне французы встретили нас сконфуженно, смотрели на нас с опаской, словно боялись какого-то подвоха; на столбах и деревьях всё ещё висели шесть человек, среди них трое подростков и две женщины. Тела были заминированы и все опасались взрывов. На груди одного из них на куске картона было написано «За помощь партизанам». Правительство капитулировало, несогласные стали заниматься подрывной деятельностью или становились партизанами и уходили в леса. Военные суды проводились постоянно и, соответственно, расстрелы. Или виселица. Так же регулярно какой-нибудь боец стрелял в немцев, взрывал гранату или самодельную бомбу.

Общаться с местным населением не представлялось возможным; французы не знали английского, и за годы оккупации немцами стать не успели. Но все-таки поговорить мне удалось, когда в третьей деревне я встретил председателя, который отдаленно по манере общения напомнил мне доктора Робинсона.

— Что сказать, стыдно за все это. Они потеряли человеческий облик, мародерствовали. А наши женщины отдавались за еду, за плитку шоколада можно было иметь целый гарем. Проституция за сигареты была очень распространена, настоящая эпидемия — ведь сигареты стали лучшей валютой. Я никогда немцам этого не прощу, они унизили нас, забрали у нас человеческое достоинство, всё. Сами потеряли право называться людьми. Там ниже, в соседней деревне они искали партизан, а когда прочесали леса и никого не нашли, то собрали всех на площади у костела и стали расстреливать каждого десятого. На глазах у всех. Последних привязали к повозкам с лошадьми и разорвали на куски. И тела не давали захоронить. Люди стояли и охраняли куски человеческого мяса, оторванные руки и ноги. Чтoб собаки не съели. А эти из СС мочились на тела, на то, что осталось и смеялись.

Он помолчал с минуту, а потом добавил:

— Запомните, это враг. Увидите Эсэсовца, убейте его. Знайте, это не человек.

Отступая, немцы разрушали дамбы и плотины, взрывали мосты, порты и причалы по всей Франции, в Бельгии и Голландии. Потому снабжение едой и боеприпасами было затруднено и шло медленно. На пути нашего следования от Ла-Манша на юг, они минировали дороги и постройки, сараи, костелы, магазины, мельницы. Ломали печи в домах, поджигали сараи, урожай на полях, силосные башни. Угоняли скот и забирали с собой сундуки, серебро, все, что могло иметь ценность. Что не могли унести, разбивали или сжигали. В одной деревне некая дама, увидев нас, стала рассказывать о своих бедах, пригласила в дом, накрыла стол: хлеб, картошку, вареную конину и вино. Перед уходом немцы расстреляли оставшихся свиней, облили бензином и подожгли. Коров угнали. Я поблагодарил и приказал идти дальше. Велел выдать еды: консервы, шоколад, джем, сигареты.

Вдалеке я увидел пламя и приказал поторопиться. Мы проехали не более километра и перед нами открылось тяжелое зрелище — огромный амбар в огне. Вокруг толпились несколько человек, но никто ничего не предпринимал. Происходящее шокировало. Ко мне подошел пожилой мужчина и попросил помощи.

— Там люди, — сказал он, фашисты заперли их, облили по кругу бензином и подожгли. Кто-то изнутри пытался выломать калитку, и немцы стали стрелять по ним через стену.

Это был тот редкий случай, когда живые завидовали мертвым; те, кто погиб в огне на несколько минут позже, завидовали тем, кто погиб ранее от пуль. Спасти кого-то не представлялось возможным, все были давно мертвы. Увиденное меня потрясло. Я заметил столб пыли, посмотрел в бинокль и увидел колонну удаляющегося транспорта – десятка два машин и мотоциклов с люльками. Отдал приказ немедленно пуститься в погоню и уничтожить. Любой ценой. Мы помчались за ними колонной в два ряда, поднимая стену пыли.

Приблизившись метров на сто, открыли огонь из всех видов стрелкового оружия — пулеметов, автоматов. Немцы пытались увильнуть, но мы использовали наше преимущество — находились сзади и догоняли. Вели плотный огонь. Через десять минут погони и интенсивного огня дорога была свободна — все немецкие машины были выведены из строя. Мы остановились и пустили в ход наплечные противотанковые ракеты, пулеметы и пусковые установки, закрепленные на шасси. Два взвода зашли с флангов, отрезая пути к бегству. Добивали мы их почти в упор; мне не было их жалко. Никогда я не был так зол и никогда не чувствовал такого удовлетворения от того, что убиваю людей. А были ли они людьми?

Мы сидим на площади у небольшой церкви вокруг костра. Где-то вдалеке то и дело стреляют, разрываются снаряды, а мы сидим и молчим — прибывшие из разных частей лейтенанты, капитаны, майоры. К нам подходит мужчина лет пятидесяти и приглашает к себе. Он улыбается во весь рот, улыбаются даже его брови, вскинутые вверх и пышные императорские усы. Мы нехотя встаем и следуем за ним и через пять минут оказываемся на пороге огромного двухэтажного дома, и управляющий приглашает войти. Распахивает широкие двери в две стороны и раскланивается.

— Отдохните с дороги — говорит он.

На столе появляются бутылки с минеральной водой, вином, ветчина, головки сыра, овощи, каравай хлеба. Пир на могильнике. Потом появляется дюжина девочек и через минуту веселая компания американских офицеров.

— Выбирайте, — говорит мне услужливый хозяин, — все для вас!

Я невольно становлюсь участником непредвиденной пирушки, но что-то меня держит, и я не могу решиться на «подвиг». Американский офицер, майор-пехотинец настоятельно рекомендует обратить внимание на девочек:

— Я пришлю тебе кого-нибудь, только скажи, какие тебе нравятся? Хочешь вон ту блондинку, грудь у неё что надо, сиськи, как наливные.

В разговор вмешивается услужливый хозяин.

— Для вас лучшие апартаменты, только зайдите, помолитесь.

Мне стыдно признаться, что я так не могу. Надо выпить, что я и делаю и через несколько минут оказываюсь в объятиях той самой блондинки с наливными сиськами и такими же сосками. В лучшем апартаменте.

Специально для меня глава дома принес бутылку виски. А через некоторое время мы стали одной дружной семьей с едой и выпивкой. Каждому хотелось выпить за скорое окончание войны, за приближающуюся победу. Отказаться от все этого было равносильно предательству. И не было конца объятиям и поцелуям. Нас буквально носили на руках! Смеялись, плакали. Как в сказке.

А еще через пару дней мы нашли на обочине дороги изуродованное тело женщины. Чуть дальше, возле маленькой гостиницы толпились десятка два стариков, женщин и детей. Напуганные и беспомощные, на лицах ужас. Рядом груженные машины с мебелью, сундуками, чемоданами, коврами, столовым серебром. Всем, что может иметь какую-то ценность. Внутри дюжина номеров и в каждой из них изуродованное тело, иногда по две в одной комнате. Из некоторых тел торчат бутылки. Я спрашиваю себя, как это называется... В дальнем номере я нахожу троих, которые пытаются удержать за руки и ноги молодую женщину, еще один находится сверху. Я прерываю их праздник. Оргия продолжается на лужайке гостевого дома. На заднем дворе еще одна свора нацистов. Они раздеты до гола, беснуются и горланят – солдаты, офицеры, их целый взвод. Нас как будто не замечают. На земле, на спинках стульев разбросаны черные мундиры. У меня тошнота подступает к горлу. Карфаген последней Пунической войны. Мы в Европе! Суд, приговор, виселица. Но где я

её возьму? Я не могу воспринимать это как должное. Забываю о чести и долге. Эсэсовцев нельзя брать в плен – и я даю волю чувствам – дуло моего автомата вновь разогрето. Война все спишет...

Наша моторизованная пехота продвигается так, как никогда. А наши интенданты едва успевают подвозить продовольствие. Рядом идут танкисты и артиллеристы. Мы движемся днем и ночью, но с осторожностью и потому медленно – надо беречь солдат. Спим три-четыре часа в сутки, а немцы уже не поджигают деревни и поля, они просто бегут. Не только на юг, многие дезертируют и пытаются слиться с толпой, уходят на восток, домой. Некоторые просятся в плен, но не к нам. Британцы не так популярны у немцев, не выдерживают конкуренцию с американцами. Положение запутанное. Я не теоретик войны, но прекрасно знаю, кто такие нацисты, СС, коллаборационисты. Похожие на людей, но не люди. Видел чудеса вседозволенности, безнаказанности и жестокую логику безумия и изворотливости. Никто из них не был нацистом, садистом, никто ни разу не применил оружия, это всегда «тот парень», которого они видели в последний раз два месяца назад. Или час назад, «он побежал туда».

А французы всегда обсуждали, как они потом будут мстить немцам. Когда? Они ехали на повозках и машинах, шли пешком — патриархальные семьи медленно перемещались с запада на восток и с юга на север. Обескураженные и деморализованные, сломленные и растерянные, ошеломленные и пристыженные.

Ко мне подбегает лейтенант и говорит, что слышит выстрелы. Я прислушиваюсь и понимаю, что они доносятся откуда-то с юго-востока. Приказываю ехать прямо и при первой возможности повернуть налево. По мере приближения к источнику, выстрелы становятся всё громче. Мы, в составе целого взвода на пяти или шести машинах едем по проселочной дороге через выжженное с двух сторон поле, оставляя за собой огромный столб пыли. В

воздухе стоит тяжелый запах горелой травы, сена, еще незрелого урожая. Но неожиданно всё стихает и непонятно куда ехать. Я приказываю сбавить скорость и продолжать двигаться, пока не обнаружим источник шума. Через несколько минут мы поднимаемся на холм и видим перед собой небольшую деревню. Медленно спускаемся, огибая дома и строения с левого фланга, когда перед нами неожиданно открывается картина «Судного дня» во французском исполнении. Я приказываю знаком остановиться и спешиться. Мы в гуще вооруженных мужчин и жандармов, молодых партизан и представителей власти. Группа немецких офицеров из пяти человек со связанными за спиной руками, стоит особняком в стороне, в ожидании допроса. Еще один, в звании майора, стоит отдельно от них в окружении французов. Молодой мужчина в широкополой шляпе, по всей вероятности, лидер всего процесса, на плохом немецком задает вопросы. Немцы молчат – они обескуражены и растеряны, в глазах страх и ужас. Его заменяет вооруженный автоматом офицер жандармерии.

— Из какой бригады? – спрашивает он. – Из какого полка? Где вы взяли всё это? – он тычет в лицо толстяку-майору старинный портсигар.

Тут я обратил внимание на небольшой грузовичок, доверху наполненный всяким добром: коврами, люстрами, раскрытыми чемоданами со столовым серебром и канистрами с бензином. Всё становится ясно – мародерство, грабёж, убийства... Но немецкие офицеры упорно молчат.

— Почему вы не со своим полком?

Больше вопросов не было. Вновь заговорил человек в шляпе.

– Вы варвары, которые вторглись в священные пределы нашей страны. – говорит он. — Вы не солдаты, вы не офицеры, вы грабители и убийцы.

– Позвольте, – неожиданно сказал майор, старший по званию. Вы не имеете права нас судить. Есть законы, порядок.

— Вы мне скажите, на основании какого закона вы вторглись в мою страну, убили тысячи людей, мою сестру и моего отца? Вы имели право на это?

В толпе начался рокот, брожение – все требовали возмездия. Некоторые вскинули оружие и направили на немцев.

– Если вы намерены расстрелять меня, – сказал майор, – прошу вас, расстреливайте сразу, без дальнейшего допроса. Это незаконно. – Он перекрестился.

Несколько жандармов и гражданских лиц повели пленных немцев дальше от деревни, подталкивая дулами и прикладами. Я не смотрел, как их расстреливали, но слышал беспорядочные звуки огня – стреляли из того, что было – ружей, пистолетов, автоматов.

Совершенно ясно было, что я никак не могу повлиять на ситуацию. Я представлял себе, как работает их логика. Это всё были молодые люди, опозоренные, униженные и отчаявшиеся. Злые. Война ломает всех, и многие становятся крепче на изломе. Но тех, кто не выдерживает, она убивает. Она убивает и добрых, и храбрых, и отчаянных без разбора. А если ты выжил, то тебе хочется мстить. Ты зол и только так ты можешь стряхнуть с себя всю эту грязь, это унижение и позор.

Человек в шляпе сказал что-то двум парням, и из большого дома, возле которого мы находимся, вывели группу голых девиц, молодых, и не очень. От двадцати до сорока лет, восемь человек. Их сажают по очереди на стул и стригут наголо ручной машинкой. Теперь я понимаю, что это публичный дом, который обслуживал оккупантов. Женщины в оцепенении, в глазах страх, они не могут проронить ни слова; час расплаты пришел. Я подхожу к главному кукловоду и пытаюсь спасти дам от дальнейшего позора.

— Вы хотите, чтобы мы их расстреляли? — Спрашивает он.

— Я хочу, чтобы вы их отпустили.

— Мы их отпустим, но вы не вмешивайтесь, — отвечает он мне. — это наша земля, наша страна и наши граждане. Это наш стыд, наш позор, наша боль.

— Зачем вам это нужно, что это дает? — я пытаюсь найти хоть какие-то аргументы в пользу дам.

— Вы сейчас увидите, — отвечает он торжественно, словно собирается удивить меня голубкой, вылетевшей из рукава.

Он что-то говорит парню с подвернутыми рукавами и наганом за поясом. И через минуту тот приносит ведро с какой-то густой пахучей жидкостью, темного цвета и обливает девиц из кружки. Они плачут и пытаются прикрыть руками глаза. Другой парень выносит из дома две подушки, разрезает их резким ударом ножа и бросает на каждую из девиц горсти содержимого — перья и пух. Такую средневековую расправу придумали французы над своими женщинами — сестрами, дочерьми и матерями. Только так, видимо, можно смыть с себя позор, на который обрекли страну Вишийцы с их легендарным полководцем Петеном, и пораженцы, сдавшие страну гитлеровской Германии почти без боя.

Мы движемся дальше на юг и на окраине большой деревни нам навстречу бежит мальчик-подросток. После краткого рассказа выясняется, что он из Лотарингии и потому неплохо знает оба языка: немецкий и французский. В его глазах нет страха, но есть сильное волнение и тревога. Он заикается и пытается на смеси французского с немецким объяснить, что ищет свою семью. Я начинаю понимать, что в обстановке полного хаоса и слепой паники при попытке бегства он где-то потерял своего отца, мать и сестер-близняшек. Откуда-то доносятся далекие вопли и выстрелы и, пока я выясняю, что произошло, проходит еще пара минут. Я приказываю ехать на шум и оказываюсь на другой стороне деревни рядом с огромным свинарником. Из ворот выходит юноша с поднятым пистолетом, издает непонятный мне звук, похожий на боевой клич индейцев и проходит мимо. За поясом у него еще один Вальтер. Меня как будто

и не было. Я подхожу поближе и пытаюсь разглядеть, что там происходит. Но это оказывается невозможным; не менее тридцати голодных свиней жадно поглощают свою трапезу, обступив ее со всех сторон. По земле разбросана мужская и женская одежда и детские платья. Я вижу налитые кровью свиные глаза и слышу громкое похрюкивание. Менее чем через полчаса свиньи уже катали по соломе и гряде помета позвонки, суставные кости и четыре черепа. Ушей, щек, подбородков не было, ничего не было... Я стоял среди своих солдат в гуще французов и смотрел со стороны. Ни у кого на лице не было жалости, только равнодушие, ненависть и отвращение. Потом они рассказали мне историю всего произошедшего, и того, что ему предшествовало... Когда началась война и немецкие войска вошли в Эльзас и Лотарингию, отец семейства, до этого офицер французской армии в одночасье поменял одну форму на другую и записался в СС. Жена последовала за ним и через три месяца родители с тремя детьми, двумя дочерьми и сыном, оказались здесь, в ста километрах к северу от Парижа.

— Они были страшными людьми, они не были людьми, — сказал кто-то из толпы.

Я вернулся, нашел мальчика и взял его с собой. В тот же день я передал его в руки местной жандармерии. Чтоб не погиб.

Тут я хочу закончить свою французскую историю, грустный эпос без прикрас. Так как мы плотно взаимодействовали с американцами и открыто общались, я узнал некоторые подробности о том, что творилось в концентрационных лагерях. Они рассказывали о миллионах убитых, газовых камерах, печах, где сжигали тела. Немцы всегда отрицали свое участие и говорили, что они просто мирные жители ничего не знали о действиях нацистов. И не было жирного дыма и тяжелой копоти из труб крематориев, которые грузными хлопьями ложились на их дома и сады, мостовые и тротуары. Не было тяжелого запаха от сгоревших тел, не было

смирада, и сажи, и гари. Всё вранье, сплошная ложь. Это не единичный несчастный случай, это даже не трагедия. Это что-то другое. Это статистика убийств, которая продолжается почти шесть лет и конца пока не видно.

Стоны умирающих, окровавленных, растерзанных. Залитые кровью кровати, полы, мостовые и тротуары. Обугленные тела, разбросанные части тела.

Это не игра на самоутверждение, это совсем из других измерений. Заноза глубоко сидит во мне. Всего моего поколения. Вероятно, и всего человечества. Как фрагмент преступной эпохи.

Через неделю после высадки в Нормандии, немцы стали бомбить Лондон и её окрестности самолетами-снарядами ФАУ-1, которые запускали с пусковых установок на севере Франции. А через три месяца пустили в ход еще одно чудо смерти ФАУ-2, которым бомбили не только Лондон и южные районы Англии, но и Антверпен, который вскоре заняли союзники. Общий урон от нового чуда техники составил около девяти тысяч погибших, не менее тридцати тысяч раненых и почти такое же количество разрушенных домов и других зданий. Последние ракеты обоих видов падали на территории Англии даже в марте 1945 года. А через две недели конструкторское бюро Вернера фон Брауна, спроектировавшее эти ракеты и положившее начало новой эпохе вооружений, эвакуировалось на юг Баварии и сдалось в плен американцам.

Французская кампания доставила нам много впечатлений, столько, что они внушили отвращение к новизне. Это Европа и война всё спишет. Спишет? Не знаю, но мне пора на восток. А пока я, хотя бы в нескольких словах расскажу, что же предшествовало тому, из-за чего я оказался во Франции...

3 сентября 1939 года, то есть через два дня после нападения на Польшу, Франция объявила войну Германии. Но война ограничилась лишь случайными операциями на море и перестрелками на суше. Летом 1940 года, после поражения Франции, наступило

перемирие, к власти пришел режим маршала Петена, обосновавшегося в курортном городке под названием Виши. Власть во всей северной Франции была передана нацистской Германии. Прославленный военачальник, который, олицетворяя в себе твердость французского народа во время Первой Мировой войны, стал символом капитулянтства и сотрудничества с врагом. Третья республика была повержена и унижена. Шарль де Голль встал во главе Сражающейся Франции и движения Сопротивления, организации, призванной освободить страну от оккупантов и коллаборационистов. Об истинной роли этого Движения и марионеточного правительства в течение всех лет войны можно вести споры до бесконечности, в особенности, многочисленных случаях предательства, измен, клятвопреступлений. После освобождения по Франции прокатилась волна жестоких репрессий, затронувшая многих. Более 10 000 французов были казнены, среди которых премьер-министр Пьер Лаваль. Ещё 80 000 человек были посажены в тюрьмы. Десятки тысяч лишились должностей, званий, чинов и почестей, причем это распространялось как на живых, так и на мёртвых. Председатель правительства Вишийцев Анри Петен был помилован де Голлем и провел остаток своих дней в тюрьме.

Филиал Красногорского лагеря в Москве, январь — март 1946 года

Несколько недель во всех бараках обсуждали одно происшествие за другим – сначала боксерский турнир и анабиоз гауптмана, затем побег Шнитке и его смерть, а после того, как страсти стали утихать — сумасшествие Рёске, захват заложника, и его бесславная кончина. Рёске многие не любили. Но некоторым было его жалко. Кто-то продолжал посмеиваться над бесплатно показанным кино, кто-то артиллериста оправдывал, говорил, что это – поступок настоящего воина, пусть безумный и отчаянный. А Стоун

был равнодушен. Он понимал только одно. Что надо как можно скорее и любой ценой вырваться из этого лагеря на свободу. Домой! Но не так, как это попытались сделать Рёске или Шнитке. Более умно. И беспроеигрышно. Ведь ставка в этой игре – жизнь.

Погибли не только эти два немца. Бравого «солдата Швейка-Шнитке» Питеру было искренно жаль, чего не скажешь о втором – убежденном нацисте, свихнувшемся на этой почве. Как Стоун узнал позже, умер, не приходя в сознание, и этот несчастный гауптман, участник боксерского турнира. Увы, в боксе бывают и такие случаи... Никто не виноват. Это жесткий и жестокий спорт мужчин.

В январе и еще несколько раз в начале февраля полковники Сергеев и Алексеев еще возили Стоуна на встречи с элитными пленниками из Первого отделения Красногорского лагеря № 27. Не все ограничения и мытарства, обрушивавшиеся на военнопленных, коснулись его. У полковников были свои планы и через неделю после смерти Ганса Шнитке, Стоун продолжил свои путешествия по миру привилегированных пленников и знакомства с прелестями не приобретенной новой родины, где заключительным этапом стал наглядный урок бесконтрольного обжорства и абсолютного праздника нёба. Наверное, — думал Питер, у них какая-то новая затея, они используют меня для какой-то «игры втемную». Возможно, самим было интересно послушать, оценить, проанализировать, сделать выводы, составить вердикт, отчитаться в рапорте. Решить, какую оценку заслуживает тот или иной собеседник, да и сам Стоун по некой только им ведомой шкале ценностей. Либо по иной причине. А иногда Питер думал, что полковники намеренно выуживают из него нужные знания, словно терпеливые рыбаки на берегу озера. Ловили «рыбу в мутной воде» или выжимали «лимонный сок».

Стоун не возражал. Напротив, ему и самому все это было интересно, давало выход застоявшейся творческой энергии, помогало освежить в памяти знания, набраться от собеседников новых.

Тем более что для разговоров подбирались люди умные, образованные, сведущие в различных областях знаний, короче говоря – элита высшего света, пусть и потускневшего в проигранной войне.

Вообще слишком много всего случилось за последнее время. Знакомство с лагерной элитой, идеологическая возня с полковниками, какое-то подобие негласного союза с Наташей... Электрический заряд как бы пробежал, хотя Питер отгонял от себя всякие мысли на этот счет и признаваться в этом не хотел. А как-то раз, совершенно неожиданно, она попросила разрешения сфотографировать его.

— Для чего вам это? – Питер был смущен услышанным. Но через несколько секунд он уже стоял у стены, и Наталья Павловна проворно щелкала затвором новенького фотоаппарата ФЭД.

— На память, тихо произнесла она.

Другим союзником у него оставался этот мальчишка – Рыжий, но рассчитывать на него всерьез не приходилось. Тем ни менее Питер сделал еще одну попытку передать через него послание в английское посольство, хотя не совсем был уверен в правильности своих действий. Попытался легально на законных основаниях выйти из плена. Но в результате и мальчишку подвел, и сам попал в карцер. Случилось это так.

Однажды Питер всё-таки передал Льву Константиновичу через ограждение пачку сигарет с запиской и предварительно разъяснил, чтобы он отдал её кому-нибудь, хоть охраннику, в английское или американское посольство. Любому офицеру или гражданскому лицу. Последние события сильно затруднили свободное пребывание мальчишек вокруг лагеря, обмен сувенирами, консервами и сигаретами был сильно ограничен, общение почти полностью прекращено. Солдат с вышки увидел это. Крикнул что-то невнятное, потом два раза выстрелил у ног Стоуна. Мальчишка убежал. С тех пор его больше никто не видел. Его не поймали и не отправили в какой-нибудь детский приют, как с тревогой думал об этом Питер.

Маленький Лёва, как личность заметная и активная, перестал с тех пор появляться у ограды лагеря для военнопленных и решил серьезно посвятить себя семейным традициям. А Стоуна отволокли в карцер. И, хотя он не сопротивлялся, его слегка побили трое или четверо солдат.

На следующие сутки в карцер пришел майор Волков. Сочувственно поцокал языком, глядя на его разбитую губу, и сказал:

— Вы пробудете здесь месяц, сами виноваты. Полковники Алексеев и Сергеев осведомлены о вашей неразумной выходке. Они согласны с тем, что вам, Питер, нужно немного охладиться в карцере и подумать на досуге. А мальчишку мы найдем. Что вы ему передали?

Стоун не ответил. Если они думали его этим сломить, то глубоко заблуждались. Он по-прежнему был полон сил и энергии, а стремление выйти на свободу стало еще крепче. И он, действительно, о многом передумал за эти дни заточения в каменном мешке. По сути, он оставался со своими мыслями одиноким в замкнутом круге. Цитировал на память, нашептывал, глядя в темноту. И делал физические упражнения, чтобы не впасть в прострацию.

Через месяц Волков появился во второй раз и спросил, не желает ли он передать радостную весть полковникам? Питер только сказал, что хотел бы прочесть, где это написано, что можно держать заключенного месяц в карцере.

— Я тут царь и воинский начальник. А для вас еще и бог!

— И потому я не хочу служить подобным богам, ни вам, господин майор НКВД, ни полковникам из военно-политической разведки, — ответил Стоун.

— Как зовут тех богов, которым вы служите или готовы служить?

— Вы не поймете, они невидимые, они здесь, — он указал пальцем на голову, — здесь, — указал пальцем на грудь, — и здесь, — пальцем нарисовал круг над головой.

— Пусть еще посидит. До следующих указаний, пока не образумится, — бросил Волков охраннику.

— Шансов нет, — ответил Стоун, — меня можно или убить, или отпустить. А если вы ждете, что я «образумлюсь», то это не произойдет никогда. А так как сотни людей знают, что я нахожусь здесь незаконно, то желательно сделать это как можно быстрее. Вы только усугубляете свое положение.

Волков неожиданно изменился в лице, потом усмехнулся и удалился. Больше они никогда не общались и не виделись. Почти. Кроме двух или трех раз, и то издалека и мельком, интернированный Питер Стоун видел майора Александра Волкова в окружении других офицеров, таких же, как и он сам. Полковников он тоже больше не встречал, кроме одного случая. Но об этом потом.

Еще через две недели послышалось лязганье задвижек, дверь неожиданно открылась, и Питер Стоун вышел на свободу, если так можно назвать выход из тесного заточения в заточение с хождением по двору, баракom, трехразовым питанием и прочими атрибутами прежнего режима. Все стало, как и было прежде. Нет, не всё... Случилось еще кое-что, важное. Неожиданное. Почти невозможное. Когда он вышел из карцера, грязный, небритый, разбитый и предельно усталый, возле хозблока ему встретилась Наташа. В глазах её появилась жалость. Она кивнула ему, приглашая зайти.

— Мне нужен напильник, чтобы вытачивать ложки и трубки из дерева, — сказал он. — Могу я у вас его получить?

— Можете, — ответила она.

Всё дальнейшее произошло молча, спонтанно. Как вспышка молнии. Их интимная близость была грубой, страстной, стихийно необузданной, по животному брутальной. Выплеском накопившихся эмоций, боли. Больше похожим на изнасилование. Это

случилось быстро, поспешно, прямо на ворохе белья. Как удар молотом.

Но Стоун не жалел об этом. Ведь инициаторами были оба. Хотя потом продолжали оставаться на «вы». К слову, больше это ни разу не повторилось, если... Но они стали союзниками, это главное. Хотя он пока об этом мог только догадываться.

Вспоминает и рассказывает Питер Стоун — поток сознания

Я лежал на панцирной койке, в узком деревянном пенале с матрасом и горящей лампочкой под потолком. Рядом на цементном полу стояла только оловянная кружка воды, а в миске ломоть хлеба и половина селедки. Таков был мой рацион. Этаким своеобразный плен в плену... Хотелось курить, но сигареты отобрали. Я не знал, который час, но чувствовал, что день давно закончился. Что ж, отпив глоток воды, я поздравил сам себя с очередными сутками, пожелал крепости духа и растянулся на койке, пытаюсь сделать то, что лучше всего делается в подобных случаях – погрузиться в сон.

А что же мои кураторы, полковники Сергеев и Алексеев? Они хоть как-то могли повлиять на моё изменившееся положение? Могли и влияли. Им надоело ждать, и они решили применить иные методы воздействия. Сами принимали участие в этой «игре без правил». И без их ведома и согласия ничего подобного не происходило бы. Никто из них не удостоил меня своим посещением. Не оказал высокую честь лицезреть узнику себя.

Никто из них не сказал, покачивая головой:

— Да-а, неважно выглядите, мистер Стоун, до чего же вы себя довели!

— Я не нарочно, — ответил бы я им, — знал бы, что вы зайдёте, одел бы свой лучший костюм.

— Понимаю-понимаю, — ответил бы мне словоохотливый Сергеев. И прибавил бы, поцокав языком, — ну, вы знаете, как найти выход из положения.

Другой полковник, обязательно прибавил бы:

— Не надо так шутить, мистер Стоун, вы знаете как мы к вам хорошо относимся.

— Это заметно, ответил бы я.

Я уж все это наизусть знаю, вот что скучно, а в фуляре и повеселиться нечем. Однажды, когда перед глазами всё плыло, а в голове стоял туман, ко мне явился Джесси, лучший друг и единственный брат... Помолчал, постоял надо мною, что-то произнес, но я не расслышал.

— Ты о чем? – переспросил я.

— Да всё о том же! – и он собрался уйти.

— Постой—постой! Вот мы с тобой тогда во дворе дома спорили о чем-то... О воронах, что ли? Ты забыл!?

— Я помню. О том, что жизнь — это не просто пассивное ожидание конца, но и активное участие в осуществлении замысла судьбы.

И он исчез.

А потом я услышал скрежет железной двери, и на пороге появилась Наташа. Она была не в военной форме, а в гражданском платье.

— Вы? – я был поражен.

— Я.

— Что случилось, зачем вы здесь!?

Я соскочил с койки.

— У наших офицеров сегодня праздник, все гуляют, пьяные. А я ускользнула, — сказала Наташа, ставя пакет на кровать. – Это вам, гостинцы... С праздничного стола. Там бутерброды, холодец, бутылка шампанского, правда открытая. Только фужеров не

захватила... Охраннику я тоже принесла кое-какие продукты, так что он будет молчать.

— А как же Волков, Ясин?

— Напились, не до нас. Давайте выпьем.

— Из горлышка?

— Нам, русским, не привыкать.

— За ваше здоровье! Cheers! Пейте! Prosit!

Так оно, в сущности, и было... я выпил за ней, потом еще по глотку. Потом мы, смеясь и шутя, допили советское шампанское. Я закусывал бутербродами с красной икрой, колбасой и даже кусками холодца — аспіс, к которым не мог прикоснуться в ресторане гостиницы Метрополь. Говорили о том, о сём. Отмечали призрачную свободу...

Прощаясь, она собрала весь мусор обратно в пакет и сказала:

— Праздников пока нет, поводов тоже, но постараюсь найти, чтобы навестить вас.

— А сегодня какой праздник?

— День Армии. Раньше она называлась Красной, теперь Советская.

Но важно не это, был бы повод...

Тут наш разговор прервался. Конвойный деликатно постучал в дверь, затем слегка приоткрыл её и сказал:

— Товарищ капитан, Наталья Павловна, светает. Вам пора.

— Иду-иду! – откликнулась она. – До встречи, духом не падайте, Питер.

Уходя, она вытерла платком предательскую слезу.

Филиал Красногорского лагеря в Москве, 24 марта 1946 года, вечер

Стоун, сильно исхудавший и немного поседевший, сидел на бревне, прислонившись к стенке барака. Накануне закончилось его полуторамесячное заточение и теперь после бани, гладко выбритый и подстриженный, он вдыхал практически первый день свободы. Вчера и сегодня его никто ни к чему не обязывал, свободного времени было вдоволь, можно посидеть на бревне и погрузиться, поразмышлять о жизни. Сделать её лучше. Или хуже? Как произошло со Шнитке. Но смерть несколько не хуже неволи. Так что выбора нет. Наступила ли пора решительных действий. Всё – или ничего... Но как?

Сейчас даже карканье ворон на деревьях его не раздражало. Накануне случились внезапные заморозки, а теперь таял лед и последние островки снега, слышалась капель с козырька крыш и веток деревьев. Погода чудила.

Стоун тупо глядел вдаль в лучах заходящего солнца, прислушивался к этим монотонным ударам. Затем вытянул руку, ловя в ладонь живительные капли. Поднял комок земли, поднес его к лицу, глубоко вдохнул прелый запах. Улыбнулся, вдохнул еще раз, потом аккуратно, словно это была дорогая его сердцу реликвия, опустил комок на землю. Не сразу заметил, что перед ним появилась протянутая рука с зажженной сигаретой. Рядом на бревно опустился Рихард Кох.

Питер взял сигарету, затянулся, молча поблагодарил сотоварища кивком головы. Тот закурил для себя новую сигарету. Некоторое время они без слов с удовольствием курили. Молча. Что говорить? Всё уже давно сказано. А остальное – домысливается. Так прошел почти час. Только курили.

Через некоторое время Кох произнес:

— Питер, сколько сигарет вы выкуриваете в день?

— Две-три, — последовал ответ, — иногда ни одной.

— Я тоже! А ведь сейчас мы вдвоем выкурили почти целую пачку.

Питер с иронией сказал:

— Значит, мы не только враги по оружию, мы друзья по табаку.

На что Кох ответил:

— Я думаю, мы несколько больше.

И через минуту добавил:

— Значительно больше.

Лондон, Сити, середина марта 1945 года

Девять месяцев Питер не видел Элен. И почти не писал ей ни из Франции, ни из Бельгии. Она ему тоже, её упрямство было ему хорошо знакомо. Ее яркий образ всегда был свеж в памяти, а кольцо мистера Кента продолжал носить на пальце. Может быть, оно и хранило его все это военное время от новых ранений. Больших сражений, как кампания при Арденнах, не было, хотя ожесточенные короткие бои велись постоянно. И всегда могло случиться всякое; ведь пули летят в разные стороны, не разбирают... Обидно было бы получить одну из них в самом конце войны. А конец уже был близок.

А война уже докатилась до Германии. Американцы при помощи англичан отбросили немецкие войска за Рейн и наступила непродолжительная передышка. Ему дали кратковременный отпуск, пока его Гемпширский полк на северном фланге союзного фронта в составе 21-й армии фельдмаршала Монтгомери готовился к продвижению в район Макленбургской бухты, куда с востока с успешными боями продвигалась армия маршала Рокоссовского. Нужно было первыми занять стратегически важный центр Висмар, опередив русских, и держать позицию на линии разграничения зон огня с союзниками.

На весь отпуск – три дня. Прилетев в Лондон, Питер сначала поехал в Ричмонд, чтобы осмотреть дом, привести себя в порядок. Он побывал на могилах близких ему людей: отца, матери, Мери, сына, Джесси. Успокоился... Побродил по памятным местам, словом, вволю насытился тихим привычным уютом. Правда, в полном одиночестве. Здесь было всё по-прежнему. Дома восстановлены. Англия хранила свои традиции.

Отдохнув немного душой и телом, набравшись сил, будто напившись из живительного источника, Питер, конечно же, решил поехать к Элен. Всё-таки, они были, как бы помолвлены, хотя и не по-настоящему, не в традициях англиканской церкви. Не так, как это происходило у них с Мери. Надо обязательно увидеться, укрепить отношения, чувства. Война скоро закончится и надо решать, как жить дальше.

И Стоун отправился в Сити. До отлета оставалось еще почти два дня. Мысленно представил себе: полчаса – на безусловное примирение с Элен, затем ужин в ресторане, много-много разговоров, ночь любви, а утром – чашечка кофе, завтрак... Еще день удовольствий с любимой, еще ночь... и военный аэродром. А если она работает? Всё условно распланировал, как расписание поездов Southern Railway. Однако сомнение часто, а почти всегда, коварно наказуемо. И Питер в полной мере ощутил это на себе.

— О, мистер Стоун! Как же давно вас не было! – приветствовал его старик-консьерж, с благодарностью принимая бутылку виски.

Стоун крепко пожал ему руку, даже обнял за плечо от радости. Но это были последние радостные эмоции, выпавшие на долю Питера в тот ранний вечер. К тому же, мужские, а о женских ласках, как позже выяснилось, и речи не шло, оставалось только мечтать. Его «дорожная карта» сбилась с пути.

— Судя, по вашему разочарованному лицу, Джимми, мисс Кент нет дома? Опять в госпитале?

— Хуже, — покачал головой консьерж. – Она наверху.

— Так в чем же дело? У нее любовник?

— Еще хуже.

— Что же может быть «еще хуже» для вернувшегося с войны офицера к любимой девушке? Неужели, любовница? – догадался он, не в силах сдержать смех.

— Нет-нет. Совсем не то. Всё настолько плохо, что вы даже не представляете...

— Так объясните же, мистер Смит!

Стоуна начинала раздражать вся эта нелепая ситуация.

— Если она болеет, то так и скажите. Не при смерти же?

Ему уже стало мерещиться невозможное. Любые ужасы и заразы, вплоть до тропической язвы. Может быть, её вообще оградили от общения с людьми? Но тогда почему она не в госпитале, не в карантине?

— Она не хочет вас больше видеть, мистер Стоун, — решился, наконец, старик. – Никогда. И строго-настрого запретила мне пускать вас.

У Питера отлегло от сердца. Он-то думал!

— А-а, пустяки! Мы быстро помиримся.

И он собрался бежать наверх по лестнице, минуя лифт.

— Мистер Стоун, я даже получил от неё письменное распоряжение на этот счет! — Попытался остановить его консьерж. – Не подводите меня.

— Джимми, я приглашу вас на нашу свадьбу, — похлопал его по плечу Питер. А пока выпейте виски за меня и Элен! И присмотрите за моим вещмешком.

Он рванул к ступеням лестницы, легко одолел один пролет, второй, но там остановился. А затем медленно, в раздумьях, спустился вниз.

Прорываться к ней с «боями местного значения»? Кто я — муж, жених, просто кавалер? А она!? Жестокая, взбалмошная девушка!

Настоящая ведьма. Поступает с ним, как со своим отцом. Но что же это за жизнь, если в ней нет трудностей!?

— Покажите мне это её «письменное распоряжение», Джимми,
— произнес он, усаживаясь напротив старика. И добавил: — Ну и, виски, что ли, налейте.

Затем прочитал на вырванном из блокнота листе слова – крупными буквами: «Приказываю никогда и ни при каких условиях не пропускать ко мне человека по имени Питер Стоун. Ненавижу!». Число и подпись. Прямо командир армии на фронте.

— Сплошное очарование! – вынес он свой вердикт. Затем только обратил внимание на дату: «15 марта 1945 года».

— Когда она это принесла? – с удивлением спросил он.

— Сегодня утром, до работы. Она знала, что прилетел транспортный самолет с отпускниками и ждала вас весь вчерашний день. И, — Джимми опустил глаза, — думаю, что она ждала вас и всю ночь, до самого утра. А вы так и не приехали. По глазам было видно.

Консьерж укоризненно покачал головой.

— Я... не мог. Так уж сложилось...

Стоун запнулся, не зная, что и как рассказать старику. Ну, ему— то, ладно, можно, в конце концов, объяснить, что угодно, а ей? Как все растолковать? Это гораздо сложнее. Женское сердце несговорчиво, не стоит пока даже и пытаться. Не время сейчас, будет только хуже. А что делать? Ждать окончания войны – и снова в бой. На этот раз за женское сердце. Нет!

— Ничто легко не дается, мистер Смит, и я пойду к ней сейчас!

— И правильно сделайте! – ответил старик, — действовать надо решительно и радикально.

— Именно так и сделаю, — ответил ему Питер в унисон.

Питер не стал возвращать Джимми эту нелепую бумагу. Сложил её вчетверо, положил в карман и спешно пошел наверх по ступенькам.

— Если бы вы ушли, было бы гораздо хуже, — сказал Джимми вслед. — Она бы догадалась и не простила. Любовь не обманешь. Уж поверьте старику.

И Питер вновь легко побежал по лестнице вверх. Не стоит долго говорить о том, как всё происходило, как легкое недоразумение обернулось вновь глубокими чувствами, что там, где любовь – любые слова неуместны.

Филиал Красногорского лагеря в Москве, 10 июня 1946 года, день

Полковники появились неожиданно, когда их никто не ждал. Велели принести им коньяка, бутербродов, минеральной воды и всяких соков. Потом вызвали Стоуна со стройплощадки и заперлись с ним в кабинете майора Александра Волкова. Хозяина помещения не было.

А Стоун не мог понять: чего это вдруг они решили навестить его спустя четыре месяца после последней встречи? А тут сразу оба вместе, хотя они всегда приходили парой! «Соскучились по мне, что ли? – Подумал он. Но вскоре все стало ясно; они решили «продать» его, вызвав в нем чувство вины.

— Вам известно, что ваш премьер Черчилль сказал 5 марта в «Фултонском колледже в США?» — спросил Алексеев.

— Простите, но в это время я имел честь находиться в карцере и мне не доложили.

— Я вам расскажу, — сказал Сергеев, не замечая иронии, — в то время, когда вы были на заслуженном отдыхе, он практически объявил нам войну, Советскому Союзу... еще одну войну, холодную! Так ваши газеты и журналы охарактеризовали речь вашего премьера.

Алексеев протянул Стоуну журнал Time от 18 марта 1946 года с карикатурным портретом Франко на обложке.

— Ну, во-первых, он давно не является премьером, а вторых, если он такое и сказал, то, как частное лицо, а кому, как не вам знать, что частное лицо у меня на родине не более, чем у вас?

— Мы хотели бы услышать ваше мнение, мистер Стоун, — сказал Алексеев.

— Как я могу высказать свое мнение, если не знаю фактов?

— Меня это никогда не останавливало, — ответил разговорчивый Сергеев.

— Простите!

— Вы даже портрет этого убийцы Франко поместили на обложке вашего журнала!

— Искренне вам благодарен, — ответил Стоун, — что назначили меня председателем коллегии журнала Time, а заодно и главным редактором!

— А какая разница, это всё вы! Ваш Запад, — вставил полковник Алексеев.

— Понимаю, господа, я в вашем плену и отсюда, с окраины Москвы правлю миром! Почему бы вам не обвинить меня в том, что это я напал семь лет назад на Финляндию, а потом на страны Прибалтики, потом на Польшу... Вам всё перечислить? Все свои злодеяния? Не устанете загигать пальцы!?

— Мы вам не враги, мистер Стоун.

— А пытаетесь произвести именно такое впечатление. Спасибо, что не обвинили меня в смерти вашего вождя Ленина.

— От этого мы вас избавим, можете спать спокойно...

— Спокойно я могу спать только в своей собственной постели, а не в вашей казарме в окружении ста человек.

— Образумьтесь!

— И когда я образумлюсь, я должен принять ваше предложение!?! Это вы имеете в виду, господа?

— Что делает англичан такими упрямыми? – неожиданно произнес Алексеев.

— Может быть викинги, они на протяжении сотен лет приплывали к нам и одаривали подарками, но я склонен винить погоду.

— Вы загнали себя в угол и следовало бы приложить немало усилий вывести себя оттуда.

— Я всегда отвечал людям добром, но вы, господа офицеры, учите меня отвечать взаимностью.

Разговор велся пустой и наступила пауза.

— Почему вы молчите? — Произнес Сергеев.

— Потому что молчание – лучший ответ на бессмысленные вопросы и, если я молчу, это не значит, что не вижу всего этого фарса, в котором участвую с вашей помощью.

— И вам не жалко губить свою судьбу?

— Судьба – это не дело случая, а результат выбора. Судьбу не выбирают, ее создают. И так как вы лишили меня выбора, то я создаю её из того, что есть.

— Значит, вы сделали свой выбор?

— Все проходит, господа полковники, и это пройдет.

И вдруг Сергеев, делая последнюю попытку мобилизовать его, пафосно произнес:

— Вы не туда плывете, господин капитан, маяк на другой стороне!

Стоун ответил ему в унисон:

— А мне плевать, я зажгу свой маяк!

После минутной паузы, просмотрев мельком журнал, Стоун обратился к полковникам:

— Господа, что бы вы сказали, если бы узнали о моем падении?

— Вставай! – ответили полковники одновременно.

— А во второй раз?

Молчание. Они не могли понять, куда он ведет. Боялись подвоха. А может поняли, но пока выжидали и не хотели раскрывать

истинную цель своего визита. Они, на самом деле, пришли к нему со своей вилкой в кармане, и, говоря языком тайным, у них был свой раскрытый цугцванг. В свое время они принуждали его, английского военнопленного под номером «0» к действию, принятию решения в свою пользу. Теперь пришли поставить точку в этом вопросе. Но он пока об этом не знал.

И Стоун произнес:

— Так вот, второй раз пришел, я упал дважды, и вы меня отпустили...

— Да, Питер, — вдруг ответил словоохотливый Сергеев. Наша страница с вами закончена, перевернута. Признаться, это была последняя попытка проверить вас и прощупать ваши намерения. Что касается нас, то мы избавляем вас от нашего присутствия. И должны добавить, что вы прошли все испытания и все мытарства. Вы не тот человек, которого можно ... принудить к действиям против его воли, принципов и... впрочем, вы всё понимаете.

Прощаясь, Алексеев произнес:

— А вы, мистер Стоун, молодец, не сдались, никого не предали, не изменили своим убеждениям и принципам.

— В общем-то, и предавать вам нечего, кроме своих идеалов, да и нужды в том нет, — добавил Сергеев. — Но главное, сохранили честь и достоинство. А именно такие люди особенно ценны. Предателей-то никто и нигде не уважает, согласны? Они нам особенно-то и не нужны. Кроме вас, Питер.

— Я всем нужен.

«Прозвучало это с моей стороны несколько хвастливо и глупо», подумал Питер, — «каюсь. Но я думал, что они шутят... Теперь так не считаю. Вот и сморозил в ответ чушь. Ведь если разобраться, нужен я был в то время только Наташе, хотя я об этом ничего не знал, но начинал догадываться. Больше никому».

А напоследок один из двух полковников, представившихся сотрудниками секретных служб семь месяцев назад, сказал:

— Вы любите, Питер, как мы заметили, разбавлять своё ораторское мастерство всякими историческими анекдотами. Это правильно и очень умно с лингвистической позиции – чтобы «цеплять» слушателей, не давать им заснуть или расслабиться. Действует на их подсознание. Сегодня забыл – завтра вспомнил. А анекдоты не забываются, тянут за собой основной пласт учебного материала. Тонкий метод, надо бы и нам взять на вооружение. А вам, добавлю, с вашим ораторским искусством и знаниями, быть со временем профессором в Оксфорде, не иначе. Хотелось бы, чтобы и мои дети послушали ваши лекции...

— Расскажу тогда и я некий исторический казус, — дополнил другой полковник, словно вспомнив что-то. – Не все же мы тут такие дураки, как вы, может быть, думаете... Итак, в конце XIX века командующий французскими войсками в Алжире генерал Луи-Жубер Лиоте решил однажды прогуляться. Но африканское солнце палило немилосердно. Генерал приказал своим подчиненным посадить на всех главных улицах деревья, которые бы давали тень.

— Но, Ваше превосходительство, деревья вырастут только через 50 лет», — заметил один из офицеров.

— Именно поэтому, — прервал его генерал, — работу надо начать сегодня.

Полковники улыбнулись.

— К чему вы это упомянули? – озадаченно спросил Стоун. И получил серьезный ответ.

— А к тому, что кодовое слово «Лиоте» стало нарицательным для программ, где авторы, приступая к ее осуществлению, намереваются получить результаты спустя десятилетия...

— То есть вы сегодня начинаете работать, а результат увидят ваши внуки? — Добавил он.

— А почему и нам не заняться тем же? – спросил Сергеев. – «Лиоте» наоборот. Видите, насколько мы с вами откровенны, Питер? Вы ведь, когда выйдете, рано или поздно, не побежите в SIS или в

какой-нибудь из этих многочисленных MI? Не тот вы человек, в чем мы убедились.

— А если и побежите, тоже неплохо. Там и встретимся, — подхватил второй.

Стоун смотрел на них с удивлением и не мог понять: смеяться над их шутками, или плакать? Веселые люди... Они продолжили:

— А вообще-то, генерал Жубер прав. Деревья надо сажать заранее. Не только людей.

— А уж как важна тень в жаркий солнечный день! – засмеялся Сергей Петрович.

— Это точно! – согласился Петр Алексеевич. – А уж нам, спецслужбам, что западным, что советским, без этой прохладной тени никак нельзя. Засохнем!

— Вы мне это рассказали для того, чтобы я принял во внимание план «Лиоте» и начал вербовать вас прямо сейчас? – спросил с иронией Стоун.

Полковники дружно расхохотались, им понравилась шутка.

— Ответьте мне, — спросил он их после того, как смех рассеялся. – Вы только что сделали признание, что, выражаясь русским языком, «забили на меня», то есть дали свое заключение, что я не могу представлять для вас интереса. Я не тот человек, которого надо вербовать. Так, господа!?

— В некотором смысле так, если быть откровенным, — ответил один из них.

— Так что, в таком случае, я делаю в лагере для немецких военнопленных? Что я делаю здесь, если вы приняли решение, что нет смысла пытаться меня вербовать и давным-давно поняли, и согласились, что произошла ошибка, когда более года назад ваш военный служащий из армии маршала Рокоссовского, меня, раненого офицера британской армии прикладом автомата затолкал в строй немецких военнопленных на линии размежевания сил на окраине

немецкого города Висмар? Что я тут все еще делаю, господа полковники?

— Вы правы, ответил Сергеев за обоих. Мы сделали свою работу, напишем заключение, подадим отчет о вас и, больше мы с вами не работаем. Страница перевёрнута. И далее, так как вы не являетесь объектом нашего внимания, мы вами не занимаемся и к вам не имеем никакого отношения. Как и вы к нам.

Когда полковники ушли, отсмеявшись и, пожав ему на прощанье руку, он еще некоторое время раздумывал над их словами. Все было ясно и понятно. Теперь надо ждать, когда другое таинственное ведомство или управление примет решение о его дальнейшей судьбе. «И мне надо быть предельно осторожным, — думал Стоун, — чтобы не дать повода никому вновь спрятать меня подальше от неприветливого русского солнца». А подлинные имена и фамилии Бима и Бома так и остались для него тайной.

Филиал Красногорского лагеря в Москве, лето 1946-го года

Все это время Питер вел себя внешне спокойно и равнодушно, во всяком случае для лагерной номенклатуры. Работал, строил дома, ни с кем особенно не общался, кроме Коха. Как говорится – вел себя тише воды, ниже травы. Но внутренне был собран и сосредоточен. Все время думал о побеге. Разрабатывал самые фантастические планы. Понимал, что они вряд ли осуществимы. Последний прощальный разговор с полковниками поставил точку над целым периодом в его лагерной новелле, которая теперь грозилась перерасти в роман или даже в сагу, а последние, чаще всего, одной жизнью не заканчиваются. В библиотеке у Хендрикса, когда выпадало свободное время по воскресеньям, он рассматривал географические карты Советского Союза в атласах и

делал записи на бумаге: автомобильные и железные дороги и их ответвления, населенные пункты, даже названия рек и озер. Иногда осторожно вырывал особо важные листы. Особенно интересовался маршрутом следования вдоль Черного моря или Каспийского. Не важно по какому побережью. Там Турция, Иран... Можно ли пробраться через Кавказский хребет? Сложно. Но не обязательно идти пешком по непроходимым дорогам, можно и попутными машинами, товарняками. А если вдоль Каспийского моря? Можно и так, главное, что строго на юг. А если придется идти пешком, тогда надо будет пробираться только ночью, смешиваясь с толпой беженцев, которых очень много на дорогах. По новостям из газет можно было понять, что послевоенная ситуация трудна и часто просто хаотична. А дальше как? Сначала надо добраться до границы одной из стран, а там разберемся. По обстоятельствам. Рискованно? Да! Но если ничего не делать, то не понятно, как сложится судьба, а если взять её в свои руки, есть шанс предсказать свое будущее. Но необходимо действовать, сил ждать уже не было. Однако и вызывать подозрения нельзя. Поэтому Питер притворялся человеком сдавшимся, подавленным. Но нервы его были натянуты, как струны.

А чтобы не терять духа, Питер Стоун мысленно обращался к литературным героям, к их творческим и чисто человеческим биографиям. И это, как ни странно, помогало ему существовать в замкнутом пространстве. Он давно понял, что обращение в трудную минуту к классикам – спасительно и надо только извлекать из этого пользу.

Он мысленно ставил их на свое место. А как бы они повели себя здесь? Хорошо зная литературоведение, он часто посмеивался про себя, вспоминая некоторые забавные эпизоды из жизни известных людей прошлого. Смех тоже спасителен. И Питер часто внутренне улыбался, думая о тех, кто никогда не был в плену, но, попади они сюда, наверняка не смирились бы, а своими чудачествами только

поставили бы своих конвоиров в абсолютно глупое положение. Поскольку прерогатива гениев – поражать простых смертных.

Вот, например, Диккенс. Мало кто знает, что он черпал вдохновение и отдыхал душой, посещая... кладбища и морги. Хобби такое. Вообще любил выкинуть что-нибудь необычное и забавное. Будучи в гостях у своего тестя, вылез в окно, переоделся матросом, загримировался, а потом влез обратно и всех напугал. Снова выпрыгнул в окно и вернулся, как ни в чем не бывало в своем естественном виде и, не выдержав, расхохотался. Одно время он воспылил любовью к английской королеве, которую до этого никогда не видел и страшно мучался от переизбытка чувств. Во всех карманах носил ее фотографии, а когда узнал, что королева собирается сочетаться браком, напился и демонстративно посреди улицы сел в лужу, наотрез отказываясь встать, несмотря на уговоры прохожих и слуг. Ничего не поделаешь – человек с комедиантским азартом должен время от времени давать выход таланту и неудовлетворенным эмоциям... Так что не все англичане холодны и чопорны.

Всем было известно, что Бах не мог уснуть, если где-то поблизости не играла музыка. У него была бессонница... от тишины. Поэтому каждый вечер три его сына в порядке очередности добросовестно отдавали свой долг в виде обязательного обряда, когда отец укладывался в постель. Они играли в соседней комнате на клавесине, сменяя друг друга, до тех пор, пока он не уснет. И самым долгожданным звуком для них был неритмичный отцовский храп. Однажды средний сын, услышав заветное посвистывание из спальни, оставил игру на незаконченном аккорде и удрал от музыкального инструмента. Любое неблагозвучие резало слух великого композитора, и потому Бах моментально проснулся. Он долго ворочался в постели, пытаясь заснуть, потом резко отбросил одеяло, пробрался, ударяясь о мебель, к музыкальному

инструменту и завершил аккорд. А через мгновение уже спал как библейский праведник.

Рассказав эти истории Коху, они оба посмеялись. Согласились с тем, что клавесин не помешал бы и здесь в лагере. А заодно и иллюзорное общество Диккенса и Баха, как содружество англичан и немцев. Мирных и великих. А Кох тоже вспомнил несколько забавных историй, включившись в эту новую игру, придуманную Стоуном: «Гении человечества в Красногорском лагере для военнопленных». Игра скрашивала постылую жизнь и проливала свет на дарование, который принесло столько нового в мир литературы, музыки, живописи. Видимо, талант не всегда шагает по жизни в одиночку.

— Знаете, Питер, что наш композитор Вагнер частенько облачался в розовые кальсоны, и даже на балах любил в них пощеголять!? Был патологически жаден, буквально требовал у всех деньги и говорил: «Мир обязан предоставить мне всё, в чем я нуждаюсь». Скупердяй и жмот. Даже своего друга Ницше не пощадил, раскрыв всем о его психическом заболевании. А тот в ответ сказал: «Вы не человек, вы — болезнь». С приходом фашистов к власти в Германии его музыку начали исполнять на всех официальных мероприятиях нацистов. А взять другого гения — Андерсена. Нет спора, прекрасный сказочник. Умница. Но наружность его всегда вызывала смех. Длинный, нескладный, руки до колен, большие уши, маленькие глазки. И писклявый девичий голосок. Ко всему этому у него был скверный характер и множество фобий: боялся пожаров, собак, отравлений. Даже отказался от огромной коробки конфет, которую прислали ему скандинавские дети в знак признательности. Однажды, когда он в юности еще работал на фабрике, рабочие подкрались сзади и стянули с него штаны. Зачем? Чтобы убедиться — юноша это или девушка?

— С гениями так нельзя, — усмехнулся Питер. — Хотя самим им не так уж и важно — в штанах они ходят или без них. Главное, чтобы

они не попадали в лагерь для военнопленных. А находились бы лишь в плену собственного творчества.

— Согласен с вами.

Так они коротали время, строя дома в Москве и ведя «растительную» жизнь. Оба обладали обширными знаниями, и лишь это поддерживало их внутренние душевные силы. Обращение к миру культуры и искусства. Хотя бы мысленно.

Филиал Красногорского лагеря в Москве, 13 сентября 1946 года, вечер

Стоун и Кох сидели на бревне и курили, до обеда оставалось еще около часа. На стройку возвращаться было не нужно – остаток дня был посвящен работам на территории лагеря и личным делам. Сначала долго молчали, потом понемногу разговорились.

— Не нравится мне ваше настроение, — произнес Кох.

— Оно мне самому не нравится... — отозвался Питер. — Знаете, Рихард, о чем я думаю? Там, где для нас – тысячелетие, для Господа – один день. И когда понимаешь это, всё остальное кажется таким мелким и ничтожным. Мы – всего лишь песчинки в мировой истории.

— А великие деятели?

— Великие, вы сказали? Это кто? Цезарь, Робеспьер, Аристотель, Ричард Львиное Сердце. История беспощадна. Все канули в Лету, и короли, и шуты. И знаете, в чем беда? – сказал он после непродолжительной паузы, — в том, что пройдет время, и ваш Гитлер станет героем, какими стали Тимур, Чингиз-Хан, Аттила гунн. Такими станут Сталин, Муссолини, все душевнобольные, шизофреники, и маразматики – адепты мании величия и комплекса неполноценности. Память сотрет все их злодеяния и жестокости, а оставит другое: достижения! Они все — великие полководцы, кто-то

уже стал таким, а кому-то предстоит стать. Все пришли к власти, проливая реки крови и гонимые тщеславием... а это единственное бремя, которое не тяжело носить. Не давит, не жмет, все по размеру, на заказ, сшито у лучших мастеров. Это люди, которые принимали решения, а должны были принимать лекарства.

— Но я хочу вас порадовать, Питер. Ходят слухи, что скоро начнется наше освобождение. Постепенно. Не всех, но пока тех, кто ни в чем не виноват.

— Таких нет. Каждый в чем-то виновен. По крайней мере, перед собой, перед Богом.

— Конечно, с философской точки зрения, вы правы. Но я имею в виду военные преступления. А уж в этом-то отношении вы – совершенное исключение. Так что крепитесь. Свобода придет скоро.

— Возможно. Вы сейчас правы, но по отношению ко мне работают другие механизмы.

Стоун замолчал. Чуть поодаль от них проходили начальник лагеря полковник Ясин, майор Волков и еще несколько офицеров ниже рангом. Осматривали территорию и о чем-то беседовали. Питер и Рихард должны были встать и вытянуться при их приближении, но остались сидеть. Офицеры не обратили на них внимания и пошли дальше. Но пройдя несколько метров, у входа в интендантский склад, Ясин с недовольством обратился к Волкову:

— Этот англичанин всё ещё здесь?

— Так точно, товарищ полковник.

— И почему его до сих пор не перевели отсюда?

— Не было приказа.

— Позаботьтесь о том, чтобы его больше здесь не было.

— Куда его отправить, товарищ полковник?

— Куда угодно, верните его руководству, пусть они им занимаются. Или переведите в другой лагерь, куда-нибудь вглубь

России. Мне он здесь не нужен. Полковники закончили свою работу с ним еще в начале лета, им он тоже не нужен.

— Слушаюсь, товарищ полковник. Я это сделаю в течении недели.

— Сделайте это в течение одного дня. Завтрашнего.

— Завтра суббота, товарищ полковник, — ответил майор Волков, — звонки, согласования, приказы. Нужно время.

— Значит, в понедельник.

— Слушаюсь, товарищ полковник. Я это сделаю в понедельник.

— Вот и отлично. С глаз долой – из сердца вон. Хватит.

И они зашли в склад. Наталья Павловна, которая всё слышала, моментально метнула в кабинет, налила стакан воды из графина и отпила. Потом поправила волосы перед зеркалом и вышла к начальству, которые к этому времени уже дважды громко ее позвали.

А Стоун и Кох продолжили начатый разговор.

— Вы правы в одном, — сказал Питер: — Свобода придет рано или поздно. Но война фактически еще не окончена, хотя и прошло почти полтора года.

— Только не делайте ничего, чтобы могло вас погубить, — предостерег Кох. – Это будет безумие.

— А кому, как не безумным, посвящены лучшие в мире оды? Быть – или не быть. Вот в чем действительно самый главный сакральный вопрос твоей жизни...

И Стоун тихо процитировал любимые строки Киплинга:

— Умей мечтать, не став рабом мечтанья,

И мыслить, мысли не обожествив.

Они помолчали. Потом Кох задумчиво произнес:

— А ведь я всё это время учился у вас... Прислушивался к каждому сказанному вами слову.

— Взаимно, Рихард. Но, если говорить образно, то, где я учился, вы преподавали. И еще: знаете, а ведь это вы навели меня на

мысль, вы дали мне понять, что рабам несвойственен анализ. Рабы, какими бы они не были, коричневыми или красными, никогда не поймут ценность свободы. Они лишь будут стараться расширять свою рабскую империю, поглощая всё новые и новые жертвы... Древняя Греция, Рим, Османская империя – что от них осталось? Вспомните Моисея, он сорок лет водил свой народ по пустыне и, ни одному из родившихся в неволе, не дал вступить на свободную землю... Да и кроме того: где твои мысли, там и ты... В Итаке, Рихард, на родине.

— Согласен, — ответил Кох. — Могу только пожелать вам удачи в вашей дальнейшей жизни.

— Взаимно.

И они крепко по-мужски пожали друг другу руки. А напоследок Питер сказал:

— Вы знаете, о чем я сейчас думаю? Как странно устроена жизнь. Тебе почти даром даётся то, чего ты не хочешь брать, думая, что это бесполезно и вредно, но гоняешься за тем, в чём нет ни малейшего смысла. А потом и то, и другое меняется местами, но уже поздно, время ушло, и ты вновь бредишь свою душу пустыми иллюзиями...

А Наталья Павловна в это время думала о том, что надо срочно принимать кардинальное решение. И план созрел мгновенно.

Глава Двенадцатая

Филиал Красногорского лагеря в Москве, 13 сентября 1946 года, вечер. Продолжение.

Стоун и Кох всё ещё сидели на бревне, когда к ним подошла капитан интендантской службы Наталья Павловна Трубецкая. Внешне спокойная, но внутренне, как сжатая пружина.

— Мистер Стоун, — сказала она, — вы должны забрать из хозблока некоторые ваши вещи. И попросите, пожалуйста ваших товарищей по казарме сделать тоже самое. Вот по этому списку. Скажите, что в понедельник вечером я их жду. Сами можете зайти сразу после обеда – вы в котором часу обедаете.

— Скоро, через полчаса.

Капитанша протянула ему список, потом, словно передумав, сказала, обращаясь к Рихарду:

— Может, вы пройдете по списку, господин Кох? На господина Стоуна сложно положиться, он очень рассеянный в последнее время.

Стоун понял, что Наталья Павловна хочет сказать ему что—то важное и решил проявить инициативу:

— Полчаса – это много времени. Я могу подойти сейчас.

— Почему бы и нет. Жду вас через десять минут.

Стоун удивленно посмотрел ей вслед и продолжил начатый разговор.

— Вы согласны, Рихард?

— В общем и целом согласен, просто я никогда об этом не думал так глубоко. А сейчас думаю о том, что вы ей нравитесь, Питер.

— Вы ошибаетесь! Зачем ей это нужно!?

— Нравы, нравы! – сказал он мечтательно. – Я ведь женился поздно и хорошо знаю взгляд зрелой женщины. Остерегайтесь, Питер, любовь и страсти никто не отменял!

— Хорошо, конечно, говорить о любви и чувствах, но это такая тема! Мы к ней вернемся когда-нибудь. А теперь я пойду к госпоже капитанше и заберу белье. Увидимся...

Кох проводил его долгим взглядом. В бараке Наталья Павловна поспешно рассказала Питеру о том, что услышала. В точности передала слова полковника Ясина и майора Волкова.

— Теперь вы понимаете, что вам грозит? – спросила она.

— Да.

— Выхода нет.

— Что вы имеете в виду? Это – конец?..

— Я не это имела в виду, но вы превратились в головную боль.

Никто не хочет проявить решительность в отношении английского военнопленного, потому что надо быть смелым и взять на себя ответственность; все боятся последствий. Это Советский Союз, Рос—сия, а здесь инициатива всегда наказуема. Очень часто заканчивается расстрелом. Поэтому вы все еще здесь. Остается только одно.

— Бежать? Что вы задумали?

— Я всё продумала, да! Времени мало, но я разработала план действий. В шесть вечера придет грузовик и привезет чистое белье. Машина будет на другой стороне, между складом и забором. Надо будет сразу уезжать, но я его немного задержу. Мы загрузим грязное белье и еще некоторый инвентарь на обмен. Это все надо будет отвезти в Красногорск, но сначала водитель отвезет меня на вокзал, а дальше поедет сам. Вы идете на обед как обычно, а потом возвращаетесь, запрыгиваете в машину и ждете. В это время уже темно и вас никто не увидит. Прячетесь в глубине за тюками. На вокзале вы выпрыгнете с кузова, предварительно переодевшись в одежду из этого тюка, в ней вы будете незаметны, сольетесь с обычным народом.

Наташа показала на большой мешок, лежащий на полу.

— В тюке вы найдете этот рюкзак со сменным бельем и предметами гигиены и этот узел с одеждой, в которую переоденетесь. Одежда нормальная, ваш размер. Рюкзак возьмите с собой. Свою лагерную одежду засунете в мешок с грязным бельем, никто не заметит. Обувь менять не надо, она вполне привычная и качественная. После того, как я увижу вас, не важно, как – в зеркало или воочию, и я выйду из машины. Запомните, сначала вы, затем я.

— Вам точно не надо лично сдавать весь этот груз? – спросил Питер.

— На самом деле, надо. Я должна сопровождать машину до самого конца и расписаться в ведомости. Но это может сделать и шофер. Я их давно к этому приучила. Все, я сяду рядом с водителем в кабине, вы – спрячетесь в кузове. А теперь идите, у вас обед. Торопитесь.

— Сколько времени мы будем в пути?

— Минут тридцать, может немного больше.

— Только не вздумайте брать мою парадную одежду.

— Я об этом тоже подумала. Ваша гражданская одежда – костюм, брюки, головной убор, обувь — по-прежнему хранятся здесь. Со времен ваших «экскурсий» в элитные коттеджи и другие значные места о них давно позабыли. Когда вас начнут искать, а это произойдет только перед сном, то вспомнят и о ней. И тогда искать будут по этим приметам. Поэтому я все спрячу и поведу по ложному пути. А когда обнаружат, то будем уже далеко. Доверьтесь мне.

Стоун больше не колебался. Её решительность только придала ему еще большей уверенности. Он даже обрадовался такому неожиданному развороту событий. И бросился в него, как с моста в воду.

— А этот ваш приятель Кох?

— Даже если он о чем—то догадывается, то будет молчать, — ответил Стоун.

— Надеюсь.

— Но вас ведь тоже сразу начнут искать? Свяжут наш побег вместе.

— Нет. Сегодня пятница, завтра суббота, и я отпросилась. А воскресенье — у меня официальный выходной день. Я предупредила начальство, что вернусь в лагерь только в понедельник днем. Сказала, что должна навестить заболевшую сестру в Загорске.

А если им что-то понадобится во время моего отсутствия, что пока еще не происходило, то у них есть ключи.

— А проверки на дорогах, военные патрули?

— Документы у меня подлинные, как-никак капитан НКВД. Не придерутся. А вы сопровождающий. Ваш документ у меня, тоже подлинный, с печатью. Отдам вам, когда встретимся на вокзале. Ваше имя Ристо Виртанен. Запомните!

— Ристо Виртанен!?! – Произнес Стоун.

— Это, чтобы объяснить акцент», — сказала она. Теперь вы — карело-финн. До сих пор всё еще прибывают поезда с демобилизованными, одни возвращаются домой из госпиталей, другие ищут родных. Едут не только из Германии, со всей Европы, перемещаются по стране. Самое удобное для нас время, надо им воспользоваться. При проверке, если будем наталкиваться на патрули, сначала показывать документы буду я, потом – вы, если не отстанут.

— Значит, Финляндия?

Наташа кивнула головой.

— Идите обедать. Всё!

— А какой маршрут? Ленинград?

— Для меня он – Петербург, Питер.

— Как я. Город и человек, — он улыбнулся.

— Да. Я надеюсь только на восстановление прежней России. Вот почему уйду вместе с вами. Чтобы однажды вернуться. Когда будет всё иначе.

— Вы уверены в своих действиях, это и есть причина? Из—за этого вы решились на побег?

— Вы меня подтолкнули.

— Я? – Стоун был поражен её ответом.

— Да! Мне нужен был толчок, а теперь он у меня есть. Останавливаться нельзя.

Филиал Красногорского лагеря в Москве, 13 сентября 1946 года, вечер. Продолжение - 2.

Питер Стоун в последний раз пошел в столовую на обед, наспех поел отварную картошку с куском тушеной рыбы и, сославшись на плохое самочувствие, вышел.

— Пойду, прогуляюсь, — плохо себя чувствую, сказал он.

— Что-то не так, тебе помощь не нужна? — спросил сердобольный Кох, ты плохо выглядишь.

— Спасибо, мне просто надо пройтись. Возьми мое яблоко себе.

Когда Питер вышел из столовой, было уже темно. Со стороны хозблока раздался сигнал клаксона. Это подъехал грузовик за грязным бельем и инвентарём.

— Пора! – произнесла вслух Наталья.

Стоун вошел в барак, поправил свою постель и вышел на территорию лагеря. Недалеко от казармы, о чем-то горячо споря, уже прогуливались двое военнопленных, и он пошел на противоположную сторону, расхаживая вдоль забора из одного конца в другой по примеру многих, которые проделывали этот маршрут ежедневно уже год и три месяца. Освещение двора было слабым и с вышек плохо просматривалось – лампочки на столбах часто перегорали и их едва успевали менять.

Дождавшись, когда водитель небольшого грузовичка возле хозблока закончит бросать в накрытый брезентом кузов, тюки с грязным бельем и кое-какие рабочие инструменты, а наблюдавшая за его работой командирша, обратится к нему с каким-то вопросом, Стоун быстро скользнул внутрь и зарылся между тюками одежды и белья. Затаил дыхание, словно его мог услышать часовой на вышке. А сердце в груди колотилось, как медный пестик о стенки колокола на плацу. И в ушах стоял такой же привычный звон, когда собирали

на поверку. Но, кажется, всё обошлось, никто не заметил. Только ворона закаркала. Предательница! Это была одна из самых трудных частей плана капитана интендантской службы НКВД Натальи Павловны Трубецкой, о котором она мельком рассказала час назад капитану Британской армии его величества интернированному, а точнее, военнопленному Третьего отделения Красногорского Особого пересылочного лагеря для военнопленных № 27 Питеру Стоуну.

Наташа в форме капитана НКВД, с фибровым чемоданчиком в руке, уселась в кабину рядом с шофером.

— Вот что, Сережа, сначала отвезешь меня на Каланчевскую площадь, к сестре собралась, а потом уж отправишься в Красногорск, там сдашь белье, как положено, и получишь новое. Без меня справишься? И не забудь поменять изношенный инвентарь. В понедельник я тебя жду к обеду.

— А как же, Наталья Павловна! – весело откликнулся солдат. – Всё будет путём, не сомневайтесь. Только не Каланчевская площадь, а Комсомольская, так она уже много лет называется.

— Ну... ты прав, Сережа, я ведь все по привычке, старые названия не так просто выбросить из головы. Ладно, поехали.

Машина тронулась, потом притормозила возле ворот на проходной.

— Что у вас сегодня, товарищ капитан? – козырнув, спросил сержант—охранник.

— Старый хлам, как всегда, стирка, обмен — ответила она.

— Я загляну в кузов?

— Конечно.

Сержант обошел грузовичок, отдернул брезент, но лезть внутрь не стал – формальность. Наталья Павловна на это только и рассчитывала. Потому что знала, её груз никогда не досматривался. Кто из рядовых охранников захочет связываться с капитаном НКВД?

С колотящимся сердцем, как у Питера, она подождала, пока шлагбаум поднимется.

Дальше уже было полегче. Пока ехали на Комсомольскую площадь, водитель и пассажирка о чем-то болтали, но Наталья Павловна мало что понимала и отвечала невпопад. А Питер в это время обшарил тюк, нашел рюкзак и припрятанный узел со своей гражданской одеждой и спешно переоделся. Когда грузовичок, наконец, развернулся и припарковался напротив ступенек вокзала, из кузова бесшумно и незаметно соскочил совсем другой человек. В штатском. Свою лагерную одежду он запихал в один из тюков с грязным бельем. Никто не заметит.

Внешне он был предельно спокоен и хладнокровен, как его любимый герой... Питер стал неспешно прогуливаться неподалёку, словно поджидая запаздывающую подругу. Высокий, худой, с чуть поседевшими на висках волосами, в фуфайке, холщовых штанах и с перекинутым через плечо небольшим рюкзаком со сменным бельем и некоторыми банными и гигиеническими принадлежностями. Таких в Москве в то время было много. То ли фронтовик, то ли местная шпана.

Можно было бы, конечно, переодеться в темно-серый костюм, пальто из драпа и щеголять в велюровой шляпе с широкими полями. Таких элегантных денди в Москве в это время тоже хватало. Фронтовики, вернувшиеся из Европы, принесли с собой и особый шик. Модники, обоженные войной, но стремящиеся сейчас к упущенным радостям жизни. Но...

Грузовичок отъехал, Наталья Павловна побежала на встречу со скукающим «провинциалом». Она тоже взяла себя в руки и больше не волновалась. Они коротко поцеловались, для вида, для посторонних. Так надо, чтобы со стороны выглядело обычно. Счастливая пара! Но до конца было еще далеко. Тут они вдруг одновременно засмеялись. Нервно, импульсивно.

— Ну вот, теперь на поезд, отходит через полчаса, — прошептала Наташа.

— Успеем. Интересно посмотреть на Москву другими глазами.

— Придет время – я покажу её вам подробно. По всем памятным местам моей юности пройдемся. Пока не устанете. А это ваши документы и немного денег. Пусть будет.

— А оно придет, это «время»? – Спросил Питер, запихивая в нагрудный карман паспорт в серой тканевой обложке с черным гербом.

— Не знаю. Я – верю. А пока – в путь. Пора, Питер.

Они еще успели перекусить у лотка с картофельными и капустными пирожками и набрать с собой в кулек на дорогу – нервозность разгоняла аппетит. На перроне пришлось пройти первую проверку. Но народу было так много, а документы у Натальи Павловны не вызывали никаких сомнений, да и у сопровождавшего её гражданина Ристо Виртанен тоже.

В плацкартном вагоне они уселись рядышком на свои законные, перфорированные в прямоугольных картонных билетиках, места. Когда поезд тронулся, Наташа сходила к титановому баку в конце вагона и принесла две кружки теплого бледного чая. Нервное напряжение стало спадать. Они смотрели в окно на мелькающие пригородные окрестности и молчали. За окном была ночь.

Поезд, поначалу резво взяв ход, как норовистая лошадь, потом, верно, вспомнил о своем пожилом возрасте и дальше полз медленно. Так что трястись пришлось почти до полудня следующего дня. В Твери после того, как поезд выехал за пределы города, он вдруг остановился и в него неожиданно вошли люди в штатском и в сопровождении сержанта и солдата наспех проверили документы. Вторая проверка потом в Бологое и третья перед въездом в город Ленинград. Но и здесь всё прошло нормально, судьба им благоволила. Все пассажиры в плацкарте были изрядно измотаны, не спали также Питер и Наташа. Разглядев при свете фонарика

документы капитана НКВД и погоны на её плечах, проверяющий лишь махнул рукой и пошел дальше. В Ленинграде они вышли на привокзальную площадь и подошли к стоянке такси: здесь уныло стояли два ЗиС-101 и ГАЗ М-1, известный в народе, как «Эмка». Возле одной из машин общались два водителя в ожидании пассажиров.

— Кто готов на дальнюю поездку, — спросила Наталья Павловна.

— Ну это смотря куда и, смотря за сколько, — сказал молодой парень, лет двадцати пяти.

— Тогда садитесь и поехали.

— А куда ехать? Я так не могу.

— Можешь, по дороге разберемся. Не пожалеешь.

Наталья Павловна протянула таксисту чемодан и села на заднее сиденье, показывая Питеру следовать за ней. Когда двери захлопнулись она произнесла:

— В Олонец, и как можно, быстрее!

— Ух, ты! Я за это время, тут в городе намотаю себе...

— Не сомневаюсь, и потому вот тебе 100 рублей, а когда приедем, получишь еще полтинник! Идет?

— Конечно, я на такое не рассчитывал. Это слишком.

— Все нормально, — ответила Наталья Павловна, словно успокаивая молодого таксиста. — Бензина достаточно?

— Да, товарищ капитан, час назад заправился. Полный бак.

— Тогда поехали, время не ждет, нам еще много надо успеть. И с твоего позволения, мы немного поспим.

Питер, пытаясь не вызывать подозрения, не открывал рта. Он был удивлен доселе незнакомому поведению и жаргону Натальи Павловны и вскоре сообразил, что этот уличный стиль был использован ею специально, чтобы снять напряжение и устранить разом все вопросы. Он также помогал легче договориться и не терять времени; ведь водитель такси по праву мог отказаться ехать в столь дальнюю поездку.

Вскоре каждый отодвинулся в свой угол и попытался заснуть. Но внутреннее возбуждение и напряженность были выше усталости и, почти всю дорогу, Питер и Наталья провели в беспокойной дремоте. Четвертая, последняя проверка удостоверений личности, случилась уже на милицейском посту перед въездом в Олонец. Но и здесь всё прошло нормально.

— Куда вас везти, товарищ капитан? — спросил таксист, как только они въехали в город.

— Нам нужно в часть, — размышляя ответила Наталья Павловна, — но мы не успеваем и потому, видимо, придется здесь переночевать. Видишь, как получается, не рассчитали мы со временем, а уже темнеет. Не ожидала я, что дорога будет столь долгой! А до Петрозаводска долго ехать? — она взглянула на часы.

— Не менее двух часов, дороги плохие, ответил водитель.

— И я о том же — значит опоздали, на встречу не успеем, придется отложить на завтра! Отвези нас лучше в гостиницу, есть тут такая? — Спросила Наталья Павловна через минуту.

— Я знаю одну.

— Приличная?

— А вы сейчас увидите! — весело отозвался таксист.

Через мгновение машина остановилось рядом с двухэтажным домом, больше похожим на здание поликлиники, чем на гостиницу. Наташа расплатилась с водителем и ещё через минуту, она и Питер вместе вошли в дверь провинциального отеля.

Вечерело, становилось прохладно. Они провели почти бессонную ночь в поезде, но здесь, на свежем воздухе, чувствовали себя, на удивление бодро; чувствовалось близкое ощущение долгожданной свободы. Несмотря на усталость, всё настраивало на благодушный лад.

В гостинице, к радости, были свободные места, и администратор попросила заполнить бланк и показать документы. Две

дополнительные десятки устранили все недоразумения и даже помогли получить в номер чай с бутербродами.

— У вас завтраки предусмотрены? – Спросила Наталья распорядителя гостиницы.

— Нет, но я могу постараться, товарищ капитан.

— А в каком часу вы меняетесь?

— Ни о чем не беспокойтесь, у нас для особых гостей особые условия. В каком часу вы желаете завтракать.

— В девять утра.

— Ровно в девять я к вам постучусь. А через полчаса принесу вам поесть.

После легкого ужина Питер стал рассматривать висящую на стене карту Карелии.

— Вы сказали водителю, что мы едем в Петрозаводск.

— Да, это для устранения подозрения и прочих вопросов, если такие у таксиста могли возникнуть. А едем мы в противоположном направлении. Вот сюда.

Наталья показала на точку у границы с Финляндией.

— А почему мы не поехали по этой дороге? — спросил Питер, показывая на левый берег Ладожского озера.

— Причина в том, что эти земли когда-то входили в состав Российской империи, в том числе и великое княжество Финляндия. У нас тут, на Карельском перешейке, была своя дача, — вспомнила Наташа. – Всё лето мы с мамой в ней жили, когда мог, приезжал и папа. Я очень любила эти места. Вот тут, к северу от Петербурга. Больше, чем дача, настоящее поместье, где мы проводили каждое лето. А хозяйственными делами занимался Матти Контиола, я его называла дядя Матти. Он жил на территории в своем домике со всеми удобствами, занимался хозяйством и водил меня по грибным и ягодным местам. Потом началась революция, политические передраги и Матти оказался в Финляндии, а мы в России. До 1937 года я о нем ничего не слышала, но как-то, разбирая семейные

альбомы и прочие бумаги, нашла письмо от него, где он писал отцу из поселка Рускеала, которое находится здесь. Я сверила даты на конверте и время ареста отца. Его арестовали и расстреляли через месяц после даты, обозначенной на конверте. Я не знаю, случайность ли это, но убеждена, что Матти к смерти отца не имеет никакого отношения. Он прекрасный человек. Завтра мы поедем рейсовым автобусом к нему в село, он и будет нашим проводником.

— Вы уверены? – осторожно спросил Стоун.

— Он местный, финн, хорошо знал моего отца и всю семью, жил у нас. Да и я ему не чужая. А без него нам будет сложно найти слабое место на границе, он сможет провести всякими неизведанными тропами.

— Надежный?

— Отца уважал, большевиков ненавидел. В восемнадцатом году мог выбрать, где жить, но решил никуда не уезжать. Остался. Говорил так: — «Где родился, там и умру, моя это земля. А власть я не обязан любить. Она приходит и уходит, а земля навсегда».

— Люди со временем меняются...

— Надеюсь, не Матти. У него свои счёты с Советской властью. Ладно, не будем гадать, жребий брошен. И я тоже уже не могу больше ждать. Сама соскучилась по свободе.

— А с домом, где вы проводили летнее время, что случилось? – спросил Питер.

— Отобрали! Власть конфисковала и сделала из нашей дачи базу отдыха для партийных работников.

Наташа показала пальцем на карте у границы с Финляндией.

— А поехали мы по длинной дороге к востоку от Ладожского озера потому, что дороги на западной стороне от озера есть не везде, а те, что есть, могут быть размыты. А самое главное, что эта территория принадлежала Финляндии и мы её отобрали шесть лет назад. И там могут быть военные и милицейские патрули. А связываться с ними мы не хотим. Ни вы, ни я. И потому проезд по

восточной стороне, хоть и длиннее в два раза, но значительно спокойней и безопасней.

— Интересно, что сейчас делает Рихард? Наверное, в лагере переполох...

— Питер, остановитесь! – Наталья коснулась его лба прохладной ладонью. – Карцер вас совсем измучил, а тут еще наш побег, нервное напряжение... Так недалеко и в штопор сорваться. Вы слышали, что я только что говорила?

— В штопор сорваться... я запомню, — Питер улыбнулся. – Я спокоен, поверьте мне.

— Пойдем лучше мыться, тут есть горячая вода.

Теплый ручеек показался роскошью после напряженного дня. В номере было прохладно и хотелось поскорее согреться. Вдвоем под душем было тесно и Питер, помывшись, влез в постель. Вскоре появилась Наташа.

— Раз нет тепла, то мы должны брать пример с эскимосов, ты согрел для меня место?

Питер не понял, что Наташа имела ввиду, но вскоре всё стало ясно...

Вспоминает и рассказывает Питер Стоун – поток сознания

Странно было находиться в советском отеле, где у двери наша обувь, за дверью пустой коридор, а на полу толстый ковер. В комнате немного грустно, но уютно, за окном темно и огромные звезды, а радость чистых простыней и удобной постели наполняет тебя мыслью, что ты дома, что ты не один. И утром, когда проснешься, последует продолжение, и маленькие радости, как и подобает, будут толпиться и сменять одна другую. И свобода совсем рядом!

Когда она вошла в комнату, я не мог оторвать от нее глаз. У неё были удивительно красивые волосы, ещё мокрые, распущены на плечи, свободные от шпилек. Ее лицо, глаза, грудь, движения ее бедер, тонкая талия... всё завораживало. Она подошла и села на кровать. Потом, ни говоря ни слова, влезла под одеяло и крепко прижалась ко мне. Я развернулся к ней лицом, и мы обнялись.

— Ты, например, мог бы сказать, что любишь меня, — сказала Наташа неожиданно, а через секунду добавила, — нет, я этого не жду. Но ты мог бы солгать.

Как и следовало ожидать, мы перешли на «ты».

— Я должен подготовиться, — еле произнес я.

— Нет, тебе незачем это говорить, — она закрыла глаза, ожидая поцелуя. — Я этого не жду и не прошу. Я хочу, чтобы ты подарил мне самую страстную ночь в моей жизни. Потому, что не знаю, будут ли у меня ещё такие ночи.

Я поцеловал её в закрытые глаза, но сказать ничего не мог. Эта игра была подобно карточной, но на кону были не деньги и фишки, а наши тела, чувства и азарт. И какая разница, как она называется, эта страсть!?

Мы пересеклись взглядами и какое-то время пристально смотрели друг другу в глаза. Казалось, что мы понимаем всё без слов. После минутного переглядывания мы сошлись в поцелуе.

— Этой ночью мы будем спать как эскимосы, — сказала Наташа.

— Это как?

— Так спят на севере, тесно прижавшись друг к другу.

— Голыми?

— Голыми, иначе не согреться.

Все остальное произошло непроизвольно; наши тела буквально сплелись — руки, ноги, языки. Мы не могли оторваться друг от друга в течение нескольких минут; процесс без начала, без середины и без конца. То единственное, на что мы были настроены. Под утро мы

крепко прижались друг к другу и уснули как маленькие дети, которые долго играли в любимую игру и сильно устали.

Проснувшись, я занялся утренними процедурами, вернулся в комнату и подошел к окну. Начинался новый день и тихо моросил дождь.

— Ты уже встал, милый? – услышал я голос Наташи. – Какой чудесный день!

— День прекрасный! Как тебе спалось?

— Чудесно. Как хорошо было ночью. Мне снился английский сон, — сказала она.

— Это как? – Я удивился определению.

— Дом с лужайкой и туман, дождь моросил... и ежи, там было много ежей. Только почему они вышли в такую погоду из своих нор?

— А в какое время это было?

— Не знаю, может, вечером.

— Чай попить и закусить!

Она громко рассмеялась; удивительно было видеть её в столь раннее утро в постели, с едва прикрытой наготой, желанной и громко смеющейся.

— Это потому, что вы в это время пьете чай и закусываете?

— Да, мы пьем чай и едим пирожное, некоторые предпочитают холодную говядину с огурцом.

— А что едят ежи?

— Тоже самое, что и все – пирожное и бутерброды с говядиной.

— Неправда, — Наталья рассмеялась, — ежи не едят это.

— И что же они едят?

— Наверное ягоды, в русских сказках они едят яблоки.

— Я не говорил, что наши ежи не едят яблок, но в пять вечера, они едят, как все. Исключений нет ни для кого.

Я едва сдерживал смех.

— А наши, российские, что едят?

— Каши, мёд, и запивают квасом.

— А французские?

— Лягушачьи лапки, как истинные французы! И запивают молодым божоле.

Наталья расхохоталась, и так, что я невольно вздрогнул. На расстоянии вытянутой руки лежал совершенно другой человек, которого я прежде не знал. Многообразная, сияющая, яркая!

— Ты не проголодалась? – Спросил я.

— Кажется, проголодалась. Нам скоро должны принести еду.

Наташа посмотрела на часы. Было восемь часов.

— Но у нас еще есть время, — заключил я и влез под одеяло.

Ровно в девять в дверь постучались и нам принесли завтрак: чай, вареные яйца, сосиски, хлеб и масло. Мы вели себя так, будто ничего не произошло. Я чувствовал, что она не хочет говорить об этом, поэтому и сам, как мог, старался вести себя естественно. Она была безмерно счастлива. Но неожиданно, уже на выходе она вдруг сказала:

— Ночь была чудесной!

— Я знаю, — скупой ответил я.

— И утро тоже!

Олонец, 15 сентября 1946 года, утро

Дождь неожиданно прекратился, вышло солнце, и день обещал быть ясным и теплым. Выйдя из гостиницы, они решили немного осмотреть город; хотя Наталья понимала, что злоупотреблять этим не стоит; любая проверка могла стать последней и закончиться трагически.

Город был практически весь деревянным, даже сохранились пешеходные висячие мосты, вырубленные из бревен, бывшие купеческие дома, старинные церкви. Осмотрев крепостной ров, некогда охранявший Олонецкую крепость от вторжения, они ещё немного полюбовались ландшафтом и пошли на автостанцию. Пока

шли и вокруг не было людей, они свободно общались, а если рядом оказывался кто-нибудь, то замолкали, стараясь не привлекать внимание.

— Доедем на автобусе до Рускеала, — сказала Наташа, — там живет Матти, мы едем к нему. Переночуем у него, а с рассветом – в путь. Он поможет перейти границу. Тебе не надо ничего делать, милый беглец, ложись на меня.

— Не жалеешь? – спросил неожиданно Питер.

— Нет. О пролитом молоке чего жалеть? Назад в кружку не вольешь.

Она вдруг засмеялась. И пояснила:

— Да, о молоке. О детстве. А молоко, наверное, было такое теплое, вкусное... парное. Как всё в прошлом. Так вот, чтобы ты немного развеселился, расскажу одну историю из своего счастливого детства. Представь себе такую картину. Мы в гостях у близкого папиного друга. Маленькая девочка сидит на коленях у генерала царской армии. Это я. Особняк в Москве, сливки высшего общества. До революции еще три года. Идет камерный концерт Анастасии Поляковой, нашей хорошей знакомой, известной исполнительницы цыганских песен и романсов. Её еще называли «цыганским соловьём». Царская семья и всё высшее общество были поклонниками её таланта.

Рассказывала эту историю Наташа на английском, но все важные ключевые слова говорила на русском, как они и звучали, поясняя смысл и значение.

— Слушай внимательно, Питер. Эта сценка, хотя я была еще очень мала, не такая забавная, как может показаться — она имеет глубокий смысл и напрямую касается русского языка, вернее, отношения к нему представителей тогдашней элиты. Которая, как тебе известно, исчезла в исторической пыли. И сегодняшних наших властелинов, судя по всему, ждет та же участь.

— Я слушаю, — заинтересовался он.

— Полякова закончила петь, подошла к папе, они о чем-то поговорили, обменялись шутками. А мы сидели у рояля. Вокруг нас столпился народ. Все к ней подходили, поздравляли. Я помню только, что все эти изысканные «сливки» были с плохой и гундосой русской речью. К тому же изъяснялись между собой на чужом языке. Французский, и английский я еще плохо понимала. А тут еще некоторые дамы наставили на меня лорнетки, разглядывая меня, как узоры на обоях. В довершение всего одна из них, путая слова из всех языков, стала расспрашивать меня о моей куколке:

«— Из чего же она сделана, такая миленькая, почему у неё в руке хлыстик?»

— Я, росла на даче, и часто общалась с крестьянскими детьми – одна из них и подарила мне эту куклу, с которой я потом не расставалась, и отвечала ей по-русски, иначе еще не умела. Дескать, сделана из кудельки, а это не хлыст, а батожя. Дама вновь вскинула на меня лорнет и как—то презрительно оглядела с ног до головы. Потом спросила:

«— Что такое «куделька»? Что есть «батожя»?

Тут папа вмешался, пояснил с улыбкой:

«— Это пучок льна, пенька для пряжи. А батожя – кнут, с его помощью коров пасут».

«— Charmant! – сказала дама. – Натали очень мила!» – и поплыла, как накренившийся во время качки груженный корабль, дальше по залу.

Генерал Гордеев, милый человек, с голубыми глазами и белоснежной седой бородой, который стоял рядом с нами, тихо сказал отцу:

«— И ты, Павел, будешь со мной еще спорить, что эта дама русская?».

А папа коротко, просто и ясно ответил:

«— Да, она русская, но дура».

Я впервые услышала от него тогда это бранное слово в отношении к женщине. Но комментарии, как говорится, излишни. А когда пришла февральская революция, все оказались не только в дураках, но изменниками и трусами, включая царских родственников. Побежали с красными бантами на улицы, приветствуя свою скорую погибель. Глупцы. Вся элита, все сливки общества. Вот тебе и «парное молоко» ...

Минуту спустя она тихо произнесла:

— Теперь здесь другой мир. Да, у нас можно писать, рисовать, сочинять музыку, петь. Но всё это, так или иначе, должно восхвалять партию, правительство и великие достижения новой власти. А я не хочу этого. Я хочу свободы. Поэтому и решилась бежать вместе с тобой, Питер. Чтобы ты знал.

— И когда ты приняла это решение?

— Весной, когда ты только вышел из карцера, у меня стал созревать план и я начала готовиться. Тогда же и заказала для тебя документ; у нас много специалистов, которые могут хоть Джоконду в точности скопировать. Ждала удобного случая, но оказалась в безвыходной ситуации.

— Почему в безвыходной...

— Тебе надо, как маленькому ребенку всё объяснять!?

Питеру стало совестно. Он помолчал с минуту и неожиданно спросил:

— А какой хотел видеть тебя твой отец?

— Понимаешь, он был не только из дворянского рода, но еще и очень разносторонним человеком; писал стихи, философские рассказы, рисовал. А я мечтала стать врачом, но он этому противился. Считал, что медицина – не женское дело. Тем более что мне становилось дурно от запахов лекарств.

— И как ты оказалась в военной форме?

— Так распорядилась судьба. Я и сейчас вовсе не военный человек. Сначала – революция, когда всё пошло крахом. Потом –

арест и гибель отца. Ну, а затем – началась война и я, как жена офицера, должна была заняться чем-то существенным. Практически, за меня решили, что это лучшее и наиболее подходящее для меня занятие. Так я и стала начальником интендантской службы части.

— А твой муж, значит, военный офицер? – спросил Питер. Он ожидал услышать односложный ответ, но совсем не предполагал такого:

— Да. Полковник Ясин.

И его словно окатили ведром ледяной воды. Даже не нашел, что сказать в ответ. По спине прокатились полчища мурашек. Так это всё было неожиданно и попросту невероятно. Теперь он еще больше понимал, чем она рисковала, решившись на побег. Что теряла. Но подлинная свобода стоила того. А Наташа продолжила:

— И вот уже двадцать лет я живу в его тени. А пора выходить в свет.

Вспоминает и рассказывает Питер Стоун — поток сознания

Пока нам с Наташей бешено везло, как отчаянным игрокам в покер, бросившим на кон свои жизни. Все проверки документов, даже в рейсовом автобусе, когда машину вдруг остановил на трассе патруль, кончались счастливо. В последнем случае Наташа применила жесткий прием, словно борец на татами, бросив противника на спину.

— Цель вашего приезда в пограничную зону? – сухо спросил офицер, не торопясь возвращать ей документы. Мои он тоже держал в руках.

— Давайте спустимся вниз и там пообщаемся, сказала она неожиданно лейтенанту.

И, не давая ему и сопровождавшим возразить, встала со своего места и жестом показала мне, оставаться на месте, по дороге бросив водителю:

— Одну минутку!

А уже на обочине она резко спросила лейтенанта, смотря ему прямо в глаза:

— Что вы спросили, лейтенант?

— Я спросил о цели вашего визита...

— И вы думаете, что я буду в общественном месте при свидетелях рассказывать вам о цели нашего визита? Так вот, я вам отвечу — не ваше дело. Выполняю распоряжение руководства НКВД. Разглашать суть не имею права. Спецзадание.

— Вы обязаны отвечать на мои вопросы.

— Послушайте, лейтенант, вы разговариваете со старшим по званию из общего ведомства. Если хотите, справляйтесь у генерал-лейтенанта Огольцова. Или у самого Виктора Семёновича Абакумова. И если окажется, что вы нанесли ущерб выполнению возложенного на меня задания, то это вам так просто не пройдет. Вы за все ответите. И сомневаюсь, что вам понравится там, где вы окажетесь после этого. А ваше начальство, должно быть, осведомлено о цели моего визита. И обязано проинформировать подчиненных. Если это их упущение – тогда спросим и с них.

Я наблюдал за этой картиной, сидя у окна и всё слышал. Понимал, что Наташа блефует, но как мастерски! Ни одна жилка не дрогнула у неё на лице, отвечала гневно, решительно, глаза блестели. Вот-вот схватится за кобуру. Чувствовалась, что за ней стоит такая страшная мощная сила. И лейтенант пошел на попятную. Все-таки, человек, жить хочется. И жить тихо, без скандалов. А вдруг возьмут и действительно упекут куда-нибудь...

Но он еще вяло сопротивлялся, пытаясь сохранить лицо:

— А товарищ Ристо Виртанен?

— Со мной! — резко оборвала его вопросы Наташа. – Не задерживайте, лейтенант. Верните документы и ступайте.

— Продолжайте маршрут! – козырнул офицер и отошел в сторону.

Признаться, я от неё такого не ожидал; она мне открылась совсем с новой стороны, удивляла каждый раз по-новому, поражала неожиданными сюрпризами. Волевая, смелая, готовая на всё. Вот что значит военная косточка, дочь боевого царского, а потом красного генерала Павла Андреевича Трубецкого! Молодец, Наташа... Моё почтение и уважение. Это не та фея-капитанша, с которой я познакомился почти шестнадцать месяцев назад. Настоящая грозная валькирия с мечом. И я догадывался, как называется эта «страшная мощная сила», которая стояла у неё за спиной? И даже не одна, а целых две. Любовь и Свобода.

Ну, ладно, пока нам действительно удачно удавалось избежать всех препон и ловушек. Но дальше, при переходе границы, будет еще сложнее, но пока об этом думать нет смысла; всё по обстоятельствам и на месте. Сначала познакомимся с этим Матти. Наташа, чтобы ни говорила, его совсем не знает, они не виделись почти тридцать лет, а это вечность. А что, если он уже давно связан с пограничниками? Работает их осведомителем. Всякое может быть. Я гнал от себя подобные мысли, но они продолжали раздражающе лезть в голову. А Наташа, словно чувствуя мои сомнения и тревогу, вновь поддержала меня, прижавшись к моему плечу и прошептав:

— Ничего не бойся и ни о чем таком не думай, я с тобой. И если уж вытащила тебя из лагеря, то выведу даже из самого ада. Сил у меня хватит.

Да, она была права, хотя и не совсем точна в трактовке Вергилия... Там, в аду, оказалась Эвредика, но выводил её, все же, Орфей...

Потом я подумал: это хорошо, что Наташа заранее предупредила мужа, что едет навестить сестру. Хватится он только

в понедельник, а мы уже далеко, вне зоны его досягаемости. Но если он вдруг вздумает позвонить в Загорск, проверить? Или уже звонит, в эту минуту? А если неожиданно Наташе позвонила сама сестра, и трубку взял полковник Ясин?

Представляю, что творилось в лагере в ночь моего побега! Когда после поверки перед отбоем не досчитались одного заключенного, охрана с ума посходила! Срочно сообщили Ясину и Волкову. Второй побег из лагеря за восемь месяцев. Сначала Шнитке, потом – Стоун. Должно быть, всех военнопленных опять на всю ночь выстроили на плацу. Носом землю рыли, заглядывали в каждую щель. Но я был уже далеко... Если даже они и нашли мою гражданскую одежду, хранящуюся в хозблоке, то, наверное, никак не могли понять, в чем же я убежал? И как? На Наташу подозрения упасть никак не могли, ведь она должна была быть в трехдневном отпуске. Всё складывалось, как нельзя лучше.

Автобус остановился в центре поселка возле почты. Вечерело. Я не озадачивал Наташу этими или другими вопросами, я просто молча рассуждал. А пока мы шли по неосвещенным улицам к дому Матти, вглядывались в редкие таблички с названиями улиц, она, словно отвечая на незадаанный мной вопрос, неожиданно сказала:

— Полковник Ясин не позвонит моей сестре в Загорск – у неё нет телефона. И в Москве он есть далеко не у всех.

— Значит, они пойдут по ложному пути.

— Ты о чем, Питер?

— Дело в том, что я тоже планировал побег и хотел пробраться к турецкой или персидской границе. Собрал достаточно информации и уже ждал удобного момента. А под матрасом оставил листки бумаги с начерченными маршрутами и названиями городов и сёл вдоль Черного и Каспийского моря. Теперь они ищут меня на этом направлении. Проверяют, наверное, поезда, машины, автобусы.

— Я подумала, как мизерны теперь препятствия, которые казались неодолимыми.

— А тебе все равно, куда ехать?

— Да. Только бы уехать.

— Ты удивительная.

— Я простая, совсем простая, – сказала Наталья.

— Долгое время я думал иначе. Всё, что угодно, твоя форма не позволяла расслабиться. Мне показалось, что ты немного сумасшедшая. Я не мог понять тебя до конца, в голове вертелись разные мысли.

— Я и была немножко сумасшедшая. Но этого никто не замечал, значит мне удавалось это скрывать. Ты первый, кто об этом сказал. Ты и теперь так думаешь?

— Уже нет.

Поселок Рускеала, 15 сентября 1946 года, вечер

Карело-финское поселение разлеглось по берегу бурной речки Тохмайоки, недалеко от знаменитого мраморного карьера, очень красивого и живописного, рядом не менее красивые водопады. Через поселок проходит связывающая трасса Сортавала – Вяртсиля, тихая дорога, по которой ходили редкие машины: автобусы, грузовики, повозки с лошадьми и легковые автомобили.

По прибытии в поселок Наталья зашла в общественный туалет и вышла оттуда совсем другим человеком; легкий вязаный свитер, короткая куртка на овечьем меху, холщовая юбка и легкие сапоги. В таком виде она и оказалась вместе с Питером на пороге дома Матти, с трепетом ожидая судьбоносной развязки.

В жилом доме хозяина под одной крышей, но в разных помещениях, располагались и постройки для скота. А вот продукты его труда – зерно, вяленая рыба, собранные дары леса, соленья,

варение и всё такое прочее, чем богата природа, хранились в отдельно стоящем амбаре.

В топившейся по-черному бане уже успели по очереди побывать Питер и Наташа, прежде чем сесть за стол с Мартином; семьёй он так и не обзавёлся и потому жил один. Наталью и Питера он принял как родных; вначале испугался, когда они появились на пороге дома, потом долго вглядывался и когда Наталья сказала «setä Matti», вдруг расплылся в улыбке и протянул широко расставленные руки. Какой из Наташи гость – Матти хорошо помнил её маленькой девочкой, пока политика не вмешалась в их жизни и не изменила судьбы.

А угощал он беглецов традиционной местной пищей — ухой, рыбником, творогом и традиционными ржаными пирожками со странным названием «калитки». И собственным выпеченным хлебом из кислого теста. Да еще ягодным бруснично-клюквенным морсом. А вот никакого спиртного на столе не было. Это у Матти было запрещено. Вообще-то он произвел на Питера самое благоприятное впечатление. Немногословный, основательный, рачительный, лет семидесяти, узловато—мускулистый, как корень дуба, лицо в мелких морщинках и оспинках, кустистые брови и лукавые, но добродушные глаза, словно вобравшие в себя многовековую синь карельских озер и неба.

За окном во дворе вдруг залаяли собаки, и у Питера вновь тревожно кольнуло сердце. Хозяин вышел посмотреть. Пришел кто? Пока ждали его возвращения, сменилось множество мыслей. Больше не разговаривали, сидели тихо, глядя на огонек в керосиновой лампе. Лицо Наташи стало сосредоточенным и решительным. Она потянулась за чемоданом и вытащила оружие.

— Ты для чего кобуру отстегнула и пистолет достала? — Спросил Питер. – Неужели стрелять начнешь?

— Да, — кивнула головой. – А что еще остается? Ты не знаешь, что с нами будет, если это они.

— Мы человека погубим, надо искать другой выход из положения.

— Ты прав, — Наташа потупила взгляд.

Вернулся Матти и успокоил их: — «Сосед приходил, интересовался, кто пришел».

— Не донесет? — спросила Наташа.

— Спать пора! — Улыбнулся хозяин. — Разве черные мысли в бане не оставили? Рано вставать. Постель готова.

— А долго идти?

— От дома до того места, где я вас оставлю — часа три. Потом до границы еще час лесом, полем и болотами. Ты, Ната, форму здесь брось, и чемодан тоже. Потом сожгу. Сапоги дам подходящие, рюкзак тоже. Ну, всё...

Однако и эту, третью ночь, они провели, почти, без сна.

— Ты знаешь, — произнес вдруг Питер, — очень интересные люди здесь живут, и Матти кажется мне больше фрагментом природы, нежели частью человеческого общества.

— Ты думал о том, как назвал бы этот отрезок своей жизни?

— Требуется более осмысленного обдумывания. Ну... если последние три дня, то — Исход. Хотя, он еще не наступил.

— Вот и мой исход почти такой же... — промолвила Наташа.

На коленях у нее лежал котенок и мурлыкал свою песенку. Она гладила его по разноцветной шерстке и почесывала за ушком.

— Знаешь, почему у хозяина так много котов и кошек? — спросила она. — Это они охраняют дом, не собаки. Те только сторожат, а кошки настоящие хранители очага. Таково финское поверье.

Она поцеловала котика в розовый носик.

Питер отпил морс из стакана.

— Удивительный напиток! Вернусь в Англию и только ягодные напитки буду пить. Надо спросить Матти рецепт; наверное, все морсы готовятся одинаково.

Питер почувствовал, что глаза его начали слипаться и тихо произнес:

— Я не буду предателем, если прилягу и полежу с закрытыми глазами. Хотя бы немного.

Через минуту он уже похрапывал, растянувшись на диване. Наташа заснула на кровати напротив.

Ровно в шесть утра Матти осторожно постучал в дверь. Питер и Наталья одновременно проснулись и сели, каждый на своей постели, опустив ноги на пол.

— Доброе утро! Выспались? — спросил Матти из-за двери.

— Да—да, — ответила Наталья, — входите, доброе утро.

— Завтрак готов. Чай, яичница, каша. Все, что нужно для долгого дня, произнес он из-за двери.

Через полчаса они уже сидели за столом и уныло завтракали; в столь ранний час есть не хотелось. Питер выпил два стакана любимого морса и спросил Матти:

— Как вы готовите эти чудесные напитки?

— Рецепта правильного не знаю. Каждый по-своему. Но я это делаю так: перетираю ягоды и заливаю кипятком. Добавляю по вкусу мёд. Надо обязательно остудить. Некоторые варят и кладут сахар, но это уже компот.

— А теперь нам пора, — сказал он через минуту. Ты, Ната, сапоги не забудь и рюкзак тоже, как я говорил. И я расскажу о наших планах. Вы ляжете на платформу повозки, которую я накрою сеном и перевяжу веревками. Мы поедем по дороге на север. Внутри повозки я закрепил старый шкаф, в котором положил матрас. Тепло и мягко, хоть и не очень комфортно. Рисковать нельзя, проверки на дорогах серьёзные, а телега со стогом сена – явление привычное. Меня здесь знают, а вы... Чужие здесь не ходят. Километров через пять я поеду вдоль озера Руокоярви, а еще через километров двенадцать развернусь и остановлюсь на обочине. На этом участке дорога ближе всего приближается к границе с Финляндией. Я

остановлюсь и расслаблю веревки, а ты, Питер, по моей команде, вытолкнешь боковую стенку. Потом сойдете с повозки и побежите сразу в лес, на запад. Прощаться там не будем. На этом участке нет погранзоны, граница обозначена слабо, даже пограничные столбы не везде есть; зверь ходит свободно, и вы можете. Старайтесь идти лесом, хотя это не всегда возможно – он сменяется болотами, прудами, кругом валуны. Компас у вас есть. Если повезет, пройдете границу тихо и спокойно. Если нет, то услышите одиночный выстрел. Иногда раздаются и автоматные очереди.

Наташа посмотрела в глаза Питеру и решительно произнесла:

— Оно того стоит!

Через полчаса Матти вывел со двора повозку, запряженную гужевой лошастью, потом закрыл ворота и поехал на север. Телега почти на полтора метра высотой была загружена стогом сена и перевязана плетеными веревками.

— Как вы там, воздуха хватает? – прокричал Матти, когда они выехали на дорогу и торопливо пошли на север, изредка поскрипывая смазанными колесами.

Дорога была не из лучших, но не вязкая и ровная; не извивалась и была неплохо объезжена. Местность здесь обжита слабо, на пути встречались редкие машины, автобусы или такие же, как у Матти, повозки и телеги. Матти не давал отдыха ни себе, ни гнедой. Он гнал повозку, думая о Нате и Питере, беспокоился об их удобстве.

Езда была не сильно утомительной, но монотонность и долгое молчание уже порядком поднадоели, даже для неразговорчивого северянина. Он ехал, не переставая восхищаться привычным пейзажем, но повсюду были только леса, валуны, скалы, голубая гладь воды и свинцовое небо, которое иногда сдавало свои позиции небесному светилу. Наконец повозка остановилась на обочине, Матти посмотрел по сторонам, дернул поводья, повернул влево и остановился на противоположной стороне. Гнедая остановились, и,

как по команде, выглянуло солнце — голубое небо в очередной раз сменило серое. Из повозки донесся голос Натальи:

— Всё, setä, приехали?

— Приехали, — отвечал северянин, еще немного и вы на свободе.

Матти расслабил две веревки и сбросил на землю несколько охапок сена, потом помог выбраться из заточения Питеру, а затем они вместе вызволили Наталью.

— Пора, вам туда – мне назад. – Матти показал рукой на лес. — Рюкзаки на спину, — ну всё, бегите. Идти два километра, может меньше. Прощайте. Береги себя, Ната. И ты, Питер. Бог даст, свидимся...

Питер пожал крепко руку финну и пошел быстрым шагом в лес:

— Побежали, Наталья!

Но не тут-то было; Наталья, вопреки указаниям Матти, повисла у него на шее и заплакала. Он тоже прослезился, не привык к нежностям, даже засмутился. Медленно оторвал её от себя и тихо произнес:

— Иди, Ната, иди, прощай. И будьте осторожны, старайтесь не выходить из леса, прислушивайтесь! Прощайте. Бог в помощь. И его слезящиеся глаза, синие как озера, предательски заблестели.

Они побежали в лес и поднялись на вершину холма, откуда перед ними раскрывалась бесконечная ширь неведомого и неизбежного. Как в детском калейдоскопе, менялись картинки природы: лесной массив с позолоченными ранней осенью верхушками деревьев, болота и торфяники с высохшими деревьями, словно остановленные черно-белыми кадрами кинохроники, — менялась сама их жизнь. Пока они шли, пробираясь сквозь глухую таёжную чащу, где, огибая огромные валуны, на которых еще, возможно сохранились древние петрографы*, скрытые от глаз мхом, Питер, да и Наташа тоже, не уставали радоваться и восхищаться красотой этого самого загадочного и

туманного края России. Их обоих не покидало мистическое чувство сопричастности к чему-то заповедно-потаённому, первобытному. Здесь можно было бы снимать хроникальный или художественный фильм о первых поселенцах земли, с волнующим драматическим сюжетом.

Природа очаровывала их, но и предостерегала: осторожно, не расслабляйтесь... Девственная чистота леса опасна, в ней таится зло, речные пороги круты, земля скользит и может провалиться, в траве и под камнем прячутся ядовитые змеи. Но их пьянил свежий полуденный воздух, наполненный упоительным ароматом хвои и запахом можжевельника. Окружающая красота и чувство близкой свободы настолько поглотили Питера и Наташу, что они совсем забыли о своем бегстве, ощущали себя просто странствующими путешественниками, потерявшими чувство времени и реальности.

Заросли незрелой брусники и морошки сменялись зеленым ковром клюквы, царством грибов — опят, рыжиков, лисичек. Перекрученные, будто танцующие деревья, опоясывали болотные заросли. Питер и Наташа останавливались, словно застывали и вглядывались в листок на дереве, камень на земле, птицу, сидящую на ветке — ведь всё это было частью сказки, которая их окружала. Может быть, эта нахлынувшая беспечность и сыграла свою роковую роль...

Питер остановился, послушал лес, осмотрел землю и подал предостерегающий знак Наташе. Наконец, встал, как вкопанный.

— Смотри, — сказал он Наташе, столбики видишь? Там граница, пошли быстрее.

Осталось метров двести-триста, может меньше. И они пошли через небольшую опушку, мимо оврага, огибая последний на пути к цели валун, по направлению к белеющей стайке березок — с листьев и ветвей лиственницы падали редкие капли дождя.

И вдруг с ветки низкорослой ели, под которой они проходили, с громким карканьем сорвалась, захлопав крыльями, ворона. А вдалеке, южнее от них, послышался лай собак.

— Побежали, — сказал Питер, протягивая руку Наташе.

Они, больше не раздумывая, бросились к заветным столбикам. Миновали, не оборачиваясь, неглубокую лощину. Наташа споткнулась, Питер поддержал её. Снял и швырнул на землю мешающий ватник. Она сбросила куртку. Бежать стало удобней. Позади них раздавались крики, лай собак, потом — выстрелы... До границы оставалось менее ста метров, они бежали, ясно видя её перед собой.

Одна из пуль задела Наташу. Она снова споткнулась, сделала несколько шагов, затем покачнулась и, не в силах больше удержаться на ногах, опустилась на землю. Рана в область шеи оказалась смертельной. Питер опустился рядом с ней на колено, и, поддерживая её голову, зажал кровоточащую рану. Он что-то торопливо говорил, но ей уже тяжело было отвечать. Глаза тускнели. Жизнь уходила, как истекающий кровью родник. Но она, всё же, с трудом разомкнув губы, промолвила всего одно слово:

— Беги...

Погоня была совсем близко. И до границы, за белеющими березками — всего чуть-чуть. Остаться здесь, над уже безжизненным телом Наташи и тоже принять смерть, или, если «повезет», долгие годы тюрьмы? Либо попытаться использовать свой последний шанс? Свобода и неволя всегда идут парами, рядом друг с другом, как сестры-близнецы... Где та сакральная грань между ними? Где они – роковые утешительные границы жизни и смерти?..

Питер побежал и не останавливался, петляя из стороны в сторону даже тогда, когда краем взгляда увидел пограничные столбики: одни были покошены, другие еще стояли, некоторые лежали на земле с кусками проволоки...

Вспоминает и рассказывает Питер Стоун — поток сознания

Благодаря Наташе и событиям последних трех дней моего пребывания на территории Советского Союза, я понял, что у русского и английского народов нет и не может быть вражды. А судя по её характеру, уму, таланту, находчивости, всему тому, что я узнал в последние дни её жизни, я могу сказать, что вражда между нашими странами только иллюзия, к которой обыкновенные люди не имеют никакого отношения. Это не дифирамб и не гимн — Россия является неисчерпаемым источником новых идей и открытий, хотя зачастую и не пользуется ими для благородных и добродетельных целей.

А теперь попробую дать объяснение своим мыслям и суждениям. Русский народ пронес через века бесчисленные испытания и всегда жил предчувствием и надеждой на творческое сотрудничество с другими народами и в этом выражается сама суть русской идеи, ее предназначение и судьба. Однако бывают периоды исторического сжатия, подобные пружине. И сейчас Россия находится именно в таком положении.

А сколько пройдет времени, чтобы вновь распрямиться? Полвека, век? Не знаю. Но это произойдет. Я верю в пророческие слова Авраама Линкольна: «Можно обманывать часть народа все время, и весь народ — некоторое время, но нельзя обманывать весь народ все время».

Да, русский народ одурачен, и я искренне верю, что это на время, что придет время и он сможет, как и я, ездить по миру, писать, рисовать, выбирать свою судьбу. И пусть при этом он остаётся в меру особым, исключительным и загадочным.

И ещё что-то...

Почему я стал именно таким, а не другим? Я мог бы вырасти типичным высокомерным аристократом, с чванливыми замашками,

с родовыми предубеждениями, как многие другие из моей среды. Но у меня перед глазами была великая английская и вся мировая литература. Были отличные знания, полученные в Оксфорде. Был мой любимый герой Гамлет. Был реальный человек, мой друг и брат, Джесси Оуэнс. Все они повлияли на мое становление, понимание жизни, всех её тонкостей и сложностей. Этим можно действительно гордиться и благодарить Бога за то, что я вышел на путь добра, справедливости, истины.

И еще. Однажды в середине тридцатых годов я круто на полгода изменил свою жизнь. Я уехал из Ричмонда, пропал. Оставил только записку родителям, чтобы не искали. Вернусь сам, когда придет время. Не знал даже Джесси, где я. А жил я в Сити, снял маленькую меблированную комнатку на углу Cannon street и Church lane. Среди лавок, трактиров, офисов. Это был переулочек с грязными стенами, рыхлыми от времени кирпичами, закопченными трубами, деревянными строениями, серыми обитателями. Типичный тупик, никогда не посещаемый туристами. Я жил в придавленном домишке с табачной лавкой; напротив какой-то притон, куда заходили редкие мужчины, озираясь по сторонам, напротив какая-то контора, слева жилище некоего олдермена и коммерсанта, работающего в какой-то торговой компании, подальше помещения стряпчих. А в самом конце улочки – нежилой дом. Никакой таблички. Дверь всегда заперта, краска потрескалась, как на картинах художников средневековья, облупилась. Ступеньки истерлись.

Я, изучая жизнь лондонского дня, часто подходил к этой двери, дергал за ручку, звонил в колокольчик, представлял себе, кто мог здесь жить? Расспрашивал обывателей, с которыми сдружился, но мне никто ничего толком не отвечал. Сами не знали. Но говорили, выдумывая, разное. А я представлял себе, что эта дверь ведет... в потусторонний мир. Она и есть та метафизическая граница жизни и смерти. И открыть мне её пока не дано. Но в одно прекрасное утро она неожиданно скинет свои тяжелые створки, откроется на распаш-

ку и из нее выйдет праведник-херувим. Он пронесется над переулком, повиснет над тем самым домом и затрубит в рог, возвещая о приходе Судного дня. И надо быть готовым к этому.

Я многое передумал за те полгода, что прожил в таёжном краю. И никому не рассказывал об этом. Я уходил на берег Темзы, глядел на темную воду, проплывающие баржи, видел шпили церквей, мерцающие серые камни Тауэра, а из моей души взметался безмолвный глас к небесам. И порой всё мое будущее мне было отчетливо видно...

Еще что-то... Никогда не забуду картину из детства, когда я подрался на лужайке школы и подробности произошедшего стали известны отцу. Отец был в гневе, я никогда не видел его таким, и урок, который он мне тогда преподавал, остался в моей памяти навсегда, стал основой моей жизни, стержнем. Построил меня, сформировал.

— Он первый начал, оскорбил меня перед всеми, — пытался я оправдаться.

— Не имеет значения, ничего не имеет значения, если он упал, а ты продолжал его бить. В любом деле, абсолютно в любом, ты обязан руководствоваться законом сохранения чести и достоинства!

— Но... — я сделал еще одну попытку оправдать свои действия, доказать их справедливость.

Отец меня не слушал и не слышал. Он продолжал говорить, как будто и не было другого мнения:

— Что бы ты ни делал в жизни, ты обязан себя спросить: «Это честно, это достойно!?» и только после этого действовать. Ты подрался... это бывает, он тебя ударил... это тоже бывает. И пока у меня нет к тебе претензий. Ты его ударил... это бывает... он упал... и это тоже бывает. Но не должно было быть того, что произошло потом... ты не должен был бить его после того, как он упал. Ты понял Питер, я ясно выразился?

— Да... — тихо промямлил я!

— Не слышу! – грозно сказал отец.

— Да, отец.

— Как называется тот закон, которым ты должен руководствоваться?

— Закон сохранения чести и достоинства. Всегда и во всем буду руководствоваться этим законом!

— Всегда и во всем. – тихо повторил отец. – Этот закон будет отныне основным в твоей жизни.

Я вышел и столкнулся с Джесси, который к этому времени жил у нас уже год. Он искал меня и, узнав, что я у отца в кабинете, пошел вверх, но остановился у входа и остался за дверью и, как оказалось, всё слышал. С тех пор мы стали настоящими друзьями, а до этого были просто братьями.

Домой

Британский серийный военный самолет Douglas DC-3 авиакомпании BOAC, совсем недавно переделанный в коммерческий, поднялся из аэропорта в Хельсинки, занял свой воздушный коридор и взял курс на Копенгаген. Эти «Кометы» только-только начали летать с пассажирами. Через два часа после высадки-посадки пассажиров и дозаправки, он продолжил курс на Лондон. В конце салона в одном из кресел сидел Питер Стоун и спал. Рядом с ним находился сопровождающий его сотрудник SIS. И тоже подрёмывал.

Через полчаса Питер открыл глаза, взглянул в окно, кроме облаков ничего интересного не обнаружил и, в который раз, вытащил из кармана помятый лист бумаги. Распрямил его, разгладил, положил на колени. А в рот сунул декоративную трубку, сделанную им когда-то в красногорском лагере из липового корня. Сжал черенок зубами. Затем начал вновь разглядывать рисунок.

Его нарисовала Наташа на хуторе Матти. Два человека, мужчина и женщина, торопливо бегут куда-то. За соснами на заднем плане виднелось озеро. А в этих счастливых людях с радостными лицами можно было узнать саму Наташу и Питера. Только они были какие-то другие. Словно перенеслись на несколько лет вперед, в будущее, сумели-таки добежать до него. Или в прошлое? Или вообще это совершенно другие люди?

Стоун вновь сложил лист бумаги вчетверо и убрал в карман плаща. А черенок трубки, которую было невозможно раскурить, продолжал крепко сжимать зубами, чтобы преодолеть боль и горечь. И не выдать свою скорбь на посторонних людях. Так и просидел молча, глядя в иллюминаторное окошко, до самого аэродрома в Хитроу. Но ему только казалось, что он смотрит на бесконечные облака. На самом деле, он спал...

Когда самолет приземлился, Питера Стоуна и сопровождающего его человека встретила группа из шести человек, среди которых офицеры британской армии и сотрудники SIS в гражданском. Обменялись рукопожатиями, легкими похлопываниями по плечу, короткими фразами. Один из них, в ранге полковника, произнес:

— Все формальности с вашим прибытием, капитан Стоун, устранены, можете пока отдыхать, но завтра за вами заедут для дальнейшего общения. Автомобиль с водителем в вашем распоряжении, майор Руни вас проведет – он указал на молодого подтянутого офицера. А это — временные документы и деньги на первое время, — полковник протянул Стоуну конверт. Кстати, вы уже решили, куда поедете? В Ричмонд? Или в лондонскую гостиницу? Номер для вас забронирован. Ужин ждет.

Питер некоторое время раздумывал. Потом коротко ответил:

— В Сити.

— Вы уверены?

— Да, сэр!

— В десять утра за вами заедут, капитан Стоун. Вас это устроит?

— Вполне, сэр.

— Хорошо. Тогда пройдемте к машинам.

Дорога до знакомого дома в центре Лондона заняла около часа. По пути Питер попросил остановиться возле цветочного киоска, выбрал букет роз для Элен, а заодно зашел в соседний магазин и купил бутылку «Чивас» для Джимми. Потом отправились дальше. И Стоун вновь уснул. Ему виделось, как в мираже, три женские фигуры, легкие воздушные образы, ждущие его и зовущие к себе. Мери, Наташа, Элен... Они сделали в его жизни многое. Он был им благодарен, ценил их. По-разному. С разными чувствами и разной глубиной. Мери была его женой, Наташа его спасла, Элен ждет. Или не ждет, он не знал ничего. В этом сновидении два облика стали исчезать, растворяться в ночном сне... Остался один...

— Приехали, — сказал шофер, останавливая машину. — Просыпайтесь, сэр.

— Я не спал, — отозвался Питер. — Мне кажется, что я теперь уже никогда не засну нормально.

Бутылка виски оказалась ненужной. В холле за конторкой сидел незнакомый пожилой человек.

— А мистер Смит? — спросил Питер. — Что с ним?

— На прошлой неделе умер, — ответил новый консьерж. — Вы к нему или к кому-то из жильцов?

Питер почувствовал болезненное стеснение в горле, тяжело вздохнул.

— К мисс Кент. Или... миссис?

Он ждал, затаив дыхание, беспомощно держа в руках букет цветов и завёрнутую в пакет бутылку «Чивас».

— Она наверху, третий этаж, квартира... — консьерж заглянул в список, видимо, еще не слишком хорошо знал всех.

— Я знаю, не беспокойтесь... — остановил его Питер. И, собравшись с духом, двинулся к лифту.

Шофера из SIS и майора он предупредил, чтобы подождали его десять минут. Если вернётся к этому сроку, то поедут в гостиницу; ключей от дома в Ричмонде у него не было. Если нет – возвратятся за ним утром.

Дверь лифта почему-то заела. Никак не открывалась. Консьерж вызвался помочь, огорченно приговаривая:

— Вот так всегда, ни туда, ни сюда. Со смертью мистера Смита это началось. Словно не хочет пускать. Завтра же вызову ремонтников.

— Ничего, я пешком, по лестнице, — успокоил его Питер.

Он пошел наверх, медленно считая про себя ступеньки, а поднявшись, остановился. Приблизился к двери, собираясь позвонить в квартиру, но невольно убрал руку; волнение сковало его движения. Но неожиданно дверь открылась и на пороге появилась Элен с белой собачкой.

— Я знала, что ты вернешься, — сказала она.

И больше ничего говорить было не нужно.

Эпилог

Остается добавить всего несколько слов. Йозеф Хендрикс вскоре был освобожден в числе первой партии немецких военнопленных. Но возвратился не в родной Висмар, а выбрал западную зону оккупации Германии. Там благополучно устроился, сначала преподавал в школе, потом занялся коммерцией и преуспел. Иллюзорный долг с Питера он получил сполна. Они много переписывались и стали хорошими друзьями.

Рихард Кох также был освобожден очень скоро. Вернулся на родину, преподавал в университете, написал несколько литературоведческих книг. Дружба между ним и Питером Стоуном продолжалась вплоть до 1970-го года, а прервала её лишь неизбежность смерти. На похоронах старого профессора

присутствовал и единственный англичанин. Нет надобности объяснять, кто это был.

Доктор Харольд Робинсон скончался от сердечного приступа во сне, на рассвете 15 сентября 1946 года. А так хотел повидаться перед смертью, зная, что скоро умрет. Что интересно, случилось это именно в тот день, когда беглецы приближались к советско-финской границе. После себя он оставил много трудов по хирургии, где звучат не только медицинские аспекты, но и метафизические, философские.

Отец Оливер прожил долгую жизнь, до конца дней своих был духовным наставником Питера и Элен. Он как бы заменил им обоих родителей – и мистера Кента, и сэра Стоуна. А с Матти Питер так больше никогда и не встретился. И в Советском Союзе со времени своего несправедливого заключения в красногорском лагере больше не был. О том, что площадь на стыке Калужского шоссе и Воробьевской улицы называли площадью Гагарина и на ней установили памятник первому космонавту, узнал из СМИ.

Александр Волков, после побега из лагеря Питера Стоуна, был переведен на другое место службы – в один из лагерей Колымы. Условия жизни здесь были далеки от тех, что в филиале Красногорского лагеря в Москве. Но пить он продолжал, и всё сильнее, вовсе не по этой причине. Житейский быт его мало интересовал. А вот смысл жизни был утрачен давно. В феврале 1947 года майор Александр Волков, возвращаясь из деревни в лагерь с бутылкой жгучего первача, во время пурги заблудился, свалился в сугроб и заснул. Когда его нашли на следующий день, самое поразительное было то, что на его губах застыла какая-то блаженная улыбка...

Дмитрий Федорович Ясин покончил с собой 31 декабря 1946-го года. После побега Питера Стоуна и жены прошло три с половиной месяца. В должности его не понизили, но целый букет выговоров и взысканий он получил. Однако вряд ли именно это повлияло на его

решение. И хотя предсмертной записки он не оставил, но картина следователям была ясна. На столе самоубийцы лежала фотография Натальи Павловны. А на полу у стены – его портрет в гражданской одежде, выполненный ею же. Тот самый, который некогда привлек внимание Питера Стоуна. Очевидно, это было последнее, что видел полковник Ясин, прежде чем пустить себе пулю в висок.

Что касается полковников Алексеева и Сергеева, то судьба их неизвестна. Архивы спецслужб до сих пор не рассекречены. На свет просочилась лишь малая часть этого айсберга.

Интересно сложилась судьба мальчишки Рыжего. Детство его было озорное и хулиганистое. Но вырос он вполне приличным и достойным человеком. Более того, окончил Школу—студию МХАТ, стал актером, затем театральный институт, много снимался в кино, играл в театре и успешно сочетал актерскую работу с режиссёрской. Получил звание народного артиста СССР. Это Лев Константинович Дуров. Я лично встречался с ним в театре на Малой Бронной и за долгой беседой услышал эти удивительные эпизоды из его детства, пересекавшиеся с историей Питера Стоуна.

Судьба же самого Питера Стоуна, Элен Кент и других – в этой книге.

... И только Воля говорит: "Иди!
Останься прост, беседуя с царями,
Останься честен, говоря с толпой;
Будь прям и тверд с врагами и друзьями,
Пусть все, в свой час, считаются с тобой;
Наполни смыслом каждое мгновенье,
Часов и дней неумолимый бег,
Тогда весь мир ты примешь во владенье,
Тогда, мой сын, ты будешь Человек!

Иерусалим, 1981г. Москва – Красногорск, 2019г.

Примечания:

Стр. 5. Via Dolorosa – улица в центре Иерусалима, по которой, согласно христианской традиции, пролегал путь Христа к месту распятия.

Стр. 6. Ole Nadash – иммигрант в Израиль.

Стр. 14 — Глава Первая. Документальная хроника о военнопленных и лагере в Красногорске

<http://nahabinka.ru/dir/19—1—0—267>

http://www.pomnivoinu.ru/home/sitemap_marks/9/

<https://russkiymir.ru/media/magazines/article/121498/>

<http://vlasti.net/news/105896>

<http://maxpark.com/community/14/content/4947345>

Стр. 25 ГУПВИ – Главное управление по делам военнопленных и интернированных при НКВД СССР.

Стр. 70. Англия, Оксфорд, 3 сентября 1939 года, день

<https://www.ostro.org/blogs/garmash/160695/>

Стр. 76 — Документальная хроника – 1939 год

<https://sofya1444.livejournal.com/1794422.html>

https://ru.wikipedia.org/wiki/1939_%D0%B3%D0%BE%D0%B4

<https://www.msk.kp.ru/daily/24201.4/406828/>

<https://lenta.ru/news/2015/12/19/gitler/>

Стр. 83 — Англия, март – август 1940 года

<https://icitata.ru/uinston—cherchill—citaty/>

<https://oldgoro.livejournal.com/7039996.html>

<https://aillarionov.livejournal.com/727754.html>

<https://bigpicture.ru/?p=254786>

<http://chugunka10.net/forum/showthread.php?p=97837>

Стр. 93 — Документальная хроника. Бомбардировки Британии и ответные меры

<http://zagadki—istorii.ru/igra—bez—pravil/>

<https://radio—rhodesia.livejournal.com/336989.html>

<https://tulak—cz.livejournal.com/1741.html>

http://militera.lib.ru/research/volkov_fd/02.html

<https://coollib.com/b/22396/read>

<https://svpressa.ru/post/article/127356/>

<http://kinodv.ru/viewtopic.php?id=2854&p=5>

<http://oppops.ru/london—vo—vremya—vojny.html>

<https://warspot.ru/1461—12—faktov—iz—istorii—bitvy—za—britaniyu>

<http://wwii.space/бомбардировки—великобритании/>

Стр. 114 — Документальная хроника. Ошибки на линии разграничения зон огня между союзниками

http://militera.lib.ru/h/lavrenev_popov2/14.html

<http://www.milresource.ru/Spravka—2.html>

http://militera.lib.ru/h/lavrenev_popov2/25.html

<https://history.wikireading.ru/305243>

http://militera.lib.ru/docs/da/berlin_45/13.html

Стр. 122 — Вспоминает и рассказывает Питер Стоун — поток сознания

http://stud.wiki/history/3c0a65635b2ad68a4c43a88521316c26_0.html

https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=1117

Стр. 153 — Алиса Моллард — легендарная ведьма, сожженная за колдовство в Англии в середине 17 века.

Стр. 173 — Лондон, госпиталь св. Варфоломея, май — июнь 1941 года

https://works.doklad.ru/view/1MGj1BT_d4Y/all.html

<http://zvezdarium.ru/page150.shtml>

<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/515271>

<http://5rik.ru/best/best—35727.php>
<https://www.irakly.info/topic—t406—740.html>
<https://inosmi.ru/history/20110622/171041761.html>

Стр. 183 — letalis exitum — смертельный исход (лат.)

Стр. 215 — Secret Intelligence Service — SIS — Секретная служба
внешнеполитической разведки Великобритании.

Стр. 220 — Иоанн Антонович — российский император, который
«правил» первый год своей жизни, потом был заточён в тюрьму и убит
в возрасте 23—х лет.

Стр. 234 — ВХУТЕМАС — Московское техническо-художественное
учебное заведение в двадцатых годах 20-го века.

Стр. 237 — Wicked Witch — злая bestия, ведьма.

Стр. 241 — Документальная хроника — 1945 год
https://ru.wikipedia.org/wiki/1945_год

Стр. 247 — Буриданова осёл — притча французского философа 14 века
Жана Буридана, который проверял человеческую психику через
инстинкты своего осла, положив ему с одной стороны ячмень, а с
другой овёс.

Стр. 247 — вилка Мортонa — дилемма, предполагающая вы—бор
одного из двух одинаково неприятных вариантов.

Стр. 253 — Филиал Красногорского лагеря в Москве, 17 декабря 1945
года, день
<https://litlife.club/books/28618/read?page=70>
<https://news.myseldon.com/ru/news/index/208689476>

<https://biography.wikireading.ru/221763>

Стр. 269 — Фобос и Деймос – спутники Марса, означают в переводе с греческого Страх и Ужас.

Стр. 301 — Джон Сильвер и Эдвард Тич – легендарные пираты 18—го века, первый из которых придуман английским писателем Робертом Стивенсоном.

Стр. 383 – Петрографы – наскальные изображения первобытной эпохи в Карелии.

Содержание

От автора	Стр. 4
Предисловие	Стр. 5
Глава Первая	Стр. 14
Глава Вторая	Стр. 26
Глава Третья	Стр. 59
Глава Четвертая	Стр. 99
Глава Пятая	Стр. 119
Глава Шестая	Стр. 143
Глава Седьмая	Стр. 189
Глава Восьмая	Стр. 212
Глава Девятая	Стр. 241
Глава Десятая	Стр. 283
Глава Одиннадцатая	Стр. 315
Глава Двенадцатая	Стр. 354
Домой	Стр. 389
Эпилог	Стр. 392
Примечания	Стр. 395

Все права принадлежат автору

+7 (903) 968—2450

yaron@bk.u